А. Грушка.

ЭТЮДЫ

ПО ЛАТИНСКОМУ

ИМЕННОМУ ОСНОВООБРАЗОВАНІЮ.

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

1906.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

По своему содержанію настоящіе „Этюды“ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ моимъ „Изслѣдованіямъ изъ области латинскаго словообразованія“, отличаясь однако отъ нихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Такъ, прежде всего, тема моей новой работы имѣетъ болѣе концентрированный характеръ, захватывая собой исключительно именныя категоріи латинскаго языка, тогда какъ въ „Изслѣдованіяхъ“ на ряду съ именными образованіями подвергнуты анализу нѣсколько группъ глаголовъ, притомъ не только отъименныхъ, но и первичныхъ. Зато въ настоящей работѣ я удѣляю гораздо больше мѣста, чѣмъ въ первой, вопросамъ латинской фонетики, что̀ не нарушаетъ однако единства темы, такъ какъ звуковая сторона латинскаго языка разсматривается мной лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это являлось необходимымъ для разъясненія спеціально морфологическихъ фактовъ. Наконецъ, отмѣчу довольно широкое пользованіе ономатологическимъ матеріаломъ, который почти отсутствовалъ въ первой работѣ; впрочемъ, въ выпускаемые нынѣ „Этюды“ введены далеко не всѣ подобранныя мной изъ этой области данныя, и я надѣюсь въ ближайшемъ будущемъ опубликовать дальнѣйшія свои наблюденія надъ латинскими собственными именами.

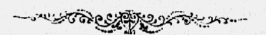
Общій составъ работы выясненъ мной во введеніи, здѣсь же считаю нужнымъ подчеркнуть, что въ первой главѣ, затрогивающей чрезвычайно интересный вопросъ о вліяніи фонетики на словообразованіе (въ предѣлахъ именныхъ группъ), я даю не только само-

стоятельное освѣщеніе матеріала, но и вполнѣ самостоятельный его подборъ, такъ какъ вопросы данной категоріи до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не подвергались систематическому изслѣдованію. Это обстоятельство я отмѣчаю во избѣжаніе возможныхъ нареканій на нѣкоторую неполноту привлеченныхъ мною фактовъ, которую я вполнѣ сознаю. Впрочемъ, всякій, занимавшійся подобнаго рода проблемами, по опыту знаетъ, съ какими затрудненіями добывается необходимый для ихъ разрѣшенія матеріалъ при чрезвычайной обширности и разбросанности источниковъ латинскаго языка и научной летературы по латинскому языковѣдѣнію. Во второй главѣ, посвященной изученію нѣкоторыхъ категорій латинскихъ прилагательныхъ, мое положеніе было значительно легче, такъ какъ тутъ я шелъ по пути, проложенному моими предшественниками, стараясь дополнить и освѣтить то, что оставлено ими безъ надлежащаго разсмотрѣнія.

Мнѣ остается указать на тѣ спеціальныя условія, при которыхъ печаталась настоящая книга и которыя опредѣлили одну ея внѣшнюю особенность, не безразличную для читателей. Рукопись была сдана въ типографію въ первыхъ числахъ сентября прошлаго года, а послѣдніе листы вышли изъ печати въ первыхъ числахъ февраля текущаго года. Такимъ образомъ печатаніе тянулось ровно пять мѣсяцевъ, неоднократно прерываясь по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ. При этомъ, въ виду отсутствія лекціонныхъ занятій за этотъ періодъ времени, я имѣлъ возможность, помимо корректуры, продолжать изслѣдовательскую работу: подбирать новый матеріалъ, совершенствовать формулировку, расширять знакомство съ первоисточниками и со спеціальной литературой, что естественнымъ образомъ приводило къ довольно обширнымъ дополненіямъ и, отчасти, поправкамъ. Однако неустойчивость настроенія въ типографіяхъ заставляла меня торопиться съ печатаніемъ и быть скупымъ на корректурныя измѣненія, вслѣдствіе чего весь этотъ новый матеріалъ пришлось, къ сожалѣнію, сосредоточить въ концѣ работы въ особый отдѣлъ

дополненій и поправокъ, который благодаря указаннымъ обстоятельствамъ разросся болѣе, чѣмъ это было желательно. Я надѣюсь однако, что тотъ ущербъ, который нанесенъ архитектоникѣ всей книги этимъ привѣскомъ, до нѣкоторой, по крайней мѣрѣ, степени будетъ ослабленъ приложенными въ концѣ тремя указателями.

Москва, февраль 1906 года.

Введенie.

Появившiяся за послѣднее десятилѣтie работы Скутша [1]), М. М. Покровскаго [2]), Нидермана [3]), Зоммера [4]), Отто [5]) и нѣкоторыхъ другихъ ученыхъ сильно подвинули впередъ изученie латинскаго словообразованiя и вмѣстѣ съ тѣмъ расчистили путь для новыхъ разысканiй въ этой сложной и запутанной области языковѣдѣнiя, выяснивъ, между прочимъ, что только многостороннее и строгое примѣненie

---

[1]) Я имѣю въ виду главнымъ образомъ небольшую, но интересную диссертацiю этого ученаго De nominibus latinis *no-* suffixi ope formatis, трактатъ De nominum latinorum compositione, а также рядъ отдѣльныхъ статей и замѣтокъ преимущественно въ лингвистическихъ журналахъ.

[2]) Ср. въ особенности введенie и морфологическую часть въ „Матерiалахъ для исторической грамматики латинскаго языка" (Москва 1898), а также изслѣдованiя на нѣмецкомъ языкѣ: „Beiträge zur lateinischen Etymologie und Stammbildungslehre" (Kuhn's Zeitschr. XXXV, стр. 226 сл.), „Beiträge z. lat. Stammbildungslehre" (ibid. XXXVIII, стр. 227 сл.), „Zur lat. Wortbildungslehre" (Rhein. Mus. LII, стр. 425 сл.).

[3]) Ср. „Studien z. Gesch. d. lat. Wortbild." (Indogerm. Forsch. X, стр. 221 сл.), „Etymologische Forschungen (ibid. XV, стр. 104 сл.); не мало отдѣльныхъ наблюденiй и комбинацiй по латинскому основообразованiю заключаетъ также спецiальная работа по латинской фонетикѣ того же автора: „*Ĕ* und *ĭ* im Lateinischen".

[4]) Особенное значенie имѣетъ капитальная монографiя этого ученаго „Die Comparationssuffixe im Lateinischen" (Indogerm. Forsch. XI, стр. 1 сл. и 250 сл.)

[5]) См. его изслѣдованie „Über die lat. Wörter auf *-īca, -īcus, -icius, -īx* und Verwandtes" (Indogerm. Forsch. XV, стр. 9 сл.); хотя въ этой работѣ есть много отдѣльныхъ пунктовъ, съ которыми трудно согласиться, тѣмъ не менѣе она можетъ быть признана извѣстнымъ вкладомъ въ исторiю латинскаго словообразованiя.

сравнительно-историческаго метода обезпечиваетъ достиженіе объективно-достовѣрныхъ результатовъ[1]).

Параллельно съ этимъ нѣкоторые изъ названныхъ ученыхъ — въ особенности М. М. Покровскій — подвергали методологической обработкѣ новые источники латинскаго языка, главнымъ образомъ глоссографическіе, что требуетъ также привлеченія лингвистическихъ методовъ и точекъ зрѣнія[2]).

Къ этой группѣ работъ примыкаютъ и настоящіе „Этюды“, являющіеся естественнымъ продолженіемъ выпущенныхъ мной въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ: „Изслѣдованій въ области латинскаго словообразованія“ (Москва 1900)[3]).

Хотя пользованіе глоссографическими данными въ настоящее время значительно облегчено изданіемъ Thesaurus glossarum emendatarum Гётца, однако этотъ капитальный трудъ, при всѣхъ своихъ выдающихся достоинствахъ, отнюдь не избавляетъ изслѣдователя латинскаго языка отъ критической и экзегетической работы надъ отдѣльными глоссами, такъ какъ многія изъ нихъ до сихъ поръ остаются загадочными въ томъ или другомъ отношеніи[4]). Во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что внимательный читатель предлагаемыхъ „Этюдовъ“ безъ труда замѣтитъ въ нихъ постоянное стараніе автора, гдѣ это оказывается нужнымъ и возможнымъ, дать самостоятельное объясненіе глоссографическихъ фактовъ[1]), и въ этомъ

---

[1]) Какъ безпомощенъ въ вопросахъ словообразованія ученый, не владѣющій настоящимъ методомъ, объ этомъ можетъ засвидѣтельствовать хотя бы статья безспорно превосходнаго латиниста, Вёльфлина „Analogiebildungen auf *-ellus, -ella, -ellum*“ (Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 301 сл.), которая заключаетъ цѣлый рядъ серіозныхъ недоразумѣній и ошибокъ.

[2]) Ср. М. М. Покровскій, „Глоссографическіе этюды“ („Матеріалы“, стр. 176—253), „Glossographisches und Linguistisches z. Thes. gloss. emendat. von G. Goetz (Arch. f. lat. Lex. IX, стр. 351 сл.), „Цитаты изъ Вергилія въ латинскихъ глоссаріяхъ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, кн. 7).

[3]) Пользуюсь случаемъ выразить мою искреннюю благодарность И. В. Нетушилу за его лестную рецензію объ этомъ первомъ крупномъ моемъ трудѣ. Что касается частныхъ возраженій и замѣчаній почтеннаго рецензента, то нѣкоторыя изъ нихъ будутъ затронуты ниже.

[4]) Укажу кстати на одну особенность въ упомянутомъ Thesaurus, нѣсколько осложняющую пользованіе имъ, какъ справочной книгой: именно, довольно часто тѣ или другія, иногда очень интересныя въ морфологическомъ или лексикографическомъ отношеніяхъ слова, встрѣчающіяся въ interpretamenta глоссъ, не находятъ себѣ мѣста въ качествѣ самостоятельныхъ лексическихъ единицъ: ср. напр. гл. *nīdēre* = *fraglare* (CGL. V 619, 28), *iterator* = *viator* (ibid. 518, 39), *praebendarius* (ibid. 623, 48), *deprobare* (ibid. IV 68, 28), *tinnibulum* (ibid. III 368, 23), *maculentus* (ibid. 466, 4), *tostare* (ibid. 467, 5) и т. п.

[1]) Отмѣчу теперь же нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ я не согласенъ съ Гётцемъ или могу внести поправки въ тѣ или другія глоссы, оставленныя имъ безъ исправленія:

a) Приведя глоссу изъ Hermen. cod. Vatic. Reg. Christinae 1260: *Popiscere i<d est> crescere* (CGZ. III 604, 35), Гётцъ спрашиваетъ, не слѣдуетъ ли читать *pubescere?* Замѣчу, что это чтеніе дано р-сью *a;* и тѣмъ не менѣе я сохранилъ бы *popiscere* или въ крайнемъ случаѣ измѣнилъ бы въ *pupiscere*. Ср. глоссу *Popa imago puellarum* (CGZ. V 622, 35), а съ другой стороны въ *Carm. in Genes.* v. 1193 встрѣчается гл. *pupare* въ смыслѣ „расти“.

b) Въ „Кирилловой“ глоссѣ *Ὀξίζω acco* (CGL. II 384, 42) Гётцъ исправляетъ interpretamentum въ *aceto,* согласно изданію Стефана. Нужно ли это?

c) Съ другой стороны, изъ того же глоссарія Гётцъ извлекаетъ глоссу *Λεπίζω squameo* (ibid. 359, 27) и безъ всякихъ оговорокъ вводитъ гл. *squameo* въ свой Thesaurus, между тѣмъ, какъ я выяснилъ уже въ своихъ „Изслѣдованіяхъ“ (стр. 32), вм. *squameo* необходимо читать *squamo*.

d) На стр. 289 Thesaurus Гётцъ безъ всякой оговорки приводитъ глоссу изъ Cod. Vatic. 3321: *Squamea squamosa vel sordida* (CGZ. IV 175, 20), между тѣмъ прибавка *vel sordida,* кстати сказать отсутствующая въ одной изъ рукописей (a), несомнѣнно попала сюда по недоразумѣнію изъ другой глоссы, которую слѣдуетъ возстановить, очевидно, въ слѣдующей формѣ: *Squalosa sordida*. Замѣчу кстати, что уже М. М. Покровскій („Матеріалы“, стр. 261) извлекъ изъ Gloss. Abavus интересную глоссу *Senta sordida squalosa* (CGZ. IV 390, 46), тогда какъ въ Thes. Гётца прилагательное *squalosus* не нашло себѣ мѣста въ качествѣ самостоятельной лексической единицы (ср. стр. 2, прим. 2).

e) На той же страницѣ Thes. s. v. *squalor* слово *sordor,* засвидѣтельствованное въ глоссаріи Abavus: *Squalor sordor inquinatio perdor (=paedor)* (CGZ. IV 393, 11), снабжено у Гётца знакомъ восклицанія, который обыкновенно употребляется имъ для обозначенія совершенно невозможныхъ формъ или эквивалентовъ, въ родѣ *ἔπραξες* (Thes., стр. 44), *mentem ... sanum* (стр. 61), *arista = culmen* (стр. 94), *contumationem* (вм. *contumaciam,* стр. 204), *desidem = ignarum* (стр. 329) и т. п. Что касается *sordor,* то эта форма сама по себѣ вполнѣ вѣроятна при гл. *sordēre:* ср. ближайшимъ образомъ хотя бы *splendēre: splendor, ardēre: ardor, candēre: candor* и т. п. Съ другой стороны, пожалуй, можно было бы отмѣтить пропорцію: *squales: squalor = sordes: sordor,* значеніе которой нѣсколько умаляется слабымъ, повидимому, распространеніемъ существительнаго *squales*. Наконецъ, важно то, что суффиксъ *-or* является во многихъ новообразованіяхъ вплоть до позднѣйшей эпохи латинскаго языка и да-

отношеніи настоящая работа обнаруживаетъ тѣ же тенденціи, которыми были проникнуты мои „Изслѣдованія“.

На ряду съ глоссографическимъ матеріаломъ въ предлагаемыхъ „Этюдахъ“ введены двѣ новыхъ категоріи данныхъ, а именно: во-первыхъ, факты живого латинскаго языка, засвидѣтельствованные въ эпиграфическихъ памятникахъ, и, во-вторыхъ, ономатологическій матеріалъ.

Что касается эпиграфическихъ свидѣтельствъ, то тутъ помимо непосредственныхъ справокъ въ тѣ или другія собранія надпи-

---

лѣе—въ романскихъ языкахъ (ср. Meyer-Lübke въ Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 311 сл.). Всѣ эти соображенія, какъ мнѣ кажется, достаточны для того, чтобы отнестись съ вниманіемъ къ формѣ *sordor*, хотя она и является въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ другимъ словомъ на *-or*, что̀, конечно, часто ведетъ къ искаженію первоначальнаго чтенія. Въ заключеніе замѣчу, что въ глоссаріи Abavus въ качествѣ interpretamenta являются нерѣдко слова, или нигдѣ или очень скудно засвидѣтельствованныя: ср., напр., *frigdosus* (CGL. IV 307, 50), *falbus* (345, 23), *pereger* (349, 46), *inlinguis* (367, 9), *remasticare* (388, 1), *squalosus* (390, 46) и т. п.

f) Въ нѣсколькихъ глоссахъ передана форма *fascimentum (-us)*. Гётцъ (Thes. s. v.) исправляетъ ее въ *fasciamentum*, кстати сказать, нигдѣ, повидимому, фактически не засвидѣтельствованное. Признавая вполнѣ, что эта послѣдняя форма была бы болѣе нормальнымъ образованіемъ при *fascia*, я тѣмъ не менѣе не рѣшился бы отвергнуть категорически форму *fascimentum* въ виду наличности хотя бы такихъ образованій, какъ *proprītim* при *proprius* (см. мои „Изслѣдованія“, стр. 95, пр. 2), а въ особенности *ostitor* при *ostium*, каковая форма засвидѣтельствована въ глоссѣ [*H*]*ostitor ianitor portitor* (CGL. V 601, 34) и воспроизводится Гётцемъ (Thes., стр. 35) безъ всякой оговорки.

g) Въ Gloss. Vergil. CGL. IV 445, 44: *Improba ventris rabies famiclosa* (de: *famiculosa) pauperies* Гётцъ (Thes., стр. 551) исправляетъ *famiculosa* въ *famelicosa*. Хотя этотъ сборникъ глоссъ дошелъ до насъ въ очень искаженномъ видѣ, тѣмъ не менѣе я думаю, что въ данномъ случаѣ мы должны скорѣе сохранить переданное рукописями чтеніе: во-первыхъ, *famelicosus* нигдѣ больше, насколько мнѣ извѣстно, не засвидѣтельствовано, а во-вторыхъ, *famiculosus* допускаетъ вполнѣ удовлетворительное объясненіе, а именно, въ этомъ образованіи мы имѣемъ превосходное pendant къ общеизвѣстному *siticulosus*, съ которымъ оно легко могло ассоціироваться благодаря извѣстному семасіологическому соотношенію, которое, замѣчу кстати, повело, напр., къ возникновенію въ романскихъ языкахъ интересной пары: пров. *famina* (фр. *famine): ст.-фр. seine (seïne = *sitīna);* любопытно, что уже романисты возстановили теоретически прототипъ *famiculosus* (снабжая его звѣздочкой) на основаніи ст.-фр. *fameillous*, которому соотвѣтствуетъ ст.-фр. *seeillos* = *siticulosus* (ср. Cohn, Suffixwandlung im Vulgärlatein, стр. 301).

сей, а также въ Ephemeris epigraphica, большой помощью для меня послужилъ почтенный трудъ американскаго ученаго Олькотта (Olcott): „Studies in the wordformation of the Latin inscriptions: substantives and adjectives“ (Leipzig 1898), составленный, къ сожалѣнію, по нѣсколько узкому масштабу, заимствованному изъ работы другого американца — Купера (Cooper): „Wordformation in the Roman sermo plebeius“ (New Jork 1895): а именно, Олькоттъ ограничилъ кругъ своихъ наблюденій лишь тѣми именными категоріями, которыя съ точки зрѣнія этого послѣдняго автора по своему образованію являются характерно-вульгарными. Интересный для меня эпиграфическій матеріалъ я нашелъ также въ работѣ бельгійца Пирсона (Pirson): „La langue des inscriptions de la Gaule“ (Bruxelle 1901).

Въ еще большей степени считаюсь я въ своихъ „Этюдахъ“ съ данными латинской ономатологіи, обратившими на себя въ послѣднее время серіозное вниманіе изслѣдователей. Такъ, von Planta (Indogerm. Forsch. X Anz., стр. 57), характеризуя работу Штольца, замѣчаетъ, между прочимъ: „Sehr erwünscht wäre eine ausgiebigere Verwertung der für die Suffixlehre so wichtigen Orts- und Personennamen“. И дѣйствительно, какъ показали многія ономатологическія изслѣдованія послѣдняго времени, въ особенности принадлежащія Циммерману[1]), въ латинскихъ собственныхъ именахъ заключенъ, такъ сказать, въ закостенѣломъ видѣ обильный матеріалъ живого латинскаго языка. Впрочемъ, недавно вышедшій въ свѣтъ обширный трудъ Вильгельма Шульце „Zur Geschichte lateinischen Eigennamen“ (Berlin 1904) въ полной мѣрѣ выясняетъ ту осторожность, съ какой нужно

---

[1]) Ср. въ особенности: Zur Entstehung, bezw. Entwickelung der altrömischen Personennamen (Progr. Breslau, 1901/2), „Spuren indogermanischer Namengebung im Lateinischen“ (Bezz. Beitr. XXIII слл.), „Die lateinischen Personennamen auf *-o, -onis*“ (Arch. f. lat. Lex. XIII), не говоря уже о болѣе мелкихъ работахъ того же автора.

относиться къ даннымъ латинской ономатологии въ виду обилія иноземнаго элемента (этрусскаго, кельтскаго, иллирійскаго и т. п.), наблюдаемаго въ латинскихъ собственныхъ именахъ. Изъ всѣхъ разбросанныхъ по этому обширному труду отдѣльныхъ методологическихъ замѣчаній я позволю себѣ отмѣтить одно мѣсто, въ особенности характерное для данной стороны ономатологическихъ изслѣдованій[1]): „Es giebt in der lateinischen Ueberlieferung, говоритъ этотъ ученый (op. c., стр. 332), eine beträchtliche Anzahl von Namen auf *-torius, -trius,* die sich nur zum allerkleinsten Theile auf die bekannten mit Suffix *-tor-* gebildeten nomina agentis zurückführen lassen, wenn man, wie sich's gebührt, Form und Bedeutung zugleich berücksichtigt. Die *Calatorii, Sacratorii* und vielleicht auch die *Fictorii* hat man als Nachkommen von *calatores, sacratores, fictores* verstehen, nach der Analogie der *Κήρυκες Δαδοῦχοι Βουζύγαι* in Athen: aus dem priesterlichen Amte und Amtstitel entwickelt sich der Familienname. Aber schon für die *Victorii* und *Victrii* ist es bei dem Alter der Belege misslich einen Vornamen oder Beinamen *Victor* zu erschliessen, was natürlich ganz unerlässlich ist, sobald man die gens *Victoria* grammatisch an das Verbum *vincere* angliedern will. Denn der Weg von der Wurzel zum nomen gentilicium kann nur über einen Menschen- oder Götternamen *Victor* führen, da *victor* als Amtstitel unmöglich ist; ich muss aber bekennen, dass mir für eine einigermassen zurückgehende Epoche *Victor* in beiden Functionen ganz und gar undenkbar zu sein scheint, ich finde auch keine Analogien, durch die man solche Auffassung gegen den Zweifel zu stützen vermöchte. Der Hilfe der Analogien und Parallelen darf aber

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Шульце, охарактеризовавъ положеніе ономатолога, поставленнаго лицомъ къ лицу съ различными возможностями толкованія, остроумно прибавляетъ (op. c., стр. 159): „Es ist aber unerlässlich die Reihe der Möglichkeiten gleichsam durchzuprobiren, um dann die ars nesciendi wenigstens mit dem Bewusstsein ihrer Notwendigkeit zu üben".

der Namen deutende Grammatiker nicht entbehren zu können sich einbilden. Nur wenn es gelingt, einen Namen nach Form und Sinn ohne Zwang einer Gruppe einzugliedern, dürfen wir mit einiger Sicherheit dem Ergebniss der etymologischen Untersuchung zu vertrauen: wirklich Isolirtes kann die Grammatik im Grunde überhaupt nicht erklären".

Впрочемъ, въ своей работѣ я останавливаюсь почти исключительно на латинскихъ cognomina, которыя по самому своему существу ближе стоятъ къ живой рѣчи и требуютъ менѣе спеціально-ономатологическихъ пріемовъ изслѣдованія[1]).

Такъ, напр., вполнѣ соглашаясь съ Шульце въ необходимости чрезвычайной осторожности въ этимологическихъ комбинаціяхъ съ nomina gentilicia на *-torius, -trius,* я полагаю, что по отношенію къ cognomina на *-tor (-sor), -trix,* мы можемъ дѣйствовать гораздо смѣлѣе, такъ какъ всѣ эти образованія, несомнѣнно, извлечены изъ живой латинской рѣчи: ср. напр. такія cognomina, какъ *Arator* (CIL. III 8201), *Bellator* (ibid. 1018), *Cursor* (CIL. V 4374), *Defensor* (ibid. 7634), *Donator* (ibid. 449), *Ef<f>ractor* (ibid. VIII 10485[2]), *Mercator* (Eph. epigr. IV p. 127 № 431), *Possessor* (CIL. II 1180), *Pastor* (ibid. III 5034), *Piscator* (ibid. V 2628), *Solutor* (ibid. VIII 10917), *Sponsor* (ibid. V 5145), *Successor* (ibid. 5703), *Tutor* (ibid. III 4845), *Venator* (ibid. 12890), *Viator* (ibid. 872) и т. п.

Нѣкоторыя изъ cognomina этой категоріи представляютъ лексикографическій и морфологическій интересъ, — въ качествѣ или совершенно новыхъ лексическихъ единицъ, или подтвержденія рѣдко встрѣчающихся словъ. Напр. cogn. *Domator* (CIL. V 449) имѣетъ извѣстное значеніе въ виду того, что нарицательное *domator* до сихъ поръ считалось испор-

[1]) Изъ ономатологическихъ трудовъ отмѣчу еще одну небольшую, но чрезвычайно содержательную и остроумную работу Бехтеля: „Die Attischen Frauennamen nach ihrem Systeme dargestellt (Göttingen 1902), на которую я неоднократно ссылаюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи.

ченнымъ чтеніемъ вмѣсто *domitor* въ Ps.-Tib. IV 1, 116 и Amm. XXI 5, 9.

Cognomen *Missor* (Fabrett. 365, III) любопытно, какъ подкрѣпленіе для ἅπαξ εἰρ., встрѣчающагося у Цицерона *(in Arat.* 84: *Hic missore vocans fulgens iacet una sagitta)* и подвергавшагося нѣкоторому сомнѣнію[1]).

Cogn. *Jutor* (CIL. X 4730) воспроизводитъ нарицательное *iutor,* засвидѣтельствованное, какъ кажется, лишь на надписяхъ (ibid. IX 5531) на ряду съ соотвѣтствующей формой женскаго рода *iutrix* (ibid. X 354).

Точно такъ же cogn. *Ballator* (CIL. VIII 7960) соотвѣтствуетъ nomen agentis *ballator=saltator,* встрѣчаемому на надписяхъ (напр. CIL. VI 2265).

Cognomen *Cenator* (CIL. VIII 6052) тождественно съ нарицательнымъ *cenator,* извѣстнымъ лишь изъ глоссъ (см. Götz, Thes. gloss. s. v.).

Чрезвычайно рѣдкое слово *ducatrix,* засвидѣтельствованное, какъ кажется, только разъ у Апулея *(Dogm. Plat.* 2,4), является также въ видѣ женскаго cogn. *Ducatrix* (CIL. III 2252).

Позднелатинское cogn. *Germinator* (Ambros. *epist.* 42 n. 14) даетъ намъ право возстановить нигдѣ не засвидѣтельствованное nomen agentis **germinator,* по всей вѣроятности, съ значеніемъ „производитель“ отъ гл. *germinare* въ переходномъ значеніи „производить“ (напр. Vulg. Paral. I 5, 2: *De stirpe eius principes germinati sunt).*

Изъ cogn. *Vulsor* (CIL. V 206) мы въ правѣ съ полной увѣренностью извлечь нарицательное **vulsor,* которое можно сопоставить съ такими образованіями, какъ *vulsio, vulsūra* и т. п. при гл. *vellere*[2]).

Не менѣе интересно женское cogn. *Beatrix* (Grut. 703, 3 и Martyrol. Rom. die XXIX Julii)[3]), восходящее, несомнѣнно,

---

[1]) Именно, нѣкоторые вм. *missore vocans* предлагаютъ читать *misso revocans.*

[2]) Ср. извѣстное изъ текстовъ nomen agentis *avulsor* (напр. Plin. *h. n.* IX 148).

[3]) Отсюда извѣстное италіанское имя *Beatrice,* фр. *Béatrice* и т. п.

къ нарицательному **beatrix* (при masc. **beator?)* „счастливящая“ отъ гл. *beare* „счастливить“, который, замѣчу кстати, существовалъ въ латинскомъ языкѣ, повидимому, долго (ср. Macrob. *Somn. Scip.* I 8, 12), хотя и рано вышелъ изъ литературнаго обихода.

Весьма любопытно также мужское cogn. *Mascator,* извѣстное изъ Эннодія (*ep.* III 24 и IX 20). Едва ли можно сомнѣваться, что въ основѣ его лежитъ нарицательное имя **mascator,* которое естественнѣе всего было бы связать съ гл. **mascare*>*masticare.* Что эта послѣдняя форма испытала въ извѣстную эпоху латинскаго языка syncope, объ этомъ свидѣтельствуютъ романскія отраженія въ родѣ фр. *mâcher,* пров. *maschar,* исп. *mascar* и т. п.; аналогичную syncope Скутшъ (Plautin. u. Roman., стр. 145) признаетъ и въ *istic,* въ такихъ, напр., случаяхъ, какъ Plaut. *Men.* 146:

Écquid ádsimuló similiter? ‖ Qui ís(ti)c est órnatús tuós,

съ чѣмъ нельзя не согласиться, такъ какъ просодія *ĭstic* для эпохи Плавта была бы, безусловно, не допустима[1]).

---

[1]) Нарушеніе позиціонной долготы передъ группой *s* + согласная внутри слова извѣстно мнѣ лишь изъ Альдгельма. А. У. Малеинъ (Рукописное преданіе загадокъ Альдгельма, стр. 149) справедливо отстаиваетъ чтеніе *Aen.* 100, 37: *lumbricus et limax et tarda tĕstudo palustris,* но несовсѣмъ правъ, ссылаясь для доказательства возможности такой просодіи на случаи въ родѣ 76, 6: *corporĕ stipes,* 96, 11: *degerĕ stando* и т. п. такъ какъ здѣсь группа *s* + согласная не находится внутри слова, а является въ началѣ слѣдующаго слова, что уже у Горація не давало иногда позиціонной долготы: ср., напр., *Sat.* I 2, 30:

Contra alius nullam nisi olenti in fornicĕ stantem.

Правда, въ тѣхъ же загадкахъ Альдгельма мы находимъ еще болѣе жесткіе случаи, въ родѣ: 21, 5: *murmurĕ stridens* или 93, 9: *corporĕ scnifes,* однако и они не могутъ еще служить непосредственной аналогіей для *tĕstudo.* Зато вполнѣ аналогичными являются такіе примѣры, какъ:

29, 3 *Ast acus exilis mox tanta gĕstamina rumpit,*
100, 58: *Sperula seu pilae nec non et forma crĭstalli.*

Ср. еще изъ поэмы *de laud. virg.* (Migne 89):

242 C 15: *Antlia quam sursum solet exantlare cĭsternis,*
244 B 9: *Aedificet plantetque rĕstaurans sceptra polorum,*

Если предложенное толкованіе **mascator* вѣрно, то это образованіе по значенію можно было бы ближайшимъ образомъ

---

ibid. C 1: *Scriptorum veterum liquido monumenta tēstantur,*
255 C: *Quae modulum et numerum excedunt pro mole gĕstorum,*
271 D: *Deformare studet naturae iura rēscindens.*

Особаго вниманія заслуживаетъ *Aenigm.* Prol. 18, каковое мѣсто въ Петербургской р-си R_2 (m_1) читается такъ:

Iamdudum cecinisse prīsci vexilla tropaei,

тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ рукописяхъ вм. *prisci* читается *celebris*. „Выборъ между варіантами“, замѣчаетъ г. Малеинъ (op. c., стр. 8), „весьма легокъ, такъ какъ *celebris* не подходитъ по метру“. Я думаю однако, что и *prĭsci* — несовсѣмъ обычное явленіе, и это, очевидно, сознавалъ авторъ чтенія *almi*, встрѣчающагося въ Британской р-си L. Это послѣднее чтеніе по мнѣнію г. Малеина (op. c., стр. 193) „представляется конъектурой, имѣющей въ виду устранить показавшееся корректору нелогичнымъ сочетаніе *iamdudum prĭsci*“. Я невполнѣ однако представляю себѣ, въ чемъ подобное сочетаніе погрѣшаетъ противъ логики, и, наоборотъ, совершенно увѣренъ въ томъ, что данное исправленіе вызвано соображеніями метрическими. Любопытно, что въ окончательной редакціи г. Малеина этотъ стихъ приведенъ съ перестановкой словъ:

Iamdudum prisci cecinisse vexilla tropaei.

При этомъ возникаетъ вопросъ: что это — чтеніе какой-нибудь рукописи, не отмѣченное въ текстѣ изслѣдованія, или — конъектура изслѣдователя? Какъ бы то ни было, данную редакцію едва ли можно назвать удачной, такъ какъ она предполагаетъ просодію *vĕxilla*, для которой я затруднился бы подыскать аналогію у Альдгельма. Изъ двухъ золъ я предпочитаю выбрать меньшее, а именно редакцію первой руки р-си R_2, предполагающую просодію *prĭsci*. Хотя въ словѣ *priscus* корневой слогъ былъ, несомнѣнно, долгъ по природѣ (ср. Lindsay, Lat. langu., стр. 141, а также Indogerm. Forsch. XIV, стр. 11), однако нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что эта долгота не сознавалась въ эпоху Альдгельма, и обоюдность слоговъ съ краткой по природѣ гласной въ положеніи передъ *s* + согласная повела къ такой же двойственности просодіи соотвѣтствующихъ слоговъ съ долгой гласной и въ частности — къ ихъ краткости. Высказывая эту гипотезу, я опираюсь на краснорѣчивую аналогію слоговъ, предшествующихъ группѣ muta cum liquida. Во многихъ случаяхъ у Альдгельма долгая по природѣ гласная, за которой слѣдуетъ muta cum liquida, играетъ роль краткаго слога: ср., напр., въ *Aenigm.:*

80, 6: *Et pulchre digitis lŭbricum comprendere corpus,*
78, 1: *En plures dĕbrians impendo pocula Bacchi,*
15, 2: *Sed dĕtrimenta rogi penitus ludibria fato,*
100, 22: *En tamen inferior terris tĕtra Tartara cerno.*

Послѣдній примѣръ особенно интересенъ въ виду 31, 7 *(tĕtro)* и 75, 2 *(tĕtris)*, и въ особенности — *Laud. virg.* 277 B:

Sic ollis niger et furva sartagine tĕter,

сопоставить съ такими nomina agentis, какъ *manducator* (Augustin. *tractat. in Ioann.* 27), *esor* (Front. *de fer. Alsiens. ep.* 3), *comesor* : *comestor* (CGL. II, 104, 21 и V, 181, 17)[1], *bibitor* (напр. CIL. III 14420), *potor*, *potator* и т. п.

Далѣе отмѣчу cogn. *Impulsator* (ср. Ephem. epigr. V n. 454), откуда, безъ сомнѣнія, можно извлечь нарицательное **impulsator*, имѣвшее приблизительно такое же значеніе, какъ *impulsor*[2]).

Въ Ephem. epigr. VII n. 22 (Африканская надпись изъ Триполи), между прочимъ, является сочетаніе SERVATUS INSERTOR. Joh. Schmidt, опубликовавшій эту надпись,

---

каковой примѣръ показываетъ, что истинная просодія корневого слога въ данномъ словѣ была извѣстна Альдгельму. Ср. еще изъ той же поэмы:

258 C: *Mox pŭblice Christum paganis praedicat ultro* и т. п.

Что это просодическое явленіе не ограничивается однимъ Альдгельмомъ, можетъ быть доказано хотя бы такимъ примѣромъ, какъ Carm. epigr. Buech. № 703, 5:

Magnanimus puroque frătrum dilectus amore

или Anthol. ed. Riese № 110, 8:

Cum salsum salŭbri litus abundat aqua.

[1]) Эти двѣ формы представляютъ собой любопытный pendant къ *comesus: comestus*, о которыхъ см. Brugmann, Grundriss I^2, стр. 666.

[2]) Въ gloss. Abavus засвидѣтельствована глосса *Inpulator concitator* (CGL. IV 355, 27). Гильдебрандъ (см. Götz, Thes. gloss.) исправляетъ *impulator* въ *impultor*. Не проще ли было бы читать *impulitor*, что̀ находилось бы въ соотвѣтствіи съ ptc. pf. pass. *impulitus*, каковая форма, по справедливому замѣчанію М. М. Покровскаго („Матеріалы“, стр. 16), возникла „несомнѣнно подъ вліяніемъ перфекта *impuli* — ср. у Петронія 61: *fefellitus*“. Прибавлю еще, что *impulator* вм. *impulitor* представило бы искаженіе совершенно аналогичное тому, какое, напр., мы имѣемъ въ *bibator* (CGL. V, 271, 28 и 403, 4) вм. *bibitor*. Съ другой стороны можно, пожалуй, спросить, не слѣдуетъ ли читать *impul<s>ator* въ соотвѣтствіе съ предложенной въ текстѣ формой? Наконецъ, засвидѣтельствованная въ глоссаріяхъ форма *pellator* (см. Götz, Thes. gloss. s. v.) даетъ поводъ предложить третій способъ исправленія, а именно *impellator;* замѣчу кстати, что въ данномъ случаѣ появленіе элемента *ā* было бы тѣмъ легче объяснимо, что это образованіе осложнено префиксомъ, что̀, какъ извѣстно, часто обусловливало собой переходъ глаголовъ 3-го спряженія въ категорію глаголовъ 1-го спряженія (ср. мои „Изслѣдованія“, стр. 25 съ прим. 2). Что это явленіе распространялось и на отглагольныя образованія, можетъ свидѣтельствовать, напр., любопытное nomen actionis *affigatio*, извѣстное мнѣ изъ „Кирилловой“ глоссы *Προσήλωσις adfigatio* (CGL. II 421, 31).

замѣчаетъ: „mihi Servaeanae familiae libertum nobilissimae inter Gigthenses totque titulis celebratae hic agnoscendum esse probabile videtur, quamquam cognominis quod est *Insertor* alterum exemplum mihi non praesto est“. А Моммсенъ тутъ же добавляетъ: „Fortasse *Servatus infertor;* possis adeo cogitare de *insertore,* scilicet vitium“. Само собой разумѣется, что рѣшить, какая изъ этихъ возможностей ближе къ истинѣ, въ высшей степени трудно.

Изъ cogn. *Indictor* (CIL. XIV, 4195) мы можемъ извлечь nomen agentis **indictor,* соотвѣтствующее, по всей вѣроятности, абстрактному существительному *indictio.*

Чрезвычайно странно cogn. *Aquestor* (CIL. VIII, 9433); я затруднился бы истолковать его въ качествѣ образованія съ суффиксомъ *-tor* и предполагаю, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ ошибкой. Не слѣдуетъ ли вм. *Aquestor* читать *Aquester?* Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы здѣсь прилагательное **aquester* (отъ *aqua),* въ которомъ можно было бы видѣть новообразованіе, явившееся по аналогіи съ *terrester* при *terra.* Возможность появленія образованій этого типа и въ позднѣйшую эпоху свидѣтельствуется хотя бы неизвѣстнымъ изъ латинскихъ текстовъ прилагательнымъ **lacuster* (по аналогіи съ *paluster),* о существованіи котораго мы можемъ заключить по романскимъ отраженіямъ въ родѣ итальянск. *lacustre* или франц. *lacustre*[1]). Замѣчу кстати,

[1]) Этотъ примѣръ можно прибавить къ тѣмъ, которые перечисляетъ Зоммеръ въ Indogerm. Forsch. XI, стр. 21 сл.; не упоминаетъ этого прототипа и Кёртингъ въ своемъ латино-романскомъ словарѣ. Ср. еще довольно странное, засвидѣтельствованное въ глоссаріяхъ (см. Götz, Thes. s. v.), образованіе *coquester (=fulinarius),* о которомъ см., между прочимъ, Löwe, Prodromus, стр. 291. Прибавлю еще, что на ряду съ формой женскаго рода *fanestris,* которая по словамъ Зоммера (op. c., стр. 22) „erst bei Vitruv und Mela... in dem Eigennamen *colonia (Julia) fanestris* belegt ist“, можно упомянуть мужское cognomen *Fanester,* засвидѣтельствованное на испанской надписи (Eph. epigraph. II n. 320 p. 241): „a *Fano* oppido eam... formam derivari notum est. Et fuit illa fortasse vetustior quam *fanaticus*“, замѣчаетъ нѣсколько неожиданно по поводу этой формы Hübner (l. c.).

что нѣкоторую аналогію къ cognomen *Aquester* могло бы представить cogn. *Paluster* (см. CIL. XII, 3462, Ephem. epigr. II, n. 302)[1]).

Приведенные примѣры изъ области латинскихъ cognomina въ достаточной степени иллюстрируютъ важность изученія этого матеріала для изслѣдователя латинской морфологіи и лексикографіи[2]). Но главная масса изученныхъ мной фактовъ, какъ то было и въ „Изслѣдованіяхъ“, почерпнута мной изъ текстовъ, частью непосредственно, частью при посредствѣ тѣхъ или другихъ словарей[3]). Послѣдній источникъ при всѣхъ своихъ несовершенствахъ неизбѣженъ для такого изслѣдователя, который стремится распространить свое изученіе, по возможности, на весь латинскій языкъ: при этихъ условіяхъ словари являются необходимымъ подспорьемъ для пополненія совершенно естественныхъ пробѣловъ въ непосредственномъ знакомствѣ съ текстами. Какъ бы то ни было, по мѣрѣ силъ, я старался во всѣхъ сколько-нибудь отвѣтственныхъ случаяхъ провѣрять показанія словарей справками въ тексты, критическіе аппараты и т. д., и я вполнѣ увѣренъ, что безпристрастный критикъ безъ труда замѣтитъ эту чисто филологическую тенденцію моей работы[4]). Если же мнѣ и не удалось достигнуть идеала филологической точности, то, полагаю, онъ и не достижимъ по самому существу въ работахъ того типа, къ какому принадлежатъ

[1]) Замѣчу на всякій случай, что въ этой надписи данное cognomen является въ формѣ родительнаго падежа *Palustri;* эта форма, повидимому, не засвидѣтельствованная для нарицательнаго *paluster,* можетъ быть сопоставлена съ такими формами, какъ gen. pl. *campestrorum* (CIL. III 1607).

[2]) Кстати замѣчу, что существительное *gubernius,* о которомъ я говорилъ въ „Изслѣдованіяхъ“, стр. 208, является, между прочимъ, въ качествѣ cognomen *Gubernius:* ср. CIL. VIII, 2403, а также Ephem. epigr. III, p. 78.

[3]) Очень полезнымъ пособіемъ для меня послужилъ, между прочимъ, трудъ Граденвитца: Laterculi vocum latinarum (Leipzig 1904), съ которымъ, впрочемъ, я познакомился уже тогда, когда почти вся работа была окончена.

[4]) Прошу обратить вниманіе, между прочимъ, на довольно многочисленные случаи, гдѣ я вношу поправки въ тѣ или другія несовсѣмъ вѣрныя указанія словарей.

данные „Этюды“, опирающіеся на матеріалъ изъ всевозможныхъ писателей, начиная отъ Плавта и кончая Альдгельмомъ[1]).

Это послѣднее обстоятельство обусловливаетъ собой, между прочимъ, и нѣкоторую неполноту и неравномѣрность въ приведенніи данныхъ, иллюстрирующихъ выставленныя мной положенія. При всемъ моемъ стремленіи къ возможной полнотѣ матеріала, я не ручаюсь за то, что во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ мнѣ удалось достигнуть ея[2]); дѣло въ томъ, что нѣкоторые этюды посвящены такимъ явленіямъ латинскаго словообразованія, которыя, если можно такъ выразиться, не находятся на поверхности языка, а скрыты въ глубинѣ его и притомъ такъ или иначе замаскированы, а при такихъ условіяхъ подыскиваніе матеріала сопряжено съ совершенно исключительными затрудненіями и почти не можетъ быть ведено методически.

Характерный примѣръ явленій этой категоріи представляютъ собой такъ называемыя обратныя образованія, которыя, несмотря на усилія многихъ ученыхъ, выясняются лишь мало-по-малу.

Уже въ своихъ „Изслѣдованіяхъ“ (стр. 183) я указалъ на то, что вопросъ объ обратныхъ образованіяхъ въ латинскомъ языкѣ изложенъ былъ мной въ далеко не исчерпывающей формѣ. Продолжая свои разысканія въ этой трудной

[1]) На болѣе пристальное изученіе этого замѣчательнаго представителя англо-саксонскаго ренессанса натолкнулъ меня цитированный выше (стр. 9 пр. 1) трудъ А. У. Маленина, заключающій въ себѣ цѣнный матеріалъ по загадкамъ Альдгельма. Опираясь на этотъ матеріалъ, а также на данныя, извлеченныя мной изъ другихъ произведеній этого писателя и нѣкоторыхъ его предшественниковъ и сверстниковъ, я предполагаю въ скоромъ времени выпустить въ свѣтъ спеціальную работу по языку, просодіи и метрикѣ Альдгельма. Нѣкоторые отдѣльные пункты изъ этой работы я позволю себѣ ввести теперь же въ примѣчанія къ даннымъ „Этюдамъ“.

[2]) Въ особенности это касается эпиграфическаго и ономатологическаго матеріала, который, въ сущности говоря, представляетъ собой въ моемъ изслѣдованіи своего рода hors d'œuvre и отнюдь не претендуетъ на исчерпывающую полноту.

области, я столкнулся съ цѣлымъ рядомъ новыхъ фактовъ, которые и предлагаю теперь вниманію спеціалистовъ[1]).

Прежде всего отмѣчу существительное *adminicula* въ смыслѣ „служанка“, засвидѣтельствованное у Венанція Фортуната *Vit. Radegund.* 19: *iubebat adminiculae, ut unde vel quanti essent pia cura requireret*[2]) и, очевидно, представляющее собой обратное образованіе изъ гл. *adminiculare (-ri)*, возникшее по аналогіи съ такими случаями, какъ *ancilla: ancillare (-ri)*.

Затѣмъ укажу на одно поствербальное образованіе, аналогичное съ отмѣченнымъ еще Бреалемъ *truncus* (ср. „Изслѣдованія“, стр. 185), а именно прилагательное *sibilus* „свистящій“, неоднократно засвидѣтельствованное у Вергилія (ср., напр., *Georg.* III 421: *sibila colla tumentem* [sc. *colubrum*] *deice; Aen.* II 211: *sibila lambebant linguis vibrantibus ora* и т. д.) и встрѣчающееся также у позднѣйшихъ поэтовъ (ср. Val. Flacc. III 50: *coma sibila frontis)*. Въ виду такого сравнительно поздняго засвидѣтельствованія этого прилагательнаго не подлежитъ сомнѣнію, что оно является обратнымъ образованіемъ, извлеченнымъ изъ гл. *sibilare*, въ свою очередь возникшаго изъ существительнаго *sibilus* „свистъ“. До извѣстной степени *sibilus* „свистъ“: *sibilare* : *sibilus* „свистящій“ можно сопоставить и съ такимъ случаемъ, какъ *nuntium* : *nuntiare* : *nuntius* (ср. „Изслѣдованія“, стр. 196 сл.).

Что касается прилагательнаго *sonus*, извѣстнаго изъ Исидора (Orig. I 4, 4: *Vocales .... et semivocales et mutae a veteribus sonae et semisonae et insonae dictae)*, то въ виду искусственнаго характера этого термина трудно сказать,

[1]) Въ ближайшемъ будущемъ я предполагаю объединить весь собранный мною по данному вопросу матеріалъ въ цѣльное изслѣдованіе, которое будетъ опубликовано мною на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ обратныя образованія до сихъ поръ составляютъ одну изъ мало обслѣдованныхъ областей латинскаго словообразованія.

[2]) Paucker, Suppl. lex. lat., стр. 12, тогда какъ Георгесъ, ссылаясь на то же мѣсто, неправильно понимаетъ *adminicula*, какъ синонимъ *adminiculum*.

какимъ образомъ онъ возникъ, а именно, извлечено ли данное образованіе изъ гл. *sonare*, или приспособлено къ прилагательнымъ *semisonus* и *insonus*, которыя, будучи также техническими терминами, вмѣстѣ съ тѣмъ образованы вполнѣ нормально. Наименѣе вѣроятнымъ представлялось бы для меня сопоставленіе этого *sonus* съ др.-инд. *svānás* „шумящій“, такъ какъ латинскій эквивалентъ едва ли восходитъ къ древней эпохѣ и, скорѣе всего, представляетъ собой изобрѣтеніе какого-нибудь римскаго грамматика.

Далѣе обращу вниманіе на существительное *plana* „скобель“, „рубанокъ“ или что-нибудь въ этомъ родѣ, засвидѣтельствованное въ поздней латыни (ср. Arnob. VI 200: *simulacra... runcinarum levigata de p l a n i s*) и въ глоссѣ *Plana ῥυκάνη* (CGL. III 325, 64) и отразившееся въ романскихъ языкахъ въ видѣ фр. *plane*, ломб. *piona* и т. п.[1]) Едва ли можно было бы объяснить это слово, какъ субстантивированное прилагательное *plānus*, какъ это, повидимому, думаютъ нѣкоторые[2]). Скорѣе мы имѣемъ дѣло съ обратнымъ образованіемъ отъ гл. *planare*, который, по всей вѣроятности, имѣетъ, между прочимъ, спеціальное значеніе „(гладко) выстругивать“ (изъ первоначальнаго значенія *planum facere* „выравнивать“). Что это значеніе не засвидѣтельствовано для даннаго глагола, легко можетъ быть дѣломъ случая, тѣмъ болѣе, что многіе техническіе термины различныхъ ремеслъ не нашли себѣ мѣста въ памятникахъ римской литературы[3]). Возникновеніе *plāna* съ инструментальнымъ значеніемъ при гл. *plānare* облегчалось наличностью множества инструментальныхъ словъ (въ частности — женскаго рода), при которыхъ имѣлись соотвѣтствующіе отъименные глаголы, значившіе

[1]) См. K ö r t i n g, Lat.-rom. Wtb.² № 7222.

[2]) Ср. F o r c e l l i n i d e V i t s. v., K ö r t i n g, op. c. № 7232 „auf dem Fem. *plāna* beruhen die Sbstve *plana*, Fläche, Platz, Rang, *plana*, Werkzeug zum Glätten, Ebenen, Hobel“.

[3]) Ср. по этому поводу мои замѣчанія въ „Изслѣдованіяхъ“, стр. 144 и сл. (съ прим. 1 на стр. 145).

„орудовать этимъ инструментомъ“: ср., напр., *terebra* : *terebrare*, *lima* : *limare*, *ascia* : *asciare*, *serra* : *serrare* и т. п.

Замѣчу кстати, что *plana*, объясненное такимъ образомъ, представляетъ собой извѣстнаго рода Gegenstück къ *retae*, истолкованному мною въ „Изслѣд.“, стр. 206 сл.: тамъ мы имѣли возникновеніе слова, обозначающаго продуктъ дѣйствія изъ глагола, образованнаго отъ слова, обозначающаго орудіе, тогда какъ въ *plana* наоборотъ, мы имѣемъ названіе орудія, которое извлечено изъ глагола, образованнаго отъ слова, обозначающаго результатъ соотвѣтствующаго дѣйствія.

Теперь остановлюсь на любопытной „Кирилловой“ глоссѣ: *Κτένιον pectina pectis pecten* (CGL. II 335, 62), представляющей въ латинскомъ interpretamentum цѣлыхъ три параллельныхъ формы, изъ которыхъ только третья извѣстна изъ текстовъ. Уже М. М. П о к р о в с к і й („Матеріалы“, стр. 179 сл.) въ своей общей характеристикѣ „Кириллова“ глоссарія отмѣчаетъ, между прочимъ, одну важную черту въ немъ, а именно многостороннее знакомство составителя этого сборника съ римскими грамматиками, чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что данный „словарь переполненъ всевозможными грамматическими указаніями, въ общемъ очень хорошими“. Очень возможно, что и два первыхъ латинскихъ interpretamenta извлечены глоссаторомъ изъ какого-нибудь грамматика. Что касается *pectis*, то эта форма находится въ такомъ же соотношеніи съ общеизвѣстнымъ *pecten*, въ какомъ *sanguis* къ *sanguen* или засвидѣтельствованное Харисіемъ (GLK. I 42, 2)[1]) *pollis* къ обычному *pollen*[2]).

Что касается формы *pectina*, засвидѣтельствованной, кстати сказать, также въ другой „Кирилловой“ глоссѣ: *Κτείς petina* (ae: *pectina*) (CGL. II 355, 59), то, быть можетъ, мы были бы

[1]) См. еще нѣкоторыя свидѣтельства изъ грамматиковъ у Г е о р г е с а (Lex. d. lat. Wortform. s. v. *pollen*); ср. также глоссографическія данныя у Г ё т ц а (Thes. gloss. s. v. *pollen*).

[2]) По поводу *pollis* ср. S o m m e r Handbuch, стр. 402.

въ правѣ усмотрѣть въ ней обратное образованіе отъ гл. *pectinare,* аналогичное тому, какое мы предположили выше для *plāna* при *planare*. Правда, Heraeus (Arch. f. lat. Lex. XI, стр. 62) приводитъ для *pectina* аналогію въ видѣ формы женск. рода *pollina* и *inguina* вм. обычныхъ *pollen* и *inguen*, которыя не могутъ быть истолкованы съ этой точки зрѣнія, но слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что *pollen* и *inguen* — имена средняго рода, а мы знаемъ, какъ часто при существительныхъ средняго рода являются соотвѣтствующіе дублеты женскаго рода[1]); кромѣ того, относительно *pollina,* засвидѣтельствованнаго, кстати сказать, лишь въ „Кирилловой" глоссѣ: *Γυρίτης ἄρτος* *pollina pollinaceus* (CGL. II 265, 50)[2]), можетъ возникнуть вопросъ, не слѣдуетъ ли читать *pollīna*, каковое образованіе можно было бы сопоставить, напр., съ *farina, mellina* и т. п.; въ такомъ случаѣ исходной точкой могло бы служить **pollīs* — дублетъ при *pollĭs,* аналогичный дублету *sanguĭs* при *sanguīs*[3]). Или мы должны, опираясь на такіе случаи, какъ Juven. VI 370:

Inguina traduntur medicis, iam pectine nigro,

предположить, что *pectina,- ae,* явилось по аналогіи съ *inguina,-ae* въ соотвѣтствіе съ *pecten*: *inguen?* Если такъ, то, конечно, разсматривать *pectina,* какъ обратное образованіе, было бы невозможно. Однако я считалъ бы такое толко-

1) Ср. по этому поводу примѣры и соображенія, приводимые Іоганномъ Шмидтомъ (Die Pluralbildungen der indogerm. Neutra, стр. 21). Въ частности въ связи съ *inguina, ae* замѣчу, что появленію этого образованія, несомнѣнно, содѣйствовало pl. *inguina* (ср. Cels. IV 28, Juven. VI 370, IX 4 и т. п.)

2) Heraeus (l. c.) неточно ссылается для *pollina* на рядомъ стоящую глоссу (CGL. II 265, 49): *Γυρις pollis pollinc*, изъ которой нѣтъ основанія извлекать чтеніе *pollina*.

3) „Schon unter Augustus wird die Verkürzung vorherrschend, wie Verg. *Ge.* III 508 und *Aen.* II 639, V 396, Horat. *Carm.* I 24, 15, Tibull. I 6, 54" (Neue I, стр. 144). Смѣшеніе съ основами на *i* въ данномъ образованіи сказалось помимо прилагательнаго *exsanguis,* отмѣченнаго у Neue (ibid.), еще такими образованіями, какъ *sanguiculus* (Plin. *n. h.* XXVIII 209), *sanguifluus, sanguilentus* и т. п.

ваніе болѣе искусственнымъ, такъ какъ самое употребленіе *pecten* въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно является въ выше приведенномъ мѣстѣ Ювенала, кажется, довольно рѣдкое.

Нѣкоторыя сомнѣнія, хотя и съ другой точки зрѣнія, могутъ возникнуть и относительно общеизвѣстнаго существительнаго *terminus*. На ряду съ нимъ извѣстенъ дублетъ *termen,* засвидѣтельствованный на надписяхъ (напр. C. I. L. I 199, 8 и II 59) и у Варрона *L. L.* V 21: *Apud Accium non terminus, sed termen,* что, по всей вѣроятности, уже для той эпохи было архаизмомъ[1]). Это послѣднее образованіе, очевидно, тождественно этимологически и морфологически съ греч. *τέρμα* и, быть можетъ, др.-инд. *tarman* n. 1) „Überfahrt", 2) „Spitze des Opferpfostens"[2]); что касается *terminus,* то по мнѣнію Штольца (Histor. Gramm., стр. 496) этотъ дублетъ „sicher von *termen* abgeleitet ist". Съ такой же опредѣленностью высказывается и Линдсей, замѣчая (The Lat. langu., стр. 327), что „sometimes the suffix [*m(ĕ)nŏ-, -m(ĕ)nā-*] is used in the transference of a *men-* or *mon-* stem into the *ŏ-* or *ā-* declension, e. g. *cŏlumna,* beside *columen* (cf. *columella* for **columen-la*)[3]), *terminus,* beside *termen* and *termo* (quoted by Festus, 550, 22 Th. from Ennius e. g. *A.* 591 сл.: *qua redditus termo est*)". Я сомнѣваюсь однако, чтобы для *terminus* можно было допустить подобное непосредственное осложненіе именной основы на *men*-вторичнымъ суффиксомъ *-o:* во всякомъ случаѣ я не сумѣлъ бы указать ни на одну вполнѣ подходящую аналогію, и самъ Штольцъ таковой не приводитъ ни здѣсь, ни въ отдѣлѣ о суффиксѣ *-o-* (ор. с., стр. 450 сл.), гдѣ отмѣчено

1) Ср. еще CGL. III 427, 8: *Πέρατα, τέρματα finitima termina.*

2) Ср. Prellwitz Etym. Wtb. d. griech. Spr. стр. 318.

3) Ср. по поводу этой формы, съ одной стороны, Niedermann *E* ond *ĭ* in Lat., стр. 58 сл., а съ другой — Sommer, Handbuch, стр. 56 сл. Я лично скорѣе примкнулъ бы къ мнѣнію второго ученаго, хотя и послѣ его разслѣдованія сложный вопросъ объ образованіи латинскихъ уменьшительныхъ остается невполнѣ освѣщеннымъ.

соотвѣтствующее употребленіе этого суффикса лишь при именныхъ основахъ на *-s* и два-три случая — при основахъ на *-t*.

Что касается *columna* при *columen*, то этотъ случай едва ли позволительно безъ всякихъ оговорокъ сопоставить съ *terminus* при *termen*, какъ это дѣлаетъ Линдсей; дѣло въ томъ, что первое образованіе — женскаго рода, а мы уже указывали на то, что при существительныхъ средняго рода нерѣдко являются соотвѣтствующіе дублеты женскаго рода, что̀ обусловлено совершенно спеціальными морфологическими обстоятельствами. Съ другой стороны, я могъ бы указать еще на одно образованіе средняго рода съ исходомъ *-minum*, по всей вѣроятности, являющееся также продуктомъ первоначальнаго образованія на *-men*, это — *farcīminum*, встрѣчающееся у Вегеція (1, 7: *affectis farcimino, quidquid superest virium tollit)* и обозначающее какую-то болѣзнь лошадей и рогатаго скота. Этотъ ветеричарный терминъ, по всей вѣроятности, представляетъ собой обратное образованіе изъ pl. *farcīmina* отъ *farcīmen*[1]), при чемъ это *farcimina* легко могло примкнуть къ такимъ медицинскимъ терминамъ, какъ *tormina*[2]), *flemina*[3]), *vermina*, а затѣмъ уже возникло sg. *farcīminum* подобно тому, какъ, напр., изъ pl. *iugera* (отъ **jūgos* > **jeugos* = греч. ζεῦγος) извлечено было sg. *iugerum*[4]). Впрочемъ, я позволю себѣ спросить, не слѣдуетъ ли въ вышеприведенномъ

---

[1]) Это послѣднее слово извѣстно изъ текстовъ, но съ другимъ значеніемъ (см. Georges s. v.)

[2]) Штольцъ (Hist. Gramm., стр. 496) замѣчаетъ: „participiale Bildungen sind... *fē-mina* die „Säugende"... und *tormina* „das Grimmen, Schneiden im Leibe" Caesar, gewöhnlich „Ruhr" Cic. u. a. aus **torqu-mena*". Но такое толкованіе *tormina* уже потому не состоятельно, что, насколько мнѣ извѣстно, это слово нигдѣ не засвидѣтельствовано въ качествѣ sg. fem., а всюду является какъ pl. neutr. Любопытно, что и ссылка на Цезаря — lapsus calami; вм. „Caesar" читай „Celsus" (IV 11). Все это весьма характерно для работы Штольца.

[3]) Ср. по поводу этого образованія мои „Изслѣдованія", стр. 130.

[4]) Ср. другіе примѣры въ моихъ „Изслѣдованіяхъ" стр. 246 и 278.

мѣстѣ изъ Вегеція (кажется, единственномъ, откуда это слово извѣстно) вм. *farcimino* читать *farcimine?*

Что касается *terminus*, то, насколько мнѣ извѣстно, это — единственное существительное мужескаго рода, представляющее собой комбинацію суффиксовъ *-men* и *-o*, и уже это одно обстоятельство заставляетъ отнестись къ нему особенно внимательно. Я предложилъ бы объяснить это слово опять-таки какъ обратное образованіе, извлеченное изъ отъименнаго глагола *terminare*, въ основѣ котораго лежитъ *termen*. То обстоятельство, что латинскому *terminus* мы находимъ превосходно засвидѣтельствованное италійское соотвѣтствіе въ видѣ умбрскаго **termno-*[1]) (ср. *termnom-e*, *termnu-co*, *termnes)*, отнюдь не можетъ говорить противъ поствербальнаго происхожденія даннаго образованія, такъ какъ, судя по умбр. *termnas* = лат. *terminatus*, оск. *teremnattens*, *teremnatust*, уже въ общеиталійскомъ языкѣ существовалъ отъименный глаголъ **termenō* (= лат. *termino)*, отъ котораго опять-таки уже въ общеиталійскую эпоху было извлечено **termen-os* (= лат. *terminus)*.

Первоначально *terminus*[2]) могло быть прилагательнымъ, которое присоединялось къ такимъ существительнымъ, какъ *lapis* или *stipes*, ср., напр., Ovid. *fast.* II 639 сл.:

Termine, sive lapis, sive es defossus in agro
Stipes, ab antiquis tu quoque numen habes[3]),

а затѣмъ эти послѣднія слова стали пропускать, и *terminus* субстантивировалось. Превосходной параллелью въ данномъ слу-

---

[1]) Фонетическая сторона даннаго образованія прекрасно выяснена у von Planta, Gramm. d. osk.-umbr. Dial. I, стр. 223), что касается морфологіи то тутъ названный ученый (ор. с. II, стр. 4), подобно Штольцу и Линдсею, объясняетъ *-o-* въ *termuno-* какъ вторичный суффиксъ.

[2]) Здѣсь и дальше данное слово я привожу условно въ его латинской формѣ.

[3]) Ср. съ этимъ мѣстомъ Tib. I 1, 11 сл.:

Nam veneror, seu stipes habet desertus in agris,
Seu vetus in trivio florida serta lapis,

чаѣ могло бы служить существительное *disterminа* „діагональ", „діаметръ" (Mart. Cap. VI 714: *Quae linea, ut dixi διάμετρος dicitur, latine d i s t e r m i n a),* которое представляетъ собой уже несомнѣнно субстантивированное (вслѣдствіе пропуска существительнаго *linea)* прилагательное *disterminus* „раздѣляющій" [1]), въ свою очередь являющееся несомнѣннымъ обратнымъ образованіемъ при гл. *disterminare.* Замѣчу кстати, что позднелатинское *exterminus* „изгнанный", „изгнанникъ" (ср., напр., Tertull. *Carm. de Sodom* 3: *Atque hinc e x t e r m i n u s ito),* по всей вѣроятности, извлечено изъ гл. *exterminare.*

Съ *disterminus* и *exterminus* ближайшимъ образомъ можно было бы сопоставить еще одно поствербальное прилагательное на *-minus,* а именно *conseminus,* засвидѣтельствованное у Плинія Старшаго (n. h. XIV 36: *consemina* sc. *vitis),* и, по всей вѣроятности, извлеченное изъ гл. *conseminare.*

Возвращаясь снова къ *terminus,* я долженъ замѣтить, что хотя предложенное мною объясненіе этого слова не можетъ, какъ мнѣ кажется, вызвать никакихъ возраженій, тѣмъ не менѣе я не рѣшаюсь признать его безусловно необходимымъ, такъ какъ возможно и другое толкованіе. А именно, можетъ возникнуть вопросъ, не было ли *terminus* первоначально названіемъ божества, наблюдающаго за границами [2]), имя котораго потомъ стало употребляться въ качествѣ нарицательнаго слова для обозначенія пограничнаго камня? Въ такомъ случаѣ это образованіе могло возникнуть непосредственно отъ *termen,* ибо имена божествъ (такъ же, какъ и всякія собственныя имена) часто образуются болѣе свободно, чѣмъ нарицательныя слова [3]). Что касается перехода *Terminus* въ категорію нарицательныхъ словъ, то прекрасную

---

[1]) Съ этимъ значеніемъ данное прилагательное въ текстахъ, какъ кажется, не засвидѣтельствовано; извѣстно оно лишь въ страдательномъ смыслѣ: Sil. V 399:

Audit Tartessos latis d i s t e r m i n a terris.

[2]) Ср. мѣсто изъ Овидіевыхъ Фастовъ, приведенное выше.

[3]) Ср. по этому поводу мои „Изслѣдованія", стр. 233 сл.

параллель могло бы представить греческое Ἑρμῆς. Первоначально это было названіе опредѣленнаго божества, а затѣмъ „in der Kunstsprache hiess jeder Kopf so, der in einen viereckigen Fusspfeiler od. eine Säule auslief, Herme; dergleichen Ἑρμαῖ standen in Athen auf mehreren öffentlichen Plätzen und vor den Häusern, Thuc. VI 27" [1]). Какое изъ этихъ двухъ толкованій *terminus* ближе къ истинѣ, сказать трудно, но я лично скорѣе склонился бы въ пользу перваго, которое, кстати сказать, не исключаетъ собой предположенія, что данный терминъ въ смыслѣ названія божества предшествовалъ его употребленію въ качествѣ нарицательнаго слова. Ср. на всякій случай мужское cognomen *Germinus,* приводимое d e - V i t'омъ изъ Inscr. Bramb. n. 1517: *Tito Flavio G e r m i n o veter. leg. XXII Pr. P. F. Batavus,* если только это собственное имя находится въ связи съ *germen* [2]).

Въ связи съ *terminus* упомяну еще одно образованіе, а именно *limitum.* Оно извѣстно мнѣ изъ двухъ „Кирилловыхъ" глоссъ: *Ὅρος ἐπὶ χώρας terminus finis l i m i t u m haec terminatio* (CGL. II 387, 19) и *Ὄχθη ripa l i m i t u m* (ibid. 391, 7); ср. также изъ того же глоссарія *Λίμιτον limes* (ibid. 361, 9). Относительно второй глоссы можетъ быть поставленъ вопросъ, не является ли она результатомъ недоразумѣнія, основаннаго на томъ, что ὅρος было принято за ὄρος и затѣмъ передано синонимомъ ὄχθη, который, между прочимъ, значитъ и „берегъ", что̀ было въ свою очередь истолковано посредствомъ латинскаго *ripa?* Самое же образованіе *limitum,* если таковое фактически существовало, то, по всей вѣроятности, значило то же, что *limes,* и, естественнѣе всего, какъ мнѣ кажется, могло бы быть понято въ качествѣ поствербальнаго образованія при гл. *limitare*

---

[1]) P a p e's Griech.-deutsch. Wtb. I², стр. 1033.

[2]) Ср. другія латинскія имена, близкія по внѣшнему виду у W. S c h u l z e, Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 36. Несомнѣнную связь съ *germen* имѣетъ собственное имя *Germinator,* о которомъ см. выше, стр. 8.

(отъ *limes*). Если такъ, то *termen* = *terminare* : *terminus* = *limes* : *limitare* : *limitum*.

Интересенъ далѣе терминъ *compagina*, являющійся у Gromat. vet. 331, 6 и 338, 18 въ соединеніи съ *litterarum*. Георгесъ передаетъ это слово, само по себѣ, посредствомъ „die Zusammenstellung", а въ означенномъ сочетаніи понимаетъ въ смыслѣ „das alphabetische Verzeichniss der in der Ebene gelegenen Grundstücke", предполагая, что *compagina* возникло изъ гл. *compingo*. Гораздо естественнѣе однако видѣть въ этомъ словѣ поствербальное образованіе, извлеченное изъ гл. *compaginare* „соединять", „составить" и т. п., въ свою очередь возникшаго отъ существительнаго *compāgo*, *-inis* „соединеніе". Ближайшимъ образомъ *compagina* можетъ быть сопоставлено съ такими поствербальными образованіями, какъ отмѣченныя М. М. Покровскимъ („Матеріалы", стр. 62) *remora* „промедленіе" при *remorari* и *ignora* „невѣдѣніе" при *ignorare*.

Само собой разумѣется, отъименные глаголы являются отнюдь не единственными источниками, откуда извлекались обратныя образованія, хотя и нельзя отрицать, что главная масса этихъ послѣднихъ возникла именно такимъ образомъ. Ниже, въ другой связи[1]), намъ придется отмѣтить цѣлый рядъ обратныхъ образованій изъ словъ по существу инструментально-локальныхъ, но принятыхъ въ виду звукового сходства за уменьшительныя. Кромѣ того, можно констатировать и нѣкоторые отдѣльные случаи иного порядка.

Такъ напр., Скутшъ (De nominibus lat. suffixi *-no* ope formatis, стр. 23 сл.) предполагаетъ, что *lupana* = *meretrix* представляетъ собой обратное образованіе изъ *lupanar*. Однако, хотя первое изъ этихъ двухъ образованій частью непосредственно найдено, частью возстановлено въ нѣкоторыхъ памятникахъ поздней эпохи[2]), тѣмъ не менѣе оно остается

[1]) См. 2-й этюдъ 2-й главы.

[2]) Ср. Arch. f. Lat. Lex. VIII, стр. 9, 145 (Wölfflin), 500 (Sonny), XI, стр. 133 (Dessauer).

нѣсколько сомнительнымъ, какъ это прекрасно выяснилъ Нидерманъ[1]), указавшій, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ, повидимому, надо читать *lupanar*, имѣвшее, между прочимъ, значеніе *meretrix* или *prostibulum*[2]), а кромѣ того, тотъ же ученый справедливо сомнѣвается въ возможности смотрѣть на *lupana* (если таковое слово дѣйствительно существовало), какъ на обратное образованіе изъ *lupanar*. Замѣчу въ добавленіе къ его соображеніямъ, что самое *lupanar*, повидимому, предполагаетъ, какъ точку отправленія образованіе **lupana* или **lupanus*, ср. *pulvinar* : *pulvinus*, *lacunar* : *lacuna*, *columnar* : *columna*. А кромѣ того, возникновеніе *lupana* изъ *lupanar* едва ли могло бы опереться на какую-нибудь аналогію въ латинскомъ языкѣ[3]).

Зато несомнѣнный, какъ мнѣ кажется, примѣръ обратнаго образованія прилагательнаго изъ прилагательнаго представляетъ собой *mendus* „лживый, обманный", засвидѣтельствованное въ позднѣйшей латыни (Sanct. Scr. vet. [Habac. 2, 18] ap. Priscill. [tract. I p. 15, 9 Schepps][4]). Я не вижу рѣшительно никакой возможности связать это образованіе непосредственно съ *mendum* или *menda*, которыя, во-первыхъ, имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, а во-вторыхъ, не обнаруживаютъ въ историческую эпоху никакихъ признаковъ первоначальныхъ прилагательныхъ. Итакъ, остается понять *mendus* въ качествѣ обратнаго образованія, извлеченнаго изъ прилагательнаго *mendax*. Замѣчу при этомъ, что появленію *mendus* при *mendax* могла способствовать наличность противоположной по значенію пары: *verus* : *verax*;

[1]) Ср. Arch. f. lat. Lex. XI, стр. 271 сл.

[2]) Ср. также мои „Изслѣдованія", стр. 227, гдѣ приведенъ болѣе обильный матеріалъ по этому вопросу.

[3]) Необходимость принимать во вниманіе этотъ моментъ при объясненіи обратныхъ образованій справедливо подчеркиваетъ Collin въ своей интересной работѣ Zur Gesch. d. Nomina actionis im Romanischen (Arch. f. lat. Lex. XIII, стр. 472).

[4]) Эта цитата заимствована мной изъ словаря Benoist-Goelzer.

ср., пожалуй, еще *falsiloquus* : *falsiloquax*. Нѣкоторое добавочное вліяніе могло оказать и прилагательное *mendosus*, которое, повидимому, имѣло также, между прочимъ, значеніе „лживый“: ср. „Кириллову“ глоссу. *Ψεύστης mendax mendosus* (CGL. II 480, 28). Ср. на всякій случай слѣдующую пропорцію: *mendus* : *mendosus* = *falsus* : *falsosus*. Послѣднее образованіе засвидѣтельствовано, если не ошибаюсь, также только въ глоссаріяхъ, гдѣ оно толкуется, впрочемъ, посредствомъ *circumventus aut deceptus* (см. Götz, Thes. gloss.) Что касается *mendosus* = *mendax*, то это можетъ быть или простымъ семасіологическимъ приспособленіемъ обычнаго *mendosus*[1]) къ *mendax*, или самостоятельнымъ образованіемъ отъ *menda* въ смыслѣ *mendacium*[2]), что̀ въ свою очередь является или результатомъ семасіологическаго приспособленія къ *mendax*, или, пожалуй, опять-таки обратнымъ образованіемъ отъ *mendax*: ср. *fuga* : *fugax*, *pugna* : *pugnax* и т. п.

Такимъ же образомъ я объяснилъ бы и *falla* = *fallacia*, засвидѣтельствованное Ноніемъ р. 109 (ср. также CGL. V 641, 35), но, къ сожалѣнію, стихъ изъ Новія, приводимый этимъ грамматикомъ,

Me nón vocavit ób eam rem hanc fecí fallam

не выдерживаетъ метрической критики (очевидно, благодаря неисправности рукописной передачи), а потому чуть ли не всѣ читаютъ вм. *fallam* — *falam* и сообразно съ этимъ исправляютъ самую глоссу такъ: *Falam pro falaricam* (codd. *fallaciam*). Что касается формъ *fallator*, *fallare*, засвидѣтельство-

[1]) Семасіологическое вліяніе тѣхъ или другихъ словъ на слова, сходныя по этимологіи (а иногда и лишь по звуку), — явленіе, отмѣченное многими семасіологами: ср., напр., A. Darmesteter, La vie des mots, стр. 129 сл.; K. Schmidt, Die Gründe des Bedeutungswandels, стр. 28; O. Hey, Die Semasiologie (Arch. f. lat. Lex. IX, стр. 220 сл.). Такъ, напр., *oratio* пріобрѣло въ позднѣйшее время значеніе „молитвы“ подъ вліяніемъ соотвѣтствующаго значенія гл. *orare*, *suspectus* развило значеніе „подозрительный“ подъ вліяніемъ *suspicio* и т. п.

[2]) См. объ этомъ Götz, Thes. gloss. s. v. *menda*, гдѣ указана и литература

ванныхъ въ глоссаріяхъ (см. Götz, Thes. gloss.), то, конечно, онѣ ничего не говорятъ въ пользу *falla*, какъ это, повидимому, склоненъ думать Отто (Indogerm. Forsch. XV, стр. 48).

Французское прилагательное *souple* не безъ основанія сопоставляютъ съ латинскимъ *supplex*[1]); но, разумѣется, вывести его непосредственно изъ этого послѣдняго прототипа было бы невозможно; въ виду этого уже давно предложено исходить изъ (вульгарно-) латинскаго **sup(p)lus*, тождественнаго по значенію съ *supplex*. Но какъ объяснить эту упрощенную форму? Г. Мейеръ (Indogerm. Forsch. III, стр. 72) предполагаетъ, что „zu *supplicare* konnte ein Verbum **supplare*, ein Nomen **supplus* gebildet werden, indem man *supplicare*, das mit *plicare* zusammengesetzt ist, mit Verben wie *albicare*, *claudicare*, *candicare*, *morsicare*, *splendicare*, *sellicare*[2]), auf eine Stufe stellte und nach dem Muster von *albus*, *claudus*, *morsus*, *candere*, *splendere*, *vellere* ein kürzeres Verbum und Nomen daraus bildete“.

Признавая до извѣстной степени возможность такого морфологическаго процесса, я позволю себѣ однако спросить, не извлечено ли **sup(p)lus* скорѣе изъ *supplex* по аналогіи съ *simplus* : *simplex*, *duplus* : *duplex*, *triplus* : *triplex* и т. п.? Въ особенности могла играть роль первая пара въ виду значительнаго внѣшняго звукового сходства съ **sup(p)lus* : *supplex*. Замѣчу, кстати, что форма *simplus*, несомнѣнно, входила въ составъ вульгарно-латинскаго языка, какъ показываетъ итал. *scempio*[3]), рум. *simplu* и т. п.[4]) Глаголъ же **supplare*, если таковой существовалъ, могъ бы быть понятъ, какъ производный изъ

[1]) Ср., напр., Körting, Lat.-rom. Wtb.² № 9273.

[2]) Конечно, это — опечатка; слѣдуетъ читать *vellicare*. Любопытно, что это ошибочное чтеніе нашло себѣ мѣсто и въ Wortregister соотвѣтствующаго тома Indogerm. Forschungen.

[3]) Ср. Körting, Lat.-rom. Wtb.² № 8721, гдѣ однако слово *simplus* неправильно снабжено звѣздочкой.

[4]) „Das port. *simples* cat. *ximple*, prov. *simple*, franz. *simple*, rät. *simbel*, *sembel* (vgl. deutsch *simpel*) erweisen sich durch Bewahrung des *i* als Lehnwörter“ (Gröber, Arch. f. lat. Lex. VI, стр. 469).

* *supplus* : ср. ит. *scempiare* (=* лат. *simplare?*) : *scempio* (= лат. *simplus*).

Наконецъ, обращу вниманіе на прилагательное *membranus* „пергаментный“, засвидѣтельствованное въ позднѣйшемъ языкѣ (Interpr. Orig. in Matth. 11). Очень возможно, что оно извлечено изъ прилагательнаго *membraneus*, имѣвшаго то же значеніе (ср., напр., Ulp. *Dig.* 32, 50: *codices membranei*) и образованнаго отъ существительнаго *membrana* въ значеніи „пергаментъ“ [1]). Возникновенію *membranus* изъ *membraneus* могла способствовать наличность такихъ дублетовъ, какъ: *fontanus* : *fontaneus*, *siccanus* : *siccaneus*, *vicanus* : *vicaneus* [2]), *subitanus* : *subitaneus*, *temporanus* : *temporaneus* [3]) и т. п. Впрочемъ, весьма возможно также, что прилагательное *membranus* преобразовано непосредственно изъ существительнаго *membrana*.

Дѣло въ томъ, что на ряду съ обратными образованіями, какъ я выяснилъ уже въ „Изслѣдованіяхъ“ (стр. 226 сл.), въ латинскомъ языкѣ наблюдается любопытная группа случаевъ, когда то или другое именное образованіе вопреки своему семасіологическому характеру возникаетъ отъ извѣстной именной основы не чрезъ присоединеніе вторичнаго суффикса, а путемъ простого преобразованія въ существительное другого рода или прилагательное, измѣняющееся по родамъ. Теперь я могу привести еще нѣкоторые факты этой категоріи.

Такъ, прежде всего, отмѣчу употребленіе у Марціала формы средняго рода *dominum* въ качествѣ прилагательнаго: I 4, 2:

Terrarum d o m i n u m pone supercilium,

---

1) „Subst. Adj. v. *membrum*, eigentl. die körperliche, animalische sc. *cutis* Haut“ (S t o w a s s e r, Lat.-deutsch. Schulwörterb., стр. 652).

2) Этимъ примѣромъ я обязанъ П а у к е р у, Materialien z. lat. Wörterbildungsgesch., стр. 99, пр. 4, гдѣ приведены и нѣкоторые другіе случаи.

3) См. R ö n s c h, Jt. u. Vulg., стр. 122 (ср. также М. М. П о к р о в с к і й, „Матеріалы“ стр. 142). Замѣчу кстати, что на надписяхъ засвидѣтельствовано cognomen *Subitanus* (CIL. II, 3297).

4) Ср. Aug. *Conf.* 13, 18 Knöll (Arch. f. lat. Lex. X, стр. 543).

съ каковымъ случаемъ Ф р и д л е н д е р ъ (ad l.) очень удачно сравниваетъ сочетаніе *famulum nemus* у того же Марціала (VI 76, 6). Такое употребленіе словъ *dominus* и *famulus* въ качествѣ прилагательныхъ было облегчено, помимо морфологическаго характера этихъ образованій, существованіемъ субстантивальныхъ формъ женскаго рода *domina* и *famula*, наличность которыхъ при соотвѣтствующихъ существительныхъ мужескаго рода придала этимъ словамъ характеръ прилагательныхъ.

Весьма любопытно также появленіе на ряду съ существительнымъ средняго рода *ergastulum* „работный домъ“ [1]) образованія мужескаго рода *ergastulus*, которое извѣстно намъ изъ слѣдующей замѣтки Нонія (p. 447 сл.): *Ergastulum et e r g a s t u l u s ut genere uta intellectibus differunt. Nam neutro carceris locus est, masculino custos poenalis loco *** Lucilius lib. XV: n o n e r g a s t u l u s m e u s. Et alius: i n d i c e m a d p o s u i t, q u a s i e r g a s t u l u m, u t n e m o s e n t e n t i a m l i b e r e p o s s i t d i c e r e.* Я выписалъ это мѣсто, чтобы показать неосновательность мнѣнія большинства лексикографовъ, будто *ergastulus* значитъ „заключенный въ *ergastulum*“ [2]): совершенно ясно, что это слово надо понимать въ смыслѣ „надсмотрщикъ за работнымъ домомъ, тюрьмой, тюремщикъ“, каковое значеніе дѣлаетъ это слово полнымъ синонимомъ съ *ergastularius* (ср. CGL. II 578, 46: *E r g a s t u l a r i u s qui ergastulo praeest*). Что касается морфологической стороны дѣла, то *ergastulus*, несомнѣнно, преобразовано изъ *ergastulum*, при чемъ

---

1) Подробный анализъ этого слова будетъ данъ въ 1-мъ этюдѣ 1-й главы.

2) Такъ, напр., Г е о р г е с ъ переводитъ это слово посредствомъ „der Zuchthäusler“, F o r c e l l i n i - d e V i t — „servus, qui ergastulo inclusus, ex vinculis seu compedibus opus facit“, B e n o i s t - G o e l z e r — „esclave détenu“. Что касается З а а л ь ф е л ь д а (Tensaur. italo-graec., стлб. 462), то у него относительно этого слова недоразумѣніе: съ одной стороны, онъ переводитъ его нѣмецкимъ „Sträfling“, а съ другой — тутъ же въ скобкахъ приравниваетъ къ латинскому *ergastularius*, которое, нѣсколькими строками выше, понимаетъ въ смыслѣ „der Sclave, welcher die Aufsicht über die andern im Werkhaus hat, der Werkmeister“.

это новообразованіе могло быть вызвано такими парами, какъ: *librarius* „имѣющій дѣло съ libri“: *librarium* „мѣсто для libri“, *thesaurarius* „хранитель сокровищницы“: *thesaurarium* „сокровищница“ (ср. Cassiod. *in ps.* 21, 31) и т. п.

Далѣе заслуживаетъ вниманія слово *verpus*, извѣстное изъ Катулла (47, 4: *Verpus Priapus*), Марціала (напр. XI 94, 2, 4) и Ювенала (XIV 104). Штольцъ (Histor. Gramm., стр. 451) говоритъ: „Einige adjectivische Bildungen (auf *-o-, -ā-*) haben passive Bedeutung, so... *pandus* „gekrummt“, *verpus* „beschnitten““; однако такое сопоставленіе *pandus* и *verpus* безъ дальнѣйшихъ разъясненій едва ли можетъ кого-нибудь удовлетворить. Само собой разумѣется, что *verpus* находится въ ближайшемъ соотношеніи съ *verpa* = mentula, каковое слово засвидѣтельствовано впервые также, если не ошибаюсь, у Катулла (28, 12: *nihilo minore verpa Farti estis*). Что касается значенія слова *verpus*, то, напр., Ризе въ комментаріи къ Catull. 47, 4 замѣчаетъ: „*verpus* heisst „beschnitten“ (Juv. XIV 104), dann durch einen begreiflichen Übergang: *cui glans ex libidinis usu nudata est, ψωλός*, kann also ein Ausdruck für geil sein, „wollüstig wie Priapus““. Беренсъ въ свою очередь полагаетъ, что „*verpi*, a *verpa* sive mentula dicti, ut *ψωλός* a *ψωλή*, vocantur homines libidinosi... aliter *verpi* interdum dicuntur, qui praeputium habent circumcisum“. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что это послѣднее значеніе отнюдь не можетъ быть первоначальнымъ, какъ это предполагаютъ Штольцъ и Ризе, а развилось впослѣдствіи изъ того значенія, которое, повидимому, правильно устанавливаетъ самъ Ризе своимъ латинскимъ перифразомъ. А если такъ, то „passive Bedeutung“, принимаемое Штольцемъ, теряетъ всякую почву. Съ другой стороны, едва ли можно видѣть въ *verpus* : *verpa* первоначальныя прилагательныя мужескаго и женскаго рода, при чемъ второе впослѣдствіи субстантивировалось безусловно, а первое — лишь отчасти. Дѣло въ томъ, что *verpa*, какъ это предполагаетъ Per Persson

(Wurzelerw. u. Wurzelwariat, стр. 52 сл.), относится къ корню *ųerp* съ основнымъ значеніемъ „drehen, wenden“, къ которому восходитъ, между прочимъ, лит. *vìrpiu (-u)*, *virpéti (virpti)* „колебаться, дрожать“, *verpiù verpti* „прясть“, греч. *ῥαπίς* „прутъ“ и т. п.; сюда же я отнесъ бы, пожалуй, и др.-инд. *varpā* „колосъ“, которое въ морфологическомъ отношеніи представляло бы собой величину вполнѣ тождественную съ лат. *verpa*. Если эти этимологическія сближенія вѣрны, то *verpus* не можетъ быть понято иначе, какъ производное отъ *verpa*, что̀ и предполагаетъ Беренсъ, образованное однако безъ примѣненія обычныхъ вторичныхъ суффиксовъ.

Нѣкоторое pendant къ *verpa* : *verpus* представляетъ собой другая пара: *coxa* : *coxus*. Первое изъ этихъ двухъ образованій, значащее „бедро, бедренная кость“, находится въ родствѣ съ др.-инд. *kakshā* „подмышка“, др.-нѣм. *hahsa* „колѣно“, ир. *coss* „нога“, кимр. *coes* „бедро“ и т. п.[1]); что касается *coxus*, то это слово, какъ это видно изъ глоссы Стефана: *Coxus λολος (=χωλός)* (CGL. III 468, 37), значило „хромой“ (ср. отсюда исп. *cojo*, порт. *coxo*, кат. *coix* съ тѣмъ же значеніемъ)[2]). Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что *coxus* преобразовано изъ *coxa*, при чемъ первоначальнымъ значеніемъ этого прилагательнаго было что-нибудь въ родѣ „страдающій болѣзнью бедренной кости“ или, можетъ-быть, сустава вообще; ср. на всякій случай еще глоссы: *Ἐκκότυλος coxosus* (CGL. II 281, 6) и *Coxosus sciatitus (=ischiadicus)* (ibid. 574, 3), причемъ греческое *ἐκκότυλος*, являющееся въ качествѣ леммы въ первой глоссѣ и, кажется, въ текстахъ не засвидѣтельствованное, по всей вѣроятности, зна-

---

[1]) См. Schrader, Reallex. d. indogerm. Altertumskunde, стр. 468.

[2]) На ряду съ этимъ *coxus* (а можетъ-быть, и изъ него) явилось *coxo*, неоднократно засвидѣтельствованное въ глоссаріяхъ (см. Götz, Thes. gloss.) и имѣвшее то же значеніе „хромой“. Это образованіе является и въ качествѣ cognomen: ср., напр., CIL. IX 5127: *T. Vibius T. l. Philotimus Coxso* (Arch. f. lat. Lex. XIII, стр. 242).

чило „съ вывернутымъ (бедреннымъ) суставомъ“: ср. аналогичное образованіе *ἔξαρθρος* „страдающій вывихомъ“.

Съ другой стороны, *coxa* : *coxus* можно сопоставить съ *coxendix* „бедренная кость, бедро“: *coxendĭcus* „хромой“ (ср. Sex. Placit. *de medic.* 5, 13)[1]).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ отдѣльными примѣрами, спорадически возникшими въ латинскомъ языкѣ. Въ заключеніе этого экскурса упомяну о цѣлой категоріи словъ, относящихся сюда: это — названія различныхъ плодовыхъ деревьевъ и растеній и соотвѣтствующихъ имъ плодовъ, при чемъ первыя представляютъ собой имена существительныя женскаго рода съ окончаніемъ на *-us* въ именительномъ падежѣ, а вторыя — соотвѣтствующія образованія средняго рода на *-um*; ср., напр., *pirus* „грушевое дерево“ и *pirum* — „груша“, *morus* „тутовое дерево“ и *morum* — „тутовая ягода“ и т. п.; это же явленіе мы наблюдаемъ и въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ, напр. древне-индійскомъ и греческомъ, съ той только разницей, что въ первомъ имена деревьевъ (и растеній) обыкновенно, а въ греческомъ языкѣ иногда — мужескаго рода. Очень возможно, какъ это предполагаетъ Дельбрюкъ (Vgl. Synt. d. indogerm. Spr. I, стр. 93), что эти морфологическія пары возникли по аналогіи съ нѣкоторыми примѣрами, восходящими еще къ общему индо-европейскому языку[2]).

---

[1]) Эту просодію *ĭ* я принимаю въ виду слѣдующаго Плавтовскаго стиха (*Bacch.* 1159):

Cor stimulo foditur.—*Pol tibi multo aequius est coxendĭcem*,

тогда какъ Георгесъ даетъ неправильную просодію *coxendix*, *-īcis* и *coxendīcus*.

[2]) Ср. также Niedermann въ Indogerm. Forsch. XV, стр.120, гдѣ, между прочимъ, высказывается остроумное предложеніе, что по аналогіи съ подобными парами „der Name des Sperberbaums *sorbus*, erst nachträglich zu dem seiner Frucht *sorbum* hinzugebildet sein möchte“. Это послѣднее названіе, согласно гипотезѣ Нидермана, представляетъ собой не что иное, какъ субстантивированное прилагательное **sorbus* „красный“, восходящее къ прототипу **sordhos* и находящееся въ родствѣ съ лит. *sârtas* „гнѣдой“ (про лошадей), латышск. *sārts* „красный“, „розовый“ (про лицо, щеки).

Сюда же можно отнести и нѣкоторые факты изъ области ономатологіи. В. Шульце (op. c., стр. 418) замѣчаетъ, что „von *barba* zu *Barbus*[1]) auf einem grammatisch einwandfreien Wege zu gelangen ist schwer, und *Vaccus* schliesst erst recht jeden Gedanken an einen Zusammenhang mit dem lautlich doch so ganz nahe anklingenden Substantivum *vacca* aus. Denn *vacca* ist ein eminent femininisches[2]) Wort, als solches doppelt charakterisirt, sowohl durch das Etymon wie durch die Stammbildung“. Съ этими соображеніями при всей ихъ кажущейся убѣдительности я не могу согласиться. Не подлежитъ сомнѣнію, что *concubina* представляетъ собой „ein eminent femininisches Wort“, и тѣмъ не менѣе на ряду съ нимъ появилось впослѣдствіи образованіе мужескаго рода *concubinus*[3]). Изъ греческаго языка можно привести цѣлый рядъ любопытныхъ примѣровъ аналогичнаго характера: такъ *μητρυιός* (Pollux) „отчимъ“ возникло изъ fem. *μητρυιά* „мачеха“, *ἑταῖρος* можетъ быть объяснено, какъ преобразованіе *ἑταίρα* (=**ἑταρια* gen. **ἑταριᾶς*), *ἰδυῖοι* явилось вм. *εἰδότες*, несомнѣнно, по аналогіи съ fem. *ἰδυῖαι* и т. п.[4]) Правда, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ вполнѣ опредѣленнымъ и понятнымъ процессомъ: извѣстное слово, обозначающее женское лицо, получаетъ на ряду съ собой дублетъ мужескаго рода (съ соотвѣтствующимъ формальнымъ признакомъ) въ виду того, что функціи соотвѣтствующаго мужского

---

[1]) Это cognomen извѣстно мнѣ, напр., изъ CIL. IX 751, 2845, 2846.

[2]) Разрядка принадлежитъ автору цитаты.

[3]) До извѣстной степени можно сопоставить съ этимъ случаемъ такія сочетанія, какъ *puer devirginatus* (Varr. *Sat. Men.* 409) или наше *усыновить дѣвочку*, гдѣ также наблюдается смѣшеніе терминовъ, относящихся къ различнымъ поламъ; ср. еще сочетаніе *viri nupti*.

[4]) Ср. Wheeler, Der griech. Nominalaccent, стр. 59. Извѣстную аналогію (хотя и изъ области семасіологіи) представляетъ собой развитіе значенія въ словѣ *baiulus*. Первоначально оно значило „носильщикъ“, а впослѣдствіи, когда соотвѣтствующая форма женскаго рода *baiula* пріобрѣла спеціальное значеніе „императорской няни“, то и *baiulus* стало употребляться въ смыслѣ „воспитателя императорскихъ дѣтей“ (ср. K. Schmidt, Die Gründe des Bedeutungswandels, стр. 18).

лица или тождественны, или аналогичны съ функціями женскаго лица. Что касается *Vaccus*, то оно могло бы быть объяснено слѣдующимъ образомъ: сперва явилось женское cognomen *Vacca* = *vacca*[1]), а затѣмъ на ряду съ нимъ возникло мужское cognomen — уже съ формальнымъ признакомъ мужескаго рода — *Vaccus*. Въ качествѣ аналогіи могло бы служить хотя бы мужское имя *Mustelus* (ср. CIL. VIII 10, 516: *Astius M u s t e l u s*), возникшее на почвѣ женскаго имени *Mustela* = *mustela* (ср. CIL. VIII 5033: *Laberia M u s t e l a*); любопытно, что это послѣднее имя, такъ же какъ и *Vacca*[2]), являлось также и въ качествѣ мужского (ср. Cic. Phil. II 4: *Mustela Tamisius*); нѣсколько болѣе далекую, но все-таки достаточно краснорѣчивую аналогію представляетъ собою мужское cognomen *Arescusus* (Inscr. ap. Momms. n. 6467: *Ti. Claudius Aug. libertus A r e s c u s u s*), развившееся на ряду съ женскимъ именемъ *Arescusa* (ср. ibid. 3158, 5996 и т. д.) = греч. *Ἀρέσκουσα*[3]). Сюда же, быть можетъ, относится и cognomen *Luxurius* (CIL. X 593), если оно преобразовано изъ женскаго cognomen *Luxuria* (ibid. III 2113, X 3107) и если, въ свою очередь, это послѣднее имя этимологически тождественно съ нарицательнымъ существительнымъ *luxuria*, что само по себѣ вполнѣ возможно, такъ какъ слова, обозначающія отвлеченныя понятія, нерѣдко являются въ качествѣ личныхъ собственныхъ именъ: ср., напр., женскія имена *Bonitas* (inscr. ap. Momms. n. 7033, 3677), *Claritas* (Ammian: XXVIII 1, 28), *Facultas* (inscr. ap. Momms. n. 5479 и 5827), *Hilaritas* (ср. Ephem. epigraph. II n. 901), *Voluptas* (напр.

[1]) Хотя я и не могу привести примѣра для этого cognomen, но считаю его въ высшей степени вѣроятнымъ въ виду обычности cognomina, представляющихъ названія животныхъ.

[2]) Это имя носилъ одинъ грамматикъ VI в. по Р. Х., объяснявшій Лукана (см. Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 280).

[3]) Это имя фактически засвидѣтельствовано на аттическихъ надписяхъ: ср. CIA. III 1280 a, Add. B_{10}, App. $68a_{14}$ (см. B e c h t e l, Die Attischen Frauennamen, стр. 44).

CIL. II 314), можетъ-быть, *Medella* (напр. CIL. IX 390) и т. п.[1]).

Отмѣчу далѣе позднелатинское мужское имя *Hirundinus* (см. d e-V i t, Onomasticon s. n.), по всей вѣроятности, возникшее на почвѣ женскаго cognomen *Hirundo* (ср. напр. CIL. II 3908).

Нельзя ли было бы съ этой же точки зрѣнія объяснить появленіе мужского cognomen *Violus* (ср. напр. CIL. IX 170, inscr. Momms. n. 527) при женскомъ *Viola* (напр. CIL. V 1462, 4182, IX 375, 1783, 4816), въ которомъ легко заподозрѣть нарицательное *viola*, такъ какъ ботаническіе термины нерѣдко являются въ качествѣ cognomina[2]). Что на ряду съ cognomen одного рода можетъ впослѣдствіи явиться соотвѣтствующее cognomen другого рода, противорѣчащее основному этимологическому значенію, объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ одинъ совершенно несомнѣнный примѣръ, обратный по отношенію къ только что приведеннымъ: а именно на ряду съ мужскимъ cognomen *Homullus* (напр. CIL. II 5084 и 3415), въ которомъ даже скептикъ Ш у л ь ц е (ор. с., стр. 461, прим. 4) усматриваетъ величину, тождественную съ нарицательнымъ *homullus*[3]), явилось женское cognomen *Homulla* (ср. напр., CIL. V 4995, IX 5397, X 5397).

Что касается *Barbus*, то я тѣмъ менѣе затруднился бы связать это имя съ *barba*, что въ латинскомъ языкѣ существуетъ нарицательное *barbus*, обозначающее рыбу особой породы (ср. Auson. *Mosell.* 94: *Liberior laxos exerces, b a r b e*,

[1]) Встрѣчаются abstracta и въ качествѣ мужскихъ cognomina, ср., напр., *Vigor* (Ephem. epigraph. II n. 589), *Pietas* (ibid. V n. 252 bis), *Hilaritas* (CIL. III 9362, имя раба).

[2]) Ср. напр., *Bulbus* (Cic. *Cluent.* 26. *Verr.* IV 32), *Herbula* (? CIL. IX 2608, X 2781), c. vir. *Laurus* (напр. CIL. II 359, III 2552, VI 21172), *Piper* (ibid. XII 5686 [692]), *Urtica* (Momms. n. 4419) и т. п. И въ греческомъ языкѣ многія женскія имена заимствованы изъ ботанической терминологіи: ср. B e c h t e l, Die Attischen Frauennam., стр. 100 сл.

[3]) Тутъ же Ш у л ь ц е упоминаетъ и аналогичное мужское имя *Homuncio* (напр. CIL. VI 2375b) = *homuncio*.

natalus). Я не хочу этимъ сказать, что собственное имя *Barbus* воспроизводитъ собой это нарицательное слово, — хотя среди римскихъ cognomina и попадаются такія, которыя внѣшнимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, тождественны съ названіями рыбъ, въ родѣ *Orata* или *Mur(a)ena*[1]), можетъ-быть, *Mullus*[2]), — но какъ бы то ни было возникновеніе *Barbus* могло произойти путемъ такой же по существу морфологической модификаціи *barba*[3]), какую мы имѣемъ въ *barbus*.

Я долженъ оговориться, что изложеннымъ выше соображеніямъ по поводу *Barbus* и *Vaccus* я придаю лишь методологическое значеніе, но, разумѣется, ручаться за объективную достовѣрность предложенныхъ мной объясненій трудно. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что какъ разъ собственныя имена въ нѣкоторыхъ случаяхъ образуются, такъ сказать, упрощеннымъ способомъ, безъ помощи вторичныхъ суффиксовъ, а путемъ непосредственнаго преобразованія родового признака. На это обстоятельство было мною уже указано въ „Изслѣдованіяхъ“ (см. стр. 233 сл. и 277), при чемъ въ качествѣ иллюстрацій послужили мнѣ тогда помимо нѣкоторыхъ именъ божествъ слѣдующія личныя имена: *Corculus* при *corculum*[4]), *Alimentus* при *alimentum* и *Sarmentus*[5]) при *sarmentum*. Теперь я могу прибавить еще

---

[1]) Ср. Varro R. R. III 3, 10: *Nostra aetas, in quam luxuriam propagavit leporaria, hoc piscinas protulit ad mare et in eas pelagios greges piscium revocavit, non propter has appellati Sergius* *O r a t a* *et Licinius* *M u r a e n a?* а также Colum. VIII 16, 5: *Sergius* *O r a t a* *et Licinius* *M u r a e n a* *captorum piscium laetabantur vocabulis*. Впрочемъ, ср. скептическія замѣчанія Ш у л ь ц е (ор. с., стр. 195).

[2]) Ср. надпись въ Rev. Archeol. 1880, vol. 39, p. 75: *C. Valent. Censorinus* *M u l l i f.*

[3]) Ср. кстати cogn. vir. *Barba* (напр. CIL. IX 4519, XII 4686).

[4]) Ш у л ь ц е (ор. с., стр. 313, прим. 4) замѣчаетъ: „Plinius bringt *Catus* und *Corculus* zusammen *n. h.* VII 118 (ср. также другія указанія въ моихъ „Изслѣдованіяхъ“, стр. 233). Man hat aber gewiss für das richtige Verständniss von *Corculus* auch das etruskische Gentilicium *χurcles χurχles* Fabretti 2070 sq. zu bedenken“.

[5]) На ряду съ этимъ сравни cognomen *Sarmentius*, неоднократно засвидѣтельствованное на надписяхъ, напр., CIL. III 1982, 1988, 2771 и т. п.

слѣдующіе примѣры, изъ которыхъ нѣкоторые, впрочемъ, требуютъ извѣстныхъ оговорокъ:

Castellus (inscr. ap. Momms. n. 1453), если только это имя образовано отъ *castellum*, за что ручаться нельзя въ виду существованія именъ *Castēna* (CIL. III 1530), *Castius* (ibid. III 5324) и т. п.

Auxilius (CIL. III 3218 [2]) при *auxilium*.

Commercius (inscr. Murat. 1853) при *commercium*.

Concilius (inscr. Momms. n. 6792) при *concilium;* впрочемъ, возможно также, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ поствербальнымъ образованіемъ отъ гл. *conciliare*, которое, быть можетъ, употреблялось даже въ качествѣ нарицательнаго слова: ср. на всякій случай образованіе *comitius*, предположенное мною въ „Изслѣдованіяхъ“, стр. 202. Прибавлю теперь, что это образованіе является, между прочимъ, въ качествѣ cognomen *Comitius* (напр. CIL. III 12014 [208])[1]).

Desiderius (напр. CIL. III 6019 [3], VII 1287) при *desiderium*.

Exitius (Cic. Phil. XIII 13, 28: *E x i t i u s, Philadelphi frater, quaestor)* при *exitium*, если только это имя не испорчено.

Fastidius, — позднее имя (V в. по Р. Х.), встрѣчающееся, напр., у Геннадія *(de script. Eccl.* 57), при *fastidium*.

Navigius (CIL. IX 3136) при *navigium*.

Nundinus (CIL. III 4323, XII 3918, 3753) и женское имя *Nundina*[2]) (ibid. III 5113) при *nundinae* и *nundinum*.

Praesidius (CIL. III 11119) и *Praesidia* (Momms. n. 673) при *praesidium*.

Saeclus (CIL. V 6009), быть можетъ, преобразовано изъ *saeculum;* ср. на всякій случай cognomen *Saecularis* (ibid. VIII 2896): *Saeclaris* (Momms. n. 6780).

---

[1]) Ср. также cogn. *Comitialis* (ibid. III 6010, 68, 191 и т. д.), а съ другой стороны — *Comitianus* (ibid. XIV 246 [III 12]).

[2]) Это имя засвидѣтельствовано также въ качествѣ названія женскаго божества (Macr. *Sat.* I 16, 36).

Sagittus (CIL. XII 5690 [114]) могло бы быть, пожалуй, поставлено въ связь съ нарицательнымъ *sagitta*, которое, кстати сказать, засвидѣтельствовано въ качествѣ мужского cognomen *Sagitta* (ср., напр., Momms. n. 2624, 5324)[1]); кстати напомню еще cogn. *Spiculus* (CIL. XII 5696 [32]), для котораго точкой отправленія могло быть существительное *spiculum*. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ позднѣйшей латыни засвидѣтельствовано нарицательное прилагательное *spiculus* „острый" (Tert. *de pudic.* 7), которое скорѣе всего представляетъ собой преобразованіе *spiculum*.

Studius (CIL. IX 1430) при *studium*; при этомъ обращу вниманіе на любопытное женское cognomen *Studium* (ibid. 2720)[2]).

Настоящая работа, такъ же какъ мои „Изслѣдованія", не имѣетъ характера вполнѣ цѣльной и однородной монографіи, а разсматриваетъ нѣсколько отдѣльныхъ вопросовъ изъ области латинскаго основообразованія. Впрочемъ, это — обычный типъ современныхъ изслѣдованій въ данной области языковѣдѣнія, и всѣ работы, указанныя въ началѣ этого введенія, за исключеніемъ, быть можетъ, одной — Зоммера, въ большей или меньшей степени имѣютъ фрагментарный характеръ, что̀ объясняется отчасти чрезвычайной сложностью предмета изслѣдованія, а съ другой стороны тѣмъ, что много отдѣльныхъ пунктовъ въ ученіи о латинскомъ основообразованіи уже разработано въ научной литературѣ, и воспроизведеніе ихъ неизбѣжно придало бы работѣ компилятивный характеръ. Для связнаго же изложенія всего ученія о латинскомъ основообразованіи не наступило еще время. Во всякомъ случаѣ характерно, что въ послѣдней по времени крупной работѣ по латинскому языковѣдѣнію, а именно въ сочиненіи Зоммера „Handbuch der lateinischen Laut-und Formenlehre"

[1]) Ср. еще cogn. *Sagittius* (Momms. n. 6310 [186]).
[2]) Ср. кстати cogn. *Studiosus* (Momms. n. 7188), *Studiosa* (ibid. 1562).

какъ показываетъ самое ея заглавіе, весь отдѣлъ словообразованія совершенно отсутствуетъ.

Сложность разысканій въ области латинскаго словообразованія зависитъ отъ многихъ причинъ. Изслѣдователю приходится на каждомъ шагу считаться съ вопросами латинской фонетики, лексикографіи, семасіологіи, этимологіи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — и синтаксиса, и во всѣхъ этихъ областяхъ при современномъ состояніи латинскаго языковѣдѣнія необходима строгая провѣрка данныхъ, а иногда и самостоятельныя разслѣдованія съ подборомъ новаго матеріала. Достаточно сказать, что до сихъ поръ отсутствуетъ вполнѣ надежный латинскій словарь, не говоря уже о сколько-нибудь научномъ этимологическомъ словарѣ латинскаго языка, такъ какъ работы Ваничка[1]), Бреаля-Байи[2]), Wharton'a[3]) частью устарѣли, частью составлены учеными, не вполнѣ владѣющими результатами современной лингвистической литературы, обѣщанный же Остгофомъ словарь все еще заставляетъ ждать своего появленія. Въ виду этого латинскія этимологіи до сихъ поръ не объединены въ одномъ трудѣ, но разбросаны по множеству отдѣльныхъ статей и изслѣдованій, что̀ сильно затрудняетъ ихъ отыскиваніе, многія же отдѣльныя латинскія слова до настоящаго времени остаются не разъясненными. Какъ и въ первомъ своемъ трудѣ, я предлагаю въ настоящихъ „Этюдахъ" нѣсколько новыхъ этимологій, стараясь обосновать ихъ возможно болѣе обстоятельной аргументаціей.

Чѣмъ болѣе я занимался изученіемъ морфологіи латинскаго языка вообще и словообразованіемъ въ особенности, тѣмъ болѣе выяснялась необходимость детальнаго изученія

[1]) Etymologisches Wörterbuch der lateinischen Sprache von Alois Vaniček. 2 Aufl. Leipzig 1881.
[2]) Dictionnaire étymologique latin, par Michel Bréal et Anatole Bailly, 3 éd. Paris 1891.
[3]) Etyma latina. An etymological lexicon of classical Latin, by Ed. Wharton. London 1890.

отдѣльныхъ фактовъ языка, такъ какъ только такой пристальный, такъ сказать, микроскопическій анализъ даетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ключъ къ уразумѣнію этихъ фактовъ. Впрочемъ, за послѣднее время все сильнѣе наблюдается въ языковѣдѣніи переходъ отъ широкихъ схемъ и построеній къ детальному изслѣдованію небольшихъ группъ языковыхъ явленій и даже отдѣльныхъ словъ[1]), которыя нерѣдко вызываютъ обширные экскурсы. Къ этому направленію въ значительной степени примыкаютъ и предлагаемые „Этюды“, въ которыхъ на ряду съ основными пунктами изслѣдованія предлагается рядъ отдѣльныхъ экскурсовъ по этимологіи, морфологіи и фонетикѣ латинскаго языка, обособленныхъ мною отчасти во избѣжаніе чрезмѣрнаго загроможденія главной нити изслѣдованія уклоняющимися въ сторону вставками, отчасти же для болѣе обстоятельнаго разъясненія тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ фактовъ.

Эту же цѣль преслѣдуютъ на ряду съ экскурсами и довольно многочисленныя примѣчанія, которыя даютъ мнѣ возможность попутно затронуть многія явленія латинскаго языка, имѣющія лишь косвенное отношеніе къ главному предмету изслѣдованія.

Въ заключеніе замѣчу, что, несмотря на нѣкоторую фрагментарность настоящей работы, она возникла не случайно, но вполнѣ органически, и потому отдѣльныя части ея находятся между собой въ ближайшемъ соотношеніи. А именно, первая глава заключаетъ въ себѣ три этюда, относящіеся къ вопросу о звуковой сторонѣ въ исторіи латинскихъ именныхъ суффиксовъ, тогда какъ всѣ этюды второй главы посвящены изученію нѣкоторыхъ типовъ латинскихъ прилагательныхъ.

[1]) Превосходный знатокъ вульгарной латыни, Моль (Mohl), въ своей небольшой, но богатой содержаніемъ книгѣ: „Les origines romanes“ не безъ основанія говоритъ въ заключеніе, между прочимъ, слѣдующее: „L’histoire de chaque mot exige souvent plus de temps et de patience qu’il n’en faut à d’autres pour édifier des théories entières“. То же самое можно сказать и относительно многихъ фактовъ литературнаго латинскаго языка.

Связь между этими двумя главами помимо общей ихъ принадлежности къ области латинскаго именного основообразованія выражается во многихъ отдѣльныхъ пунктахъ, при чемъ особенно тѣсно связаны между собой два начальныхъ этюда обѣихъ главъ.

Въ концѣ книги для облегченія читателей приложены три указателя: предметный, отдѣльныхъ словъ и собственныхъ именъ.

ГЛАВА I.

Къ вопросу о звуковой сторонѣ въ исторіи латинскихъ именныхъ суффиксовъ.

Пристальный анализъ фактовъ латинскаго, какъ и всякаго другого, языка выясняетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда звуковое тождество или даже сходство тѣхъ или другихъ морфологическихъ элементовъ (возникающее иногда въ сравнительно позднюю эпоху, подъ вліяніемъ извѣстныхъ фонетическихъ законовъ) влечетъ за собой смѣшеніе этихъ элементовъ. Это явленіе наблюдается какъ въ корневыхъ (знаменательныхъ), такъ и въ формативныхъ частяхъ слова, т.-е. словообразовательныхъ и флективныхъ элементахъ.

Образчикомъ смѣшенія корней можетъ служить, напр., латинскій глаголъ *ruo*, въ которомъ, какъ это справедливо замѣчаетъ Сольмсенъ (Studien zur lat. Lautgesch., стр. 32), совпали два первоначально различныхъ глагола: **rūi̯ō* „рою“ (= ст.-слав. рыѭ) и **rĕṷō* < *ṛuo* „рву“ (ср. ст.-сл. *ръветъ*).

Точно такъ же въ гл. *diluere* совпали, повидимому, два различныхъ глагола: одинъ родственный съ глаголомъ *lavāre*, а другой съ греч. *λύειν*. Второй изъ этихъ глаголовъ можетъ быть иллюстрированъ, напр., такими мѣстами, какъ Plaut. *Rud.* 1108: *nei quod rogavi dilue* или Gell. *Noct. Att.* XX 20, 31: *iniurias pauco aere diluere*; ср. еще Cic. *de or.* II § 236: *Odiosas res saepe, quas argumentis dilui non facile est, ioco risuque dissolvit orator.*

Даже одно только сходство корней по звуку влечетъ иногда ихъ семасіологическое смѣшеніе. Такъ, напр., прилагательное *mendax*, несомнѣнно, возникшее отъ *menda, mendum*, вслѣдствіе звукового сходства въ корнѣ примкнуло семасіологически къ гл. *mentiri*[1]). Такимъ же образомъ прилагательное *publicus*, этимологически относящееся къ *pubes*, было пріурочено къ *populus*, вытѣснивъ собою архаическую форму *poplicus*[2]).

Аналогичное явленіе наблюдается и въ области флексій: такъ, нѣкоторые факты такъ называемаго синкретизма (слiянія, смѣшенія) падежей коренятся именно въ такомъ фонетическомъ совпаденіи тѣхъ или другихъ падежныхъ окончаній: напр., въ извѣстную эпоху латинскаго языка совпали дательные, отложительные и инструментальные падежи отъ основъ на *-o*; при этомъ форма дательнаго падежа благодаря своимъ синтактическимъ свойствамъ, вообще говоря, не сливалась въ сознаніи говорящихъ съ однозвучными формами двухъ другихъ падежей[3]), тогда какъ формы отложительнаго и инструментальнаго падежей объединились въ одну категорію. То же самое мы находимъ и въ глаголь-

---

1) Это отмѣтили, хотя въ черезчуръ осторожной формѣ („peut-être“), уже Breal-Bailly, Dict. etym. lat., стр. 188; ср. также Prellwitz, Etym. Wtb. d. gr. Spr. s. v. *μάτην*.

2) Ср. Thurneysen, Kuhn's Zeitschr. XXX, стр. 499 сл. Нѣкоторые другіе примѣры такого семасіологическаго сближенія словъ, близкихъ по звуку, приводитъ Бругманъ въ Indogerm. Forsch. XVII, стр. 170, примѣч. 2. Между прочимъ, сюда онъ относитъ поздцелат. *iter* : *iterare* „путешествовать“, очевидно, выводя данный глаголъ отъ *iterum*. Я не знаю однако, насколько такое предположеніе необходимо; ср. сказанное мною по поводу этого глагола въ „Изслѣдованіяхъ“, стр. 171 съ прим. 3.

3) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ звукового совпаденія формъ дательнаго падежа съ формами инструментальнаго трудно рѣшить, съ какимъ изъ этихъ двухъ падежей мы имѣемъ дѣло. Такъ, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ у Тибулла (I 1, 62): *Tristibus.. lacrimis oscula mixta dabis*, или II 1, 46: *Mixtaque securo est sobria lympha mero*, относительно формъ *tristibus, lacrimis, securo, mero*, можно колебаться, принять ли ихъ за дательные или инструментальные падежи, такъ какъ при гл. *miscere* возможна какъ та, такъ и другая конструкція: ср. съ одной стороны: Ovid. *Fast.* IV 371: *Candidus elisae miscetur caseus herbae*, а съ другой — Tibull. II 3, 14b: *Et miscere novo docuisse coagula lacte.*

ныхъ окончаніяхъ: такъ, напр., исходъ 3-го лица множ. ч. дѣйствительнаго залога настоящаго времени *-nti* вслѣдствіе апокопе конечнаго *-i* фонетически совпалъ съ соотвѣтствующимъ исходомъ историческихъ временъ *-nt*.

Совершенно естественно ожидать подобныхъ же фонетическихъ совпаденій и въ словообразовательныхъ элементахъ латинскаго языка. И дѣйствительно, такіе примѣры наблюдаются, при чемъ выясненіе ихъ имѣетъ большое значеніе для правильной оцѣнки многихъ явленій латинскаго словообразованія.

Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благодаря ротацизму, смѣшались основы на *s* съ основами на *r* и на этой почвѣ, напр., возникли новообразованія *veterrimus* при *vetus*[1]), *pubertas* при *pubes*, *muliercula* (уже у Плавта!) при **mulies* (ср. *muliebris* изъ **mulies-ri-s*)[2]) и т. п.[3])

---

[1]) Ср. Sommer въ Indogerm. Forsch. XI, стр. 228.

[2]) Ср. объ этихъ образованіяхъ мои „Изслѣдованія", стр. 251 сл. И. В. Нетушилъ по этому поводу замѣчаетъ („Фил. Обозр." XXI 2, стр. 81): „Общій обликъ (слова *mulier*) мало соотвѣтствуетъ индо-европейскому типу словообразованія. Поэтому предположеніе о сигматическомъ окончаніи слова, а равно вопросъ о томъ, произошло ли *muliebris* изъ *mulies-ris* или *mulies-lis* (стр. 251 сл.), быть можетъ, излишни". Первое замѣчаніе безусловно вѣрно, но съ двумя сдѣланными изъ него выводами трудно согласиться. Пусть *mulier*—слово не италійское, но развѣ это достаточный поводъ къ воздержанію отъ всякихъ разсужденій о томъ, въ какой формѣ оно первоначально проникло на италійскую (или въ частности — латинскую) почву, и какими словообразовательными элементами на этой почвѣ осложнилось? Не слѣдуетъ забывать, что иноземныя слова, входя въ составъ чужого языка народнымъ путемъ, обыкновенно испытываютъ на себѣ дѣйствіе фонетическихъ законовъ этого послѣдняго языка и нерѣдко осложняются тѣмъ или другимъ суффиксомъ, свойственнымъ этому языку. Ср. напр., лат. *tus*=греч. *θύος*, въ которомъ, конечное *s* въ косвенныхъ падежахъ перешло въ *r* согласно латинскому фонетическому закону о ротацизмѣ интервокальнаго *s*; ср. также переходъ *oi (oe)* въ *ū*, наблюдаемый въ глаголѣ *punire*, происходящемъ отъ *poena*, которое, несомнѣнно, заимствовано изъ греч. *ποινή*. Съ другой стороны, слово *tellus*, напр., едва ли италійскаго происхожденія, но неужели это лишаетъ насъ права или возможности обсуждать происхожденіе словообразовательнаго суффикса въ прилагательномъ *telluster*?

[3]) Что касается, напр., смѣшенія основъ на *-o* и на *-u-*, которое многіе лингвисты склонны объяснять какъ продуктъ фонетическаго ихъ совпаденія въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ, то, какъ показалъ М. М. Покровскій

Суффиксъ *-ārio-* представляетъ собой довольно сложную амальгаму изъ первоначально различныхъ исходовъ: а именно, нѣкоторыя образованія на *-ārio-* восходятъ къ *-ār-io-*, другія, можетъ-быть, къ *-āl-io-*, третьи — къ *-āsio-*[1]). Впослѣдствіи этотъ суффиксъ отчасти благодаря звуковому сходству, въ свою очередь смѣшался съ суффиксомъ *-āneo-*[2]).

Первый этюдъ данной главы и посвященъ мной изученію нѣкоторыхъ фактовъ изъ области звукового смѣшенія суффиксовъ.

Съ другой стороны и наоборотъ — благодаря фонетическимъ видоизмѣненіямъ первоначально тождественные языковые элементы (корни, флексіи, словообразовательные элементы) могутъ разобщаться. Такъ, напр., корневыя части въ *caerulus* (изъ **caelulus*) и *caelum*, первоначально тождественныя, вслѣдствіе диссимиляціи разобщились[3]); точно такъ же благодаря чисто фонетическимъ метаморфозамъ обособились въ корневыхъ частяхъ формы *lautus* и *lōtus*, одинаково восходящіе къ прототипу **lou̯etos*[4]) и т. п. Изъ области флексій отмѣчу, напр., возникшее на фонетической почвѣ обособленіе нарѣчій *benĕ* и *malĕ*, благодаря тенденціи ямбическихъ соче-

---

(„Русскій Фил. Вѣстн." 1892, № 2, и „Матеріалы", стр. 148 сл.), оно восходитъ къ болѣе глубокимъ корнямъ, лежащимъ за предѣлами отдѣльной жизни латинскаго языка.

[1]) Ср. Stolz, Hist. Gramm., стр. 468 сл.

[2]) Смѣшеніе суффиксовъ *-ārio-* и *-āneo-* хорошо выяснено М. М. Покровскимъ („Матеріалы", стр. 138 сл.).

[3]) Какъ то, такъ и другое слово подробно разобраны мною въ 1-мъ этюдѣ 2-й главы.

[4]) Замѣчу кстати, что предположеніе Сольмсена (Stud. z. lat. Lautgesch., стр. 91 сл.), будто *lōtus* возникло изъ **lău̯ĕtos* < **lău̯ŏtos* < **lăŏtos*, едва ли можетъ быть признано правдоподобнымъ, такъ какъ переходъ группы *ăŏ* въ *ō* весьма сомнителенъ съ точки зрѣнія физіологіи звуковъ. Въ виду этого я вслѣдъ за Зоммеромъ (Handbuch, стр. 131, прим.) предпочитаю выводить *lōtus* изъ **lou̯atos* < **lou̯otos*. Если такъ, то прототипъ формы *lōtus* восходитъ къ той эпохѣ, когда инд.-евр. a^{0}*u̯* (посредствомъ a^{0} я обозначаю такое *ŏ*, которое не чередовалось съ *ĕ*) еще не перешло въ италійское (?) *au*, а приближалось по качеству слоговой части къ дифтонгу *ou̯* (ср. греч. *λούω*).

таній къ переходу въ пиррихическія выдѣлившихся изъ обширной категоріи нарѣчій на -ē.

Второй этюдъ настоящей главы разсматриваетъ одинъ случай фонетическаго разобщенія въ области словообразовательныхъ элементовъ.

Наконецъ, третій и послѣдній этюдъ первой главы имѣетъ своей задачей выясненіе любопытной и довольно многочисленной категоріи случаевъ смѣшенія на звуковой почвѣ корневыхъ и словообразовательныхъ элементовъ, благодаря чему въ латинскомъ языкѣ появился цѣлый рядъ образованій несовсѣмъ нормальныхъ съ чисто морфологической точки зрѣнія, которыя до сихъ поръ оставались безъ надлежащаго разъясненія.

Такимъ образомъ первая глава занимается группой явленій латинскаго языка, обнаруживающихъ вліяніе фонетики на словообразованіе.

I. *О ложеуменьшительныхъ образованіяхъ.*

Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ случаевъ фонетическаго смѣшенія разнородныхъ суффиксовъ является категорія уменьшительныхъ образованій съ элементомъ *l*, настолько близко стоящая въ звуковомъ отношеніи къ отглагольнымъ и отъименнымъ образованіямъ съ исходомъ *-lo- (-lā)*, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ только спеціальный морфологическій и семасіологическій анализъ можетъ выяснить истинный характеръ того или другого образованія.

Уже Н. К. Гельвихъ („Наблюденія надъ именами прилагательными у Плавта", стр. 12 сл.) справедливо указалъ на то, что „отглагольныя прилагательныя имена на *-ulus (-olus)* нерѣдко смѣшиваются съ уменьшительными именами, имѣющими, какъ извѣстно, то же окончаніе. Такъ, напр., Лоренцъ въ примѣчаніи къ (Plaut.) *Pseud.* 152 (153 по изданію Ричля-Гётца) считаетъ *plagigerulus* и другія сложныя съ *gerulus* слова уменьшительными, а на стр. 62 введенія къ той же комедіи въ прим. 51 говоритъ: „nicht recht klar sind die Bildungen mit *gerulus*". Или Ризе (Riese) въ введеніи къ своему изданію Катулла (стр. XXV), говоря объ уменьшительныхъ словахъ, причисляетъ къ нимъ и сл. *tinnulus* [1]). Но если окончанія уменьшительныхъ словъ и отглагольныхъ именъ прилагательныхъ на *-ŭlus* и могутъ, дѣйствительно, быть сведены къ одному и тому же перво-

---

[1]) Снабдивъ однако этотъ примѣръ знакомъ вопроса, прибавимъ мы. Замѣчу, кстати, что *tinnulus* при *tinnīre* можно сопоставить съ *garrulus* при *garrīre*.

начальному суффиксу[1]), но все-таки эти двѣ группы словъ въ языкѣ получили настолько разное значеніе, что ихъ необходимо строго разграничить". И тѣмъ не менѣе даже латинисты лингвистическаго направленія не всегда считаются съ этой точкой зрѣнія.

Такъ, напр., Штольцъ (Histor. Gramm., стр. 574) безъ всякихъ оговорокъ утверждаетъ, что *sacrificulus* представляетъ собой уменьшительное образованіе, сопоставляя его ближайшимъ образомъ съ *sacerdōtula*. Это сопоставленіе однако, при всей его внѣшней соблазнительности, отнюдь не можетъ имѣть рѣшающаго значенія прежде всего въ виду того, что *sacerdotula* — образованіе женскаго рода, возникшее притомъ отъ личнаго существительнаго муж. рода съ основою на согласную — *sacerdōs, -t-is*; между тѣмъ при этихъ существительныхъ въ латинскомъ языкѣ не было готоваго продуктивнаго типа для соотвѣтствующихъ женскихъ образованій, что̀ и создавало извѣстнаго рода затрудненія, изъ которыхъ языкъ выходилъ различными способами[2]).

Иногда прибѣгали къ наиболѣе радикальному и простому средству, а именно, несмотря на основу на согласную, присоединяли обычный признакъ женскаго рода *-ā*. Такимъ образомъ при *sacerdos* явилась форма женскаго рода *sacerdota* (Orell. inscr. 2184)[3]), при *antistes, -ĭt-is* — *antistita* (уже у Плавта

---

1) Вопросъ о соотношеніи уменьшительныхъ суффиксовъ съ неуменьшительными хорошо выясненъ по отношенію къ славянскимъ языкамъ молодымъ сербскимъ ученымъ Беличемъ въ его монографіи „Zur Entwickelungsgesch. d. slav. Deminutiv- und Amplificativsuffixe" (Arch. f. slav. Phil. XXIII, стр. 134 сл., ср. въ особенности стр. 148 сл.)

2) Вопросъ объ образованіи формъ женскаго рода отъ личныхъ существительныхъ мужескаго рода по отношенію къ латинскому языку еще не разработанъ въ наукѣ. Нижеслѣдующіе факты и соображенія, сопоставленные мною ad hoc, конечно, не претендуютъ на характеръ исчерпывающаго изслѣдованія даннаго отдѣла латинской морфологіи, кстати сказать, совершенно не затронутаго въ исторической грамматикѣ Штольца.

3) На надписяхъ засвидѣтельствована также форма мужескаго рода *sacerdotus* (см. Ephem. epigr. VII p. 321), не упоминаемая Георгесомъ въ Lex. d. lat. Wortformen.

ср. *Rud.* 624), при *cliens, -t-is* — *clienta* (также уже у Плавта ср. *Mil. gl.* 789), при *flamen* — *flamina* (Grut. inscr. 459, 9)[1]), *sodalia* „подруга" (Grut. inscr. 1134, 2; Murat. inscr. 1474, 10), *haruspica* (Plaut. *Mil. gl.* 692), *coniuga* (напр. CIL. VIII 5370)[2]), можетъ-быть, также **hereda* „наслѣдница", если позволительно извлечь это существительное изъ женскаго имени *Hereda* (Cyprian. ep. n. 22).

Иногда для образованія формъ женскаго рода употреблялся исходъ *-ia:* такъ, напр., извѣстны вульгарно-латинскія формы *sacerdotia* (inscr. de Lyon. I 23, p. 36) при *sacerdos* или *nepotia* (CIL. III 6155) при *nepos*[3]). Въ другихъ случаяхъ мы находимъ присоединеніе къ основѣ суффикса *-īna*, напр. *regīna* при *rex, -gis* (ср. *gallus* : *gallina*).

Въ болѣе позднюю эпоху стали пользоваться греческимъ исходомъ *-issa*, который сперва являлся въ словахъ, заимствованныхъ изъ греческаго языка, напр. *abbatissa, diaconissa*, а затѣмъ по аналогіи перешелъ и на слова латинскаго происхожденія, напр. *sacerdotissa* (schol. Luc. VII 778 us.)[4]);

---

1) Ср. мои „Изслѣдованія", стр. 92 и 268.

2) Ср. Mohl, Les origines romanes, стр. 89.

3) Ср. W. Schulze, Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 61, гдѣ относятся сюда же изъ области ономатологіи такіе случаи, какъ *Caecinia* при *Caecina*, *Maecenatia* при *Maecenus*, *Galgestia* при *Galgestes* и т. п.

4) Ср. Skutsch въ Arch. f. lat. Lex. XI, стр. 582, гдѣ авторъ справедливо указываетъ на то, что иностранные суффиксы не могутъ проникнуть непосредственно въ чужой языкъ, „wird aber eine grössere Anzahl von Wörtern entlehnt, die das gleiche Suffix enthalten, so schliessen sich dieselben ebensogut zu einer Gruppe zusammen wie einheimische Wörter mit dem gleichen Suffix, und eine solche Gruppe kann dann auch productiv werden und sich durch analogische Neubildung mit einheimischem Sprachgut verknüpfen" (Paul, Princip. d. Sprachgesch. [3], § 282). Вполнѣ присоединяясь къ этимъ соображеніямъ (которыя спеціально для латинскаго языка подкрѣпляются Скутшемъ цѣлымъ рядомъ поучительныхъ примѣровъ), я долженъ, однако, отмѣтить два случая, какъ будто противорѣчащіе этому правилу:

1) *rapister*, засвидѣтельствованное въ фрагментѣ Луцилія, переданномъ у Нонія (p. 129) въ слѣдующемъ видѣ:

...homo inpurātus et impuno (?) estque r a p i s t e r.

Это слово обыкновенно понимаютъ въ смыслѣ „разбойникъ" и ставятъ въ связь съ гл. *rapere*. Если такъ, то здѣсь мы должны признать образованіе съ

ср. *fratrissa* (ср. Isid. *Orig.* IX 7, 17), а также *decanissa* (Thes. nov. lat., p. 167). Прибавлю еще собственное имя *Germanissa* (CIL. XIII 3183^{17})[1], быть можетъ, предполагающее нарицательное **germanissa*, которое могло возникнуть по аналогіи съ *fratrissa*.

И вотъ, уменьшительные суффиксы — это одно изъ средствъ образованія формъ женскаго рода. Помимо *sacerdotula* можно было бы указать, напр., на *adulescentula* при *adulescens, -tis, canicula* при *canis, puella* при *puer* и т. п.[2])

Что касается *sacrificulus*, то я никакъ не рѣшился бы усмотрѣть въ этомъ словѣ уменьшительное образованіе, хотя

латинскимъ корнемъ и греческимъ суффиксомъ. Зоммеръ (Indogerm. Forsch. XI, стр. 31) полагаетъ, что это слово „ist wohl nach dem griesch. *λῃστήρ* geschaffen, also eine „hybride Bildung“.

2) *arcister*, извѣстное изъ Альдгельма: *Aen.* 60, 3: *Garriat arcister contorquens spicula ferri* и глоссаріевъ (ср. А. У. Маленинъ, Рукописное преданіе загадокъ Альдгельма, стр. 12). Это образованіе напоминаетъ собой греч. *ἀκοντιστήρ*. Можемъ ли мы однако допустить у Альдгельма такое смѣлое подражаніе непосредственно греческому морфологическому образцу? Едва ли. Скорѣе, повидимому, слѣдуетъ предположить, что уже въ латинскомъ языкѣ существовало слово **acontister*, лишь случайно не засвидѣтельствованное, по образцу котораго и было образовано *arcister*.

Кстати напомню, что въ Carm. epigr. ed. Buech № 491, 1:

Non aequos Parcae statuistis stamina vitae

по поводу пониманія *aequos* возникло разногласіе между Бюхелеромъ и Фридрихомъ Лео. Первый ученый полагаетъ, что *aequos* — accus. pl. masc., вызванный тѣмъ, что поэтъ предполагалъ поставить дальше *fusos* или *dies*, но затѣмъ вмѣсто того и другого употребилъ слово *stamina*, что̀ и создало грамматическій диспаратъ; тогда какъ Фр. Лео считаетъ *aequos* за нарѣчіе съ греческимъ окончаніемъ *(= -ως)*, возникшее по аналогіи съ *sophos (=σοφῶς)*. Изъ этихъ двухъ объясненій рѣшительное предпочтеніе я отдаю второму, тѣмъ болѣе, что въ позднюю латынь, повидимому, проникло довольно много греческихъ нарѣчій на *-ως*; ср., напр., *geronticōs* (August. ap. Suet. *Aug.* 71 Roth), *emphaticōs* (Dosith., p. 429, 4 K.), *energōs* (Porphyrio in Hor. *sat.* I, 2, 132) и т. п. (см. Arch. f. lat. Lex. VI, стр. 435 сл.). Совершенно особнякомъ стоитъ шуточное образованіе *facteon* у Цицерона *(ad. Att.* I 16, 13: *Quare, ut opinor, φιλοσοφητέον et istos consulatus non flocci facteon)*.

[1]) См. Pirson, La langue des inscr. lat. de la Gaule, стр. 228.

[2]) Ср. Schulze, Zur Gesch. lat. Eigennam., стр. 136, примѣч. 1, гдѣ приведены и нѣкоторые другіе примѣры какъ изъ латинскаго, такъ и изъ другихъ языковъ. Ср. у насъ, напр., *монахъ* : *монашка* (или *монашенка*), *пастухъ* : *пастушка* и т. п.

на ряду съ нимъ и засвидѣтельствовано *sacrificus*. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что первое изъ этихъ образованій въ качествѣ сакральнаго термина, обозначавшаго жреца, возникло въ языкѣ раньше и было подлиннымъ техническимъ выраженіемъ (ср., напр., у Павла Діакона Th. d. Pon., p. 465: *Sacrificulus rex appellatus est, qui ea sacra, quae reges facere adsueverant, fecisset)*, на ряду съ которымъ лишь впослѣдствіи развилось синонимическое *sacrificus*, по отношенію къ каковому *sacrificulus* производило впечатлѣніе уменьшительнаго образованія. На самомъ же дѣлѣ это послѣднее слово, подобно Плавтовскому *plagigerulus*, представляетъ собой отглагольное образованіе съ суффиксомъ *-ulo-*, аналогичное *bibulus, gerulus, credulus, tinnulus* и т. п.[1])

Замѣчу кстати, что въ нѣкоторыхъ словаряхъ[2]) дается образованіе *sacrificiolus* со ссылкой на Варрона *(L. L.* VI 36). Въ изданіи Шпенгеля это мѣсто однако редактировано слѣдующимъ образомъ: *Dies qui vocatur sic Quando rex comitiavit fas; is dictus ab eo quod eo die rex sacrificio ius dicat ad comitium, ad quod tempus est nefas, ab eo fas*. Правда, вм. *sacrificio ius* въ флорентійской рукописи стоитъ *sacrificiolus*, однако всѣ остальныя даютъ чтеніе, принятое Шпенгелемъ. Въ виду этого я сомнѣваюсь въ возможности приписать форму *sacrificiolus* Варрону безъ всякихъ оговорокъ. Но, такъ какъ эта форма, какъ бы то ни было, засвидѣтельствована въ глоссаріяхъ[3]), я не рѣшился бы съ другой стороны и отвергнуть ее совершенно, тѣмъ бо-

[1]) Напомню еще прилагательное *cevulus* при гл. *cevēre*, не успѣвшее попасть въ словари, но засвидѣтельствованное въ глоссаріяхъ (ср. Götz, Thes. gloss., стр. 205). На одной христіанской надгробной надписи изъ Испаніи (Huebner inscr. Hisp. christ. 86) послѣдній стихъ читается такъ:

Hic est querulis era de tempore mortis DCLXXXVII,

при чемъ Бюхелеръ (Carm. epigr. стр. 344) справедливо замѣчаетъ: „*Querulis* non a *querendo* sed *quaerendo* dictum“.

[2]) Ср., напр., Georges II, столб. 2185; Benoist-Goelzer, стр. 1345.

[3]) См. Götz, Thes. gloss. s. v.

лѣе, что она легко могла бы быть истолкована, какъ модификація первоначальнаго *sacrificulus,* понятаго въ качествѣ уменьшительнаго образованія.

Уже въ своихъ „Изслѣдованіяхъ" (стр. 230 сл.) я указалъ мимоходомъ на возможность подмѣны инструментальнаго суффикса, принятаго за уменьшительный, другимъ (параллельнымъ) уменьшительнымъ суффиксомъ, при чемъ съ этой точки зрѣнія я попытался объяснить *eminiculus* при *eminulus*. Сюда же отнесъ бы я еще одинъ примѣръ, представляющій, какъ мнѣ кажется, ту же самую любопытную морфологическую модификацію. Я имѣю въ виду эпиграфически засвидѣтельствованную форму *aedeolum,* на которую обратилъ вниманіе португальскій ученый Vasconcellos[1]), справедливо видящій въ этомъ образованіи „eine Nebenform" при *aediculum* (ср. *Querolus* 2, 1), въ которомъ, въ свою очередь, по вѣрному замѣчанію того же ученаго, скорѣе всего, надо видѣть аналогическое новообразованіе, вызванное вліяніемъ ассоціированнаго по значенію *cubiculum.*

Что касается подмѣны уменьшительнаго суффикса *-(c)ulus (-a, -um)* дублетомъ *-(c)iolus (-a, -um),* то это — довольно обычное явленіе для поздняго языка: ср., напр., у Петронія *manuciolus* (63) при *manuculus* и *martiolus* (51) при *martulus,* правильно разъясненныя уже Heraeus'омъ (Die Sprache des Petronius und die Glossen, стр. 45), который попутно приводитъ и нѣкоторые другіе аналогичные примѣры въ родѣ ит. *vermicciuolo* (=лат. * *vermiciolus)* при *vermiculus.* Ср. еще *sigilliolum,* извѣстное изъ Арнобія (VI, р. 197: *sigilliolis hominum... supplicatis), pusiola* „дѣвочка" (ср. Prudent. περὶ στεφ. III 19: *Ludere nescia pusiola,* а также gloss. Salom.: *Pusiola puella), facultatiola* (Donatus *regul. ad. virg.* Migne 87, 278a)[2]) на

[1]) См. Arch. f. lat. Lex. IX, стр. 192.

[2]) См. Arch. f. lat. Lex. III, стр. 133.

ряду съ *facultatula* (Hieronym. *ep. 108,* n. 10 Augustin. *ep. 45* и т. д.). Все это, несомнѣнно, очень позднія образованія. Единственное исключеніе въ данномъ случаѣ было бы *manciola,* засвидѣтельствованное у Геллія (XIX 7, 10) среди необычныхъ словъ, встрѣчающихся у поэта Левія: въ изданіи Hertz'a это мѣсто читается такъ: *manciolis,* inquit, *tene illis pro „manibus",* тогда какъ Л. Мюллеръ (Laev. fr., p. 80) редактируетъ то же мѣсто слѣдующимъ образомъ: *maniclis, inquit, tenellis* pro *„manibus",* предполагая, что въ архетипѣ стояло: *maniŏlis*[1]). Во всякомъ случаѣ, образованіе *manciola* представляется мнѣ далеко недостовѣрнымъ.

Соединивъ два разсмотрѣнныхъ морфологическихъ момента, а именно — смѣшеніе уменьшительныхъ образованій съ неуменьшительными и появленіе исхода *-iolus, -a, -um* вм. *-ulus, -a, -um* въ deminutiva, мы и получимъ тѣ условія, при которыхъ могло возникнуть странное на первый взглядъ образованіе *sacrificiolus.* Ближайшую параллель къ нему представляетъ существительное *collectaciolum,* засвидѣтельствованное въ Exc. ex. gloss. Aynardi: *Collectaciolum* (codd. *collectatiolum) est cribrum* (CGL. V 618, 1)[2]) Heraeus (op. c., стр. 46, прим.) признаетъ эту форму столь же спорной, какъ и *sacrificiolus,* но я полагаю, что оно можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ: сперва возникло инструментальное образованіе *collectaculum*[3]), затѣмъ оно было понято, какъ уменьшительное, и на этой почвѣ преобразовано въ *collectaciolum.* Весьма интересно также существительное *tinniolum* „погремушка", „бубенчикъ", извѣстное изъ *Vita Hilar.-Arelati 19;* едва ли можетъ быть какое-нибудь со-

[1]) Скалигеръ предлагалъ читать *manicolis.*

[2]) Въ этомъ сборникѣ глоссъ встрѣчаются иногда интересныя ἅπ. εἰρημ.: ср., напр., *adoptulus* (CGL. V 615, 9), *depălare* (ibid. 618, 26), <A>*evosus* (ibid. 618, 53), *nīdēre* (619, 28) и т. п.

[3]) Эта форма фактически засвидѣтельствована, хотя и съ нѣсколько инымъ значеніемъ.

мнѣніе въ томъ, что исходной точкой для этого слова послужило инструментальное *tinnulum* — кстати сказать, засвидѣтельствованное въ „Филоксеновой" глоссѣ: *Tinnulum πλῆκτρον* (CGL. II 198, 33), — которое впослѣдствіи ассоціировалось съ уменьшительными и благодаря этому получило на ряду съ собой дублетъ на *-iolum*.

Наконецъ, отмѣчу еще глоссу изъ Nov. Thes. ling. lat. ed. Mai, p. 149: *Combibiolus qui frequenter cum alio bibit;* если лемма передана вѣрно, то *combibiolus* могло бы быть понято, какъ преобразованіе *combibulus*, каковая форма засвидѣтельствована въ нѣсколько странной глоссѣ *Compocris convivolus* (CGL. V 281, 14)[1].

Что касается „Филоксеновой" глоссы: *Sedulus efficiolus μόνιμος καὶ σπουδαῖος* (CGL. II 181, 30), то Nettleship (Arch. f. lat. Lex. VI, стр. 150) исправляетъ *efficiolus* въ *officiosus;* но насколько онъ правъ, сказать трудно. На всякій случай обращу вниманіе на слѣдующую „Кириллову" глоссу: *Σπουδαῖος sedulus studiosus efficax* (CGL. II 436, 6), въ которой два члена — общіе съ приведенной „Филоксеновой" глоссой, а третій — *efficax* имѣетъ одинаковое начало съ *efficiolus*. Не слѣдуетъ ли въ виду этого исправить данное слово скорѣе въ *efficax?* Впрочемъ, въ виду существованія цѣлаго ряда различныхъ образованій того же корня и съ тѣмъ же префиксомъ, а именно: *efficilis* (CGL. II 578, 9), *efficabilis* (ibid. IV 334, 39; V 597, 54), *efficiabilis* (Faust. *ep.* 3, p. 840 B, t. LVIII Migne), — я не рѣшился бы отвергнуть безусловно и форму *efficiolus*, тѣмъ болѣе, что она могла бы примкнуть къ цѣлому ряду аналогичныхъ формъ, разсмотрѣнныхъ мной выше.

Возвращаясь снова къ Штольцу, замѣчу, что слово

[1]) Ср. Loewe, Prodr., стр. 34; можетъ-быть, эту глоссу надо редактировать такъ: *Compotor combibulus;* лемма могла подвергнуться искаженію подъ вліяніемъ предшествующей глоссы: *Conpotrix convivola (= combibula) vel coebriosa* (sic).

sacrificulus онъ объясняетъ въ связи съ общимъ пристрастіемъ римлянъ древнѣйшей эпохи къ уменьшительнымъ образованіямъ, иллюстрируя эту тенденцію такими примѣрами, какъ *Romulus, Altellus, Aesculanus, Arculus, Fatuellus, Janiculus*. Однако и эти образованія едва ли могутъ служить для подтвержденія выставляемаго Штольцемъ тезиса. Въ самомъ дѣлѣ, *Rōmulus* легко можетъ быть понято, какъ вторичное образованіе изъ *Rōma*[1]), если только, какъ это предполагаетъ Шульце (Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 579 сл.), мы не имѣемъ здѣсь дѣла въ концѣ концовъ съ этрусскимъ заимствованіемъ, что̀ весьма вѣроятно.

Altellus — эпитетъ Ромула — весьма темное образованіе, которое уже для древнихъ представляло загадку, свидѣтельствомъ чему можетъ служить слѣдующая глосса Павла Діакона (Th. de Pon. 5, 31): *Altellus Romulus dicebatur, quasi altus in tellure, vel quod tellurem suam aleret; sive quod aleretur telis; vel quod a Tatio Sabinorum rege postulatus sit in conloquio pacis, et alternis vicibus audierit locutusque fuerit.*

Aesculanus — богъ мѣдной монеты (ср. Augustin. *Civ. D.* IV 21: *Quid necesse erat... deo Aesculano et filio eius Argentino, ut haberent aeream argenteamque pecuniam?)* — еще менѣе можетъ служить аналогіей для *sacrificulus*, такъ какъ тутъ уменьшительный суффиксъ является, такъ сказать, внутри даннаго названія, которое, какъ замѣчаетъ самъ Штольцъ въ своей спеціальной статьѣ Zur Bildung und Erklärung der römisch. Indigetennamen (Arch. f. lat. Lex. X, стр. 166), „von dem meines Wissens niht nactgewiesenen Diminutiv **aescolum* ausgeht". Замѣчу кстати, что это **aescolum* (съ значеніемъ „мѣдная монета") предполагается и отъименнымъ глаголомъ *aesculari* „собирать мѣдныя деньги", засвидѣтельствованнымъ у грамматика Досиоея (GLK. VII

[1]) Объ образованіяхъ этого типа см. 1-й этюдъ 2-й главы.

430, 4: *aesculor* *χαλκολογῶ*)[1]), а также соотвѣтствующимъ nomen agentis *aesculator* (ср., напр., CGL. II 12, 36: *Aesculator χαλκολόγος).*

Arculus — имя бога, оберегавшаго сундуки и т. п. (ср. Paul. Diac., p. 12, 14: *Arculus putabatur esse deus, qui tutelam gereret arcarum),* едва ли можетъ быть понято, какъ уменьшительное образованіе. Остгофъ (Indogerm. Forsch. VIII, стр. 61) предполагаетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ первичнымъ образованіемъ отъ гл. *arcēre* съ значеніемъ nomen agentis, при этомъ онъ очень удачно ссылается на аналогію *arcula,* извѣстнаго также изъ глоссы Павла Діакона (ibid. p. 12, 17): *Arcula dicebatur avis, quae in auspiciis vetabat aliquid fieri,* а также на арм. *argel* „препятствіе". Съ другой стороны, *Arculus* можно было бы объяснить и въ качествѣ вторичнаго образованія отъ *arca,* возникшаго при помощи суффикса *-ulo-,* который вовсе не всегда имѣлъ уменьшительное значеніе, какъ это будетъ показано въ 1-мъ этюдѣ 2-й главы.

Fatuellus представляетъ собой плодъ коньектуры, притомъ едва ли необходимой и удачной. Рукописное преданіе Сервія *ad Aen.* VI 775 даетъ слѣдующую редакцію: *Faunus idem Fatuus, Fatuclus* и *ad. VII 47: quidem deus est Fatuclus; huius uxor est Fatua,* и, повидимому, форма *Fatuclus* и была подлинной, на что косвеннымъ образомъ, по мнѣнію Silvio Rieri (Arch. f. lat. Lex. XIII, стр. 582), указываетъ итал. *fattucchiere, -a* „волшебникъ, -ца". Было ли *Fatuclus* уменьшительнымъ образованіемъ, это вопросъ, на который я не рѣшился бы отвѣтить безусловно утвердительно.

Janiculus, являющееся, какъ извѣстно, въ видѣ эпитета при *mons* или *collis*[2]), представляетъ собой, по всей вѣроятности, преобразованіе первоначальнаго *Janiculum*[1]), въ которомъ, быть можетъ, слѣдуетъ видѣть инструментально-локальное образованіе отъ *Janus* съ значеніемъ „мѣсто Яна" „храмъ Яна" и т. п. Связь *Janiculum* съ этимъ божествомъ сознавалась еще въ древности, какъ это видно, хотя бы, изъ Verg. *Aen.* VIII 357 сл.:

Hanc Janus pater, hanc Saturnus condidit arcem:
Janiculum huic, illi fuerat Saturnia nomen.

Впрочемъ, я не отрицаю, что нѣкоторыя изъ названій низшихъ обществъ, напр. *Forculus* (богъ дверей, ср. Augustin. *Civ. D.* IV 8), какъ это замѣтилъ еще Остгофъ[2]), могутъ быть уменьшительными образованіями, что не даетъ однако права дѣлать отсюда какіе-нибудь выводы по отношенію къ живому латинскому языку, тѣмъ болѣе, что, какъ это выяснилъ самъ Штольцъ въ вышеупомянутой статьѣ объ именахъ латинскихъ di indigetes, эти имена представляютъ собой много спеціальныхъ словообразовательныхъ особенностей: очень возможно даже, что нѣкоторыя изъ такихъ уменьшительныхъ названій возникли по аналогіи съ другими названіями, по существу не уменьшительными, но принятыми за таковыя вслѣдствіе звукового сходства ихъ исходовъ съ исходами уменьшительныхъ образованій.

Продолжая обзоръ образованій, лишь внѣшнимъ образомъ напоминающихъ собой deminutiva, остановлюсь на *circulus.* Уже Бругманъ (Curtius' Studien VII, стр. 216) высказалъ предположеніе, что это слово не представляетъ собой уменьшительнаго образованія отъ *circus,* а возникло изъ первоначальнаго **kerkeros,* благодаря такой же диссимиляціи, какую мы находимъ, напр., въ нѣм. *murmeln* при др. в.-нѣм. *murmurōn* (ср. лат. *murmurare).*

[1]) Ср. „Кириллову" глоссу: *χαλκολογῶ aesculor* (CGL. II 475, 3).

[2]) *Janiculus,* кромѣ того, встрѣчается, повидимому, и въ качествѣ мужского имени, ср. CIL. X 6307 (впрочемъ, см. примѣчаніе Моммсена къ этой надписи).

[1]) См. сказанное мной по поводу такихъ преобразованій „Изслѣдов.", стр. 234; ср. теперь также W. Schulze, Z. Gesch. lat. Eigennamen, стр. 540.

[2]) См. его Forsch. im Geb. d. indogerm. nominal. Stammbild. I, стр. 61.

Если такъ, то въ формѣ *circus*, какъ это справедливо замѣчаетъ Нидерманъ (*E* und *ĭ* im Lateinischen, стр. 79), пришлось бы усмотрѣть извѣстнаго рода Rückbildung, лишь впослѣдствіи явившуюся въ латинскомъ языкѣ, что̀ нѣсколько затруднило бы объясненіе предлоговъ *circum*, *circa*, изъ которыхъ первый встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ римской литературы. Опираясь на это обстоятельство, Нидерманъ взамѣнъ гипотезы Бругмана предлагаетъ объясненіе Ваккернагеля (сообщенное ему частнымъ образомъ), согласно которому *circus* и *circulus* одинаково восходятъ къ прототипу **cercros* (ср. др.-инд. *karkaṛeta* „die zum Anpacken gekrümmte Hand", *karkaṭika* „Kürbis" и т. д.), при чемъ въ *circus* второе *r* прототипа, благодаря диссимиляціи, исчезло совершенно, а въ *circulus* перешло въ *l*.

Что касается *circulus*[1]), то въ пользу такого объясненія даннаго слова говоритъ то обстоятельство, что оно нерѣдко является безъ малѣйшихъ признаковъ уменьшительнаго значенія[2]): ср., напр., *Somn. Scip.* 3: *Stellae* *c i r c u l o s* *suos orbesque conficiunt celeritate mirabili* или Plin. *h. n.* XVIII 69, 2: *C i r c u l u s* *lacteus*.

Въ этой связи я остановлюсь на одномъ интересномъ и до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не выясненномъ образованіи, а именно, *ergastulum* „работный домъ". Моммсенъ (Римская Исторія, т. II, стр. 77, пр. русскій перев. Невѣдомскаго и Веселовскаго) замѣчаетъ: „Извращенное греческое названіе рабочаго дома — *ergastulum* отъ *ἐργάζομαι*, по аналогіи со *stabulum*, *operculum* — указываетъ на то, что [плантаторскій] способъ веденія хозяйства былъ заимствованъ римлянами изъ такой страны, гдѣ былъ въ употребленіи греческій языкъ, и въ такую пору, когда къ римлянамъ еще не проникла греческая культура". Штольцъ (Hist. Gramm., стр. 507), перечисливъ инструментальныя образованія *vinc-ulu-m*, *spec-ulu-m* и т. п., продолжаетъ: „hierher gehört auch das gewiss alte *ergast-ulu-m* vom griechischen *ἐργαστήριον*[1])". Наконецъ, по мнѣнію Заальфельда (Tensaurus Italograecus, стлб. 462), это загадочное слово является „gewissermassen diminutivum zu **ἔργαστρον*".

Я не рѣшаюсь однако присоединиться ни къ одному изъ этихъ трехъ толкованій: воззрѣніе Моммсена весьма неопредѣленно и опирается на слишкомъ далекія морфологическія аналогіи; объясненіе Штольца связываетъ *ergastulum* съ такимъ греческимъ словомъ, откуда оно никоимъ образомъ не могло возникнуть; наконецъ, и предположеніе Заальфельда не выдерживаетъ критики ни съ семасіологической, ни съ морфологической точки зрѣнія: въ самомъ дѣлѣ, совершенно непонятно, какимъ образомъ слово съ такимъ значеніемъ, какъ *ergastulum*, могло быть уменьшительнымъ по образованію, а съ другой стороны, если бы мы и допустили таковое, то пришлось бы исходить, конечно, не отъ греческаго **ἔργαστρον*, а отъ латинизированнаго **ergastrom*, отъ котораго уменьшительное должно было бы имѣть форму **ergastellum*: ср. *rostrum* : *rostellum*, *monstrum* : *mo(n)stellum*[2])

[1]) Замѣчу, на всякій случай, что форма *rotulus*, засвидѣтельствованная какъ въ текстахъ (ср. Calp. *ecl.* 7, 51), такъ и въ глоссаріяхъ (ср. CGL. III 606, 31: *troc<h>iscus* *r o t u l u s*), по всей вѣроятности, явилась по аналогіи съ *circulus*. Съ другой стороны, въ глоссаріяхъ засвидѣтельствована форма *circulum*: ср. CGL. III 368, 74 (Hermen. Stephani): *C i r c u l u m* *κρίκος* и ibid. V 178, 26 (Excerpta ex libro gloss.): *C i r c u l u m* *armillum*. Но какъ въ той, такъ и въ другой глоссѣ мы скорѣе всего имѣемъ дѣло не съ формой средняго рода, а съ вин. падежомъ мужеск. рода: въ Hermanen. Stephani ср., напр., 364, 4: *ferventem ζεστόν*, 364, 48: *dulcem γλυκὺν* и т. п., а во второй глоссѣ другая рукопись вм. *armillum* даетъ *armillam*, что̀, пожалуй, вѣрнѣй. Впрочемъ, трудно поручиться за то, что *circulum* не является дублетомъ при *circulus*. Ср. на всякій случай, еще форму *articulum*, извѣстную изъ глоссаріевъ (см. Thes. gloss.), а также изъ грамматика Вергилія (p. 146, 24).

[2]) На это обстоятельство обратилъ вниманіе уже Бругманъ, l. c.

[1]) Въ нѣсколько болѣе осторожной формѣ, но то же самое по существу утверждаютъ Bréal-Bailly (Dict. etym. lat., стр. 79): „*Ergastulum* — mot formé d'après le grec *ἐργαστήριον*".

[2]) Эта форма, отсутствующая въ текстахъ, неоднократно засвидѣтельствована въ глоссаріяхъ: ср. Götz, Thes. gloss. s. v. Отсюда, между прочимъ, и заглавіе плавтовской комедіи *Mostellaria*.

или — что̀ представляло бы еще болѣе близкую аналогію — *segestrum*[1]) : *segstellum* (Not. Tir.).

Итакъ, приходится искать другого пути для объясненія этого загадочнаго слова. Я полагаю, вслѣдъ за Заальфельдомъ, что надо исходить отъ греческаго *ἔργαστρον которое, какъ я сказалъ, должно было превратиться на латинской почвѣ въ **ergastrom*, и отсюда, благодаря диссимиляціи, аналогичной той, какую Ваккернагель предполагаетъ въ *circulus*, могло возникнуть **ergastlom* и наконецъ — *ergastulum*.

Предложенная мной гипотеза нуждается, однако, въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ и дополнительныхъ замѣчаніяхъ.

Прежде всего, замѣчу, что предполагаемая мной греческая форма *ἔργαστρον въ высшей степени вѣроятна въ виду существованія ἐργαστήριον. Аналогичные дублеты нерѣдки въ греческомъ языкѣ: ср., напр.:

ξύστρον : ξυστήριον „скобель",
θέριστρον : θεριστήριον „серпъ",
θέλκτρον : θελκτήριον „волшебное средство",
πίεστρον : πιεστήριον „прессъ",
βάκτρον : βακτήριον „палка",
καλύπτρα : καλυπτήριον „крышка",
σφαιρίστρα : σφαιριστήριον „мѣсто, гдѣ играютъ въ мячъ",

при чемъ этотъ послѣдній примѣръ представляетъ собой такое же локальное образованіе, какъ *ἔργαστρον : ἐργαστήριον.

Далѣе, то обстоятельство, что въ *ergastulum* сохранилось греческое *a*, заставляетъ предполагать, что прототипъ **ergastrom* проникъ въ латинскій языкъ уже въ эпоху новой системы ударенія (что̀ надо допустить и для такихъ заимствованныхъ словъ, какъ *emplastrum*, *alabastrum* и т. п.), иначе это *a* должно было бы перейти въ *e*, что̀ мы и видимъ въ

[1]) Подробности объ этомъ образованіи будутъ сообщены ниже.

любопытномъ образованіи *segestrum*, возникшемъ изъ греческаго στέγαστρον (ср. CGL. II 181, 36: *segestrum* στέγαστρον), въ которомъ первое *t* исчезло благодаря диссимиляціи[1]).

Что касается *canistrum*, относимаго Штольцемъ (Histor. Gramm., стр. 97) сюда же и связываемаго имъ съ греческимъ κάναστρον, то тутъ можетъ возникнуть вопросъ, не восходитъ ли это латинское слово къ греч. κάνιστρον, засвидѣтельствованному у Аѳенея (VIII 360 c.)? Романскія отраженія въ родѣ фр. *canastre* (впрочемъ, это — несомнѣнно ученое заимствованіе) или исп. *canastro* нисколько не мѣшаютъ такому предположенію, такъ какъ они восходятъ, очевидно, къ самостоятельному латинскому, заимствованному изъ греческаго языка, слову **canastrum*. Гораздо существеннѣе фонетическое несоотвѣтствіе исходовъ *segestrum* и *canistrum*, на которое не обратилъ вниманія Штольцъ[2]).

Что касается болѣе обычной формы *segestre*, то она возникла, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ прилагательныхъ съ исходомъ *-ester*, имѣвшихъ въ среднемъ родѣ окончаніе *-estre*. Правда, ни одно изъ этихъ прилагательныхъ не обнаруживаетъ семасіологической связи съ *segestre*, но ихъ было, во всякомъ случаѣ, такъ много, что могло произойти чисто формальное вліяніе. Нѣкоторую параллель въ этомъ отношеніи можетъ представить прилагательное *sequester*, которое также въ историческую эпоху латинскаго языка стояло внѣ семасіологической связи съ другими прилагательными на *-ester*, долго сохраняло формы основъ на *-o* и, тѣмъ не менѣе, уже у Цицерона обнаруживаетъ формы основъ

[1]) Ср. Brugmann, Grundriss I², стр. 855, а также въ Indogerm. Forsch. XI, стр. 107.

[2]) Это обстоятельство упущено изъ виду и Нидерманомъ, который, подобно Штольцу, выводитъ лат. *canistrum* изъ κάναστρον < **canastrom* < **canestrom* (ор. с., стр. 13); тутъ же Нидерманъ высказываетъ сомнѣніе въ реальности греческой формы κάνιστρον у Аѳенея, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ Бергкъ, Мейнеке и Кайбель, согласно съ показаніями лучшихъ рукописей, читаютъ κάνυστρον. Какъ выйти изъ этой дилеммы, я предоставляю судить другимъ.

на *-i*[1]). Во всякомъ случаѣ, любопытно, что какъ *sequestrum*, какъ и *sequestre* употреблялись въ качествѣ существительныхъ, и первое изъ нихъ было, насколько я знаю, единственнымъ (по крайней мѣрѣ, въ историческую эпоху латинскаго языка), кромѣ *segestrum*, образованіемъ на *-estrum*. Съ другой стороны напомню аналогичный переходъ въ категорію основъ на *-i*, наблюдаемый въ близкомъ по значенію словѣ *involucre* при *involucrum*, о чемъ см. М. М. Покровскій, „Матеріалы", стр. 6[2]).

Образованіе *segestrum (-e)*, между прочимъ, уполномочиваетъ насъ къ важному выводу относительно просодіи *a* въ исходѣ *-aster*: ясно, что это *a* должно было быть долгимъ, такъ какъ иначе оно перешло бы въ *e*. На этомъ я настаиваю тѣмъ болѣе энергично, что даже Зоммеръ (Indogerm. Forsch. XI, стр. 32 сл.) высказывается относительно этого вопроса чрезвычайно нерѣшительно, резюмируя свои соображенія слѣдующими словами: „einstweilen hindert jedoch, soviel ich sehe, nichts, Länge des *-a-* anzunehmen". Предполагать же, что въ *segestrum (-e)* замѣшана народная этимологія, связавшая это слово съ *seges*, я не рѣшился бы въ виду полнаго несходства по значенію этихъ словъ[3]). А кромѣ того, въ пользу измѣненія *ă* въ *ĕ* передъ группой согласныхъ въ неударяемомъ слогѣ говорятъ и общія фонетическія тенденціи латинскаго языка: ср. хотя бы чисто латинское слово *procestria*, извѣстное изъ глоссы Павла Діакона Th. de Pon., p. 282, 6): *Procestria dicuntur quo proceditur in muro. Aelius procestria aedificia dixit extra portam; Artorius procastria,*

[1]) Ср. подробности въ изслѣдованіи Зоммера, Die Komparationssuffixe im Latein. (Indogerm. Forsch. XI, стр. 21 сл.), гдѣ однако не упоминается *segestre*, оставшееся и у Штольца безъ надлежащаго разъясненія.

[2]) Кстати укажу еще на одинъ любопытный случай такого метаплазма, а именно въ глоссаріяхъ на ряду съ формами *transtrum*, *transtra* засвидѣтельствована также форма *transtres* (см. Götz, Thes. gloss. s. v. *transtrum*).

[3]) Ср. однако Varro *L. L.* V 166: *Qui lecticam involvebant, quod fere stramenta erant e segete, segestria appellarunt, ut etiam nunc in castris, nisi si a Graecis; nam στέγαστρον ibi.*

quae sunt ante castra. Etiam qui non habent castra, propugnacula, quibus pro castris utuntur, aedificant. Связь этого слова съ *castra* несомнѣнна; что касается формы *procastria*, кстати сказать неоднократно засвидѣтельствованной въ глоссаріяхъ (см. Götz Thes., gloss. s. v.), то, если это не домыселъ грамматиковъ, въ ней можно усмотрѣть позднѣйшую рекомпозицію.

Перехожу теперь къ разсмотрѣнію существительнаго *lectulus*. Въ этомъ образованіи обыкновенно видятъ deminutivum отъ *lectus*. „Deminutiva, говоритъ О. Вейзе (Charakteristik der latein. Sprache, стр. 115), sind namentlich im Gebrauch zur Bezeichnung der Sympathie und Zuneigung: *amiculus* „der liebe oder der arme Freund", *lectulus* „das liebe, bequeme Bett"". Слѣдуетъ однако замѣтить, что *lectulus* (подобно разсмотрѣнному выше *circulus*) употребляется обыкновенно въ такихъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ и намека на уменьшительный смыслъ, и притомъ у такихъ писателей, которые совершенно не обнаруживаютъ тенденціи къ злоупотребленію уменьшительными образованіями: ср., напр., у Цицерона Catil. I 4: *Qui sese illa ipsa nocte me in meo lectulo interfecturos pollicerentur*, *de fin.* II 30: *Philosophi in suis lectulis plerumque moriuntur* или у Тацита — *Annal.* XVI 11: *Tres modo lectulos ad suprema retineri iubet.* Любопытно также, что Варронъ, приступая къ разсмотрѣнію группы словъ въ родѣ *lectica, segestre, culcita* и т. п., вводитъ этотъ отдѣлъ слѣдующими словами (*L. L.* V 166): *super lectulis origines quas adverti, hae e. q. s.*: отсюда ясно, что для Варрона слово *lectulus* обозначало общее понятіе ложа безъ специально-уменьшительнаго оттѣнка.

Наоборотъ, я затруднился бы даже указать на примѣры, гдѣ *lectulus* являлось бы съ уменьшительнымъ оттѣнкомъ значенія[1]): во всякомъ случаѣ глоссы: *κλινάριον lectulus*

[1]) Говоря это, я однако отнюдь не отрицаю возможности такихъ примѣровъ: что въ латинскомъ языкѣ наблюдаются случаи, когда то или другое образо-

(CGL. II 350, 56) и *lectulus lectum* (sic) *diminu<tive>* (ibid. 586, 17) ничего не доказываютъ, такъ какъ взглядъ на *lectulus*, какъ на уменьшительное образованіе, могъ быть простымъ грамматическимъ домысломъ, не имѣющимъ ничего общаго съ употребленіемъ этого слова въ живомъ говорѣ. Въ доказательство этого приведу нѣкоторые примѣры изъ глоссаріевъ: такъ, изъ глоссы *:Cabicola clindi* (CGL. II 563, 35), убѣдительно исправляемой Бюхелеромъ въ *cubicla*[1]) *κλινίδια*, ясно, что и *cubiculum* понималось глоссаторомъ въ качествѣ уменьшительнаго; не менѣе любопытна глосса: *Tranquillum γαληνίδιον* (ibid. 200, 23), гдѣ въ качествѣ interpretamentum является греческое слово, нигдѣ, какъ кажется, болѣе не засвидѣтельствованное и едва ли даже существовавшее, но изобрѣтенное ad hoc глоссаторомъ для передачи латинскаго образованія, показавшагося ему уменьшительнымъ. Не съ этой ли точки зрѣнія, замѣчу кстати, надо понять и „Кирилловы" глоссы: *Ἐλέγχιον titulus* (CGL. II 294, 40) и *Ζωστήριον cingulum* (ibid. 323, 13)? Уже М. М. Покровскій („Матеріалы", стр. 182 сл.) отмѣтилъ и иллюстрировалъ цѣлымъ рядомъ интересныхъ примѣровъ одну важную особенность „Кириллова" глоссарія, состоящую въ томъ, что „значительная часть его латинскихъ interpretamenta носитъ характеръ леммы, что греческій текстъ этой части глоссъ, такъ сказать, подогнанъ къ истолкованію латинскаго". Во всякомъ случаѣ, любопытно, что ни *ἐλέγχιον* ни *ζωστήριον*, повидимому, нигдѣ больше не засвидѣтельствованы.

Съ другой стороны, большой интересъ представляетъ слѣдующее мѣсто изъ Катулла (57, 7):

Uno in lecticulo erudituli ambo.

Таково чтеніе cod. Oxoniensis, тогда какъ нѣкоторыя другія

ваніе принимается за уменьшительное вслѣдствіе звукового сходства въ исходѣ съ окончаніемъ уменьшительныхъ образованій, на это я уже указывалъ выше (см. стр. 52).

[1]) Почему не *cubicula* однако?

рукописи даютъ болѣе обычное *lectulo*, которое создало бы неудобный hiatus. Ѳ. Е. Коршъ („Филолог. Обозр." XV, стр. 115), останавливаясь на чтеніи *lecticulo*, замѣчаетъ: „Qui „*ploxenum* circum Padum invenit" (quod Quintiliani est testimonium), hunc aut indidem aut e Romanae aliusve plebeculae ore praeter illud quicquam arripere potuisse quis negaverit? *Lecticulum* autem volgaris esse originis francogallicum *sommeil* fidem facit, quo *somniculum* ab indoctis dictitatum esse demonstratur"[1]). Тотъ фактъ однако, что образованіе *lecticulus*, повидимому, не перешло въ романскіе языки, даетъ нѣкоторый поводъ заподозрѣть въ немъ личное изобрѣтеніе Катулла, во всякомъ случаѣ весьма интересное для насъ въ качествѣ попытки создать deminutivum отъ *lectulus*, что̀ является косвеннымъ (хотя и не безусловнымъ) доказательствомъ того, что это послѣднее образованіе не обнаруживало уменьшительнаго значенія[2]).

Вышеизложенное естественнымъ образомъ наталкиваетъ насъ на предположеніе, что *lectulus* и не было вовсе уменьшительнымъ образованіемъ, а скорѣе инструментально-локальнымъ, восходя къ прототипу **lectlos* изъ первоначальнаго **lek-tlo-s*, что̀ сблизило бы, между прочимъ, лат. *lectulus* съ греч. *λέκτρον*, которое естественнѣе всего возвести къ прототипу **lek-tlo-m*[3]). Эта гипотеза требуетъ однако нѣкоторыхъ разъясненій, какъ фонетическихъ, такъ и морфологическихъ.

[1]) Ср. также мое замѣчаніе въ „Изслѣдованіяхъ", стр. 23, пр. 2. Кстати прибавлю мужское cognomen *Salviculus*, засвидѣтельствованное, напр., CIL. II 1808 и, быть можетъ, предполагающее нарицательное прилагательное **salviculus*.

[2]) Что касается Catull. 50, 15: *membra... Semimortua lectulo iacebant* и 64, 88: *Quam* (sc. *virginem*) *Lectulus in molli complexu matris alebat*, то вопреки Ризе (стр. XXV) я не вижу никакой необходимости толковать въ этихъ двухъ мѣстахъ *lectulus*, какъ уменьшительное образованіе съ оттѣнкомъ „Zärtlichkeit" въ первомъ случаѣ и „Eleganz" — во второмъ. Иное дѣло — *grabatulus*, являющееся, напр., у Апулея (*Met. I 11: Grabatulus... breviculus et uno pede mutilus*) въ качествѣ совершенно яснаго deminutivum.

[3]) Связь лат. *lectus* съ греч. *λέκτρον* сознавалась еще въ древности: ср. Paul. Diac. exc. (Th. de Pon., p. 82, 6): *Lectus dictus vel a collectis foliis ad cubilandum, vel quod fatigatos ad se alliciat, vel a Graeco λέκτρον*.

Такъ, прежде всего, можетъ возникнуть вопросъ: почему въ прототипѣ **lek-tlo-s* звукъ *t* въ положенiи передъ *l* не перешелъ въ *c*? Я полагаю, что подобному преобразованiю *t* могло воспрепятствовать предшествующее *c (k)*: во всякомъ случаѣ, нѣкоторую аналогiю для такого сохраненiя *t* передъ *l* представляетъ собой группа *-stl-*, о которой мнѣ придется говорить подробнѣе ниже[1]). При этомъ, что касается группы *-ctl-*, то въ ней легко допустить развитiе вставного (анаптиктическаго) гласнаго еще до эпохи, когда *t* въ положенiи передъ *l* стало переходить въ *c*, что̀ приводитъ насъ, повидимому, къ до-италiйской эпохѣ[2]). Во всякомъ случаѣ, такое объясненiе я считаю болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ предположенiе, что въ прототипѣ *lectulus* гласный звукъ передъ *l* проникъ изъ суффикса *-elo-*. Впрочемъ, въ томъ случаѣ, если бы мы остановились на этомъ послѣднемъ толкованiи, нѣкоторую аналогiю могло бы представить образованiе *vidulus* „корзинка“. Связь этого слова съ гл. *viēre* „плести“ едва ли подлежитъ сомнѣнiю; замѣчу, на всякiй случай, что она могла бы быть иллюстрирована слѣдующимъ любопытнымъ мѣстомъ изъ Плавтовой комедiи *Rudens* (v. 987 сл.):

Séd tu enumquam piscatorem vídisti venéfice,
V i d u l u m piscém cepisse aut prótulisse ullum in forum?
Nón enim tu hic quidem óccupabis ómnis quaestus quós voles:
Ét v i t o r e m et piscatorem te ésse, impure, póstulas.

А между тѣмъ, если бы мы предположили прототипъ **vī-dhlo-s*, то изъ него въ историческую эпоху латинскаго языка получилось бы нѣчто въ родѣ **vībulus*. Въ виду этого трудно не согласиться со Штольцемъ (Histor. Gramm., стр. 508)[3]),

1) См. экскурсъ 1-й къ данному этюду.

2) Ср. Sommer, Handbuch, стр. 235 a, *β*.

3) Штольцъ, по всей вѣроятности, введенный въ заблужденiе Георгесомъ, не отмѣчаетъ только долготы корневого *i*, каковая съ несомнѣнностью вытекаетъ изъ вышеприведеннаго мѣста изъ Плавта. Такую же долготу *i* мы имѣемъ въ родственныхъ по этимологiи *vī-tis*, *vī-men*, *vī-tor* и т. п. (ср. Pers-

предполагающимъ на основанiи этого примѣра существованiе суффиксальнаго дублета **-dhelo-*.

Нѣкоторую аналогiю для *vīdulus*, толкуемаго такимъ образомъ, могли бы представить умбрскiя формы *facefele* „*facibile“, *purtifele* „*porricibilem“, по поводу которыхъ von Planta (Gramm. d. oskisch-umbrisch. Dialekte II, стр. 29) замѣчаетъ, что при объясненiи ихъ „kommt auch Einfluss der Wörter auf. lat. *-ili-* vie *ag-ilis, frag-ilis, fer-t-ilis, coc-t-ilis* etc. in Frage, deren Suffix wohl mindestens theilweise, vielleicht durchweg, auf urit. *-eli-* beruht und deren Bedeutung sich mit derjenigen von *-bili-* vielfach berührt“[1]). На возникновенiе же *vīdulus* могли влiять такiя образованiя, какъ *capulus*.

Въ этой же связи остановлюсь на существительномъ *fixula*, засвидѣтельствованномъ глоссой Павла Дiакона (Th. de Pon., p. 64, 7): *F i x u l a s fibulas*. Если *fībula*, какъ это предполагаетъ Бругманъ (Grundriss I², стр. 319)[2]), возникло изъ *fī(g)u̯i-blā*[3]) при *fīgere* : *fivere*[4]), то какъ объяснить *fixula*? Скорѣе всего мы имѣемъ здѣсь дѣло также съ инструментальнымъ именемъ, образованнымъ при помощи суффикса *-sla-* — **fīg(u̯)-slā* < **fixla*. Изъ этой послѣдней

son, Wurzelerweit., стр. 113). Эта просодiя *vidulus*, замѣчу кстати, является препятствiемъ къ сближенiю даннаго слова съ др.-ирск. *co-beden* „соединенiе“, готск. *ga-bidan* „связывать“ и т. д., каковое предлагаетъ Wharton, Etyma lat. стр. 115.

1) Странность вышеуказанныхъ умбрскихъ формъ обусловливается тѣмъ, что умбрскому языку, повидимому, совершенно чужда была anaptyxis (ср. von Planta, op. c., I, стр. 271); впрочемъ, тотъ же ученый (ibid.) указываетъ и на другую возможность объясненiя этихъ формъ, а именно — влiянiемъ именительныхъ падежей на **-fel* = **-flis*.

2) Ср. также Solmsen, Stud. z. lat. Lautgesch., стр. 116.

3) Замѣчу, на всякiй случай, что этотъ прототипъ по своему образованiю аналогиченъ такимъ инструментальнымъ именамъ, какъ *mandibula*, *vertibula* и т. п.

4) Любопытно отмѣтить, что и этотъ дублетъ извѣстенъ намъ исключительно по глоссѣ Павла Дiакона (Th. de Pon., p. 65, 19): *F i v e r e item* (въ предшествующей глоссѣ цитируется Катонъ) *pro figere*. О взаимоотношенiи этихъ двухъ дублетовъ см. Brugmann, op. c., стр. 601 прим.

формы должно было бы получиться **fīsla* и, наконецъ, **fīla*[1]), но эти двѣ послѣднихъ модификаціи не осуществились, такъ какъ въ **fixla*, какъ я предполагаю, развилась анаптуxis, быть можетъ, по аналогіи съ тождественнымъ по значенію и корню *fībula*.

На ряду съ *fixula* заслуживаетъ вниманія любопытная форма *coxilina*, извѣстная мнѣ изъ глоссы Cod. Vatic. 3321: *Coxilina coquina* (CGL. IV 43, 39). Этимологическая связь этихъ двухъ словъ не подлежитъ сомнѣнію; что касается морфологическаго состава перваго изъ нихъ, то естественнѣе всего, какъ мнѣ кажется, исходить отъ именной основы **cŏqᵘ-slo-* < **cŏcslo-* < **cŏxlo-*; далѣе отсюда чисто фонетическимъ путемъ должно было бы получиться **coslo-* и, наконецъ, **cōlo-*. Но, очевидно, въ прототипѣ **coxlo-* подъ вліяніемъ какихъ-нибудь аналогій развился анаптиктическій гласный звукъ, благодаря чему получилась форма **coxalo-*[2]) и отсюда — документально засвидѣтельствованное *coxilina*, при чемъ отмѣчу, на всякій случай, слѣдующую пропорцію: **cŏquo-* (откуда nom. sing. *coquos*) : *coquīna* = **coxalo-* : *coxilina*. Звукъ *ĭ* передъ *l* въ *coxilina*, конечно, не первоначальный, а развился впослѣдствіи подъ вліяніемъ слѣдующаго слога съ *ī*: ср., напр., *Catulus* : *Catilina*[3]). Прибавлю еще, что общеизвѣстное *cŭlīna* обыкновенно возводятъ къ прототопу **cocslina*, что̀ сблизило бы это слово съ *coxilina*, однако, несмотря на всѣ разъясненія Штольца (ср. Histor. Gramm., стр. 146 и 229), а съ другой стороны — Вильгельма Шульце (Kuhn's Zeitschr. XXVIII, стр. 270), по справедливому замѣчанію Зоммера (Handbuch, стр. 125) „der Vocalismus von *cŭlīna* ist noch unklar".

---

[1]) Ср. J. Schmidt, Die Pluralbild. d. indogerm. Neutra, стр. 144, гдѣ аналогичнымъ образомъ толкуется *fīlum* (> **figslom*).

[2]) Буквой *a* я обозначаю звукъ, качество котораго едва ли можетъ быть опредѣлено ближайшимъ образомъ.

[3]) Что касается предположеннаго нами прототопа **coxalo-*, то въ историческую эпоху латинскаго языка онъ долженъ былъ бы превратиться въ **coxulo-*.

Замѣчу кстати, что къ *fixula* внѣшнимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, очень близко подходятъ сабинскія слова *lixula* и *similixula*[1]), упоминаемыя Варрономъ: *L. L.* V 107: *Hos* (sc. *circulos*: т.-е., повидимому, какія-то лепешки или оладьи) *quidam qui magis incondite faciebant, vocabant lixulas et similixulas vocabulo sabino; itaque frequentantur a Sabinis*. Я затруднился бы однако высказаться сколько-нибудь опредѣленно объ этихъ образованіяхъ. Von-Planta (Gramm. d. osk.-umbr. Dial. II, стр. 73), очевидно, опираясь на то, что данныя слова сопоставлены Варрономъ съ *circuli*, предполагаетъ этимологическую связь ихъ съ лат. *ob-liquus* и т. п. Съ своей стороны напомню глоссу: *Τὸ ἕψημα lixum* (CGL. III 255, 7). Такъ или иначе, весьма возможно, что въ этихъ сабинскихъ словахъ мы имѣемъ уменьшительныя образованія, что̀ для *fixula* представляется мнѣ недопустимымъ.

Я привелъ бы, пожалуй, еще болѣе близкую аналогію для *lectulus*, а именно, *crepitulum*, засвидѣтельствованное въ глоссѣ Павла Діакона (Th. de Pon., p. 37, 12): *Crepitulum ornamentum capitis; id enim in capitis motu crepitum facit* и весьма похожее на инструментальное образованіе (ср. хотя бы *crepitaculum* или *crepaculum*)[2]), но, къ сожалѣнію, это слово въ данной формѣ нигдѣ, кажется, болѣе не засвидѣтельствовано, а потому я не рѣшаюсь дѣлать изъ него какіе бы

---

[1]) По поводу *similixulae* ср. замѣчаніе Сольмсена въ Kuhn's Zeitschr. XXXIV, стр. 3.

[2]) Эта послѣдняя форма засвидѣтельствована въ глоссахъ: *crepaculum tabula per quam passeres terrentur* (CGL. V 282, 28), и *crepacula* (sic) *claedur id est tabula qua a segetibus territantur aves* (ibid. 351, 52), а также, хотя и въ нѣсколько другомъ значеніи, у Альдгельма: *Aenigm.* 31, 3 (ciconia): *Voce carens tremula nam faxo crepacula rostro*. А. У. Малеинъ („Рукописное преданіе загадокъ Альдгельма", стр. 166) совершенно справедливо, съ одной стороны, упрекаетъ Гёгца за „неосновательно(е) предположеніе о поправкѣ *crepaculum* на *crepitaculum*", а съ другой — отклоняетъ въ текстѣ Альдгельма принятое Моне (изъ одной Брюссельской рукописи) чтеніе *crepicula*. Съ своей стороны замѣчу, что это послѣднее чтеніе не годилось бы и съ метрической точки зрѣнія: третій отъ конца слогъ этого слова долженъ быть долгъ, а между тѣмъ отъ глагола *crepĕre* могло возникнуть только *crepĭculum*.

то ни было выводы, тѣмъ болѣе, что, насколько мнѣ извѣстно, такое инструментальное образованіе (предполагающее форму суффикса *-telo-)* представляло бы собой морфологическое unicum.

Что касается любопытной формы *martulus*, являющейся на ряду съ *marculus*, то она очень остроумно разъяснена Нидерманомъ (Indogerm. Forsch. XV, стр. 114 сл.), къ разсужденію котораго я отсылаю интересующихся.

Какъ бы то ни было, повторяю, вышеприведенное, чисто фонетическое объясненіе формы *lectulus* я считаю болѣе вѣроятнымъ.

Что касается морфологической стороны дѣла, то тутъ обращаетъ на себя вниманіе нѣсколько необычная для инструментальныхъ образованій форма мужескаго рода, являющаяся вмѣсто болѣе распространенныхъ формъ средняго или женскаго рода. Однако уже Нидерманъ (Indogerm. Forsch. XV, стр. 116), указавъ на примѣры въ родѣ *marculus, martulus, sarculus, baculus*[1]), *pistillus*, др.-инд. *aritras* „весло" (на ряду съ однозначащимъ *aritram), bhrāṣtras* „сковорода", греч. *κέστρος* „стрѣла", справедливо заключаетъ, что это морфологическое явленіе, повидимому, восходитъ къ проэтнической эпохѣ. Изъ латинскаго языка можно было бы привести еще слѣдующія образованія:

1) *culter*, остроумно сопоставленное Скутшемъ (Bez Beitr. XXII, стр. 126 сл.) съ греч. *κείρειν* и сообразно съ этими выводимое изъ прототипа **ker-tro-s*, откуда **cel-tro-s* < **celter* < **culter*[2]).

2) *raster* — ср. CGL. II 169, 4: *Raster δίκελλα* или ibid. 277, 33: *Δίκελλα rastrum hic raster hic bidens;* что касается текстовъ, то тутъ мужескій родъ засвидѣтельствованъ, если не ошибаюсь, только въ формахъ множественнаго числа

---

[1]) Ср. Mém. de la soc. de lingu. VIII, стр. 185.

[2]) Ср. однако форму средняго рода *cultellum*, засвидѣтельствованную въ Appendix Probi (K. IV 197, 24); ср. также Non., p. 195.

rastri, rastros, что̀ подало поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ разсматривать *rastri* въ качествѣ nomin. dual. отъ *rastrum*, который затѣмъ былъ принятъ за nomin. plur. отъ *raster*, что̀ и вызвало затѣмъ новообразованіе *rastros*. Хотя это толкованіе и не представляетъ собой чего-либо невозможнаго, однако за его вѣрность ручаться трудно. Замѣчу, на всякій случай, что приводимая въ словаряхъ уменьшительная форма мужескаго рода *rastellus*, какъ кажется, нигдѣ фактически не засвидѣтельствована, и изъ текстовъ извѣстна лишь форма множ. числа *rastelli* (напр. Varr. *L. L.* V 136); что касается глоссаріевъ, то въ нихъ мы находимъ форму средняго рода *rastellum* (ср., напр., CGL. V 512, 20).

3) То же самое можно сказать и относительно *calamister*, которое приводится въ словаряхъ на ряду съ дублетомъ *calamistrum*, но, кажется, нигдѣ не засвидѣтельствовано: фактически же встрѣчаются, если не ошибаюсь, только формы множ. числа: *calamistri* (напр. Cic. *Orat.* 23) и *calamistros* (Tac. *de or.* 26).

4) *roster*, засвидѣтельствованное, впрочемъ, насколько мнѣ извѣстно, лишь одной глоссой изъ Hermeneumeta Stephani *Roster ῥύγχος* (CGL. III 350, 56).

Въ связи съ вопросомъ о разверстаніи инструментальныхъ и уменьшительныхъ образованій необходимо остановиться еще на весьма сложной парѣ дублетовъ *pus(s)ula* : *pustula* и *assula* : *astula*, вызвавшей въ научной литературѣ цѣлый рядъ разнообразныхъ предположеній, въ которыхъ постараюсь, по мѣрѣ силъ, разобраться.

Штольцъ (Histor. Gramm., стр. 317) предполагаетъ, что *pus(s)ula* : *assula* находятся въ такомъ же соотношеніи съ *pustula* : *astula*, въ какомъ *rapsare* съ *raptare*, *pulsare* съ *pultare*, *tersus* съ *tertus* и т. п. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ колебаніе между *t* и *s* объясняется въ концѣ концовъ тѣмъ, что въ ptc. pf. pass. элементъ *s* сперва развился фонетическимъ путемъ (при основахъ на зубной), а затѣмъ

благодаря воздѣйствію различныхъ факторовъ (вліянію перфектовъ на *-si*, а также, быть можетъ, такихъ прилагательныхъ, какъ *lixus*) — широко распространился и на другіе случаи въ родѣ *pinsum* при *pistum*, *census* вм. **censtus* и т. п.[1]) Хотя это нефонетическое *s* распространилось не только на причастія страдательнаго залога, но и на такія образованія, какъ nomina actionis на *-io* и *-us*, *-ūs* (*-ūra*), nomina agentis на *-or*, нарѣчія на *-im* и, наконецъ, verba frequentativa, но всѣ эти образованія находятся между собой въ живомъ, органическомъ соотношеніи. Чтобы однако это нефонетическое *s* могло перероситься на инструментальныя образованія, это — невѣроятно, такъ какъ эти послѣднія, насколько я знаю, не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ морфологическаго взаимодѣйствія съ перечисленными выше категоріями[2]).

Итакъ, становясь на точку зрѣнія Штольца, пришлось бы допустить, что *pus(s)ula*:*pustula* и *assula*:*astula* суть deminutiva отъ субстантивированныхъ причастій **pussa*:**pusta* и **assa*:**asta*. Съ чисто морфологической точки зрѣнія такое толкованіе не вызываетъ возраженій, такъ какъ подобныхъ субстантивированныхъ причастій въ латинскомъ языкѣ встрѣчается довольно много: ср., напр., *fossa*, *tonsa*, *usta*, *crusta*

[1]) Ср. Brugmann, Grundriss I², стр. 666, § 754, прим. 1. Что касается формы *census*, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ образованій того же корня, то объ этомъ будетъ сказано подробно въ спеціальномъ экскурсѣ въ концѣ настоящаго этюда. Въ связи съ вопросомъ о дублетахъ въ родѣ *pinsum* : *pistum* остановлюсь на любопытныхъ формахъ *ressor* : *restor*, толкуемыхъ въ глоссаріяхъ посредствомъ *στροφοποιός*, *σχοινᾶς* *funium factor* (см. Götz, Thes. gloss. s. v. *ressor*). Изъ этихъ двухъ дублетовъ первый я затруднился бы объяснить сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ; что касается *restor* при *restis*, то эта пара имѣетъ превосходную параллель въ видѣ *vestis* : *vestrix*, при чемъ это послѣднее образованіе засвидѣтельствовано на надписяхъ — CIL. VI 9214: *Sellia Epyre de sacra via auri vestrix* (ср. Olcott, Studies, стр. 122).

[2]) Отмѣченныя мной въ „Изслѣдованіяхъ“ (стр. 191, прим. 3) инструментальныя образованія въ родѣ *illecebra*, *incingulum*, *involucrum*, *instragulum* свидѣтельствуютъ лишь объ органической связи этихъ образованій съ соотвѣтствующими глаголами.

и т. п., не говоря уже объ абстрактныхъ существительныхъ въ родѣ *offensa*, *repulsa* и т. п. Возможна ли однако гипотеза Штольца въ этимологическомъ отношеніи? Для *pus(s)ula* : *pustula* на этотъ вопросъ, пожалуй, еще можно было бы дать утвердительный отвѣтъ, такъ какъ мы можемъ исходить изъ корня **pūs* „дуть, надувать“ и т. п., къ которому нѣкоторые этимологи[1]) на ряду съ *pustula* (хотя и истолковываемымъ ими со стороны морфологіи нѣсколько иначе) возводятъ ст.-слав. *пых-ати* „дуть“, русск. *пух-нуть*, *пух-лый*, *пухъ*. Сюда же вопреки Персону (ор. с., стр. 200) я отнесъ бы и ср.-в.-нѣм. *bûs* „Aufgeblasenheit, schwellende Fülle“, нѣм. *Baus*, *bausen*. И подобно тому какъ отъ корня **krĕus* : **krūs* „твердѣть, быть твердымъ“ и т. п.[2]) возникло, между прочимъ, *crusta* „корка, кожица, шелуха“ и т. п. и отсюда затѣмъ уменьшительное *crustula*, такъ и отъ корня **pūs* могло бы явиться **pustā* и далѣе *pustula*, а на ряду съ этимъ — дублеты **pus(s)a* : *pus(s)ula*.

Что касается *assula* : *astula*, то я не представляю себѣ, какимъ образомъ можно было бы объяснить эти слова съ точки зрѣнія Штольца, такъ какъ не нахожу подходящаго по значенію корня **as*.

Нидерманъ (Indogerm. Forsch. XV, стр. 113) выставляетъ совершенно иную гипотезу для объясненія дублетовъ *assula* : *astula*; а именно, онъ предполагаетъ, что *t* въ *astula* представляетъ собой неорганическій звукъ, развившійся въ вульгарно-латинскомъ языкѣ изъ синкопированной формы *ass(u)la*.

Я не рѣшаюсь отрицать возможность развитія въ вульгарной латыни такого неорганическаго *t* въ группѣ *-ssl-*,

[1]) Ср. Persson, Wurzelerweit u. Wurzelvariat., стр. 200, Н. В. Горяевъ, Сравнит. этимол. словарь русск. яз., стр. 288 сл.

[2]) Prellwitz (Etym. Wtb. d. griech. Spr. s. v. *κρύος*) и Persson (op. c., стр. 81) относятъ сюда, между прочимъ, греч. *κρύος* (>**κρύσος*), *κρύσταλλος*, англ.-сакс. *hruse* „земля“, др.-в.-нѣм. *rosa* „корка“, „ледъ“ и т. п.

такъ какъ въ пользу этого фонетическаго явленія говоритъ одинъ совершенно несомнѣнный, хотя и упущенный изъ виду Нидерманомъ, случай, а именно, *pestlum* при *pessulum*, упоминаемое грамматикомъ Капромъ (GL. K. VII 111, 2): *pessulum, non pestulum,* съ каковымъ мѣстомъ можно сопоставить слѣдующую любопытную цитату изъ Кассіодорія (ibid. 205, 7): *astula et in elision e astla, pestulum* <*pestlum*>[1]), при чемъ нѣкоторыя рукописи вмѣсто *astla* даютъ варіантъ *ascla* — фактъ, къ которому мы возвратимся впослѣдствіи въ другой связи. Замѣчу кстати, что и въ глоссаріяхъ засвидѣтельствованы интересные варіанты классическаго *pessulus*, а именно: *pestulus* (CGL. III 313, 20) и *pesclum* (ibid. IV 142, 42; V 473, 34 и 510, 15), не говоря уже о дальнѣйшемъ образованіи *pestillum*, которое встрѣчается въ любопытной глоссѣ *Pessulum pescum pestillum* (gl. lat.-arab., p. 382 ed. Seyb.)[2]); эти варіанты, несомнѣнно, входили въ составъ вульгарно-латинскаго языка, судя по романскимъ отраженіямъ: такъ, напр., *pestulus* (:*-um)* даетъ итал. *pestio*, лат. *pesculum* отразилось въ діалектическомъ итал. *peschio*, наконецъ, *pestillum* сохранилось въ видѣ исп.-порт. *pestillo*[3]).

Къ сожалѣнію, этимологія словъ *assula* и *pessulus* до сихъ поръ остается загадочной. Правда, *pessulus* обыкновенно сближается съ греч. πάσσαλος „деревянный гвоздь для подвѣшиванія", однако, несмотря на всю соблазнительность такого сопоставленія съ семасіологической точки зрѣнія[4]) я затрудняюсь признать его удовлетворительнымъ въ фонетическомъ отношеніи, такъ какъ переходъ греческаго кореннаго *α* въ латинское *e* въ ударяемомъ слогѣ совершенно необъяснимо.

[1]) Ср. Gröber, Vulgärlat. Substrata (Arch. f. lat. Lex. IV, стр. 434).

[2]) Относительно формы *pescum* см. замѣчаніе въ слѣдующемъ этюдѣ.

[3]) Ср. Körting, Lat.-rom. Wtb². № 7089, гдѣ всѣ эти вульгарно-латинскіе прототипы снабжены звѣздочками.

[4]) Ср. Schrader, Reallex. d. indogerm. Altertumskunde, стр. 725.

Что касается *assula*, то тутъ далѣе болѣе или менѣе вѣроятныхъ гипотезъ пока трудно итти. Попытка Nettleship'a (Contributions to Lat. lexicography, стр. 326) связать это слово съ гл. *assilio*, конечно, совершенно неудачна. Скорѣе можно было бы заподозрѣть (что̀ и предполагалось неоднократно), что *assula* есть deminutivum отъ *assis*, вульгарнаго дублета при *axis*[1]) въ смыслѣ „доска" (ср. Paul. Diac. Th. de Pon. 3: *tabula sectilis axis appellatur* или глоссы *Σανίς axis* CGL. III 313, 12 и *Axes tabulae* ibid. IV 312, 54). Можно ли однако допустить для ранней эпохи переходъ *x* въ *ss*? Это вопросъ, трудно поддающійся отвѣту, такъ какъ для этого слишкомъ мало матеріала. Итальянское *sasso* при лат. *saxum*, на которое ссылается Lindsay (The Lat. langu., стр. 102 сл.), конечно, ничего не говоритъ относительно хронологіи этого явленія. Что касается *cossim* при *coxim*, засвидѣтельствованнаго уже у Помпонія (fr. 129 R: *Sciúnt hoc omnes quántum est qui cossím cacant)*, то Бругманъ (Indogerm. Forsch. XI, стр. 107) предполагаетъ, что этотъ дублетъ представляетъ собой продуктъ диссимиляціи, явившейся въ сочетаніи *coxim cacare*[2]). При всемъ своемъ остроуміи это объясненіе представляется мнѣ однако нѣсколько искусственнымъ, и я предпочелъ бы видѣть въ *cossim* вульгарно-латинскую замѣну *x* посредствомъ *ss*, что̀ даетъ поводъ объяснить такимъ же образомъ и *assula*. Не лишено интереса, между прочимъ, и то обстоятельство, что у Катулла 17, 3 двѣ лучшихъ рукописи — cod. Sangermanensis и Oxoniensis — даютъ чтеніе *ac sulcis*, откуда Ellis, а за нимъ Беренсъ извлекли *acsuleis*, а Швабе — *axuleis*, что̀ представляетъ собой лишь графическіе дублеты, такъ какъ вм. *x* нерѣдко является *cs*[3]).

[1]) Ср. объ этихъ формахъ Georges, Lex. d. lat. Wortform., столб. 86.

[2]) Ср. также замѣчанія Schwyzer'a (Indogerm. Forsch. XIV, стр. 26), одобряющаго это объясненіе и приводящаго цѣлый рядъ другихъ примѣровъ подобной „Ferndissimilation".

[3]) Ср., напр., отмѣченные Беренсомъ (comm. ad l. c.) примѣры изъ надписей CIL. X 1112, 5157, 5991 и т. п.

Дублеты *pussula* : *pustula* также не противорѣчатъ точкѣ зрѣнія Нидермана (который однако не ссылается на этотъ примѣръ): при этомъ я считаю необходимымъ отмѣтить, что форма *pustula* хорошо засвидѣтельствована, кажется, только у Марціала (VIII 51, 6; XI 98, 4)[1]) и Светонія (*Nero*, c. 44), тогда какъ, напр. у Тибулла (II 3, 10), одна изъ лучшихъ рукописей — excerpta Frisingensia — даетъ *pussula*, что̀ и принято въ текстъ новѣйшими издателями: на ряду съ этой формой у Плинія Старшаго и Цельса лучшія рукописи даютъ варіантъ *pusula*[2]), который однако, какъ это показалъ Meyer-Lübke (Wien. Stud., XVI стр. 318), менѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительному произношенію. Прибавлю еще, что въ „Кирилловомъ“ глоссаріи мы находимъ слѣдующую глоссу: *Φλοκτίς (= φλυκτίς?) papula* *p u s i l l a* *possula fostulla* (CGL. II 472, 24). Гётцъ (Thes. gloss. s. v. *pusilla*) предполагаетъ, что вм. *pusilla* слѣдуетъ читать *pusula* = *pustula*. Я полагаю однако, что *pusilla* можетъ быть разсматриваемо, какъ реальный фактъ языка, а именно, какъ правильно образованное уменьшительное отъ *pus(s)ula*, аналогичное дублету **pustilla*, предполагаемому, напр., испанскимъ *postilla*[3]), на ряду съ которымъ существовалъ варьянтъ *pustella*, неоднократно засвидѣтельствованный въ глоссаріяхъ[4]). Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя другія подробности въ interpretamentum вышеприведенной „Кирилловой“ глоссы[5]), замѣчу только, что вм. *possula* одна изъ рукописей *(a)* даетъ любопытный варіантъ *puscula*, въ которомъ, быть можетъ, мы опять-таки въ правѣ усмотрѣть фактически существовавшую вульгарную форму, которая могла возникнуть изъ синкопированной формы **pustla*.

Итакъ, есть полное основаніе предполагать, что формы

---

[1]) Ср. еще Mart. VII 86, 7: *pustulati*.

[2]) См. Georges, Lex. d. lat. Wortformen, столб. 57.

[3]) См. Körting, Lat.-rom. Wtb.² № 7569.

[4]) Ср. объ этой формѣ замѣчаніе Функа въ Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 384.

[5]) Сошлюсь, во всякомъ случаѣ, на свое общее наблюденіе по поводу „Кириллова“ глоссарія: „Изслѣдованія“, стр. 81, прим. 2.

assula, *pussula* хронологически предшествовали формамъ *astula*, *pustula* и находятся съ этими послѣдними въ такомъ же соотношеніи, въ какомъ *pessulus (-um)* къ *pestulus (-um)*, т.-е. возникли изъ синкопированныхъ формъ **assla*, **pussla*, **pesslus (-um)*, въ которыхъ развился неорганическій звукъ *t*, а затѣмъ — анаптиктическій гласный. Въ какую эпоху появились эти формы съ *t*, сказать трудно, но что онѣ были — по крайней мѣрѣ первоначально — вульгарными, это едва ли подлежитъ сомнѣнію.

Что касается морфологической стороны дѣла, то замѣчу еще, что Перссонъ (Wurzelerweit. u. Wurzelvariat., стр. 199, прим. 1) высказываетъ предположеніе, не восходитъ ли *pussula* къ **put-tlā*[1]): корень *p(h)ŭ̄t* является напр. въ лит. *puczu pústi* „дуть“, *put-menos* „опухоль“, греч. *φῦσα* и т. п. Но тутъ мы сталкиваемся съ фонетической проблемой: какова была судьба группы *-ttl-* на латинской почвѣ? Этотъ вопросъ, насколько мнѣ извѣстно, еще не былъ затронутъ въ наукѣ, и я затруднился бы привести какіе-нибудь аналогичные случаи, гдѣ можно было бы подозрѣвать наличность этой первоначальной группы. Однако есть полное основаніе думать, что изъ данной группы въ латинскомъ языкѣ должно было получиться *-ssl-*; что ассибиляціи въ группѣ *-tt-* не препятствовала непосредственно слѣдующая плавная согласная, это свидѣтельствуется судьбой группы *-ttr-*, которая на латинской почвѣ дала комплексъ *-str-*, ср., напр., **equestro-* (откуда *equester*) > **equet-tro*, *rostrum* > **rot-tro-* > **rod-tro-*. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что латинскому *-str-* въ данномъ случаѣ предшествовало болѣе раннее (быть можетъ, доиталійское) *-ssr-* и что *t* развилось въ этой группѣ, приблизительно такъ же, какъ и въ старо-славянскомъ при сочетаніи *-sr-* (ср., напр., *сестра* изъ **sesrā*). То же *t* могло

---

[1]) Собственно онъ предполагаетъ прототипъ **pūt-tla* и конечный результатъ *pūsula*, но мы уже видѣли, что настоящей формой было *pussula*, а потому удобнѣе исходить отъ корня съ краткимъ гласнымъ.

развиться и на латинской почвѣ въ группѣ *-ssl-*, но только, повидимому, не въ доисторическую, а болѣе позднюю эпоху, такъ что изъ **put-tla-* (если такой прототипъ заслуживаетъ довѣрія) возникло сперва **pusslā,* потомъ *pussula,* потомъ опять **pussla,* далѣе **pustla* и, наконецъ, *pustula*. Я долженъ замѣтить въ заключеніе этого экскурса, что только что предложенному объясненію *pussula* я отдаю предпочтеніе передъ тѣмъ, о которомъ рѣчь была выше (см. стр. 73).

Экскурсъ I. О группѣ -stl- на латинской почвѣ.

Высказанная выше (см. стр. 60) гипотеза о возникновеніи *ergastulum* изъ греч. **ἐργαστρον* < **ergastlom* сталкиваетъ насъ съ фонетическимъ вопросомъ о судьбѣ группы *-stl-* на италійской почвѣ. На этомъ вопросѣ необходимо остановиться, такъ какъ за послѣднее время по поводу него въ лингвистической литературѣ произошелъ расколъ.

Большинство современныхъ ученыхъ[1]) полагаетъ, что въ этой группѣ ни на италійской, ни на латинской почвѣ не происходилъ обычный переходъ *t* въ *c*, и *t* сохранялось неприкосновеннымъ. Главнымъ оплотомъ для такого утвержденія всѣмъ этимъ ученымъ служитъ гл. *postulare*, который они возводятъ къ протипу **porc-sc-tl-ō* (ср. *posco* изъ **porc-sc-o)* и сопоставляютъ съ осск. *pestlúm* „храмъ", выводимымъ изъ прототипа **per(c)s(c)tlom*. Кромѣ того, Зоммеръ (l. c.) указываетъ на уменьшительное образованіе *pistillum,* предполагающее по его мнѣнію инструментальное **pinstlom,* въ которомъ опять-таки *t* благодаря предшествующему *s* не перешло передъ *l* въ *c*.

Противъ этого общераспространеннаго взгляда не такъ давно высказался Нидерманъ (Indogerm. Forsch. XV, стр. 113), находя, что этотъ фонетическій законъ не можетъ быть до-

---

[1]) Ср. Sommer, Handbuch, стр. 273, Brugmann Grundriss I², стр. 531, Stolz, Histor. Gramm., стр. 256.

казанъ этими примѣрами, такъ какъ „in lat. *postulo* und osk. *pestlúm* „templum", vorausgesetz, dass sie wirklich aus den Grudformen **porcsctlo* und **percsctlom* entstanden sind, stand *s* nicht von Anfang an unmittelbar vor *t,* wie das in **pinstlom* der Fall gewesen sein würde; sie dürfen daher nicht ohne weiteres auf eine Linie mit diesem gestellt werden". Далѣе, указавъ на существованіе въ умбрскомъ языкѣ на ряду съ *pestlúm* дублета *peessl[úm]*, названный ученый высказываетъ предположеніе, что какъ та, такъ и другая форма представляютъ собой образованія съ инструментальнымъ суффиксомъ *-lo-*, при чемъ *t* въ первой формѣ можетъ быть понято въ качествѣ „hysterogene(r) Übergangslaut wie z. B. in vulgär-lat. **astla* (vorausgesetzt durch **asca* = „Spahn, Splitter" [sard. *ascia*, neapol. *asca,* prov. *ascla* u. s. w.]) = klassisch *ass(u)la*". Наконецъ, Нидерманъ прибавляетъ и общее соображеніе изъ области физіологіи звуковъ. „Dass in dem letztern Worte, говоритъ онъ, selbst dieser späte Einschubslaut *t* zu *c* geworden ist, zeigt wie wenig dem *s* die Kraft innewohnte den Übergang von *-tl-* zu *-cl-* zu hindern. Vgl. auch noch bret. (Dialekt von Douarnenez) *skleja* „kriechen" für *stleja, sklujw* „Steigbügel" aus *stloek*".

Несмотря на все обиліе приведенныхъ Нидерманомъ аргументовъ противъ стойкости *t* въ группѣ *-stl-,* я не могу согласиться съ нимъ во взглядѣ на эту группу, хотя и признаю, что главный примѣръ, выставляемый его противниками, а именно глаголъ *postulare,* отнюдь не можетъ быть названъ удачнымъ, впрочемъ, несовсѣмъ съ той точки зрѣнія, съ какой смотритъ на дѣло Нидерманъ.

Этотъ общеизвѣстный, но до сихъ поръ остающійся невполнѣ разъясненнымъ глаголъ требуетъ пристальнаго анализа, въ связи съ которымъ прольется свѣтъ и на нѣкоторыя другія образованія латинскаго языка. Прежде всего, я не вижу никакой серіозной причины разсматривать этотъ глаголъ въ качествѣ продукта отъ инструментальной основы

porcsc-ilo-*. Италійскія аналогіи тѣмъ менѣе могутъ соблазнить въ данной связи, что въ нихъ, во всякомъ случаѣ, пришлось бы признать другой вокализмъ основы. Не проще ли допустить, что при глаголѣ *posco* (>porc-scō*) существовало нѣкогда ptc. pass. **postus* (>**porcsctos*), какъ я предполагалъ еще въ своихъ „Изслѣдованіяхъ“ (стр. 25, прим. 1). Правда, можетъ возникнуть вопросъ: откуда же элементъ *s* въ этомъ причастіи, и не слѣдовало ли бы скорѣе ожидать чего-нибудь въ родѣ **portus* (**porctos*)? Однако причастіе *pastus* (>**pasctos*)[1]) при глаголѣ *pāsco* служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что *s(c)* могло въ глаголахъ на *-sco* переноситься изъ системы praesens'а и на причастія страдательнаго залога. Возникновеніе такого новообразованія тѣмъ легче объяснить, что органическая форма **portus* представляла бы слишкомъ рѣзкія фонетическія отличія отъ остальныхъ формъ гл. *poscere*. А что этотъ послѣдній вообще допускалъ новообразованія, это въ достаточной степени свидѣтельствуется совершенно необычной формой перфекта *poposci*, тѣмъ болѣе интересной, что она имѣетъ ближайшую аналогію въ др.-инд. pf. *pa-pracha*[2]).

При **postus* легко могло развиться дальнѣйшее образованіе **postulus*, возникновенію котораго, по всей вѣроятности, способствовало близкое по значенію *petulus*, существованіе котораго свидѣтельствуется глоссами: *Petulum lascivum* (Gloss. cod. Vatic. 3312 CGL. IV 142, 22), и *P[r]etul[a]e petulantes ⟨h⟩ilare⟨s⟩* (ibid. cod. a post 151, 7), а также прилагательнымъ *petulcus* изъ **petulĭcus*, аналогичнымъ по образованію съ *hiulcus*[3]) при *hiāre*; сюда же, замѣчу кстати, я отнесъ бы и **patulcus* при *patēre*, которое я считаю воз-

[1]) См. объ этой формѣ Sommer, Handbuch, стр. 546. Этотъ же элементъ *s* проникъ и въ nomen agentis *pā-s-tor* (>**pāsc-tor*).

[2]) Ср. Per Persson, Wurzelerweit., стр. 212.

[3]) См. Stolz, Histor. Gramm., стр. 516. Любопытно, что уже въ древности бросилось въ глаза сходство окончаній этихъ двухъ прилагательныхъ, ср. Charis. p. 49, 4 K: *hiulcus id est qui hiat, petulcus qui petit.*

можнымъ извлечь изъ собственнаго имени *Patulcius*, являющагося въ качествѣ прозвища бога Яна, ср. Ovid. *fast.* I 129:

...modo namque Patulcius idem
Et modo sacrifico Clusius ore vocor:
Scilicet aeterno voluit rudis illa vetustas
Nomine diversas significare vices;

ср. также мужское имя *Patulcius*, засвидѣтельствованное не только у Цицерона (*ad. Att.* XIV 18, 2), но и неоднократно на надписяхъ: см. W. Schulze, Z. Gesch. latein. Eigennamen, стр. 142, гдѣ, между прочимъ, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, допускается этимологическая связь этого имени съ прилагательнымъ *patulus*. Прибавлю еще, что *hiulcus* и **patulcus*, будучи аналогично образованы, обнаруживаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнную близость по значенію, такъ какъ *patēre* и *hiāre* — близкіе синонимы. Это обстоятельство можетъ служить лишнимъ аргументомъ въ пользу реальнаго существованія прилагательнаго **patulcus*.

Возвращаясь снова къ **postulus*, я долженъ замѣтить, что отъ этого прилагательнаго былъ произведенъ отъименный глаголъ *postulare*, при чемъ прекрасную параллель для него представляетъ **petulare* при *petulus*. Правда, этотъ послѣдній глаголъ фактически не засвидѣтельствованъ, но причастная форма *petulans* дѣлаетъ его весьма вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что объяснить *petulans*, какъ вторичное образованіе, возникшее непосредственно изъ *petulus* безъ участія отъименнаго глагола, я затруднился бы въ виду отсутствія вполнѣ близкихъ параллелей[1]), какъ морфологическихъ[2]), такъ и семасіологическихъ.

[1]) По поводу вопроса объ образованіяхъ на *-ans* и ихъ взаимоотношенія съ отъименными глаголами см. у М. М. Покровскаго, „Матеріалы“, стр. 244 сл.

[2]) Упоминаемая Георгесомъ форма *gracilans* едва ли заслуживаетъ большого довѣрія: она засвидѣтельствована рукописями въ одномъ изъ двухъ фрагментовъ Левія, цитируемыхъ Ноніемъ (p. 116, 8): *ex hoc gracilans fit.* Однако, въ виду отсутствія упоминанія этой формы въ леммѣ Нонія, я пред-

Если всѣ изложенныя комбинаціи вѣрны, то ясно, что въ гл. *postulare* между *t* и *l* искони былъ гласный звукъ, такъ же какъ и въ *petulus*, которое, кстати сказать, въ противномъ случаѣ должно было бы превратиться въ **peclus*<**peculus*[1]). А разъ это такъ, этотъ глаголъ отнюдь не можетъ служить для характеристики судьбы группы *-stl-* даже съ тѣми фонетическими оговорками, которыя считаетъ нужнымъ сдѣлать Нидерманъ. Что касается объясненія *postulo*, предложеннаго Wharton'омъ (Etym. lat., стр. 80), который выводитъ данный глаголъ изъ **poscitulō* отъ ptc. **pōscitus* при гл. *pōsco*, то оно совершенно неправдоподобно, такъ какъ, если даже причастія на *-ĭtus* отъ verba inchoativa и существовали[2]), то, во всякомъ случаѣ, ничѣмъ нельзя доказать ихъ древность.

почитаю вслѣдъ за Луціаномъ Мюллеромъ читать *gracilens*, тѣмъ болѣе, что эта форма предполагается и первымъ фрагментомъ изъ Левія и леммой Нонія, а кромѣ того она находитъ себѣ поддержку въ цѣломъ рядѣ аналогичныхъ образованій. Ср. еще Götz, Thes. gloss. s. v. *gracilenti*.

1) Ср. аналогичное замѣчаніе Штольца (Histor. Gramm., стр. 507) по поводу *patulus*. Къ тѣмъ отглагольнымъ именамъ на *-ulus*, въ которыхъ по мнѣнію Штольца искони долженъ былъ быть гласный звукъ, слѣдуетъ прибавить еще *tremulus*, *aemulus*, *cumulus*, *tumulus*, такъ какъ въ противномъ случаѣ между *m* и *l* долженъ былъ бы развиться губной согласный, какой — *p* или *b*, сказать съ увѣренностью трудно. Бругманъ (Grundriss I², стр. 370) говоритъ: „Aus *-ml-* lässt man im Italischen *-mpl-* geworden sein..., die Ansicht ist <aber> irrig: *-ml-* hätte *-mbl-* ergeben, da *l* stimmhaft war". Я не знаю однако, насколько такой взглядъ можетъ быть названъ вѣрнымъ.

2) Въ пользу такого предположенія можно было бы привести лишь нѣкоторые косвенные факты:

a) Присціанъ (10, 19) упоминаетъ супины *compescitum* и *discitum*, не иллюстрируя однако этихъ формъ ни однимъ примѣромъ (ср. Neue, Formenlehre d. lat. Spr. III, стр. 569).

b) Засвидѣтельствованы въ позднѣйшей латыни ptc. fut. *disciturus* и *nasciturus* (Neue, ibid., стр. 582 и 588). Замѣчу кстати, что къ этимъ формамъ можно прибавить еще одну, на которую до сихъ поръ, какъ кажется, никто не указывалъ, это — **cresciturus*, засвидѣтельствованное въ качествѣ мужского имени *Cresciturus*, напр., въ слѣдующемъ двустишіи (Anthol. lat. ed. Riese² № 207):

Crescit ure, ferox ne quid tibi dorsa flagellis
Conscindat coniunx, iunctis tu pedibus astas.

[Замѣчу попутно еще одну любопытную форму ptc. на *-urus*, извѣстную въ

Переходя теперь къ вульгарно-латинскому *ascla*, упоминаемому Нидерманомъ, я долженъ прежде всего замѣтить, что эта форма, повидимому, можетъ быть освобождена отъ звѣздочки, такъ какъ мы видѣли выше[1]), что она фактически засвидѣтельствована нѣкоторыми рукописями въ цитатѣ Кассіодорія. Кромѣ того, мы констатировали тамъ же форму *pesclum*, а нѣсколько дальше[2]) — *puscula*. Хотя все это безусловно говоритъ въ пользу возможности перехода *-stl-* въ *-scl-* на почвѣ латинскаго языка, но было бы рискованно обобщать этотъ переходъ хронологически и приписывать его всѣмъ эпохамъ латинскаго языка, не исключая и доисторической. „Andre Zeiten, andre Lautgesetze", какъ мѣтко выразился Бругманъ[3]), и я не вижу повода отодвигать дѣйствіе этого фонетическаго закона черезчуръ далеко назадъ. Еще менѣе значенія имѣетъ ссылка Нидермана на бретонскія аналогіи.

Что различіе эпохи и діалектовъ (не говоря уже объ языкахъ) играютъ въ данномъ случаѣ существенную роль, объ этомъ свидѣтельствуетъ ближайшимъ образомъ судьба группы *-stl-* въ балтійскихъ языкахъ[4]). Что касается доисторической эпохи латинскаго языка, то для нея переходъ *-stl-* въ *-scl-* я считаю совершенно недоказаннымъ, и наоборотъ, хотя *postulo* отпадаетъ въ качествѣ аргумента въ пользу сохраненія *-t-* въ данной группѣ, однако этотъ тезисъ можно, какъ мнѣ кажется, отстоять, опираясь на нѣкоторые другіе факты, до сихъ поръ не привлекавшіе на себя вниманія лингвистовъ съ этой точки зрѣнія.

качествѣ cognomen, это *Gauditurus* ср. inscr. ap. Momms. n. 2559 col. 1 lin. 22 *G. Julius Gauditurus*. Причастіе **gauditurus* является, очевидно, позднѣйшимъ дублетомъ при обычномъ *gavisurus* (напр. Ter. *Andr.* 964), примыкающимъ къ ptc. *gavisus*. Дублетъ этотъ можетъ быть сопоставленъ съ такими формами, какъ, напр., *valiturus*, *caliturus*, *egĭturus* и т. п. случаями, гдѣ причастіе на *-ĭturus* возникло при глаголахъ на *-ēre*, не имѣющихъ ни супиновъ, ни причастій на *-itus*].

1) См. стр. 71.

2) См. стр. 76.

3) См. Indogerm. Forsch. XII, стр. 396.

4) См. Brugmann, Grundriss I², стр. 541.

Прежде всего можно отмѣтить *ergastulum*, которое во всякомъ случаѣ должно восходить къ болѣе раннему **ergastlom*. Я не жду возраженія, что на этотъ случай нельзя ссылаться, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло со словомъ греческаго происхожденія: общеизвѣстенъ тотъ фактъ, что греческія слова, проникая въ латинскій языкъ народнымъ путемъ и испытывая болѣе или менѣе радикальную латинизацію, затѣмъ испытываютъ на себѣ дѣйствіе фонетическихъ законовъ латинскаго языка соотвѣтствующей эпохи. Чтобы остаться въ предѣлахъ вопроса о судьбѣ *t* передъ *l*, ограничусь указаніемъ на два случая:

1) гл. *exanclare*, повидимому, возникъ на почвѣ греч. *ἐξαντλεῖν*, что̀ признавалось уже въ древности: ср., напр., глоссу Плацида: *Exanclare exhaurire ex graeco veniens, quod quidem verbum Plautus, saecularis poeta comicus, posuit ita in Sticho: ne iste edepol vini poculo pauxillulo saepe exanclavi<t>* (CGL. V 20, 2). Правда, грамматикъ Сергій (GLK. IV p. 477, 10) замѣчаетъ, что: *ante l nunquam invenimus d, verum in paucis t, ut exantlavit, quod in Plauto lectum est,* однако ни одна изъ рукописей Плавта, повидимому, этой орѳографіи не даетъ, и потому въ изданіи Ричля-Гётца она и не принята въ текстъ.

2) Вм. *athleta* въ глоссаріяхъ и на надписяхъ встрѣчается любопытная форма *acleta*: ср. CGL. IV 5, 42: *Accleta* (a : *acleta*) *luctator* и Carm. epigr. ed. Buech. № 583.

Хотя ни та ни другая форма, несмотря на переходъ *t* въ *c*, не пріобрѣла вполнѣ латинскаго вида, но зато тѣмъ характернѣе этотъ переходъ и тѣмъ естественнѣе, что онъ не вытѣснилъ вполнѣ формъ съ *t (th)*. Между тѣмъ *ergastulum* нигдѣ, насколько мнѣ извѣстно, не является съ *c* вм. *t*, что̀ скорѣе всего можно приписать какъ разъ предшествующему *s*. Правда, засвидѣтельствована еще оригинальная латинизированная форма nominis actoris *ergastor* = греч. *ἐργάτης*, но она не могла вліять на *ergastulum*, такъ

какъ встрѣчается лишь въ очень поздней латыни (Aethicus 6, 81 и 88)[1]), тогда какъ *ergastulum* — несомнѣнно очень раннее заимствованіе.

Въ пользу закона о сохраненіи *t* въ группѣ *-stl-* можно однако привести и чисто латинскій примѣръ, а именно, *fistula*. Это слово толкуется различно. Такъ, Per Persson (Wurzelerweit u. Wurzelvariat., стр. 199) возводитъ его къ корню *bhis* „дуть", къ которому относится также др.-в.-н. *bīsa*, нѣм. *Biesewind* „сѣверо-восточный вѣтеръ" и т. д. Sophus Bugge[2]) полагаетъ, что „*fistula* durch Dissimilation aus **flistula* geändert ist"[3]), и сближаетъ это слово съ др.-сканд. *blistra* „mit dem Munde pfeifen oder flöten, auch zischen (von den Shlangen)"[4]). На какой бы изъ этихъ двухъ этимологій мы ни остановились, во всякомъ случаѣ едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что исходъ этого именного образованія — инструментальный суффиксъ *-tlā-*, въ которомъ *t* не перешло въ *c*, очевидно, благодаря предшествующему *s*. Правда, въ Excerpta

---

[1]) Этотъ фактъ заимствованъ мной у Зиттля: см. Addenda z. Tensaurus italograecus (Arch. f. lat. Lex. VI, стр. 436); во второмъ изъ приведенныхъ примѣровъ *ergastor* является въ качествѣ прилагательнаго, да еще женскаго рода: *manibus ergastoribus*.

[2]) См. Kuhn's Zeitschr. III, стр. 97 сл.

[3]) Бугге приводитъ цѣлый рядъ случаевъ, аналогичной диссимиляціи: *ὀλοφυκτίς* = *ὀλοφλυκτίς*, *φύγεθλον* = *φλύγεθλον*, *ἔκπαγλος* = *ἔκπλαγλος* и т. п. Какъ продуктъ подобной регрессивной диссимиляціи, этотъ ученый разсматриваетъ, между прочимъ, и гл. *peiĕrare* вм. *periĕrare*, и данное толкованіе его, не привлекшее къ себѣ, насколько я знаю, ничьего вниманія, представляется мнѣ лучшимъ объясненіемъ изъ всѣхъ, предложенныхъ до сихъ поръ. Послѣднюю попытку истолковать этотъ глаголъ, принадлежащую Бругману (см. Indogerm. Forsch. XII, стр. 397 сл.), я считаю совершенно неудачной. Что касается *ĕ* передъ *r*, то оно можетъ восходить къ первоначальному *ŭ*, слѣдовательно въ этомъ глаголѣ (такъ же, какъ и въ *deiĕrare, ēierare* и нѣк. др.) мы имѣемъ дѣло съ болѣе слабой степенью именной основы — **iŭs;* замѣчу на всякій случай, что такое колебаніе въ степеняхъ основы — самое обыкновенное явленіе: ср. др.-инд. *ăvas*, греч. *θαῦμα* : *θῶϋμα* (см. Schulze, Quaest. epicae, стр. 18), *foedus* : *fidusti (confoedusti)*, *ioubeo* : *iŭbeo*, *glŏmus*, *vox*, *vōcis* : *vŏcare*, *πένθος* : *πάθος*, *μέχρι* : *ἄχρι* и т. п.

[4]) Ср. также др.-сканд. *blistra* „Mundstück des Blasebalgs" (Persson, op. c., стр. 200).

ex libr. gloss. мы находимъ глоссу: *Tenui havena fistula vulgo fiscla dicitur* (CGL. V 248, 14)[1]), документально свидѣтельствующую о существованіи вульгарно-латинской формы *fiscla* (> **fistla)*[2]), но возникновеніе ея мы въ правѣ отнести къ позднѣйшей эпохѣ, когда появились и такія формы, какъ *ascla, pesclum* и *pusc(u)la*[3]).

Замѣчу кстати, что вмѣсто предполагаемаго Перссономъ корня *bhis* мы, быть можетъ, имѣемъ право отправиться отъ корня *bhes* съ тѣмъ же значеніемъ „дуть", откуда др.-инд. *bhás-trā* „раздувальный мѣхъ[4])", которое въ такомъ случаѣ оказалось бы этимологически тождественнымъ съ лат. *fistula*. Если такъ, то этотъ примѣръ можно было бы сопоставить ближайшимъ образомъ съ *histrio* при др.-инд. *hasati* „смѣяться", которымъ, между прочимъ, пользуется Нидерманъ (*Ĕ* und ĭ im Lat., стр. 12) для доказательства тезиса, что *ĕ* въ положеніи передъ тремя согласными переходитъ въ ĭ[5]).

Экскурсъ II. Гл. censēre и ptc. census.

Вопросъ о взаимоотношеніи гл. *censēre* и причастія *census*, мимоходомъ затронутый нами выше[6]), до сихъ поръ остается не вполнѣ выясненнымъ, въ чемъ легко убѣдиться, если обратить вниманіе на то, что̀ высказано по поводу этихъ образованій въ новѣйшей лингвистической литературѣ.

Такъ, нѣкоторые ученые[7]) предполагаютъ, что *census* воз-

[1]) Гётцъ (Thes. gloss.) отмѣчаетъ, что эта глосса относится къ Verg. *Ecl.* 12.

[2]) Что въ interpretamenta этого сборника глоссъ встрѣчаются вульгарно-латинскія слова, доказывается такими глоссами, какъ: *Hersutus capillutus barbutus* (CGL. V 207, 25; ср. „Изслѣдов.", стр. 140 и 271), *Ninxit nivavit* (ibid. 226, 18; ср. „Изслѣдов.", стр. 154), *Jecor ficatum* (ibid. 209, 19) и т. п.

[3]) См. выше, стр. 83.

[4]) Ср. Per Persson, op. c., стр. 199.

[5]) Ср. по поводу этого вопроса скептическія замѣчанія Бругмана (Grundriss. I^2, стр. XLII).

[6]) См. стр. 72 пр. 1.

[7]) Ср., напр., W. Meyer въ Kuhn's Zeitschr. XXVIII, стр. 166, Prellwitz въ Bezz. Beitr. XXII, стр. 123 сл.

никло чисто фонетическимъ путемъ изъ **censtos* въ силу того, что въ латинскомъ языкѣ группа *-nst-* переходила въ *-ns-*. Къ этому мнѣнію до извѣстной степени склоняется и von Planta (Gramm. d. osk.-umbr. Dial. I стр. 393) „obgleich allerdings, какъ онъ замѣчаетъ, l. *vensica* (: ai : *vasti* nhd. *Wanst)* das einzige ernstlich ins Gewicht fallende Beispiel ist". Однако Бругманъ[1]) справедливо указываетъ на то, что даже *ve(n)sica* ничего не говоритъ въ пользу этого фонетическаго закона, такъ какъ это слово могло уже искони не имѣть элемента *t*, подобно тому, какъ, съ другой стороны, родственное по этимологіи *venter* искони не имѣло элемента *s*, тогда какъ въ древне-индійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ соотвѣтствующія слова обнаруживаютъ комбинацію того и другого элемента.

Отрицая такимъ образомъ фонетическое объясненіе ptc. *census*, Бругманъ[2]) выставляетъ предположеніе, что эта форма явилась вм. фонетическаго **censtus* (ср. оск. *an-censto* „incensa") такимъ же образомъ, какъ *pīnsum* на ряду съ *pistum* и *hausum* на ряду съ *haustum* при *haurio* (> **hausio)* вслѣдствіе подмѣны элемента *t* посредствомъ элемента *s*, часто наблюдаемаго въ формахъ ptc. pf. pass. (ср. такія формы, какъ *fixus, torsus, lapsus* и т. п.). Эту подмѣну названный ученый (ibid., стр. 671) въ извѣстной долѣ приписываетъ наличности въ латинскомъ языкѣ нѣкоторыхъ прилагательныхъ на *-so-*, въ которыхъ элементъ *-s-*, въ сущности говоря, представляетъ собой слабѣйшій видъ суффикса $^{-es}/_{-os}$. Хотя такія прилагательныя, несомнѣнно, существовали въ латинскомъ языкѣ, однако приписывать имъ существенную роль въ созданіи вышеуказаннаго колебанія *t* и *s* въ причастныхъ образованіяхъ было бы дѣломъ весьма рискованнымъ, и я лично гораздо больше сочувствую Зоммеру[3]), который

[1]) См. Indogerm. Forsch. XII, стр. 183 сл.

[2]) См. Grundriss I^2, стр. 666.

[3]) См. Handbuch, стр. 645.

данное колебаніе выводитъ изъ аналогическаго воздѣйствія перфектовъ на *-sī*. Что касается такихъ фонетически незаконныхъ причастій на *-sus*, при которыхъ нѣтъ перфектовъ на *-sī*, то всѣ они, по мнѣнію Зоммера, могутъ быть объяснены, какъ результатъ аналогіи традиціонныхъ причастій на *-sus*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти аналогіи основаны на звуковыхъ ассоціаціяхъ (напр. *falsus* при *fallo* по аналогіи со случаями въ родѣ *salsus* **sald-tos* при *sallo* > **saldo* и т. п.), въ другихъ — на семасіологическихъ (напр. *lapsus* по аналогіи съ *cās(s)us*). „*Census*, замѣчаетъ Зоммеръ тутъ же, zu *censere* wie *haesus* zu *haerēre* aus **hais*". Мнѣ представляется однако такая пропорція весьма неубѣдительной, такъ какъ между *censeo* и *haereo* (даже въ ту эпоху, когда это послѣднее звучало еще **haeseo*) не было, на мой взглядъ, достаточно яркаго звукового сходства, чтобы легко было представить ихъ взаимную ассоціацію. Что касается сопоставленія *census* съ *hausus*, дѣлаемаго Бругманомъ, то оно такъ же ничего не разъясняетъ, такъ какъ *hausus* безъ труда можетъ быть понято, какъ продуктъ воздѣйствія перфекта *hausi*, тогда какъ отъ pf. *censui* элементъ *s* никоимъ образомъ не могло переброситься на ptc. pf. pass. Правда, извѣстны pf. *nexui* при *nexus*, *pexui* при *pexus*, но первая изъ этихъ формъ, хотя и является уже у Саллустія (fr. 1, 21[23]), во всякомъ случаѣ не первоначальная и притомъ, какъ это справедливо предполагаетъ Зоммеръ (Handbuch, стр. 612), по всей вѣроятности, сама — продуктъ аналогіи со стороны близкаго по значенію *texui*, тогда какъ *pexui* извѣстно лишь (помимо грамматиковъ) изъ очень позднихъ текстовъ (Alcim. Avit. *ep.* 86[77]). Между тѣмъ *censui* — очевидно доисторическая форма, а ptc. *census* — во всякомъ случаѣ очень древняя.

Итакъ, ни Бругману, ни Зоммеру не удалось объяснить причастной формы *census*. И вообще, я не представляю себѣ, какимъ образомъ мы могли бы вывести эту форму, исходя изъ praesens'а *censeo*, который самъ по себѣ представляетъ

нѣкоторую аномалію въ латинскомъ языкѣ. Если принимаемая обыкновенно этимологическая связь его съ др.-инд. *ç̦asa-ti* „торжественно говоритъ, читаетъ, восхваляетъ", алб. *ϑom* „я говорю", ст.-слав. **сѧтъ** „inquit"[1]) представляется вполнѣ вѣроятной, то возникаетъ вопросъ: какъ понять форму *censeo*? Видѣть въ ней интенсивное или каузативное образованіе въ родѣ *doceo*, *tongeo* и т. п. препятствуетъ характеръ вокализма: вышеуказанныя образованія отъ корней съ какъ $^o/_e$, извѣстно, имѣютъ обыкновенно степень съ *o*, за исключеніемъ, кажется, одного *terreo*. Нельзя ли объяснить ненормальный вокализмъ того и другого глагола тѣмъ, что первоначально существовали формы **censō* и **tersō*, которыя развили на ряду съ собой, подобно гл. *texo*, perfecta на *-uī*, такъ какъ этотъ послѣдній исходъ „das Perfekt deutlicher als andere Bildungen, etwa das *s*- Praeteritum charakterisieren konnte" (Sommer, Handbuch, стр. 609)[2])? А изъ перфектовъ *censui* и **tersui* < *terrui* затѣмъ, быть можетъ, возникли praesens'ы *censeo* и *terreo*, при чемъ въ первомъ случаѣ можно, пожалуй, предположить вліяніе противоположныхъ по смыслу *taceo* и *sileo*. Не настаивая, впрочемъ, на такомъ истолкованіи формъ на *-eo*, я считаю однако необходимымъ допущеніе формы **censō* (и **terrō*?) для объясненія ptc. *census*. А именно, я предполагаю, что отъ **censo* было образовано pf. **cens(s)i* (ср. *pinso* : *pinsi*), и по аналогіи съ нимъ уже возникло причастіе *cens(s)us*. Такимъ образомъ получается слѣдующая пропорція: *pinso* : *pinsi* (: *pinsui*) : *pinsus* = **censō* : **censī* (: *censui*) : *census*.

---

[1]) Ср., напр., Brugmann, Grundriss I², стр. 550.

[2]) Это замѣчаніе иллюстрируется у Зоммера, между прочимъ, примѣромъ *texo* : *texui*, приведеннымъ и нами.

II. *О затемненныхъ диссимиляціей инструментальныхъ образованіяхъ.*

Въ предыдущемъ этюдѣ мы разсмотрѣли довольно обширную группу случаевъ, обнаруживающихъ смѣшеніе словообразовательныхъ суффиксовъ, благодаря звуковому сходству. Теперь перейдемъ къ другой категоріи случаевъ, въ которыхъ наоборотъ фонетическія видоизмѣненія разъединили первоначально однородные словообразовательные суффиксы.

Эти фонетическія видоизмѣненія обусловлены, главнымъ образомъ, такъ называемой диссимиляціей, въ частности — диссимиляціей плавныхъ согласныхъ. Благодаря этой диссимиляціи, напр., первоначально однородный инструментально-локальный суффиксъ *-tlo-* явился на латинской почвѣ въ двухъ различныхъ видахъ: *-clo-* и *-cro-*. Многіе вопросы, связанные съ такого рода диссимиляціей въ области словообразовательныхъ суффиксовъ, разъяснены мною подробно въ моихъ „Изслѣдованіяхъ“, гдѣ имъ посвященъ спеціальный этюдъ „Къ вопросу о суффиксахъ съ чередованіемъ *r* и *l*“[1]); тамъ, между прочимъ (стр. 248, пр. 1), я отмѣтилъ,— въ противоположность нѣкоторымъ языковѣдамъ,— что исходъ *-cro-* является единственнымъ латинскимъ суффиксомъ, въ которомъ *r* представляетъ собой безусловный продуктъ италійской диссимиляціи: во всѣхъ же остальныхъ суффиксахъ съ чередующимися *r* и *l* мы лишены возможности рѣшить, относится ли это чередованіе къ италійской или доиталійской эпохѣ.

[1]) См. стр. 238 сл.

Цѣль настоящаго этюда — выяснить другой эффектъ диссимиляціи на суффиксы, заключающіе въ себѣ плавные согласные, а именно — исчезновеніе этихъ суффиксальныхъ плавныхъ, благодаря чему разрывается формальная связь соотвѣтствующихъ образованій съ той морфологической группой, къ которой они первоначально принадлежали.

Уже a priori представляется вполнѣ естественнымъ, что случаи этого рода сравнительно очень рѣдки, такъ какъ суффиксальные элементы, принадлежа къ такимъ комплексамъ, которые часто встрѣчаются въ языкѣ, естественнымъ образомъ должны отличаться большей стойкостью. И тѣмъ не менѣе такіе случаи, несомнѣнно, существуютъ.

Такъ, напр., уже Бругманъ[1]) отмѣтилъ позднелатинское *cribum*, явившееся вмѣсто обычнаго *cribrum*[2]).

Въ „Филоксеновомъ“ глоссаріи, между прочимъ, на ряду съ *raster* (см. выше, стр. 70) встрѣчается форма *rastus*: ср. CGL. II 169, 3: *Rastus* (c:*ratis*) *σκαφῖον* (=*σκαφεῖον*). Гётцъ (Thes. gloss.) предлагаетъ исправить лемму въ *rastrus*[3]) и вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваетъ: не слѣдуетъ ли читать *raster?* Я полагаю однако, что на *rastus* мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на реальный фактъ вульгарно-латинскаго языка; съ чисто методологической точки зрѣнія не лишено, быть можетъ, значенія то обстоятельство, что interpretamentum *σκαφίον* (или *σκαφεῖον*) не является ни въ одной глоссѣ съ леммой *raster*, что выдѣляетъ вышеприведенную „Филоксенову“ глоссу изъ ряда другихъ, однородныхъ по значенію (а такихъ глоссъ засвидѣтельствовано нѣсколько), и располагаетъ насъ

[1]) См. Grundriss I², стр. 441.

[2]) Ср. также форму *cribus*, засвидѣтельствованную въ глоссаріяхъ (ср., напр., CGL. V 495, 55).

[3]) Наоборотъ, лишнее *r*,— и на этотъ разъ уже несомнѣнно,— мы находимъ въ слѣдующей „Филоксеновой“ глоссѣ: *Attonitrus ἐμβροντηθείς κ. τ. λ.* (CGL. II 22, 44). Если бы форма *rastrus* существовала фактически, то ее можно было бы сопоставить, напр., съ *tetrus* и *aprus*, о каковыхъ формахъ упоминается въ Append. Probi 198, 26 K.: *teter non tetrus*, *aper non aprus*.

къ болѣе внимательному и серіозному отношенію къ той формѣ, въ которой передано interpretamentum. А что въ „Филоксеновомъ“ глоссаріи встрѣчаются вульгарно-латинскія слова, тому доказательствомъ является глаголъ *iterare* въ смыслѣ „путешествовать“, засвидѣтельствованный также только въ „Филоксеновомъ“ глоссаріи[1]); съ другой стороны, въ пользу *rastus* говоритъ португальское отраженіе *rasto* (на ряду съ *rastro)*[2]), а также такія аналогіи, какъ, напр., порт. *rosto* при лат. *rostrum*, неаполит. *rapesta* при лат. *rapistrum* или упоминаемыя Grammont'омъ[3]) итал. *arato* вм. лат. *aratrum* и *dereto* вм. лат. *deretro*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ диссимиляцію двухъ *r*, выражающуюся въ исчезновеніи второго *r*. Правда, примѣры, приводимые Grammont'омъ, не представляютъ собой полной тождественности фонетическихъ условій съ тѣми случаями диссимиляціи, которые указаны мною, такъ какъ *arato* и *dereto* иллюстрируютъ собой слѣдующій законъ Grammont'а (по его счету — 16-й): intervocalique dissimile combinée atone, однако случаи въ родѣ *rastus* : *rasto*, *rosto*, *rapesta* въ достаточной степени, какъ мнѣ кажется, доказываютъ, что и при начальномъ *r*+гласная подобная диссимиляція являлась, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ языкахъ. Эти случаи вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ фактическимъ доказательствомъ того, что и послѣ вышеуказанной капитальной работы по диссимиляціи согласныхъ это любопытное и сложное фонетическое явленіе не выяснено еще вполнѣ.

Высказавъ это общее замѣчаніе, перейдемъ къ недостаточно разъясненному до сихъ поръ слову *lectus* „ложе“. Штольцъ[4]) сопоставляетъ это образованіе съ *cub-itu-s* „локоть“, *dig-itu-s*, *hor-tu-s*, *legā-tus*, *lu-tu-s*, *palā-tu-s*, замѣчая при этомъ, что

---

[1]) Ср. мои „Изслѣдованія“, стр. 171.

[2]) Подробности относительно значенія этого слова въ португальскомъ (и испанскомъ) языкѣ см. у Кёртинга (Lat.-rom. Wtb.², № 7796).

[3]) La dissimilation consonantique, стр. 75

[4]) Histor. Gramm., стр. 532.

на ряду съ первымъ образованіемъ и двумя послѣдними существуютъ еще соотвѣтствующіе дублеты средняго рода. Нетрудно, однако, убѣдиться въ томъ, что эта группа существительныхъ мужескаго рода на *-tus* состоитъ изъ словъ, весьма различныхъ по образованію:

1) *legā-tus* представляетъ собой субстантивированное причастіе мужескаго рода отъ глагола *legāre* „отправлять съ порученіемъ“, аналогичное такимъ образованіямъ, какъ, напр., *advocā-tus*, *privā-tus* и т. п.

2) *digitus* до сихъ поръ остается темнымъ по происхожденію, а потому я не рѣшаюсь высказаться относительно этого слова. Во всякомъ случаѣ предполагаемое Бремеромъ[1]) родство его (такъ же, какъ и греч. *δάκτυλος)* съ готск. *tēcan* „трогать“ представляется мнѣ невполнѣ достовѣрнымъ[2]).

3) *cubitus*, судя по греч. *κύβιτον*, по всей вѣроятности, болѣе поздняго происхожденія сравнительно съ дублетомъ *cubitum*[3]); нельзя ли было бы объяснить форму мужескаго рода, какъ обратное образованіе изъ *cubili*, каковая форма первоначально играла роль формы двойственнаго числа изъ *cubitum*, а затѣмъ принята была за nom. plur. отъ существительнаго мужескаго рода *cubitus?* Возможно однако, что *cubitus* возникло и подъ вліяніемъ какихъ-нибудь аналогій (напр. *humerus);* кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что вообще названія

---

[1]) Paul-Braune's, Beitr. z. Gesch. d. deutsch. Spr. u. Litt. XI, стр. 283.

[2]) И Шрадеръ (Reallex. d. indogerm. Altertumskunde, стр. 468) замѣчаетъ, что „die Gleichstellung von griech. *δάκτυλος*, lat. *digitus*, ahd. *zêha* lautlich nicht gesichert ist“.

[3]) Этому предположенію, конечно, не противорѣчитъ то обстоятельство, что форма *cubitus* засвидѣтельствована уже у Плавта: ср. *Capt.* 796:

Nám mihi hoc ballísta pugnumst, cúbitus catapultást mihi;

стихъ этотъ интересенъ, между прочимъ, и потому, что въ немъ по свидѣтельству Grammaticus de dubiis nominibus (p. 587, 12 K): *pugnum Plautus genere neutro dixit... sed melius masculinum est*. Рукописи и Ноній (p. 552, p. 13) даютъ въ этомъ стихѣ обычную форму *pugnus*. Обращаю вниманіе на это, такъ какъ форма *pugnum* не отмѣчена у Neue, который также не останавливается и на колебаніяхъ въ слово *cubitus*.

частей тѣла нерѣдко обнаруживаютъ аналогичныя морфологическія колебанія: ср., напр., *collum* : *collus*, *tergum* : *tergus*, *iugulum* : *iugulus*, *pugnum* : *pugnus*[1]), *nasum*[2]) : *nasus* и т. п. Что касается замѣчанія Кюнера[3]), будто бы форма *cubitum* обычна для тѣхъ случаевъ, когда данное слово является съ значеніемъ „локоть, какъ мѣра“ (= нѣм. Elle), то я не знаю, насколько оно справедливо.

4) *palātus* засвидѣтельствовано, если не ошибаюсь, только въ одномъ мѣстѣ у Цицерона: *de fin.* II 26: *cui cor sapiat, ei non sapiat palatus*, если не считать еще глоссы изъ Hermeneum. Monacensia: *Uraniscos palatus* (CGL. III 175, 29), притомъ ни въ одномъ изъ этихъ двухъ случаевъ нельзя сказать, что это — форма 2-го или 4-го склоненія? Въ пользу послѣдней говорили бы такія, напр., образованія, какъ *gustus*, *auditus*, *odoratus* и т. п., съ которыми *palatus* въ значеніи „вкусъ“ легко могло ассоціироваться, а затѣмъ эта же форма могла быть перенесена и на значеніе „нёбо“[4]).

Штовассеръ[5]) связываетъ *pălātum* съ *pălam*, *propălāre* и предполагаетъ, что первоначальнымъ значеніемъ этого слова было „открытый ротъ“[6]); съ своей стороны могу прибавить глаголъ *dēpălare*, засвидѣтельствованный какъ въ глоссаріяхъ, такъ и въ позднѣйшей латыни[7]), и, наконецъ, простой гл. *pălare*, извѣстный мнѣ изъ глоссъ Люксембургской рукописи: 183: *palat revelat* и 210: *palas revelas*[1]). Если приведенная этимологія Штовассера вѣрна, то превосходную параллель къ *palatus* : *palatum* представило бы *rictus* : *rictum*; эта параллель интересна тѣмъ болѣе, что форма *rictum* явилась, повидимому, впервые у Цицерона (*Verr.* 4, 94) и у его современника Лукреція (напр. V 1062); подобно тому какъ *rictum* было новообразованіемъ при *rictus*, такъ и, обратно, *palatus* можетъ быть истолковано въ качествѣ новообразованія при *palatum*[2]).

5) *lutus* извѣстно намъ лишь изъ слѣдующей замѣтки Нонія (р. 212): *Lutum genere neutro et apud Ciceronem in epistolis ad Hirtium lectum est plurali numero: „luta et limum adgerebant“. Masculino Claudius Annalibus: „pluvia inibi lutus erat multus“*. Откуда однако заключаетъ Штольцъ, что *lutus* въ данномъ случаѣ существительное 2-го, а не 4-го склоненія? Тотъ же вопросъ (хотя и безъ упоминанія имени Штольца) можно было бы предложить и по поводу формы *scutus*, засвидѣтельствованной Ноніемъ (р. 226) изъ Турнилія:

Quia nón minus res hóminem quam scutus tegit.

6) *hortus* имѣетъ ближайшія соотвѣтствія въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ: ср. греч. χόρτος „трава“, „кормъ“; „усадьба“, готск. *gards* „домъ“, ир. *gort* „посѣвъ“ и т. д.

Помимо этого послѣдняго обстоятельства *hortus* внѣшнимъ образомъ больше всего подходитъ къ *lectus* и приводитъ насъ къ тому объясненію этого послѣдняго слова, которое не такъ давно предложено было Отто. „*Lectus*, говоритъ

---

1) См. выше, стр. 93 прим. 3.

2) См. Non., p. 215.

3) Ausführl. Gramm. d. lat. Spr. I, стр. 303.

4) Косвенную аналогію во всякомъ случаѣ могло бы представить, напр., слово *vultus*: происходя, повидимому, отъ *velle*, это слово первоначально, какъ замѣтилъ уже Ноній (р. 427), обозначало *voluntas quae pro motu animi in facie ostenditur*, а затѣмъ пріобрѣло значеніе „лица“; ср. также *visus* въ смыслѣ „глаза“, напр. Stat. *Theb.* VI 227: *Spectat in occiduis stellatum visibus Argum* и т. п.

5) Lat.-deutsch. Schulwörterb., стр. 734.

6) Замѣчу на всякій случай, что первоначально, быть можетъ, употреблялось сочетаніе *os palatum*, а затѣмъ, какъ это часто бываетъ, существительное стало пропускаться, а стоящій при немъ эпитетъ субстантивировался; ср., напр., *altum* „открытое море“, возникшее изъ первоначальнаго *altum mare*.

7) См. Nettleship, Contributions to Latin lexicography, стр. 431.

1) См. Wiener Studien IX, стр. 309 сл.

2) Вопросъ о чередованіи отглагольныхъ образованій на *-tu-m* и *-tu-s* (4-го скл.) всесторонне разслѣдованъ М. М. Покровскимъ („Матеріалы“, стр. 148 сл.), который упоминаетъ, между прочимъ, и дублеты *rictus* : *rictum*. Любопытно, что и на ряду съ *gustus* существовала форма *gustum*, о которой см. у того же автора, стр. 150.

этотъ ученый[1]), ist ursprünglich partizipiales Adjectiv, dessen Maskulinum genau so als Substantiv fungiert, wie im Griechischen z. B. ἄμητος (mit zurüskgezogenem Akzent), das also als abstraktes Substantiv zuerst das Liegen bezeichnete und dann erst das Lager, ebenso wie es bei griech. κοῖτος zu κεῖμαι der Fall ist... Ganz ähnlich ist der Übergang der Bedeutung bei anderen Wortbildungen. So erinnere man sich an *sessio* „das Sitzen", das Cicero vom Sitz als konkreten Gegenstand braucht, wenn er *de fin.* V 2 sagt: *Polemo, cuius illa ipsa s e s s i o fuit, quam videmus* und *de or.* II 20: *palaestra et tot locis s e s s i o n e s*".

Но съ этимъ толкованіемъ, какъ бы оно ни было соблазнительно съ перваго взгляда, все-таки трудно согласиться, хотя бы потому, что въ такого рода образованіяхъ, какъ это показываютъ факты греческаго языка, обыкновенно корни съ гласнымъ $^e/_o$ обнаруживаютъ степень корня съ *o*, причемъ какъ разъ та параллель, которая приводится самимъ Отто, а именно κοῖτος при κεῖμαι, подтверждаетъ это замѣчаніе; ср. далѣе: φόρτος при φέρω, οἶτος при εἶμι, νόστος при νέομαι, πλοῦτος при πλέ(ϝ)ω, πόκτος при πέκω[2]) и т. п. Сюда же, несомнѣнно, принадлежитъ и χόρτος.

Уже это одно обстоятельство заставляетъ скептически отнестись къ гипотезѣ Отто и можетъ служить оправданіемъ для новой попытки истолковать это загадочное образованіе, представляющее собой морфологическій unicum во всемъ латинскомъ языкѣ.

Прежде всего, можетъ быть поставленъ вопросъ, не является ли *lectus* обратнымъ образованіемъ, извлеченнымъ

1) См. Indogerm. Forsch. XV, стр. 13.

2) Ср. B r u g m a n n, Grundriss II, стр. 208, прим. 1 (въ текстѣ) и S o l m s e n, Untersuchungen z. griech. Laut- u. Verslehre, стр. 219. Въ связи съ интересными разсужденіями послѣдняго автора объ италійскомъ божествѣ *Vesta*, замѣчу, что это имя могло быть такимъ же преобразованіемъ первоначальнаго **vestis*, какъ *Carmenta* при *Carmentis* (ср. объ этихъ именахъ мои „Изслѣдованія", стр. 90 сл.).

изъ *lectulus*, принятаго за уменьшительную форму? Что обратныя образованія этого типа существовали въ латинскомъ языкѣ, это вполнѣ убѣдительно доказано Н и д е р м а н о м ъ[1]), который такимъ образомъ объясняетъ *marcus* при *marculus*, *furca* при *furcula*, вульгарно-латинск. **vincum* = итал. *vinco* „связь" при *vinculum* и нѣк. др. Съ своей стороны отмѣчу форму *pescum*, упомянутую мной выше (стр. 74): естественнѣе всего было бы заподозрѣть въ ней обратное образованіе изъ *pesculum*.

Съ этой точки зрѣнія, быть можетъ, слѣдуетъ смотрѣть и на *capsa* при *capsula*. Это послѣднее образованіе, несомнѣнно, очень древнее[2]), могло бы быть, повидимому, понято въ качествѣ инструментальнаго имени, образованнаго при помощи суффикса *-slā-* **cap-slā*, откуда благодаря anaptyxis получилось *capsula*[3]). Затѣмъ это образованіе, подобно *marculus* или *furcula*, могло быть понято въ качествѣ уменьшительнаго и въ связи съ этимъ вызвать Rückbildung *capsa*. Противъ предложеннаго мной объясненія говоритъ на первый взглядъ существительное мужескаго рода *capsus* (о значеніяхъ этого слова см. у Г е о р г е с а), однако слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что данное образованіе засвидѣтельствовано, какъ кажется, лишь въ позднѣйшей латыни (у Витрувія, Веллея Патеркула, Апиція): очень не мудрено, что оно имѣетъ въ своей основѣ инструментальное **capsulus*, почему-либо исчезнувшее изъ языка или случайно не засвидѣтельствованное; возможно также, что для *capsus* точкой отправленія служило *capsa*. Такъ или

1) См. Indogerm. Forsch. XV, стр. 105 сл.

2) Оно встрѣчается, между прочимъ, въ фрагментѣ Фабія Пиктора, воспроизводящемъ подробности древняго ритуала flaminis Dialis (Gell. X 15, 14): *Aput eius lecti fulcrum c a p s u l a m esse cum strue atque ferto oportet*.

3) Правда, для такой anaptyxis я не могъ бы привести никакой непосредственной аналогіи, но съ другой стороны нельзя, насколько мнѣ извѣстно, и опровергнуть ее какимъ-нибудь примѣромъ съ инымъ преобразованіемъ группы *-psl-*. Ср. кстати факты, приведенные мной на стр. 66—68.

иначе, подобное объясненіе этого послѣдняго слова я рѣшаюсь высказать (хотя и съ большой осторожностью) потому, что лучшее мнѣ не представляется. Во всякомъ случаѣ, видѣть въ лат. *capsa* заимствованіе изъ греч. *κάψα*[1]) я не рѣшился бы, такъ какъ послѣднее слово засвидѣтельствовано лишь у позднѣйшихъ лексикографовъ и, по всей вѣроятности, какъ это предполагаетъ и Прелльвитцъ (Etym. Wtb., стр. 141), наоборотъ, представляетъ собой заимствованіе изъ латинскаго языка. Съ другой стороны, я считаю сомнительнымъ морфологическое сопоставленіе *capsa* съ *lixa, noxa* и т. п. образованіями отъ слабѣйшаго вида основъ на *-s*[2]).

Возвращаясь снова къ *lectus*, замѣчу, что то обстоятельство, что это слово встрѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ латинской литературы (напр. у Плавта, ср. *Pseud.* 215), едва ли можетъ служить препятствіемъ къ аналогичному объясненію даннаго слова, такъ какъ подобнаго рода обратныя образованія, вообще говоря, могутъ въ отдѣльныхъ случаяхъ являться во всѣ эпохи языка.

Однако *lectus* можно, пожалуй, объяснить и иначе, а именно, исходя изъ прототипа * *lec-tlo-s*, который мы установили выше (см. стр. 65), и предположивъ, что въ этомъ прототипѣ

1) Ср., напр., Stowasser, Lat.-deutsch. Wtb., стр. 152.

2) Ср. объ образованіяхъ этого типа у М. М. Покровскаго, „Матеріалы", стр. 78 сл. Что касается *lausa* „надгробная плита", то это образованіе, несмотря на разъясненія Бюхелера (Arch. f. lat. Lex. II, стр. 606; ср. также ibid. III, стр. 510 и IV, стр. 258), остается довольно темнымъ. Напомню на всякій случай мужское cognomen *Lausus*, засвидѣтельствованное на надписяхъ (ср., напр., CIL. XIV 3795, можетъ-быть, также ibid. XII 1052 add.). Отто (Jahrb. f. class. Phil. 24 Supplb., стр. 799) сопоставляетъ греческое имя *Κλύμενος* и продолжаетъ: „Participium *lausus*, unde hoc nomen ortum est, libri nobis non servaverunt, sed locum eius ubique tenet *laudatus*. Non idem factum est de *frauso*, quo participio Plautus utitur in *Asin.* 286 et ex quo Umbri dixerunt *frosetom*". Принимая во вниманіе соображенія М. М. Покровскаго („Матеріалы", стр. 126) по поводу *frausus*, можно, пожалуй, спросить, не существовалъ ли нѣкогда гл. **laudĕre* (или **laudēre?*), отъ котораго произведено было ptc. **lausus*, и не въ родствѣ ли съ этимъ причастіемъ и существительное *lausa*, первоначально значившее „похвальная надпись"?

вслѣдствіе диссимиляціи второе *l* исчезло, благодаря чему получилось **lectos* и, наконецъ, — *lectus*. На вопросъ, допустима ли подобная диссимиляція, можно отвѣтить указаніемъ такихъ примѣровъ, какъ *γέλγιθες* „чесночныя зерна" изъ **γέλγλιθες* (ср. *ἄγλιθες*)[1]), ст.-слав. *dlato* (ср. русское *долото*), ст.-прусск. *dalthan* „шило", восходящее, по мнѣнію Нидермана (Indogerm. Forsch. XV, стр. 107), къ балтійско-славянскому **dolb-tlo-* (ср. ст.-слав. *dlъbą, dlъbsti*, русское *долбить* и т. д.) и т. п.

Какому изъ этихъ двухъ толкованій слѣдуетъ отдать предпочтеніе, я не рѣшился бы сказать, но что tertium non datur, въ этомъ, кажется, сомнѣваться нельзя. Прибавлю еще, что, если предложенное мною выше (стр. 65 сл.) объясненіе *lectulus* вѣрно, и если, съ другой стороны, мы остановимся на только что изложенномъ толкованіи *lectus*, то эти два образованія представили бы прекрасное pendant къ *circulus* : *circus*, о которыхъ рѣчь была въ первомъ этюдѣ (см. стр. 57 сл.).

Въ заключеніе обширнаго экскурса о *lectus*, замѣчу, что на ряду съ этой обычной формой засвидѣтельствованы еще двѣ параллельныя разновидности: *lectum* и *lectus, -ūs*. Первая изъ нихъ встрѣчается въ позднѣйшей латыни, а именно у Ульпіана (Dig. 32, 50) и неоднократно въ глоссаріяхъ (см. Thes. Gloss. s. v. *lectus* и *lectica*), тогда какъ вторая остановила на себѣ вниманіе Присціана (K. II 257, 4), замѣчающаго слѣдующее: „*hic lectus*", *ἡ κλίνη*, „*huius lecti*", *quod tamen etiam „huius lectus" antiquissimi protulerunt. Cornificius in I de etymis deorum: ipsis vero ad Cereris memoriae novandae gratiam lectus sternuntur. Plautus in Amphitrione: „Quam lectus ubi cubuisti concaluit locus*[2]). Кромѣ того, Отто[3]) приводитъ слѣдующую любопытную цитату изъ Сервія

1) Ср. Brugmann, Grundriss I[2], стр. 435 и 854.

2) Ср. критическій аппаратъ къ *Amph.* 513 въ изданіи Гётца-Лёве. Съ этимъ мѣстомъ Присціана можно сопоставить еще слѣдующее замѣчаніе Проба (K. IV 29, 31): *lectus lecti, non, ut quidam imperiti, huius lectus.*

3) См. ор. с., стр. 14.

(Comm. in Aen. II 361): *Varro ait in lectu temulentos iacere, sobrios cubare consuescere*, откуда можно сдѣлать заключеніе, что эта форма употреблялась и Варрономъ. Что касается вопроса о томъ, какъ объяснить возникновеніе этихъ двухъ параллельныхъ формъ, то едва ли мы ошибемся, предположивъ, что какъ та, такъ и другая являются результатомъ новообразованія, вполнѣ естественнаго въ виду необычайности исконной формы *lectus, -i. Lectum* легко могло явиться по аналогіи съ *cubile*, а кромѣ того оно имѣетъ прекрасное pendant въ видѣ дублета *torum*, извѣстнаго какъ въ архаической латыни (ср. Varro *de vita pop. rom.* fr. 53 ap. Non. 11, 14), такъ и изъ позднѣйшей эпохи (напр. Lactant. VI 235), ср. еще, напр., CGL. IV 397, 40: *Torum stratum lectum vel accubitus*[1]).

Lectus, -ūs — также несомнѣнный продуктъ новообразованія, которое могло возникнуть на почвѣ цѣлаго ряда существительныхъ 4-го склоненія съ исходомъ *-tus (-sus)* и локальнымъ значеніемъ въ родѣ *aditus, recessus, situs, exitus, portus* и т. п.

Наконецъ, др.-фр. *liçon*, какъ это предполагаютъ романисты[2]), восходитъ, повидимому, къ (вульгарно-латинскому?) прототипу **lectio* „ложе", въ которомъ пришлось бы видѣть новообразованіе, появившееся по аналогіи nomina actionis съ локальнымъ значеніемъ въ родѣ *ambulatio, aquatio* и т. п.; изъ французскаго языка укажу, напр., на *prison* „тюрьма", восходящее къ латинскому nomen actionis *prensio*[3]). Что въ латинскомъ языкѣ могли явиться аналогическія новообразованія на *-tiō(n)-*, объ этомъ свидѣтельствуетъ любопытное поздне-латинское слово *architectio*, извѣстное изъ Itala (Wircel.)

[1]) Ср. также форму *grabatum*, засвидѣтельствованную, напр., Cael. Aur. II 37, 195.

[2]) См. Körting, Lat.-rom. Wtb²., № 5500, и приведенную тамъ литературу.

[3]) Кöртингъ (ор. с., № 7410) ошибается, предполагая, что эта форма не засвидѣтельствована въ латинской литературѣ (на что указываетъ звѣздочка): ср. Gell. XIII 12, 4 и 6.

exod. XXXV 35; впрочемъ, появленію его способствовала наличность цѣлаго ряда словъ того же корня съ различными чисто-латинскими словообразованными элементами: ср. *architectus*, встрѣчающееся уже у Плавта (ср. напр. *Mil. gl.* 901), *architectura*, засвидѣтельствованное, кажется, впервые у Цицерона (напр. *de off.* I 42), *architector*, извѣстное изъ Jul. Val. I 26 (I 31) и глоссы *Architector instructor fundamenti* (CGL. V 168, 1)[1]); интересно также очень позднее образованіе *simultatio* (Gregor. *epist.* 1, 2a), возникшее, повидимому, изъ *simultas*, какъ результатъ стремленія подчеркнуть формально nomen actionis.

Возвращаясь снова къ предложенному выше толкованію *lectus* изъ прототипа **lectlos*, мы естественнымъ образомъ сталкиваемся съ вопросомъ: нѣтъ ли въ самомъ латинскомъ языкѣ какихъ-нибудь аналогій для такого исчезновенія суффиксальнаго *l* вслѣдствіе наличности этого плавнаго въ корнѣ? Къ сожалѣнію, я не могу привести вполнѣ убѣдительныхъ параллелей. Какъ бы то ни было, нѣкоторые отдѣльные случаи, быть можетъ, могли бы быть отнесены сюда.

Прежде всего, остановлюсь на одномъ загадочномъ образованіи, о которомъ упомяну въ данной связи, главнымъ образомъ, для того, чтобы обратить на него вниманіе спеціалистовъ. Я имѣю въ виду *pulpitum*. Это слово до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, оставалось безъ какого бы то ни было этимологическаго или морфологическаго объ-

[1]) Гётцъ въ Thes. gloss. послѣ леммы *architector* ставитъ въ скобкахъ восклицательный знакъ. Почему? Разъ возникло въ языкѣ *architectura*, уже этого одного было достаточно въ качествѣ благопріятной почвы для появленія *architector*, такъ какъ образованія на *-tor* и на *-tura*, несомнѣнно, ассоціировались въ латинскомъ языкѣ, доказательствомъ чего можетъ служить хотя бы любопытное существительное *circitura*, засвидѣтельствованное неоднократно въ глоссаріяхъ (см. Götz, Thes. gloss. s. v.) и возникшее, скорѣе всего, по аналогіи съ *circitor* (=**circ(um)itor*). Еще болѣе смѣлыя nomina agentis представляютъ собой существительныя *restor* и *vestrix*, о которыхъ см. выше стр. 72, прим. 1.

ясненія, и потому я прошу снисхожденія къ той нѣсколько смѣлой попыткѣ истолковать его, которую я предложу въ нижеслѣдующемъ изложеніи.

За точку отправленія я беру тотъ корень *pel*, основное значеніе котораго, повидимому, было „распластывать“[1]), къ которому (въ различныхъ его модификаціяхъ) относятся, между прочимъ, ст.-слав. *polica* „доска“, ново-слав. *pola* „плоскость“, русск. *полка*[2]) и т. п., сюда же, по всей вѣроятности, принадлежитъ и русск. *полъ* (въ смыслѣ нѣм. *Diele*[3])); изъ латинскаго языка сюда относится, между прочимъ, *pl-ā-nus*, а также *planca* и *plancus*[4]), каковыя слова объединяются въ слѣдующей любопытной глоссѣ Павла Діакона (Th. de Pon., p. 289, 5): *Plancae tabulae planae, ob quam causam et planci appellantur, qui supra modum pedibus planis sunt*, ср. также Pallad. I 21, 2: *Plancae roboreae supponantur stationibus equorum cum stramine*. Къ этому-то корню я возвожу прототипъ именного образованія съ суффиксомъ -q^2o- (или -$q^2\bar{a}$-)[5]) *$pe(o)l$-q^2o- (или -$\bar{a}$), предполагая, что

---

[1]) Ср. Fick, Vergl. Wtb. I⁴, стр. 477, гдѣ, впрочемъ, первичное значеніе этого корня опредѣляется нѣсколько иначе — нѣмецкимъ глаголомъ *falten*.

[2]) Ср. Miklosich, Etym. Wtb. d. slav. Spr., стр. 252 s. v. *pola 1*.

[3]) Замѣчу на всякій случай, что и это слово относится къ группѣ этимологически связанныхъ между собой словъ, обнаруживающихъ много точекъ соприкосновенія въ семасіологическомъ отношеніи со словами, восходящими къ вышеуказанному корню *pel:* см. Fick, Vgl. Wtb. I⁴, стр. 61 s. v. *tél* : *telo* m. Fläche, Boden; ср., напр., др.-инд. *tala* (m. и n.) „плоскость“ съ ново-слав. *pola*, др.-шв. *fala*, ср. также греч. *ἐπι-πολή* „поверхность“, *pāni-tala* „ладонь“ и греч. *παλάμη*, нижн.-сорб. *tla* „гумно, токъ“ и прусск. *planis* и т. п.

[4]) Ср. Persson, Stud. z. Lehre v. d. Wurzelerweit u. Wurzelvariat., стр. 10, гдѣ приведено много другихъ примѣровъ, относящихся къ тому же корню въ его разновидностяхъ.

[5]) Относительно этого суффикса ср. любопытныя замѣчанія Бругмана (Grundriss II, стр. 238), который полагаетъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ веларный (заднеиёбный) характеръ гортаннаго, входящаго въ составъ суффикса, не обнаруживается непосредственно (по тѣмъ или другимъ причинамъ), есть основаніе предполагать первоначально-веларный его оттѣнокъ. Но что̀ значатъ однако слѣдующія слова того же ученаго: „So wird z. B. die Zugehörigkeit des deminutiven lat. *-culo-* zu *-qo* durch Fälle wie *mus-culu-s:* ai. *muṣ-ká-* armen. *mukn* erwiesen“? Для меня это замѣчаніе совершенно неясно.

это образованіе имѣло значеніе приблизительно одинаковое съ ст.-слав. *polica* или лат. *planca*, т.-е. „доска“. Изъ этого прототипа на почвѣ латинскаго языка должно было бы получиться *$pulco$-(-$\bar{a}$-) или, точнѣе, *$pulquo$-(-$\bar{a}$-), но, если мы допустимъ, что это слово прошло черезъ среду какого-нибудь италійскаго діалекта, въ которомъ q^2 давало *p*, то въ результатѣ должно получиться *$pulpo$-($\bar{a}$). Что въ латинскомъ языкѣ встрѣчаются діалектическія заимствованія съ $p = $ инд.-евр. q^2, это — несомнѣнный фактъ, свидѣтельствуемый такими случаями, какъ *lupus* при греч. *λύκος* или *popina* при *coquina* (вм. **poquina*). Впрочемъ, относительно этого послѣдняго примѣра можно, пожалуй, спросить, не было ли это чисто-латинское слово, въ которомъ однако вмѣсто обычной регрессивной ассимиляціи (какъ, напр., и въ *quinque*) обнаружилась ассимиляція прогрессивная (какъ въ нѣм. *fünf*)? Если такъ, то съ этой точки зрѣнія, пожалуй, можно было бы объяснить и предположенное нами *$pulpo$-(-$\bar{a}$-). Впрочемъ, это замѣчаніе я высказываю лишь мимоходомъ, предпочитая въ этихъ двухъ случаяхъ видѣть діалектическіе факты.

Что такое появленіе *p* вмѣсто *qu* (*c*) встрѣчается и въ вышеупомянутомъ суффиксѣ -q^2o-(-$q^2\bar{a}$-), это довольно вѣроятно въ виду слѣдующихъ случаевъ, отмѣченныхъ Нидерманомъ[1]):

1) Сабинск. (самнитск.) *hirpus* „волкъ“ при лат. *hircus* (изъ *hirquos*) „козелъ“ одинаково восходятъ къ прототипу *$gheir$-q^2o-s съ первоначальнымъ значеніемъ „лохматый“ (ср. *hirtus* < **ghei̯r-to-s*).

2) *scirpus* при др.-инд. *çará-* „тростникъ“, быть можетъ, восходитъ къ прототипу *$sker$-q^2o-s.

3) **hispus* (откуда *hispidus*) представляетъ собой „eine

---

[1]) См. „Ĕ und ĭ im Lateinischen“, стр. 82 сл. и Indogerm. Forsch X, стр. 229 съ прим. 2.

dialektische Entsprechung eines urlat. **hers-quos* = idg. *g*^{1}*hers-q*^{2}*o-s* (Wz. *g*^{1}*hers* : ai. *hrṣyati*, lat. *horreo* aus **horseįō*)[1]).

Теперь является вопросъ, какъ объяснить *pulpĭtum* изъ добытой нами основы **pulq*^{2}*o-(-ā-)*? Исходъ *-ĭtum* въ именномъ образованіи имѣетъ, насколько мнѣ извѣстно, во всемъ латинскомъ языкѣ лишь двѣ аналогіи: *compĭtum* и *limĭtum*. Второе изъ этихъ двухъ словъ, скорѣе всего, какъ это мы выяснили во введеніи (см. стр. 23), представляетъ собой поствербальное образованіе; что касается *compitum*, то это существительное будетъ истолковано нами въ слѣдующемъ этюдѣ: пока замѣтимъ, что въ немъ *t* во всякомъ случаѣ относится не къ суффиксу, а къ корню, и потому сопоставлять *compĭtum* съ *pulpĭtum* было бы невозможно.

Такимъ образомъ, *pulpitum* остается совершенно единичнымъ образованіемъ. Нельзя ли было бы объяснить его изъ первоначальнаго инструментально-локальнаго **pulq*^{2}*ĕ-tlo-m*[2])? Съ морфологической стороны можно было бы сопоставить съ этимъ образованіемъ, напр., *talĭtrum* и **calcĭtrum*[3]), такъ какъ они могутъ быть возведены къ прототипамъ **tālĭ-tlo-m*, **calcĭ-tlo-m*[4]), а также, съ одной стороны, *senāculum*, *tabernāculum*, *clunāculum*, а съ другой — *turĭbulum*[5]), *sessĭbulum*,

¹) Что касается *pūpus* : *pūpa*, то я вслѣдъ за Штольцемъ (Indogerm. Forsch. XV, стр. 62) не склоненъ видѣть въ этихъ словахъ присутствіе суффикса *-q*^{2}*o-*. Точно такъ же весьма сомнительно, чтобы этотъ суффиксъ заключался въ собственномъ имени *Caspo* (напр. CIL. XI 1762), такъ какъ связь его съ *casnar* и *cascus*, предполагаемая Циммерманомъ (Arch. f. lat. Lex. XIII, стр. 238), едва ли соотвѣтствуетъ дѣйствительности (ср. W. Schulze, Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 270).

²) Корневая гласная въ этомъ прототипѣ имѣетъ, конечно, условный характеръ.

³) Ср. мои „Изслѣдованія“, стр. 31.

⁴) Разумѣется, одно изъ этихъ двухъ образованій должно было возникнуть въ языкѣ раньше другого, тогда какъ это послѣднее, по всей вѣроятности, явилось уже съ готовымъ исходомъ *-ĭtrum* (или *-ĭtrom*).

⁵) Ср. мои „Изслѣдованія“, ibid.; болѣе общія соображенія относительно чередованія *ā* и *ĭ* въ различныхъ латинскихъ образованіяхъ съ соотвѣтствующими иллюстраціями см. у М. М. Покровскаго („Матеріалы“, стр. 4 сл.).

vestĭbulum[1]); нѣсколько далѣе стоятъ: *digitabulum* (ср., напр., CGL. II 49, 30: *Digitale et digitabulum δακτυλήθρα*), *ignitabulum*, *trientabulum* (ср. Liv. XXXI 13, 9)[2]); наконецъ, упомяну интересное образованіе *alabrum* : *alibrum*, извѣстное изъ двухъ глоссъ (ap. Mai cl. Auct. 8, p. 57): *Alabrum illud quo fila vertuntur. Unde quidem „vertitur hic alabro quidquid nec femina fuso* и Isid. *Orig.* XIX 29, 2: *Alibrum quod in eo librantur fila, id est vertuntur.* Связать это слово, согласно второй глоссѣ, съ *librare* не представляется возможнымъ по многимъ причинамъ; гораздо естественнѣе, вслѣдъ за Георгесомъ (Wtb. s. v.), видѣть въ немъ производное отъ *ala*; *ĭ* могло бы быть понято такъ же, какъ въ *talĭtrum* и т. п., что̀ заставило бы отнести возникновеніе этого слова къ доисторической эпохѣ латинскаго языка. Что касается *alabrum*, то оно могло представить такой же дублетъ при *alibrum*, какъ *turabulum* при *turĭbulum* или *talatrum* при *talĭtrum*[3]). Замѣчу еще, во избѣжаніе недоразумѣній, что сомнѣваться въ формѣ *alabrum*, засвидѣтельствованной въ первой глоссѣ, на томъ основаніи, что въ приводимомъ тамъ же гексаметрѣ какого-то неизвѣстнаго поэта это слово является съ *ă*, нельзя въ виду отмѣченнаго мною выше (стр. 10 прим.) просодическаго явленія.

Съ семасіологической точки зрѣнія прототипъ **pulq*^{2}*ĕtlom* такъ же вполнѣ удовлетворителенъ: ясно, что первоначальное значеніе этого слова должно было быть „нѣчто сдѣланное изъ досокъ, помостъ“ и т. п.

Что касается фонетики, то, предположивъ, что изъ **pulq*^{2}*ĕtlom* благодаря диссимиляціи явилось *pulpitum*, мы должны объяснить, почему же въ первой формѣ не произо-

¹) Это слово, долго служившее камнемъ преткновенія для латинистовъ, прекрасно разъяснено теперь Сольмсеномъ (Untersuch. z. griech. Laut- und Verslehre, стр. 219).

²) Ср. также CIL. I 200 (Lex. agraria A. U. C. 643): *in trientabule<is>* (см. Olcott, Stud., стр. 133).

³) Ср. мои „Изслѣдованія“, стр. 31 съ прим. 1.

шелъ переходъ *t* въ *c*? Пришлось бы допустить одно изъ двухъ: или что предположенная диссимиляція возникла еще въ доиталійскую эпоху, — такъ какъ переходъ *t* въ *c* въ положеніи передъ *l* представляетъ собой общеиталійское явленіе, — или что этому переходу помѣшала наличность гортаннаго *q* въ предшествующемъ словѣ[1]), что̀ дало бы возможность возвести возникновеніе диссимилированнаго прототипа къ общеиталійской эпохѣ.

Если я рѣшаюсь высказать всѣ эти смѣлыя предположенія относительно *pulpitum*, то лишь потому, что въ латинскомъ языкѣ мы имѣемъ, повидимому, нѣкоторую аналогію для этого образованія въ видѣ существительнаго *culcita*, которое также, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не получило надлежащаго разъясненія.

Этимологически это слово обыкновенно связываютъ съ др.-инд. *kūrca*-(m) „охапка, связка, куча[2])“ и т. п. По какъ понять исходъ *-ĭta*? Wharton (Etyma latina, стр. 26), судя по тому, что первоначальное значеніе этого слова передано у него англійскимъ „rounded“, понимаетъ это образованіе, повидимому, какъ причастіе страдательнаго залога: но, помимо того, что такое толкованіе едва ли совмѣстимо съ привлеченіемъ сюда же др.-инд. *kūrca* (что̀ мы находимъ однако у Wharton'a), еще вопросъ, годится ли подобное первоначальное значеніе для *culcita*. Другой небезъизвѣстный англійскій ученый, Fay (Classical Review XIII, стр. 351), предлагаетъ совершенно иное объясненіе даннаго слова. Онъ связываетъ его, съ одной стороны, съ умбр. *scalçeta*, а съ другой стороны — съ латинскимъ *calcare*, слѣдуя въ этомъ случаѣ вполнѣ сознательно за Варрономъ, который

---

[1]) Нѣкоторую аналогію въ данномъ случаѣ могли бы представить такіе случаи, какъ *miser* и *caesaries*, въ которыхъ, по весьма правдоподобному предположенію Зоммера (Handbuch, стр. 211), „der Wandel von *s* zu *r* wurde durch Dissimilation verhindert... wegen des folgenden *r*“.

[2]) Ср. Brugmann Grundriss I^{2}, стр. 476; Fick, Vergl. Wtb. I^{4}, стр. 25; Vaniček, Etym. Wtb. d. lat. Spr., стр. 57 и т. д.

утверждаетъ (*L. L.* V 167), что *postquam transiere ad culcitas, quod in eas acus aut tomentum aliudve quid calcabant, ab inculcando culcita dicta est.* Относительно окончанія *-ĭta* Fay думаетъ, что его можно сопоставить съ окончаніями образованій *orbĭta* при *orbis* и *vestitus* при *vestis*. Едва ли есть надобность распространяться о томъ, что послѣдняя аналогія совершенно неумѣстна; что касается *orbĭta*, то не такъ давно Кречмеръ (Kuhn's Zeitschr. XXXVIII, стр. 128) высказалъ въ высшей степени вѣроятное предположеніе, что это слово „ist ein Compositum aus *ŏrbis* „Rad“ und dem Partizip *itā* „gegangen“, also gebildet wie *ἁμαξιτός* „von Lastwagen begangen, Lastenstrasse“, wonach als Gegenstück auch *ἀτραπιτός* = *ἀτραπός* „Fussweg“ gesagt wurde“.

Возвращаясь снова къ *culcĭta*, я позволю себѣ спросить, нельзя ли видѣть въ этомъ образованіи инструментально-локальное существительное, восходящее къ прототипу **culcĕ-tla*, въ которомъ произошла такая же диссимиляція плавной, какъ въ *lectus* > **lectlos*, и такое же уклоненіе отъ перехода *t* въ *c*, какъ въ *pulpitum* > **pul*^{2}*qĕ-tlo-m*? При этомъ, во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ замѣтить, что, ставя такой вопросъ, я отнюдь не придаю рѣшающаго значенія дублету *culcitra*, засвидѣтельствованному у Петронія и въ глоссаріяхъ[1]), а также отразившемуся въ романскихъ языкахъ (ср., напр., исп. *colcedra*, др.-фр. *coltra* и т. д.)[2]): дѣло въ томъ, что у насъ нѣтъ никакихъ положительныхъ указаній въ пользу древности этого дублета, а между тѣмъ легко допустить, что окончаніе *-tra* явилось вм. *-ta* по аналогіи вслѣдствіе обычности его въ инструментально-локальныхъ образованіяхъ. Это морфолого-фонетическое явленіе иллюстрируется многими примѣрами изъ латинскаго и романскихъ языковъ у Rönsch'a, (Collectanea philologa, стр. 244 сл.)[3]).

---

[1]) Ср. Heraeus, Die Sprache des Petronius und die Glossen, стр. 47.

[2]) Ср. Körting, Lat.-rom. Wtb.^{2} № 2657.

[3]) Ср. также Grammont, La dissimilation consonantique, стр. 130 сл., ко-

Въ заключеніе даннаго этюда, я долженъ еще разъ подчеркнуть, что вполнѣ сознаю гипотетичность большинства предложенныхъ въ немъ комбинацій, но это въ значительной степени зависитъ, съ одной стороны, отъ неизбѣжной скудости матеріала, а съ другой — отъ характера затронутой проблемы. Я легко предвижу вопросъ, почему же изъ **lectlos* и т. д. не возникли диссимилированныя формы съ *r* въ суффиксѣ, которыя болѣе соотвѣтствовали бы обычнымъ тенденціямъ латинскаго и многихъ другихъ индоевропейскихъ языковъ? На этотъ вопросъ трудно дать опредѣленный отвѣтъ: не слѣдуетъ только упускать изъ виду, что явленія диссимиляціи очень разнообразны и прихотливы, что подчеркиваетъ, между прочимъ, и Зоммеръ, Handbuch, стр. 298.

торый относитъ сюда, между прочимъ, и фр. *pupitre*, соотвѣтствующее, несомнѣнно, латинскому *pulpitum*. Однако этотъ случай нѣсколько сложнѣе, такъ какъ тутъ на ряду съ развитіемъ суффиксальнаго *r* исчезло корневое *l*.

III. О смѣшеніи корневыхъ и суффиксальныхъ элементовъ.

Въ первомъ этюдѣ настоящей главы я разсмотрѣлъ цѣлый рядъ случаевъ смѣшенія инструментальныхъ и уменьшительныхъ образованій, основаннаго на звуковомъ сходствѣ тѣхъ и другихъ.

Настоящій этюдъ я посвящаю разслѣдованію до извѣстной степени аналогичнаго явленія, а именно, смѣшенія корневыхъ элементовъ съ суффиксальными, въ основѣ котораго лежитъ опять-таки внѣшнее звуковое сходство. На почвѣ этого смѣшенія выросъ цѣлый рядъ любопытныхъ морфологическихъ фактовъ, которые до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, не получили надлежащаго освѣщенія.

Прежде всего остановимся на *compĭtum*, котораго мы коснулись вскользь въ предыдущемъ изложеніи въ связи съ *pulpĭtum*. Уже въ древности это образованіе справедливо связывали съ гл. *compĕtere*; ср., напр., Varro *L. L.* VI 25: *Compitalia dies attributus Laribus compitalibus; ideo ubi viae c o m p e t u n t tum in c o m p e t i s sacrificatur*. Изъ первоначальнаго *compĕtum* затѣмъ явилось *compĭtum* съ фонетическимъ переходомъ *ĕ* въ *ĭ* въ неударяемомъ слогѣ[1]). Что касается морфологической стороны дѣла, то тутъ едва ли мы найдемъ какую-нибудь аналогію для даннаго образованія; скорѣе можно было бы ожидать исхода *-ium*, который мы имѣемъ въ такихъ образованіяхъ, какъ *sup-petium*[2]), *col-loquium*, *pro-pudium*,

[1]) Ср. однако мужское cognomen *Competalis* (CIL. V 1142).

[2]) Это образованіе — позднелатинское (ср. Commodian. *apol.* 1006), болѣе обычная форма — *suppetiae*. О взаимоотношеніи этихъ двухъ формъ, равно какъ и аналогичныхъ дублетовъ см. М. М. Покровскій, „Матеріалы“, стр. 110.

im-pluvium и т. п. отглагольныхъ именъ сложныхъ съ префиксами. Въ виду этого я предполагаю, что въ данномъ случаѣ играла роль наличность въ концѣ глагольнаго корня согласнаго *t*, благодаря чему *com-pĭtum* въ звуковомъ отношеніи приблизилось къ такимъ образованіямъ, какъ *debĭtum*, *placĭtum*, *cubĭtum* и т. п.

Замѣчу еще, что на ряду съ *compitum* извѣстенъ также дублетъ *compitus* (ср. Non., p. 196, 6: *Compita generis neutri. Masculino Varro de scenicis originibus lib. III: ubi compitus erat aliquis Caecilius Titthe: [ubi] adiacentem compitum)* или *compĕtus* (напр. Venant. Fortun. III 4, 3). На вопросъ, какая основа была въ этой формѣ — на *-o-* или на *-u-*, быть можетъ, мы въ правѣ отвѣтить, опираясь на эпиграфическое показаніе CIL. XI 3384: *a compitu*[1]).

Это приводитъ насъ къ другому образованію отъ того же корня, которое, повидимому, могло бы быть понято съ той же точки зрѣнія. Я имѣю въ виду существительное *impetus*, слѣдующее, какъ извѣстно, парадигмѣ такъ называемаго 4-го склоненія. Правда, въ латинскомъ языкѣ мы наблюдаемъ суффиксъ *-u-*[2]), но, во-первыхъ, въ историческую эпоху онъ не былъ продуктивенъ, а во-вторыхъ, и это главное, это — единственное образованіе съ даннымъ суффиксомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осложненное префиксомъ; это обстоятельство наталкиваетъ на мысль, что данное образованіе примкнуло къ такимъ, какъ *at-tonitus*, *intro-itus*, *con-ditus* и т. п. Нѣкоторое вліяніе на возникновеніе *impetus*, быть можетъ, оказало существительное *incessus*, засвидѣтельствованное впервые, какъ кажется, у Турпилія (fr. 102 R: *Viden tu Frugis incessum?)*[3]), но, по всей вѣроятности, возникшее раньше. Это существительное, образованное отъ гл. *incedere*, легко могло ассоціи-

1) Ср. Olcott, Studies, стр. 39.

2) См. Stolz, Histor. Gramm., стр. 455 сл.

3) Что касается Георгеса, то онъ иллюстрируетъ это слово примѣрами, начиная съ Цицероновской эпохи.

роваться съ гл. *incessĕre*, благодаря чему получилась пропорція: *incessĕre* : *incessus* = *impetĕre* : *impetus*. Впрочемъ, особенно настаивать на этомъ моментѣ при объясненіи *impetus* я не рѣшился бы.

Что касается любопытнаго дублета при *impetus*, который является въ текстахъ исключительно въ формахъ gen. sg. *impetis* и abl. (instr.) *impete*, — ср., напр., Lucr. VI 327 сл.:

> *Inde ubi non potuit nubes capere impetis auctum*
> *Exprimitur vis atque ideo volat impete miro*,

то, хотя Присціанъ (6, 55) и приводитъ соотвѣтствующую форму nom. sg. *impes*, однако еще вопросъ, насколько мы можемъ довѣрять реальности этой формы. Какъ бы то ни было, М. М. Покровскій вполнѣ правъ, предполагая[1]), что здѣсь мы имѣемъ фактъ, аналогичный со случаями, гдѣ на ряду съ основами на *-tu-* являются основы на *-t(i)-* въ родѣ *rite* при *ritu*, **gra-ti-* (ср. *grā-tēs*) при *grā-tu-* (ср. *gratuitus*), *forte* (и *fors*) при **fortu-* (ср. *fortuitus*, *Fortūna*) и т. п.[2]). Что **impet(i)-* примкнуло къ этой категоріи, я объяснилъ бы опять-таки наличностью въ корнѣ элемента *t*.

Въ этой связи необходимо остановиться еще на нарѣчіи *perpetim*. Это слово засвидѣтельствовано, напр., въ глоссѣ: *Perpetim perpetualiter* (CGL. V 622, 15), ср. также Isid. XIII 13, 11 и Greg. Tur. *de curs. stell.*, § 63. Другіе примѣры см. у Функа (Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 502); что касается

1) См. „Матеріалы“, стр. 20, прим. 1, гдѣ, между прочимъ, приведенъ и любопытный глоссографическій матеріалъ, сюда относящійся.

2) Нѣкоторые факты, относящіеся къ той же категоріи, прибавляетъ Скутшъ (Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 198), который, между прочимъ, съ этой точки зрѣнія объясняетъ дублеты *necessus (est, sit* и т. п.): *necessis (est, sit* и т. п.), при чемъ въ первомъ образованіи онъ, вслѣдъ за Бругманомъ (Berichte d. sächs. Gesellsch. d. Wiss. 1900, стр. 400), видитъ основу на *-tu-*, а во второмъ — уже вопреки Бругману — основу на *-ti-* (ср. *cessim)*. Что касается обычной формы *necesse*, то въ ней Скутшъ очень удачно усматриваетъ фонетическій (а не морфологическій) дублетъ при *necessis*, аналогичный *mage* : *magis* и т. п. (ср. Vollmöllers Jahresber. üb. roman. Philol. IV, стр. 81).

двухъ глоссъ, на которыя онъ указываетъ: CGL. IV 140, 34 и ibid. 271, 45, то первая изъ нихъ передана такъ: *Perpetem perpetuum*, что указываетъ скорѣе на прилагательное *perpes,-ĕtis*. Въ редакціи второй глоссы рукописи колеблются: однѣ даютъ *Perpetim prolixum continuum*, а другія — *Perpetim prolixe continue*. Тотъ же авторъ въ другой своей статьѣ о нарѣчіяхъ на *-im* замѣчаетъ[1]): „bei Plautus *Truc.* 278 *cumque ea noctem... pernoctare perpetim* schwankt die Lesung zwischen *-em* und *-im*, und selbst wenn man *perpetim* liest, ist es nicht unmöglich das Wort als Adjectiv zu dem vorangehenden *noctem* zu ziehen". Я не знаю однако, насколько это послѣднее замѣчаніе можетъ быть признано вѣрнымъ. Что касается нарѣчія *perpetim*, то тутъ едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что оно возникло на почвѣ аналогическаго воздѣйствія цѣлаго ряда нарѣчій на *-tim* съ *t* суффиксальнаго происхожденія.

Что элементъ *t*, независимо отъ своего этимологическаго значенія, могъ играть роль въ возникновеніи нарѣчія *perpetim*, объ этомъ мы можемъ судить по двумъ любопытнымъ нарѣчіямъ, упоминаемымъ Функомъ (см. Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 492 и 495), который однако не снабдилъ ихъ надлежащими разъясненіями:

1) *repentim*, засвидѣтельствованное въ глоссахъ: *Ἄφνω repe<n>te repentim repentinus* (CGL. II 253, 30) и *Ἐξαπίνης repente repentim subito*.

2) *praesentim*, встрѣчающееся въ Anecd. Helv., p. 200, 17 (Gramm. Vergil.): „*impraesentiarum*" *adverbium temporale, ut praesentim*". „(Dieser) Wortlaut, замѣчаетъ Функъ (l. c., стр. 495), gestattet gerade bei diesem Autor nicht den sicheren Schluss, dass damit ein wirklich gebrauchtes Wort vorliege". Что касается этого послѣдняго замѣчанія, то силу его можно до извѣстной степени поколебать, сославшись, во-первыхъ,

[1]) См. Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 95.

на вполнѣ аналогичное по образованію *repentim*[1]), а во-вторыхъ, на тотъ фактъ, что отъ *praesens*, насколько мнѣ извѣстно, не существовало другого нарѣчнаго образованія. Какъ бы то ни было, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ нарѣчіи звукъ *t* не имѣетъ ничего общаго съ обычнымъ характеромъ этого элемента въ исходѣ *-tim*. Относительно *repentim* я долженъ прибавить еще, что это нарѣчіе, по всей вѣроятности, представляетъ собой модификацію обычнаго *repente*, несмотря на краткость конечнаго *ĕ*, вошедшаго, какъ я предполагаю, въ ассоціацію съ другими нарѣчіями на *-e*. Что различіе въ просодіи, конечнаго *ĕ* не могло препятствовать подобной ассоціаціи, это удостовѣряется любопытнѣйшей аналогіей, а именно — нарѣчіями *supernĕ*, *infernĕ*, *internĕ*, на ряду съ которыми, но уже въ болѣе позднюю эпоху, какъ это прекрасно выяснилъ Фр. Лео[2]), явились прилагательныя *supernus*, *infernus*, *internus*, очевидно, потому, что вышеназванныя нарѣчія (аналогичныя по образованію съ *ponĕ* при *pos*) ассоціировались съ нарѣчіями на *-ē*[3]). И если тотъ же ученый справедливо предполагаетъ, что толчкомъ къ образованію *supernus* и т. д. служило прилагательное *alternus*, то и въ появленіи *repentim* могли играть роль хотя бы близкія по значенію *confestim*, *raptim* и т. п.

Возвращаясь снова къ такимъ случаямъ, гдѣ корневое *t* было принято за суффиксальное, отмѣчу два любопытныхъ образованія, изъ которыхъ первое, по всей вѣроятности, а второе — навѣрное, должно быть объяснено съ этой точки зрѣнія: это — *consistio* и *consistorium*[4]). Что касается перваго

[1]) Функъ совершенно не сопоставляетъ этихъ параллельныхъ случаевъ.

[2]) См. Arch. f. lat. Lex. X, стр. 433 сл.

[3]) Такой единичный случай какъ *malĕ* при *malus*, конечно, не могъ играть роли при этой ассоціаціи, тѣмъ болѣе въ виду полнаго отсутствія какой бы то ни было семасіологической связи.

[4]) Эти два образованія, хотя съ нѣсколько другой точки зрѣнія, были сопоставлены уже М. М. Покровскимъ („Филол. Обозр." XI 2, стр. 137 сл.), справедливо отмѣтившимъ полную ошибочность взгляда на *consistorium*, высказаннаго Штольцемъ (Histor. Gramm, стр. 465).

образованія, то, какъ замѣтилъ М. М. Покровскій (l. c.), оно „очень опредѣленно засвидѣтельствовано у Геллія XVI 5, 10 и у Макробія VI 8, 20 (отрывокъ, заимствованный, по всѣмъ вѣроятіямъ, у Геллія); въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Нонія, p. 53, 15 (который также много пользовался Гелліемъ) издатели, правда, читаютъ *constitionem*, но рукописи даютъ *consistionem*. Во всякомъ случаѣ, если даже и существовала форма *constitio*, то ея варіантъ *consistio* остается очень хорошей параллелью къ *consistorium*“.

Конечно, *consistio* могло бы быть, пожалуй, понято въ качествѣ отглагольнаго образованія съ суффиксомъ *-iōn-* въ родѣ *condicio, contāgio, dēliquio, excidio, religio, suspicio* и т.-п.[1]), однако не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти образованія относятся къ весьма древней эпохѣ латинскаго языка за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, которые однако допускаютъ спеціальное объясненіе; такъ:

1) *abscidio*, засвидѣтельствованное въ „Кирилловыхъ“ глоссахъ: *Ἀποκοπή recisus a b s c i d i o (ae: abscissio) desectio* (CGL. II 237, 51) и *Ἀποτομή a b s c i d i o* (a: *abscisio*, e: *abscissio*) *pr<a>esectio* (ibid. 241, 48), если только это не древнее образованіе, лишь случайно не сохранившееся въ дошедшихъ до насъ памятникахъ латинской литературы, легко можетъ быть понято, какъ новообразованіе, возникшее по аналогіи съ *excidio*, извѣстнымъ изъ Плавта (*Curc.* 534):

Séd eapse illa qua é x c i d i o n e m fácere condidici óppidis.

Кстати: какова просодія корневого *i* въ этомъ словѣ[2])? Къ сожалѣнію, данный стихъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, такъ какъ возможно какъ *excĭdĭōnem*, такъ и *excīdionem*. Что касается глоссы Павла Діакона (Th. d. Pon., p. 56, 25): *E x c i d i o n e m urbis a caedendo dictam manifestum est*, то она не болѣе, какъ продуктъ грамматическаго домысла,

[1]) См. S t o l z, Histor. Gramm., стр. 492.

[2]) Лексикографы колеблются въ данномъ случаѣ: такъ, напр., Г е о р г е с ъ, а также Б е н у а и Г ё л ь ц е р ъ даютъ *ĭ*, тогда какъ F o r e l l i n i - d e V i t — *ī*.

который можетъ не соотвѣтствовать истинѣ. Во всякомъ случаѣ, *excidium* имѣетъ уже, несомнѣнно, *ī* въ корнѣ: ср. Verg. *Aen.* X 46:

fumantia Troiae
E x c ī d i a obtestor, liceat dimittere ab armis;

или — еще болѣе краснорѣчивый примѣръ: Val. Flacc. VI 394:

Diluvio tali, paribusque Ariasmenos urget
E x c i d i i s,

гдѣ уже не можетъ быть рѣчи о неслоговомъ произношеніи суффиксальнаго *i*. Это обстоятельство заставляетъ предполагать и въ *excidio* скорѣе корневое *ī*, ибо, какъ это прекрасно выяснено М. М. П о к р о в с к и м ъ („Матеріалы“, стр. 108 сл.), въ латинскомъ языкѣ не мало дублетовъ на *-ium* : *-iōn-*[1]).

Ничто не препятствуетъ предположить такую же просодію корневого *i* и въ *abscidio*. Впрочемъ, возможно въ данномъ случаѣ и *ĭ*; тогда пришлось бы усмотрѣть въ *abscidio* новообразованіе по аналогіи съ *occidio*, встрѣчающимся впервые, какъ кажется, у Цицерона (*ad fam.* XV 4, 7: *o c c i d i o n e occisum*), но, несомнѣнно, восходящимъ къ древнѣйшей эпохѣ[2]).

2) Точно такъ же позднелатинскія образованія *diluvio* (Censor. 18, 11, Tert. *anim.* 16), *illuvio* (Hier. *in Joel* 2, 1 sq.: *inundatione maris aut i l l u v i o n e fluminum*)[3]), *proluvio* (Apul. *de mund.* 34), *subterluvio* (Claud. Mam. *de statu anim.* 1, 2) возникли, несомнѣнно, по аналогіи такихъ образованій, какъ *alluvio*, *circumluvio*, древность которыхъ свидѣтельствуется уже тѣмъ,

[1]) Въ прибавленіи (стр. 262) тотъ же авторъ приводитъ, между прочимъ, и *excidio* : *excidium*, не касаясь, впрочемъ, вопроса о просодіи этихъ словъ.

[2]) На ряду съ *occīdio* словари даютъ еще *occīdium* со ссылкой на Prud. *apoth.* 627:

rota lurida solis
Haeret, et occidium sentit iam iamque futurum,

я не знаю однако, насколько такая просодія можетъ быть признана правильной.

[3]) Этотъ примѣръ заимствованъ мной у П а у к е р а (Suppl. lex. lat., стр. 337).

что это — судя по показанію Цицерона (*de or.* I 173) — были юридическіе термины.

Что касается *consistio,* то это слово, съ одной стороны, не имѣетъ ближайшихъ аналогій въ латинскомъ языкѣ, а съ другой — повидимому принадлежитъ къ поздней эпохѣ. Въ виду этого я предполагаю, что оно благодаря конечному корневому *t* примкнуло къ nomina actionis на *-tio-*.

Существительное *pectio,* засвидѣтельствованное лишь въ очень поздней латыни (ср. Cael. Aur. *chron.* I 4, 98: *primo capillos decurramus ex pectione)*[1]), я склоненъ истолковать съ этой же точки зрѣнія.

Кстати упомяну еще одно нѣсколько искусственное образованіе на *-tio,* не разъясненное Штольцемъ. Это — *consortio,* встрѣчающееся уже у Луцилія (Fragm. poet. rom. Baehr. № 610: *redi in consortionem),* а затѣмъ у Цицерона *(de off.* III 6: *humana consortio),* позднѣйшихъ писателей и, наконецъ, на надписяхъ[2]). Данное образованіе находится, несомнѣнно, въ связи съ прилагательнымъ *consors, -tis,* и появленіе его сдѣлалось возможнымъ, быть можетъ, также благодаря *t,* которое однако имѣетъ не тотъ характеръ, какъ обычное *t,* входящее въ составъ исхода nominum actionis на *-tio,* хотя этимологически въ концѣ концовъ и тождественно съ нимъ. Съ другой стороны, однако, возможно и то, что *consortio* — новообразованіе при *consortium,* возникшее подъ вліяніемъ частаго колебанія между исходами *-ium-* и *-iōn-*. Съ этой точки зрѣнія, повидимому, смотритъ на *consortio* М. М. Покровскій (op. c., стр. 109)[3]), и сюда же

[1]) Существовало ли однако въ латинскомъ языкѣ какое-нибудь другое nomen actionis аналогичнаго значенія? Мнѣ, по крайней мѣрѣ, таковое неизвѣстно.

[2]) См. Olcott, Stud., стр. 9.

[3]) Впрочемъ, я не увѣренъ въ этомъ: такъ какъ возможно, что названный ученый, наоборотъ, въ *consortium* видитъ модификацію первоначальнаго *consortio*. Дѣло въ томъ, что въ данномъ этюдѣ устанавливается лишь общій фактъ колебанія исходовъ *-ium-* и *-iōn-* безъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ случаевъ (что и не входило въ задачу автора).

можно отнести и упоминаемыя имъ позднелатинскія *famulitio* (Apul. *Met.* II 2) при *famulitium* и *interstitio* при *interstitium.* Если я выдѣляю *consortio,* то лишь потому, что это образованіе принадлежитъ сравнительно старой эпохѣ латинскаго языка и засвидѣтельствовано, повидимому, раньше, чѣмъ *consortium*[1]). Насколько однако это послѣднее обстоятельство имѣетъ значеніе, сказать съ увѣренностью трудно. Попутно я позволю себѣ поставить вопросъ, не возникло ли извѣстное, кажется, со времени Цицерона образованіе *communio* по аналогіи съ близкимъ по значенію *consortio?* Въ свою очередь позднелатинское *unio* „единеніе" (ср., напр., Hier. *ep.* 18, 14) могло бы быть понято какъ новообразованіе, явившееся по аналогіи съ *communio.*

Что эти два послѣднихъ слова могли вступить въ ассоціацію, объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ косвенная, но любопытная аналогія ближайшей ассоціаціи прилагательныхъ *communis* и *unus,* прекрасно выясненной Молемъ (Mohl) въ Les origines romanes. „Dans beaucoup de passages latins, замѣчаетъ, между прочимъ, этотъ ученый (стр. 7), l'adjectif *communis* répond... très exactement à l'idée de „un pour tous" et se confond souvent avec *ūnus* ou ses dérivés... Dans nos langues modernes, l'étymologie populaire cherche de même une relation entre *commūnis* et *ūnus.* De bonne heure *commūne* est devenue en Gaule *commūna* ou *comūna* „la commune", cf. Du Cange, s. v. En Italie, Giovanni Villani et Matteo Villani emploient indistinctement l'une et l'autre forme... Les vieux textes toscans disent indifféremment *comune* masc. fém. ou *comuno* masc., *comuna* fém. et actuellement le romagnol et en général les dialectes du nord ne connaissent plus guère que cette dernière forme... Il y a lieu de croire que la langue vulgaire

[1]) Замѣчу кстати, что въ „Филоксеновомъ" глоссаріи мы находимъ любопытное *ἀντίθετον* къ этому слову: *Dissortium διαχωρισμός, διάστασις* (CGL. II 53, 10); что касается *dissors,* то оно засвидѣтельствовано напр. у Овидія (ср. *Met.* VIII, 132).

interprétait déjà *commūnis* comme un composé de *ūnus* et qu'on prononçait généralement en Italie **com-ū-ni-s* qui serait du reste un composé parfaitement régulier de *ūnus* d'après le modèle *annus* : *perennis, septuennis* etc., *duellum* : *perduellis; somnus* : *exsomnis*, ou encore *nōrma* : *abnōrmis, lingua* : *elinguis* etc.[1]). De nombreuses formes épigraphiques attestent d'ailleurs la prononciation *comūnis;...* des formes telles que *comunis* CIL. VII 1330, 10, *comunibus* ib. VIII 4310 *comuni* ib. IX 1200 et 1492 etc., cf. aussi Seelmann, Ausspr., p. 121 sqq., par leur fréquence, représente sans doute autre chose qu'une simple négligence orthographique“[2]). Конечно, можно было бы, пожалуй, спросить, не возникло ли *comūnis* изъ *commūnis* чисто фонетическимъ путемъ, благодаря такому же упрощенію двойной согласной передъ ударяемымъ слогомъ, какое мы находимъ, напр., въ *ŏmitto* изъ **ommítto*[3]), *ŏfélla* изъ **offélla* при *offa* и т. п., но я не знаю, съ одной стороны, насколько форма *comūnis* можетъ быть возведена къ древней эпохѣ, а съ другой — въ какой мѣрѣ вышеуказанное фонетическое явленіе позволительно распространить на историческій періодъ латинскаго языка[4]).

---

[1]) Что префиксъ *com-(con-)* является иногда въ прилагательныхъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ такія образованія, какъ *com-par, con-dignus* и т. п.

[2]) Въ примѣчаніи тотъ же авторъ прибавляетъ: „Nous n'ignorons pas que la simplification des consonnes doubles dans les exemples épigraphiques n'a par elle-même aucune espèce de valeur quant à la phonétique, cf. déjà Schuchhardt, Vok. II 517 Anm. Ces exemples ne deviennent concluants que lorsqu'ils sont confirmés par les langue romanes: tel est précisement le cas pour *comūnis*“.

[3]) В. Шульце утверждаетъ (Kuhn's Zeitschr. XXVIII, стр. 270), что „*ŏmittere*... aus **ommittere* herzuleiten durch die zahlreichen fälle wie *occīdere, oppōnere* unmöglich gemacht wird“, но съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться, такъ какъ строгому дѣйствію фонетическихъ законовъ нерѣдко мѣшаетъ сознаніе этимологическаго состава даннаго слова или формы, что̀ особенно естественно при префиксахъ, которые, вообще говоря, представляютъ не мало фонетическихъ особенностей и уклоненій отъ строгой фонетической нормы. Къ этому вопросу мнѣ придется вернуться еще впослѣдствіи по другому поводу (см. во 2-й главѣ экскурсъ объ этимологіи слова *caelum* „небо“).

[4]) Единственный примѣръ, на который я могъ бы указать въ подтвержденіе этого послѣдняго предположенія, это — *ămodum* вм. *admodum*, засви-

Возвращаясь послѣ этого длиннаго экскурса снова къ образованіямъ на *-(t)io* съ элементомъ *t* иного происхожденія, чѣмъ тотъ, который является обыкновенно въ этомъ исходѣ, отмѣчу еще засвидѣтельствованный у Плинія Валеріана[1]) (Rose, p. 28 [I 14]) терминъ *dentio* „прорѣзываніе зубовъ“. Я вполнѣ согласенъ съ М. М. Покровскимъ (Kuhn's Zeitschr. XXXV, стр. 250), что нѣтъ надобности видѣть въ этомъ образованіи продуктъ слоговой диссимиляціи, возникшій изъ первоначальнаго *dentītio*, и что скорѣе мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самостоятельнымъ образованіемъ; что касается условій его возникновенія, то тутъ, какъ мнѣ кажется, снова замѣшанъ элементъ *t*, благодаря чему *dentio* ассоціировалось съ такими образованіями, какъ *tentio, cantio* и т. п.

Теперь обратимся къ *consistorium*, о которомъ рѣчь была уже выше (см. стр. 113 сл.). Это слово является единственнымъ

дѣтельствованное большинствомъ рукописей у Альдгельма Aenigm. 81, 4:

Eaos partes ă m o d u m iubar inde meabit.

Только одна р-сь — Эйнзидельнская (E) — даетъ варіантъ *admodum*, но А. У. Малеинъ (Рукописное преданіе загадокъ Альдгельма, стр. 73) отвергаетъ это чтеніе, какъ не подходящее по метру, и вводитъ въ свой текстъ *ămodum*. Возможна ли однако эта форма? Единственный способъ объясненія ся, какъ мнѣ кажется, слѣдующій: на ряду съ классическимъ *ádmodum* можно было бы допустить вульгарно-латинское *admódum*, при чемъ эта послѣдняя форма такъ относилась бы къ первой, какъ *affátim* къ *áffatim* (ср. Gell. VI 7, 4, 1: *Annianus poeta... a f f a t i m ut a d m o d u m prima acuta non media pronuntiabat atque ita veteres locutos censebat*). Переносъ ударенія съ префикса на знаменательную часть — обычная вещь для вульгарно-латинскаго языка: ср. *adsátis* < **assátis* = фр. *assez*, **in-símul* = фр. *ensemble*, *re-négat* = фр. *renie*, даже **re-cĭpit* = фр. *reçoit*. Изъ *ad-módum* далѣе могло получиться **ammódum:* ср. итал. *ammentare* (< **ad-mentare)* „напоминать“, *ammonire (= admonēre)* и т. п. Наконецъ, **ammódum* могло бы перейти въ *ămódum*, что было бы прекраснымъ pendant къ *comūnis* и къ возникшему въ доисторическую эпоху *ŏmitto* и т. п. Однако при всей соблазнительности этихъ комбинацій я не рѣшаюсь на нихъ настаивать въ виду того, что чтеніе *ămodum* весьма сомнительно уже съ точки зрѣнія значенія. А. У. Малеинъ, принимающій его въ текстъ, къ сожалѣнію, не поясняетъ, какой смыслъ оно можетъ имѣть въ данномъ контекстѣ. Я же предполагаю, что скорѣе вмѣсто *amodum* слѣдовало бы читать *medium*. [Giles читаетъ *ad medium*, что̀ невозможно въ метрическомъ отношеніи].

[1]) Ср. относительно этого имени Teuffel-Schwabe, Gesch. d. röm. Liter., § 411, 2.

отглагольнымъ образованіемъ на *-orium* и въ качествѣ таковаго привело въ недоумѣніе Штольца (Hist. Gramm. стр. 465), опредѣлившаго данное слово въ качествѣ „eine aller Anlogie entbehrende, gänzlich willkürliche Bildung". Признавая вполнѣ нѣкоторую странность даннаго образованія, я предполагаю, что и тутъ играла роль наличность *t* въ концѣ корня, благодаря чему *consistorium* могло легко войти въ обширную категорію образованій съ исходомъ *-torium*[1]).

Весьма интересно также существительное *nectura* и *plectura* при глаголахъ *nectĕre* и *plectĕre*, иллюстрированныя примѣрами (изъ позднѣйшей латыни)[2]) и прекрасно освѣщенныя уже Тильманомъ въ статьѣ Lexikographisches aus dem Bibellatein (Arch. f. lat. Lex. I, стр. 68 сл.), который, между прочимъ, справедливо замѣчаетъ: „Den Grund derartiger abnormen Bildungen haben wir offenbar in der Beschaffenheit der Präsensstämme *nect-* und *plect-* zu suchen, die leicht als Supinstämme genommen werden konnten, dazu mochten auch bereits vorhandene, ähnlich klingende Wörter, wie z. B. *vectura* mitwirken"[3]).

---

[1]) Гораздо смѣлѣе образованіе *convivorium*, если только таковое фактически существовало. Оно извѣстно мнѣ изъ слѣдующей, приводимой Паукеромъ (Suppl. lex. lat., стр. 143) глоссы: *Convivatorium quod etiam convivorium dicitur*.

[2]) Ср. еще CGL. II 593, 12: *Sira plectura fil[i]orum vel resticulorum*. Поправка *filorum* (хотя и съ знакомъ вопроса) предложена уже Гётцемъ (Thes. gloss. s. v. *sira*).

[3]) Вышеназванная статья Тильмана стала мнѣ извѣстной уже послѣ того, какъ весь матеріалъ для даннаго этюда былъ мной подобранъ, а также выяснена руководящая точка зрѣнія на данное морфологическое явленіе. „Weiter hängt damit auch die Thatsache, продолжаетъ тотъ же авторъ (ibid.), dass derartige Stämme sehr leicht aus der dritten Konjugation in die erste übergehen, indem sie so den Anschein von Intensiven gewannen. Wir lesen *conectandas* bei Sulpicius Severus *chron*. II 32, 6 im Pal., *flectare* weist Rönsch, It. u. Vulg., p. 215 aus Nenn. *Hist. Briton*. § 74 nach, die Pariser Glossen (p. 223, 27) führen ein *obnectare* an, und zerstreut trifft man Formen wie *amplectari, complectari* u. ä. Auch... *cataplectatio* [eccli. 21, 5 (S.-German. 15): *cataplectatio et iniuriae adnullabunt substantiam* = *LXX* καταπληγμός καὶ ὕβρις ἐρημώσουσι πλοῦτον] gehört hierher. Das Wort, zunächst eine Umformung des griechischen καταπληγμός, lehnt sich in seiner Bildung in volksetymologischer Weise an *plectere* (oder

Что касается существительнаго *plecta* „гирлянда" (архитектурный терминъ, ср. Vulg. *regg*. III 7, 29), то оно могло бы быть отнесено сюда же только въ томъ случаѣ, если бы были правы Георгесъ и Benoist-Goelzer[1]), связывающіе его съ гл. *plectere;* однако гораздо естественнѣе видѣть въ этомъ словѣ воспроизведеніе греческаго πλεκτή[2]).

Въ данной связи слѣдуетъ упомянуть, что въ поздне-латинскомъ языкѣ мы находимъ образованія *fervura*[3]), *nĭtura (nĕtura)=nitor, rigura=rigor*[4]) и т. п. Какъ объяснить ихъ? Meyer-Lübke (Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 319 сл.) предположилъ, что исходной точкой для этихъ на первый взглядъ нѣсколько странныхъ образованій послужило **ardura* (выводимое изъ цѣлаго ряда романскихъ отраженій), „das aus *arsura* nach *ardor, ardēre, ar(i)dus* in ähnlicher Weise umgebildet ist, wie... *frigdor* aus *frigor* nach *frigdus*".

Я несовсѣмъ согласенъ съ такимъ толкованіемъ прежде всего уже потому, что появленіе *frigdor* на ряду съ *frigor* представляетъ собой нѣчто иное по сравненію съ возникновеніемъ **ardura* на ряду съ *arsura*. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ образованіемъ отъ вторичной основы, возникшимъ по аналогіи съ соотвѣтствующимъ образованіемъ отъ основы первичной, во второмъ же случаѣ пришлось бы усмотрѣть обратное явленіе. Но насколько часты примѣры первой категоріи, настолько затруднительно было бы указать на случаи второго рода. Нельзя ли было бы однако за

---

vielmer **plectare)* „strafen" an". Въ связи съ гл. **plectare* напомню глоссу изъ gloss. Amplon. pr.: *Plectator vindicator* (другая р-сь впрочемъ: *Plectatur vindicatur*) (CGL. V 379, 30). Впрочемъ, значеніе этихъ фактовъ существенно ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ позднѣйшей (вульгарной) латыни довольно широко развита была тенденція къ переходу глаголовъ 3-го спряженія въ категорію 1-го спряженія, независимо отъ звукового характера корня, о чемъ см., напр., Rönsch, Collect. philologa, стр. 224.

[1]) Ср. кстати въ этомъ словарѣ другія значенія того же слова, не отмѣченныя Георгесомъ.

[2]) Ср. Saalfeld, Tensaurus italograecus, s. v.

[3]) Примѣры см. у Паукера, Suppl. lex. lat., стр. 281.

[4]) См. Thielmann, op. c., стр. 70.

точку отправленія взять *nĭtura=nitor*, которое могло возникнуть опять-таки благодаря присутствію *t* въ концѣ корня? По аналогіи съ *nĭtura* при *nitēre* могло явиться и *fervura* при *fervēre*, тѣмъ болѣе, что между этими словами легко допустить и семасіологическую ассоціацію[1]); затѣмъ сюда примкнули **ardura* при *ardēre* и т. д.

Далѣе обращу вниманіе на неоднократно засвидѣтельствованную глоссу: *Nitura genitura*[2]), которая вызвала нѣсколько попытокъ исправленія. Такъ, Греве предлагаетъ читать вм. *nitura* — *nisura*, а Warren — *natura* или же вм. *genitura* — *gannitura* (разумѣется, при леммѣ *nictura*). Нельзя ли было бы однако сохранить чтеніе большинства глоссъ, предположивъ, что при гл. *nīti* въ смыслѣ „рождать“ (чаще въ этомъ смыслѣ является сложный глаголъ *ēnīti*) явилось существительное *nītura=nixus* (ср., напр., Gell. XII 1, 4: *quam diutinum puerperium et quam laboriosi nixus fuissent*)[3])? Если это предположеніе вѣрно (за что̀, впрочемъ, трудно поручиться), то данное образованіе могло бы быть отнесено къ той же категоріи, какъ и *plectura* и т. п., хотя надо замѣтить, что происхожденіе элемента *t* въ гл. *nīti* несовсѣмъ ясно[4]).

Къ этой категоріи можно было бы отнести и упоминаемое Паукеромъ (Suppl. lex. lat., стр. 289) *flectura* (Acr. ad Hor. carm. I 25, 10: *angiportum alii dicunt vicum sine exitu quasi in loco deserto et sine conventu, ubi flectura esset, alii vicum angustum et flexuosum in modum anguis*). Правда, согласно указанію Паукера, рукописи даютъ въ этомъ мѣстѣ частью *fletura*, частью *flexura*, но весьма возможно, что

1) Это послѣднее обстоятельство признаетъ и Meyer-Lübke, но онъ, повидимому, предполагаетъ обратный ходъ аналогіи.

2) Ср. Götz, Thes. gloss., стр. 740, вм. *nitura* въ одной изъ глоссъ (CGL. IV 262, 2) рукописи даютъ *nictura* и *nectura*.

3) На всякій случай ср. слѣдующую пропорцію: *nītura : nixus=nectura : nexus*.

4) „Das Praes. *nitor*, jedenfalls aus **nīvitor* entstanden, ist in seiner Bildung unklar“, замѣчаетъ Зоммеръ (Handbuch, стр. 646 сл.).

второе чтеніе есть не что иное, какъ замѣна первоначальнаго *flectura* болѣе обычной формой, тогда какъ *fletura* есть искаженіе (довольно обычное по своему характеру)[1]), изъ котораго можно извлечь истинное чтеніе *flectura*. Какъ бы то ни было, это послѣднее образованіе при гл. *flectere* явилось бы превосходной параллелью къ *nectura*, *plectura*, и, можетъ-быть, *nĭtura* и *nītura*.

Теперь перехожу къ разсмотрѣнію прилагательнаго *implecticus*, извѣстнаго изъ Вегеція (V28: *implecticus bos*). Георгесъ (Wtb. s. v.) переводитъ это слово посредствомъ „sich mit Mühe umdrehend, unbeweglich“ и связываетъ его съ гл. *implectĕre*[2]). Если это толкованіе вѣрно, то данное образованіе представляется довольно оригинальнымъ, такъ какъ суффиксъ *-ico-* въ качествѣ первичнаго встрѣчается, какъ это замѣтилъ уже Штольцъ (Histor. Gramm., стр. 517), лишь въ очень немногихъ образованіяхъ: ср., напр., *med-ĭcus*, *vom-ĭca* и т. п.[3]); въ виду этого было бы весьма рискованно объяснять *implecticus* съ этой точки зрѣнія. Съ другой стороны, въ латинскомъ языкѣ очень много вторичныхъ образованій на *-ĭcus* и въ частности — возникшихъ отъ причастій на *-to-*, отъ основъ на *-t-*, *-tu-* въ родѣ *salticus*, *canticus*, *sonticus*, *empticus*, *pasticus* и т. п.[4]). Къ этой группѣ образо-

1) Ср. цѣлый рядъ примѣровъ смѣшенія *t* и *ct* въ глоссаріяхъ, собранный М. М. Покровскимъ („Матеріалы“, стр. 226).

2) Такъ же толкуютъ это прилагательное и Bénoist-Goelzer (Nouv. dict. lat.-fr., стр. 696), переводя его „qui se tourne ou se retourne péniblement“.

3) Штольцъ, вслѣдъ за Остюфомъ (Forsch. I, стр. 58) относитъ сюда же и „*pedica* von derselben Wurzel, wie unser „fassen, Fessel““, однако я вполнѣ согласенъ съ М. М. Покровскимъ („Филол. Обозр.“ XI, 2, стр. 134), что это слово нельзя никоимъ образомъ отрывать отъ несомнѣнно аналогичнаго по образованію *man-ĭca*, что̀ заставляетъ видѣть какъ въ томъ, такъ и въ другомъ словѣ вторичныя образованія. Зато списокъ Штольца можно пополнить прилагательными *mordicus* и *praemordicus*, о которыхъ см. мои „Изслѣдованія“, стр. 21 съ прим. 1.

4) На почвѣ такихъ образованій, какъ *venāticus* при *venātus*, *volāticus* при *volātus* и т. п., развился сложный суффиксъ *-āticus*, о которомъ см. Stolz, Histor. Gramm., стр. 520. Напрасно только Штольцъ въ эту же категорію вводитъ *domesticus* и, наконецъ, засвидѣтельствованное въ глоссаріяхъ (CGL. V,

ваній на *-ticus* и могло примкнуть *implecticus*, благодаря конечному *t* въ корнѣ.

Въ заключеніе этого обзора образованій съ ложно-суффиксальнымъ *t* упомяну еще прилагательное *amplectabilis* — „eine Missbildung für *amplectibilis*[1]) oder *amplexabilis*[2]); in einem Briefe des Papstes Paul I an Pipin (ep. 10 Migne 89, 1155 b) steht es nicht sicher. Aber ohne Variante wird *amplectabiliter* gelesen: Historia Miscella, p. 24, 2: *caedem amplectabiliter admiserunt*"[3]). Если эти образованія фактически существовали, то естественнѣе всего было бы понять ихъ, какъ результатъ вліянія цѣлаго ряда прилагательныхъ на *-tabilis* въ родѣ *delectabilis, agitabilis, spectabilis* и т. п.

Послѣ того какъ мы разсмотрѣли довольно длинный рядъ образованій, обнаруживающихъ смѣшеніе корневого *t* съ суффиксальнымъ, у насъ естественнымъ образомъ является вопросъ, нѣтъ ли въ латинскомъ языкѣ аналогичныхъ случаевъ смѣшенія элемента *s*, который, какъ извѣстно, нерѣдко чисто фонетическимъ путемъ появляется вмѣсто суффиксальнаго *t*? Нѣкоторые факты латинскаго языка даютъ, какъ мнѣ кажется, право отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно.

23, 27) *forasticus*. Это послѣднее образованіе возникло, несомнѣнно, изъ адвербіальнаго *forās* (accus. plur. отъ **forā* = греч. *θύρα*) по аналогіи съ противоположнымъ по значенію *domesticus*.

1) Эта форма фактически засвидѣтельствована въ позднѣйшей латыни: ср. Paul. Diac. *adv. Coles. 2.*

2) И это прилагательное, повидимому, существовало въ латинскомъ языкѣ: ср. глоссу *Abrotonon amplexabilis* (GGL. II, p. XII). Относительно леммы Гётцъ (Thes. gloss., стр. 435) справедливо замѣчаетъ, что здѣсь скрывается собственное имя *Ἀβρότονον*. Ср. по этому поводу еще Bechtel, Die Attisch. Frauennam., стр. 105: „Frauen, die darauf ausgehen die Geschlechtslust zu erregen, werden mit Pflanzen verglichen, denen man die gleiche Kraft zutraute (z. B.) *Ἀβρότονον ἡ ψάλτρια* bei Menander (Schol. Aristot. 93, 13)... Zu den Fabellen, die man sich vom Habrotonum erzählte, gehört nach Plin. XX 12 (48) auch die, das es *venerem stimulat*, daher *equis asinisque admissurae tempore ingeritur*". Вышеприведенная глосса является превосходнымъ добавленіемъ къ этимъ указаніямъ Бехтеля. Замѣчу еще, что *amplexabilis* имѣетъ близкія аналогіи въ видѣ Плавтовскаго *perplexabilis* (*Asin.* 792; ср. еще *perplexabiliter* у того же комика *Stich.* 85) и позднелатинскаго *complexabilis* (Cassiod. *in ps.* 39, 15).

3) Addenda lexicis latinis, Arch. f. lat. Lex. II, стр. 113.

Прежде всего остановлюсь на отглагольныхъ существительныхъ *arcessio* и *accersio*. Первое изъ нихъ извѣстно мнѣ изъ Харисія (GL. K. I 44, 32) и изъ глоссы *Arcessione provocatione* (CGL. IV, 477, 27), второе — изъ Bachiar. *ad Januar.* 5: *si quem in hoc vitio tempus accersionis invenerit*[1]) и нѣсколькихъ глоссъ (см. Götz, Thes. gloss., стр. 13). Эти два образованія возникли, конечно, отъ соотвѣтствующихъ глаголовъ *arcessĕre* и *accersĕre*[2]), въ которыхъ элементы *s*, хотя и не корневые, тѣмъ не менѣе не имѣютъ, какъ извѣстно, ничего общаго съ тѣмъ *s(s)*, которое является въ причастіяхъ на *-s(s)us*, возникшихъ изъ первоначальнаго *-ttos* (напр. *scissus, pransus* и т. п.), и не могутъ быть поставлены на одну доску даже съ такимъ *s*, которое является въ образованіяхъ въ родѣ *fixus* и т. п. Съ другой стороны, въ виду поздняго засвидѣтельствованія (и по всей вѣроятности, и происхожденія) я не рѣшился бы объяснить *arcessio* и *accersio*, какъ отглагольныя образованія, возникшія съ помощью суффикса *-iōn-*[3]). Итакъ, остается предположить, что эти nomina actionis возникли первое — по аналогіи съ такими, какъ *accessio, secessio* и т. п., а второе — по аналогіи съ такими, какъ *dispersio, submersio, aversio* и т. п. Замѣчу попутно, что на ряду съ *arcessio* и *accersio* засвидѣтельствованы также болѣе нормальныя nomina actionis *arcessitio* и *accersitio*, находящіяся

1) Заимствовано мной у Паукера, Suppl. lex. lat., стр. 6.

2) Мнѣ нѣтъ надобности останавливаться подробно въ данной связи на взаимоотношеніи этихъ двухъ дублетовъ. Замѣчу только, что нѣкоторые ученые (ср., напр., Stolz, Histor. Gramm., стр. 234 и 313, и указанную тамъ литературу) предполагаютъ въ нихъ двѣ совершенно различныхъ этимологическихъ величины, тогда какъ другіе (напр. Lindsay, The lat. langu., стр. 487) первоначальной формой считаютъ *arcesso*, а въ *accerso* видятъ результатъ метатезы. Бругманъ не такъ давно (Indogerm. Forsch. XIII, стр. 88 сл.) предложилъ оригинальную попытку истолкованія *arcesso* и *accerso*, но я лично затруднился бы назвать ее удачной. Что касается запутаннаго вопроса о распредѣленіи этихъ двухъ дублетовъ между отдѣльными латинскими писателями, то онъ обстоятельно разсмотрѣнъ Вёльфлиномъ въ спеціальной статьѣ (Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 279).

3) Ср. сказанное выше (стр. 114 сл.) по поводу *consistio*.

въ соотношеніи съ ptc. pf. pass. *arcessītus* и *accersītus*[1]). Первая изъ этихъ формъ засвидѣтельствована, напр., у Кипріана (Mortal. II 13, 14)[2]), а вторая — въ двухъ „Кирилловыхъ" глоссахъ: *Μετάκλησις accitus a c c e r s i t i o* и *Μεταπομπή hic accitus a c c e r s i t i o revocatio* (CGL. II 369, 3 и 27).

Кстати обращу вниманіе на любопытное мужское cognomen *Arcessus* (CIL. XII, 5923); нельзя ли было бы объяснить его какъ причастную форму **arcessus (=arcessītus)*, возникшую на почвѣ фонетическаго сходства гл. *arcesso* съ verba frequentativa на *-sso* 1-го спряженія въ родѣ *presso*, *quasso* и т. п.? Въ такомъ случаѣ *Arcessus* представило бы собой поствербальное образованіе, до извѣстной степени сходное съ *vibrissae* „волоса въ носу", если только правъ Штольцъ, предполагающій[3]), что это слово извлечено изъ гл. *vibrissare*[4]).

Что касается *visio* = *βδόλος* при гл. *visīre* = *βδεῖν*, которыя засвидѣтельствованы неоднократно въ глоссаріяхъ (см. Götz,

[1]) Вёльфлинъ (op. c., стр. 284), въ связи съ вопросомъ о формахъ 3-го спряженія (кромѣ системы praesens'a) гл. *accersere* замѣчаетъ: „Als weitere Stütze aus unerwartet alter Zeit wird man es betrachten dürfen, dass bei Terenz *Andr.* 515 das Supinum kurzes *i* baben muss:

missast ancilla ilico
Óbstetricem a c c é r s ĭ t u m ad eam et púerum ut adferrét simul.

Die klassische Form hatte bekanntlich im Perf. part. pass. langes *i*, z. B. Hor. *sat.* II 3, 261: *quo rediturus erat non a r c e s s i t u s.* Prop. IV 17, 14 *a c c e r s i t u s erit somnus in ossa mea*". Я не вижу однако рѣшительно никакого основанія предполагать въ приведенномъ мѣстѣ Теренція *ĭ* для *accersitum*. Вотъ схема этого стиха:

Obstĕtrīc(em) ăccérsĭt(um) ăd ĕ(am) ĕt pŭĕr(um) ŭt ădfĕrrĕt sĭmŭl.

Или Вёльфлинъ предъявляетъ къ Теренцію требованія греческой техники, — чтобы трохаическая стопа подъ главнымъ ритмическимъ удареніемъ незамѣнялась ирраціональнымъ спондеемъ? Но вѣдь несоблюденіе Теренціемъ (какъ и всѣми латинскими драматиками) этого правила обличается любымъ стихомъ изъ его комедій и даже той половиной предшествующаго стиха, которую приводитъ самъ Вёльфлинъ и въ которой мы находимъ *mĭssāst*.

[2]) См. Rönsch, Itala u. Vulgata, стр. 80.

[3]) См. Histor. Gramm., стр. 588.

[4]) Иначе, но едва ли правильно смотритъ на *Arcessus* Отто въ Jahrbüch. f. class. Phil. 24 Supplbd., стр. 758, кстати сказать, не приводящій точной цитаты для этого собственнаго имени.

Thes. gloss.), то это существительное, несомнѣнно, стариннаго происхожденія, такъ какъ на него намекаетъ уже Цицеронъ (*ad. fam.* IX 22, 4: *In verbis honestis obscena ponimus. Quid enim? non honestum verbum est d i v i s i o? At inest obscenum, cui respondet i n t e r c a p e d o)*, какъ это прекрасно отмѣчено Функомъ (Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 388).

Въ заключеніе остановлюсь на „Филоксеновой" глоссѣ: *Contextus et contexus συναφīα (=συνάφεια) ὕφος* (CGL. II, 114, 13). Гётцъ (Thes. gloss., стр. 269) спрашиваетъ, не слѣдуетъ ли читать вм. *contexus* — *conexus?* Конечно, такое исправленіе очень соблазнительно, однако въ виду всѣхъ приведенныхъ въ этомъ этюдѣ фактовъ можетъ возникнуть подозрѣніе, что *contexus* — реальный фактъ языка, явившійся подъ вліяніемъ такихъ образованій, какъ *inflexus*, *amplexus*, *annexus*, *conexus*, *enixus* и т. п., благодаря смѣшенію *s*, принадлежащаго основѣ paesens'a, съ тѣмъ, которое является признакомъ ptc. pf. pass. Относительно же критической стороны дѣла можно замѣтить, что въ „Филоксеновомъ" глоссаріи въ томъ случаѣ, когда латинская лемма состоитъ изъ двухъ синонимическихъ словъ, второе изъ нихъ иногда представляетъ собой или рѣдкое слово, или *ἅπαξ εἰρημένον*. Въ качествѣ иллюстраціи для этого наблюденія могутъ служить хотя бы слѣдующіе примѣры:

CGL. II, 49, 30: *Digitale et d i g i t a b u l u m δακτυλήθρα*,
55, 18: *Domn[a]edius c[a] e n a c u l a r i u s σταθμόχος*,
82, 52: *Informe m a l e f o r m e ἄμορφον δύσμορφον*,
112, 39: *Consilum et d e l i b e r i u m συμβουλία, γνώμη*,
118, 9: *Cruciat et c r u c i f i c a t σταυροῖ*,
127, 30: *Marcidus et m a r c e r o s u s τετηκώς νωθής* и т. п.[1]).

[1]) Впрочемъ, я, конечно, не придаю рѣшающаго значенія этому аргументу, такъ какъ, съ другой стороны, могутъ быть указаны такіе примѣры изъ того же „Филоксенова" глоссарія, гдѣ при аналогичныхъ условіяхъ, т.-е. при латинской леммѣ изъ двухъ словъ, второе слово обнаруживаетъ несомнѣнное искаженіе и притомъ въ частности искаженіе, основанное на вліяніи перваго слова, ср., напр.:
148, 52 *Percisus p e [r] d i c a t u s πεπυγισμένος*,
212, 41 *Vulnus u l n u s* (ɔ: *ulcus*) *ἕλκος*.

ГЛАВА II.

Изъ исторіи латинскихъ прилагательныхъ.

Хотя матеріалъ предшествующей главы сгруппированъ на основаніи критерія, имѣющаго лишь косвенное отношеніе къ категоріи частей рѣчи, тѣмъ не менѣе подавляющее большинство разсмотрѣнныхъ въ ней фактовъ относится къ области именъ существительныхъ.

Настоящая же глава посвящена изученію латинскихъ прилагательныхъ, при чемъ я разсматриваю слѣдующія пять категорій: 1) деноминативныя прилагательныя на *-u(i)lo-* *(-ili-)* безъ уменьшительнаго оттѣнка значенія, 2) прилагательныя на *-eus,* образованныя отъ прилагательныхъ, 3) латинскія cognomina на *-osus,* представляющія собой въ большинствѣ случаевъ воспроизведеніе нарицательныхъ прилагательныхъ, 4) прилагательныя на *-idus (-idis),* 5) прилагательныя на *-ītus.*

Всѣ эти категоріи уже подвергались разсмотрѣнію различными учеными, но, несмотря на это, мнѣ представлялось умѣстнымъ остановиться на нихъ еще разъ, отчасти потому, что я располагаю довольно значительнымъ новымъ матеріаломъ, отчасти потому, что во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ мнѣ казалось возможнымъ дать болѣе отчетливое разъясненіе тѣхъ или другихъ фактовъ или внести тѣ или другія поправки въ ошибочныя утвержденія моихъ предшественниковъ.

Для ближайшаго объясненія состава данной главы прибавлю еще, что первый этюдъ ея служитъ необходимымъ дополненіемъ къ первому же этюду предшествующей главы и въ свою очередь находится въ тѣснѣйшемъ соотношеніи со вторымъ этюдомъ настоящей главы, такъ какъ въ обоихъ этихъ этюдахъ разсматривается довольно обширная и весьма интересная группа латинскихъ прилагательныхъ, обозначающихъ цвѣта.

I. О деноминативныхъ прилагательныхъ на -u(i)lo- (-ili-) безъ уменьшительнаго оттѣнка значенія.

Уже въ первомъ этюдѣ предшествующей главы мнѣ пришлось разсмотрѣть цѣлый рядъ образованій на *-ulo-(-ā-)*, которыя, имѣя внѣшнее сходство съ уменьшительными, въ сущности говоря, представляютъ собой слова иного морфологическаго типа.

Теперь я займусь категоріей неуменьшительныхъ отъименныхъ образованій съ тѣмъ же исходомъ (и нѣкоторыми его модификаціями). Хотя этотъ вопросъ и затрогивался неоднократно въ научной литературѣ, но до сихъ поръ онъ не былъ предметомъ спеціальнаго изученія, что̀ и дѣлаетъ цѣлесообразнымъ болѣе пристальное его разсмотрѣніе.

Уже Штольцъ (Histor. Gramm., стр. 508) отмѣтилъ деноминативныя образованія *nūbilus* и *pūmilus*. Первое изъ нихъ онъ связываетъ съ *nubes;* ближе, быть можетъ, стоитъ однако дублетъ *nubs*, предполагающій первоначальную основу или на *-i-*, или на согласную. Что касается *pumilus*, то, по мнѣнію Штольца, это образованіе „das am wahrscheinlichsten mit *pug-* in *pūgnus* zusammengebracht wird, enthält das combinierte Suffix *-milo-*“. Съ этимъ толкованіемъ едва ли однако можно согласиться: не говоря уже о сомнительности самой этимологіи, что̀ прекрасно выяснено Сольмсеномъ (Stud. z. lat. Lautgesch., стр. 95 сл.), сложный суффиксъ *-milo-* совершенно невѣроятенъ для латинскаго языка въ виду полнаго отсутствія какихъ-нибудь аналогій. Я лично вслѣдъ за

Сольмсеномъ (ibid.) предпочелъ бы исходить изъ прототипа **pŏvĕ-mo-* (откуда, между прочимъ, и *pōmum)*, предположивъ, что тутъ мы имѣемъ дальнѣйшее осложненіе суффиксомъ *-ilo-*, благодаря чему и явилось образованіе *pūmilus* : **pōmilus*, откуда далѣе — *pūmilio* : *pōmilio* (ср. G. L. K. IV, 376, 18). Если же у Стація на ряду съ этой нормальной просодіей *(Silv.* I 657: *Hic audax subit ordo pūmilorum)* является просодическій дублетъ *pŭmilus* (ibid. v. 64):

Mirantur pŭmilos ferociores[1]),

то это — просодическая вольность, объясняемая, быть можетъ, тѣмъ, что это слово въ эпоху Стація уже нѣсколько устарѣло, вытѣсненное изъ употребленія синонимическимъ *nanus* (= греч. *νᾶνος).* Прибавлю еще, что въ этомъ словѣ исходъ *-ilo-* могъ имѣть уменьшительное значеніе, что̀ затрудняетъ ближайшее сопоставленіе этого образованія съ *nūbilus*, какъ это мы видимъ у Штольца.

Съ другой стороны, тотъ же ученый нѣсколько ниже добавляетъ: „auch die Adjective *hum-ili-s* und *sim-ili-s* sind ursprünglich *o-* Stämme gewesen, wie die griech. Correlate *χθαμ-αλό-ς* und *ὁμ-αλό-ς* darthun“, и тутъ же ссылается на другое мѣсто въ своей грамматикѣ, гдѣ приведены другія образованія на *-ili-*. „Secundäre Ableitungen von Substantiven und Adjectiven (mit *-ili-)*, замѣчаетъ онъ тамъ (op. c., стр. 515), sind sehr selten. Unzweifelhaft sind *herbili-s* (offenbar zu *herba* nach dem Verhältniss von *fossilis* : *fossa* gebildet) und das allgemein übliche *parili-s*“.

Что касается *herbilis* при *herba*, то я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы это образованіе могло возникнуть по аналогіи съ *fossilis* : *fossa*: препятствіемъ для этого служитъ полное отсутствіе сходства по значенію и слишкомъ слабое сходство по звуку. Прилагательное *herbilis* извѣстно намъ лишь въ сочетаніи съ *anser* — у Луцилія (fr. 156 Baehr.), къ

1) Эта форма отмѣчена уже Сольмсеномъ (ibid., стр. 95, прим. 1).

каковому мѣсту относится слѣдующая глосса Павла Діакона (Th. de Pon., p. 71, 30): *Herbilis anser herba pastus, qui gracilior est, quam frumento altus*. Каково однако было первоначальное значеніе его, сказать трудно; но весьма вѣроятно, что оно соотвѣтствовало нашему „травяной“ съ различными оттѣнками значенія (ср., напр., значенія лат. *herbidus*); впослѣдствіи это прилагательное могло спеціализироваться по значенію и употребляться въ смыслѣ „кормленый травой“: и у насъ въ хозяйственномъ обиходѣ употребляются слова съ соотвѣтствующимъ оттѣнкомъ значенія: ср., напр., сочетаніе *молочный поросенокъ*. Очень возможно, что первоначально *herbilis* относилось къ категоріи основъ на *-o-(* herbilos)*[1], соотвѣтствуя вполнѣ прилагательному *nūbilus*, а затѣмъ, подъ вліяніемъ многочисленной категоріи прилагательныхъ на *-bilis*, перешло въ категорію основъ на *-i-*. Если же та же участь не постигла *nūbilus*, то причиной тому, быть можетъ, служила наличность въ латинскомъ языкѣ другого, близкаго по звуку, прилагательнаго — *nūbilis*[2]). Возможно также, что форма *herbilis* возникла лишь въ то время, когда за этимъ прилагательнымъ закрѣпилось фактически засвидѣтельствованное значеніе; въ такомъ случаѣ переходу въ категорію основъ на *-i* могло способствовать, напр., прилагательное *altilis*.

Parilis легко можетъ быть понято, какъ результатъ аналогическаго вліянія со стороны близкаго по значенію *similis*, которое на ряду съ *humilis* можетъ, какъ это предполагаетъ Бругманъ (Indogerm. Forsch. IV, стр. 219), восходить къ доиталійской эпохѣ.

[1]) Впрочемъ, о первоначальномъ качествѣ гласнаго передъ *l* трудно сказать что-нибудь опредѣленное.

[2]) Квинтиліанъ (VIII 2, 12 sq.), говоря о неясностяхъ въ выраженіяхъ, которыхъ долженъ избѣгать ораторъ, между прочимъ, относитъ сюда и омонимы (homonyma). Борьба съ омонимами въ нѣкоторыхъ случаяхъ сказывается довольно опредѣленно. Такъ, напр., на этой почвѣ, повидимому, слѣдуетъ объяснить неупотребительность синкопированнаго дублета при *seorsum* > **sevorsom*, такъ какъ онъ совпалъ бы съ *sūrsum* „вверхъ“ (ср. Solmsen, Stud. z. lat. Lautgesch. стр. 61); этимъ объясняется исчезновеніе ptc. ** sectus* отъ гл. *sequi*, совпавшаго фонетически съ *sectus* отъ гл. *seco* (см. Brugmann въ Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 422 пр.); отсюда, по всей вѣроятности, проистекаетъ тотъ фактъ, что въ латинскомъ языкѣ не развился отъ глаголовъ типа *plantare* coniunctiv'a **plantā-iās*, такъ какъ эта форма совпала бы съ соотвѣтствующей формой indicativ'a (см. Sommer, Handbuch, стр. 560) и т. п.

Къ этой категоріи образованій на *-ulo-(-ili-)* много новыхъ примѣровъ прибавлено М. М. Покровскимъ въ интересномъ этюдѣ объ именахъ прилагательныхъ на *-ulentus*, *-ilentus* („Матеріалы“, стр. 122 сл.); а именно, сюда отнесены имъ (помимо цѣлаго ряда теоретическихъ реконструкцій) слѣдующія фактически засвидѣтельствованныя образованія: *esculus* при *esca*[1]), *pestilis* при *pestis*, *foriolus* при *foria*. „Трудно сказать, продолжаетъ названный ученый (стр. 123), сюда ли относится *stragulus* при *strages;* глоссаріи сохранили *noxilis* въ смыслѣ *nocens*, *nocivus* (Affatim. Corp. IV, 542, 21; Exc. ex. Cod. Leid. 67e, Corp. V, 636, 5 и 6): если слово это передано правильно (т.-е. если это не *noxialis*)[2]), оно было бы такимъ же образованіемъ отъ *noxa*, какъ *herbilis* отъ *herba*“.

Любопытно отмѣтить, что и въ этой группѣ переходъ въ категорію основъ на *-i* произошелъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, которые по своему звуковому характеру приближались къ другимъ образованіямъ съ исходомъ *-is:* такъ, *pestilis* примкнуло къ обширной категоріи отглагольныхъ прилагательныхъ на *-tilis*, въ родѣ *fertilis*, *tortilis* и т. п., тогда какъ *noxilis* могло быть вызвано такими образованіями, какъ *flexilis*, *plexilis*, *nexilis*, *fluxilis*, *conflixilis*.

Въ своихъ „Изслѣдованіяхъ“, стр. 277 сл., я, впрочемъ, съ большой осторожностью, предложилъ объяснить *lingulus* (извѣстно въ сочетаніи *lingulus Aiax* Anthol. lat. ed. Riese, I, № 199, v. 88), „какъ вторичное образованіе отъ *lingua*, возникшее при помощи вторичнаго суффикса *-(u)lo-*“.

Укажу теперь еще на нѣкоторые примѣры, которые

[1]) Впрочемъ, этотъ примѣръ обставленъ у М. М. Покровскаго существенными оговорками (ср. также „Матеріалы“, стр. 263).

[2]) Ср. еще ор. с., стр. 263.

съ большей или меньшей степенью вѣроятія могли бы быть отнесены къ той же категоріи.

Названіе рыбы *barbulus*, извѣстное изъ „Филоксеновой“ глоссы: *Barbulus φάγρος ἰχθύς* (CGL. II, 28, 21), скорѣе всего, представляетъ собой образованіе, возникшее отъ *barba* при помощи вторичнаго суффикса *-ulo-*. Что касается упомянутаго мной во введеніи (см. стр. 35 сл.) ихтіологическаго термина *barbus*, то не представляетъ ли онъ собой обратнаго образованія изъ *barbulus*, принятаго за уменьшительное? Не было ли также въ языкѣ прилагательныхъ **barbulus* „бородатый“ и отсюда — **barbus*, откуда и cognomen *Barbus*, о которомъ рѣчь была выше (стр. 33 сл.)? Впрочемъ, это — предположенія, на которыхъ настаивать я не рѣшаюсь.

Какъ бы то ни было, *barbulus* имѣетъ прекрасное pendant въ видѣ названія птицы (*=merops*) *galeolus*, засвидѣтельствованнаго Suet. fr. 164, p. 257 R: тутъ уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ основѣ даннаго образованія лежитъ существительное *galea*.

Далѣе заслуживаетъ вниманія существительное *sparteolus* „пожарный“: ср., напр., Schol. ad Juven. XIV, 305: *Per translationem disciplinae militaris s p a r t e o l o r u m Romae, quorum cohortes in tutelam urbis cum hamis et cum aqua vigiliae curare consueverunt causa.* F o r c e l l i n i - d e V i t слѣдующимъ образомъ толкуютъ это слово: „*Sparteoli* vocatae sunt per contemptum VII cohortes vigilum ab Augusto institutae, in tutelam urbis Romae, quae arcendis incendiis noctu continuas vigilias agebant, vel quia calceis aut tunicis sparteis utebantur vel a sparteis funibus, quorum multus est usus in restinguendis incendiis, vel potius a vasis sparteis pice illitis quibus aquam ipsi in usum eundem afferebant“. На какомъ бы изъ этихъ толкованій мы ни остановились, во всякомъ случаѣ *sparteolus* представляетъ собой, скорѣе всего, вторичное образованіе безъ уменьшительнаго оттѣнка отъ субстантивированнаго (въ формѣ того или другого рода) прилагательнаго *sparteus*.

Считать же *sparteolus* за deminutivum отъ этого прилагательнаго, какъ это дѣлаетъ Г е о р г е с ъ (s. v.), я считалъ бы совершенно невозможнымъ.

Въ нѣсколькихъ глоссаріяхъ засвидѣтельствована глосса *G e n i o l u s qui habet genium.* Г ё т ц ъ (см. Thes. gloss., стр. 488) скептически относится къ леммѣ и предлагаетъ три попытки исправленія: *geniosus, geniatus, genialis.* Нельзя ли было бы однако сохранить рукописное чтеніе?

Прежде чѣмъ переходить къ другимъ, непосредственно засвидѣтельствованнымъ деноминативнымъ образованіямъ на *-u(i)lo-*, остановлюсь на одномъ случаѣ, изъ котораго, повидимому, мы имѣемъ право извлечь впослѣдствіи исчезнувшее изъ языка прилагательное этого типа. Я имѣю въ виду существительное *sterquilinum* съ дублетомъ *sterquilinium*. Относительно этихъ образованій Ш т о л ь ц ъ даетъ противорѣчивыя показанія: въ одномъ мѣстѣ своей исторической грамматики (стр. 238) онъ, вслѣдъ за B e r s u (Die Gutturalen, стр. 120), выводитъ *sterquilinium* изъ **sterquinniu-m*, въ другомъ (стр. 487) — предполагаетъ въ основѣ *sterquil-īnu-m* первоначальное **sterquilum*. Изъ этихъ двухъ объясненій несравненно естественнѣе и проще — второе[1]): *sterquilīnum* образовано такъ же, какъ *molend-īnum, tabl-īnum* и т. п. Что касается **sterquilum*, возстановляемаго Ш т о л ь ц е м ъ, то оно, по всей вѣроятности, предполагаетъ прилагательное **sterquilos* (или **sterquilis?* въ такомъ случаѣ вм. **sterquilum* надо исходить изъ **sterquile*), которое семасіологически стоитъ очень близко къ такимъ прилагательнымъ, какъ *ancunulentus, lutulentus, caenulentus* и, быть можетъ, возникло по аналогіи съ однимъ изъ прототиповъ, лежащихъ въ основѣ этихъ

[1]) Напомню кстати вѣрное замѣчаніе М. М. П о к р о в с к а г о (Kuhn's Zeitschr. XXXV, стр. 239) по поводу существительнаго *vespertilio*: „B u g g e's Erklärung (K. Z. XIX, 445) desselben aus **vespertīn-iōn-* ist gewagt, da die Bedingungen des Wechsels von *l* und *n* bisher unbekannt sind, allem Anscheine nach aber der Wechsel auf nicht hauptstädtische mundarten beschränkt war (s. S t o l z, Hist. Gr. I, § 230 und die dort citierte Litteratur)“.

прилагательныхъ, въ родѣ реконструируемаго М. М. Покровскимъ („Матеріалы“, стр. 124) **ancunulus*. Очень возможно, что въ ближайшемъ соотношеніи съ **sterquilos* стоитъ имя бога *Sterculus*[1]), при чемъ **sterquilos* : *Sterculus*= *sterquilinum* : *sterculinum*[2]).

Теперь займемся прилагательнымъ *caerulus*. Этимологическое происхожденіе и морфологическій составъ этого прилагательнаго неоднократно подвергался обсужденію въ научной литературѣ, но до сихъ поръ оно не разъяснено вполнѣ, что и не удивительно, такъ какъ это слово сталкиваетъ насъ съ цѣлымъ рядомъ фонетическихъ, этимологическихъ и морфологическихъ затрудненій, и только всестороннее освѣщеніе ихъ можетъ привести насъ къ окончательному результату.

За исходную точку своего изложенія я беру замѣчанія Гётца, высказанныя имъ по поводу даннаго прилагательнаго (и его дублета *caeruleus)*[3]) въ интересной статьѣ: Waren

[1]) Это имя, впрочемъ, засвидѣтельствовано также въ качествѣ мужского cognomen (ср. CIL. VIII, 3404); ср. также cogn. mul. *Stercula* (ibid. 7791, 10628) съ дублетомъ *Istercula* (ibid. 4119).

[2]) Подробности объ этихъ двухъ дублетахъ см. у Bersu, op. c., стр. 120 сл., гдѣ, между прочимъ, приводится и другое божеское имя—*Stercūtus* (см. Preller, Mythol. I^3, стр. 12 прим.), выводимое авторомъ изъ основы на *-u- stercu-*. „*Stercus, -oris,* продолжаетъ Берсу, ist also ebenso unursprünglich in die 3 Decl. übergetreten, wie *pecus, -oris:* ntr. *pecu* pl. *pecua* Neue I^2, 349, umbr. *pequo* gt. *faihu*“. Я не знаю однако, имѣемъ ли мы основаніе рѣшать, какая изъ этихъ основъ въ словѣ *stercus* предшествовала другой. Что касается *Sterculus*, то эта форма могла бы быть понята и при основѣ на *-s (*sterquos),* такъ какъ эти послѣднія основы очень часто смѣшиваются съ таковыми же на *-o-*: ср. хотя бы *vetulus* при *vetus, -ĕris* или *corpŭlentus* при *corpus, -ŏris* и т. п. Замѣчу кстати, что „*stercus* est traité comme un thème en *-o-* dans la cinquième des cinq formules du VIIe s. publ. par Boucherie: *Isterco commedit in so frundo*“ (Mohl, Les origines romanes, стр. 28). Прибавлю еще, что въ глоссаріяхъ неоднократно засвидѣтельствована форма nom. sg. *stercus* въ качествѣ masculinum (см. Götz, Thes. gloss. s. v.); впрочемъ, я не рѣшаюсь высказаться опредѣленно по поводу этой формы. Кстати напомню глоссу *Stercosus inquinatus* (CGL. II 594, 6). Гётцъ (op. c. s. v.) спрашиваетъ, не надо ли читать *stercorosus?* Дать на этотъ вопросъ категорическій отвѣтъ — очень трудно.

[3]) Объ этомъ дублетѣ подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующемъ этюдѣ.

die Römer blaublind? (см. Arch. f. lat. Lex. XIII, стр. 75 сл.), гдѣ этотъ авторъ касается всѣхъ высказанныхъ ранѣе этимологическихъ попытокъ истолкованія *caerulus, -eus*, приводитъ довольно обширную литературу по данному вопросу и, наконецъ, подробно разсматриваетъ морфологическую сторону дѣла.

Что касается этимологіи *caerulus*, то тутъ было высказано три гипотезы.

Одни[1]) связывали это прилагательное съ *caesius*, предполагая, что въ этомъ послѣднемъ интервокальное *s* почему-либо не перешло въ *r*, тогда какъ въ *caerulus, -eus* вступилъ въ силу ротацизмъ. Нужно замѣтить, что вопросъ о латинскихъ словахъ, уклоняющихся отъ ротацизма, до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно. Наиболѣе отчетливо изложенъ онъ у Зоммера (Handbuch, стр. 211), который, между прочимъ, допускаетъ и діалектическое объясненіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ. Какъ разъ къ этому способу объясненія фонетики *caesius* прибѣгаетъ Conway (Verner's law in Italy, стр. 60 и 83), остроумно указывая, между прочимъ, съ одной стороны, на имя *Caesius Sabinus*, а съ другой — на то, что эпитетъ *caesii* примѣнялся для характеристики глазъ Минервы, между тѣмъ, по замѣчанію Варрона (*L. L.* V, 74): *Minerva... a Sabinis*. Мы затрудняемся однако принять эту гипотезу, такъ какъ до сихъ поръ никому, насколько мнѣ извѣстно, не удалось указать на корень **kai̯s*, подходящій по значенію къ даннымъ словамъ, между тѣмъ *caesius* безъ труда можетъ быть поставлено въ связь съ лит. *skaidrus* „ясный, свѣтлый“[2]).

[1]) Ср., напр., упоминаемые Гётцемъ, Дёдерлейнъ (Lat. Synon. VI, стр. 46) и О. Вейзе въ статьѣ „Die Farbenbezeichnungen bei den Griechen und Römern“ (Philologus XLVI, стр. 597).

[2]) Это сопоставленіе въ настоящее время можно признать общепринятымъ: ср. Brugmann, Grundriss I^2, стр. 666; Fick, Vergl. Wtb.^{4}, стр. 567; Wharton, Etyma lat., стр. 13 и т. д. По всей вѣроятности, первоначально существовала форма * *caesus* (>* *(s)kaid-lo-s)*, откуда возникли слѣдующія образованія:

О. Келлеръ[1]) впервые предложилъ совершенно оригинальную гипотезу относительно *caerulus, -eus,* согласно которой эти прилагательныя находятся въ соотношеніи съ греч. *κηρύλος* „самецъ-зимородокъ“ (общее названіе зимородка, какъ извѣстно, *ἀλκυών* или *ἁλκυών*, лат. *alcedo).* „Die Griechen, говоритъ Келлеръ (op. c., стр. 15), nannten den Eisvogel, welcher unter den europäischen Tieren das schönste Blau zeigte, den „Blauen“; die Lateiner aber behielten das Wort in seiner ursprünglichen Eigenschaftsbedeutung als Adjectivum im Sinne von „blau““. Противъ такого толкованія можно однако выставить два серіозныхъ возраженія: во-первыхъ, ничѣмъ не доказано, что *κηρύλος* по-гречески значило

---

a) *caesius,* распространенное несовсѣмъ обычнымъ въ данномъ случаѣ суффиксомъ *-io-*: единственной аналогіей для этого образованія — и то не вполнѣ достовѣрной — могло бы служить *helvius*, засвидѣтельствованное у Плинія (*h. n.* XIV, 46).

b) *caesitas*, отмѣченное въ словарѣ Benoist-Goelzer'а изъ Боэція съ значеніемъ „couleur bleu verdâtre, ou bleu grisâtre des yeux“, къ сожалѣнію, безъ указанія мѣста. Впрочемъ, позднее засвидѣтельствованіе этого образованія дѣлаетъ сомнительнымъ его происхожденіе отъ основы **caeso-*, и весьма возможно, что точкой отправленія для *caesitas* служило все-таки прилагательное *caesius,* хотя вполнѣ подходящей аналогіи для существительнаго на *-itas* при соотвѣтствующемъ прилагательномъ на *-ius* я и не могъ бы привести. Надо однако замѣтить, что abstracta на *-(i)tas* были продуктивнымъ типомъ вплоть до позднѣйшей эпохи латинскаго языка, при чемъ нѣкоторыя образованія этой категоріи изъ поздней латыни отличаются довольно значительной смѣлостью, о чемъ см., напр., Meyer-Lübke въ Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 332 сл.

c) *caesicius;* по поводу этого прилагательнаго Н.К.Гельвихъ (Наблюденія надъ им. прилаг. у Плавта, стр. 164) замѣчаетъ: „*caesicius* мы, несмотря на объясненіе Нонія, что „c. dicitur purum et candidum“, все-таки не умѣемъ иначе объяснить, чѣмъ какъ параллельную форму отъ имени прил. *caesius,* которое, правда, употребляется только въ примѣненіи къ глазамъ, а не къ частямъ одежды (какъ у Плавта *linteolum caesicium),* но могло вѣдь употребляться нѣкогда и о другихъ предметахъ“. Я не вижу однако мотива, по которому это толкованіе, въ общемъ, несомнѣнно, вѣрное, не можетъ быть примирено съ показаніемъ Нонія. Что касается *ī* передъ *c*, то нельзя ли было бы объяснить его изъ основы на *-io- (*caesio-)?*

d) Относительно женскаго имени *Caesulla,* которое Фестъ (см. Th. de Pon., p. 378, 8) ставитъ въ связь съ *caesius*, см. скептическія замѣчанія В. Шульце (Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 137).

1) Zur lat. Sprachgeschichte I, стр. 13 сл.

когда-нибудь „голубой“, во-вторыхъ, замѣна греч. *η* посредствомъ латинскаго *ae* отнюдь не такая простая вещь, какъ это думали раньше[1]): что касается лат. *scaena,* то тутъ, судя по написанію *scaina,* засвидѣтельствованному на надписяхъ (CIL. I 1280), *ae* восходитъ къ настоящему дифтонгу, что̀ и подало поводъ Сольмсену (Untersuchungen z. griech. Laut-und Verslehre, стр. 279 прим.) высказать предположеніе, что „vielleicht existierte neben *σκᾱνά* in der Mundart der unteritalischen Griechen ein **σκαι-νᾱ*“; существованіе корня съ *ᾱi-*, по мнѣнію этого ученаго, доказывается не только древне-индійскими, но и греческими параллелями, въ родѣ *σκαιός* (> ** σκαι-ιός* или ** σκαι-Ϝος)* „тѣнистый“, *σκῑ-ρο-ν* „зонтикъ“ и т. п. Нельзя ли было бы и *scaeptrum*, если только эта графика имѣла распространеніе, возвести къ діалектическому **σκᾶπ-τρο-ν?* На возможность корня съ *ᾱι* какъ будто указываетъ существованіе, съ одной стороны, дор. *σκᾶπτον* (ср. лат. *scāpus),* греч. *σκήπων* „палка“, а съ другой — греч. *σκίπων* (ср. лат. *scīpio)*[2]). Итакъ, сопоставленіе *κηρύλος* съ *caerulus,* можно сказать, виситъ на воздухѣ[3]).

Третья гипотеза, принятая большинствомъ ученыхъ, связываетъ *caerulus, -eus* съ *caelum,* при чемъ *r* въ интересующихъ

---

1) Обыкновенно въ этомъ *ae* видятъ результатъ стремленія выразить какъ-нибудь открытое *ē*, каковымъ, несомнѣнно, была греческая *η*. Иначе смотритъ на дѣло Mohl (Les origines romanes, стр. 104, прим. 1): „Dans *scaena* comme dans *scaeptrum*, говоритъ онъ, nous pensons que la gutturale a puissamment contribué a l'adoption de *ae* pour *η* grec; il s'agit en effet non seulement de rendre *ē* ouvert, mais aussi *k* ou *k* guttural au lieu de *k'* palatal qui a toujours été la prononciation de *ce ci* en latin classique“.

2) У Прелльвитца (Etym. Wtb. d. griech. Spr., стр. 288 сл.) эти слова этимологически разобщены.

3) Гётцъ (op. c., стр. 76), полемизируя противъ этого сопоставленія, между прочимъ, замѣчаетъ: „es hat doch ungemein wenig Wahrscheinlichkeit für sich, dass ein Vogel, der zwar durch seine schöne Farbe, aber ebenso durch seine Furcht und Ängstlichkeit vor den Menschen bekannt (oder besser nicht bekannt) ist, Anlass gibt, dass ein ganzes Volk nach ihm eine Farbe benennt“. Само по себѣ это замѣчаніе вполнѣ справедливо, но оно, какъ кажется, основано на недоразумѣніи, такъ какъ О. Келлеръ исходитъ изъ предположенія, что въ греч. языкѣ *κηρύλος* первоначально значило „голубой“ (см. выше въ текстѣ).

насъ прилагательныхъ разсматривается, какъ результатъ такъ называемой регрессивной диссимиляціи (изъ первоначальнаго *caelulus, -eus); однако противъ такого истолкованія возстаетъ О. Келлеръ (op. c., стр. 14) съ точки зрѣнія фонетической, морфологической и семасіологической.

Прежде всего онъ указываетъ на то, что аналогичная регрессивная диссимиляція *l* въ *r* наблюдается еще только въ одномъ случаѣ: *Parilia* изъ первоначальнаго *Palilia* (отъ имени богини *Pales*), гдѣ вдобавокъ легко заподозрѣть вліяніе народной этимологіи (связь съ гл. *parĕre*). Но это возраженіе едва ли существенно[1]): факты диссимиляціи далеко не всегда отличаются продуктивнымъ характеромъ, и на многіе изъ установленныхъ Grammont'омъ законовъ (см. его замѣчательную книгу Dissimilation consonantique) въ каждомъ отдѣльномъ индо-европейскомъ языкѣ констатировано иногда не болѣе одной-двухъ иллюстрацій; а съ другой стороны, весьма возможно, что дальнѣйшія изслѣдованія обнаружатъ и какіе-нибудь другіе, аналогичные съ *caerulus, -eus*, факты. Близко къ этому случаю стоитъ, напр., „vulgärlat. **gruma* (statt *gluma*) = fr. *grume*, rückgebildet aus durch Dissimilation aus *glumula* entstandenem **grumula* (vgl. Hatzfeld et Darmesteter, Dictionnaire général de la langue française 133, Anm. 3)“[2]); съ своей стороны прибавлю еще *cretellae* вм. *cli(e)tellae* въ глоссаріяхъ (см. Götz, Thes s. v. *clitella*). Ниже я отмѣчу еще одинъ примѣръ изъ латинскаго языка, въ которомъ, быть можетъ, позволительно усмотрѣть регрессивную диссимиляцію, совершенно аналогич-

---

1) Что касается замѣчанія Келлера (ibid., стр. 14), будто бы „nur in den Ableitungen auf *-alis* ist diese Verwandlung eines *l* in *r* aus Dissimilationsgründen nicht selten“, то оно, безусловно, невѣрно: достаточно указать на латинскій исходъ *-crum*, который всецѣло обязанъ своимъ происхожденіемъ диссимиляціи: правда, образованій съ этимъ исходомъ въ латинскомъ языкѣ не много, но во всякомъ случаѣ ихъ больше, чѣмъ соотвѣтствующихъ образованій на *-culum* безъ диссимиляціи несмотря на наличность соотвѣтствующихъ условій.

2) Ср. Niedermann, Indogerm. Forsch. XV, стр. 106.

ную той, какую мы имѣемъ въ *Parilia* и *caerulus, -eus*[1]), а пока перейду къ семасіологическому возраженію Келлера.

Полемизируя съ этой точки зрѣнія противъ связи *caerulus, -eus* съ *caelum*, Келлеръ замѣчаетъ (ibid., стр. 15): „auch kenne ich keine Sprache, wo himmlisch und (himmel)blau geradezu zusammenfielen“. Опроверженіе этому замѣчанію можно найти однако въ самомъ латинскомъ языкѣ. Обращу вниманіе на слѣдующую выдержку изъ Hermeneumata Einsidlensia, гдѣ приводятся греко-латинскія глоссы, касающіяся одеждъ и ихъ цвѣта (*περὶ ἱματίων de vestimentis*) (CGL. III, 272, 21 сл.):

ἐρυθρόν rubrum, in masc. rutilis (sic),
φαιόν pullum,
οὐράνιον caeleste,
κροκοειδής croceus, luteus и т. д.

Отсюда можно сдѣлать выводъ, что *caelestis*, между прочимъ, могло употребляться и въ смыслѣ „голубой“ — значеніе, не отмѣченное въ извѣстныхъ мнѣ словаряхъ[2]); замѣчу кстати, что въ итальянскомъ языкѣ *celeste* иногда употребляется аналогичнымъ образомъ: ср., напр., сочетанія въ родѣ *seta celeste, vestita di celeste* и т. п.

Еще менѣе значенія имѣетъ семасіологическое возраженіе, выставленное противъ вышеозначеннаго сопоставленія Conway'емъ (Verner's law in Italy, стр. 82), который думаетъ, что, если бы мы остановились на подобной этимологіи *caerulus, -eus*, то „the constant conjunction *caerula caeli* would by rather meaningless“. Однако это замѣчаніе не выдерживаетъ лингвистической критики, такъ какъ въ любомъ языкѣ

---

1) Изъ другихъ языковъ ср., напр., приводимыя Grammont'омъ (op. c., стр. 82) фр. *Xaintraille = Sainte Araille = Eulalia, Chénéraille = Canaliculas, Vareilles = Valliculas*, др.-ит. *araile* > *alaile* = * *alaljos*, гальск. *arall* и т. д. Съ своей стороны замѣчу, что русское простонародье вм. *пилюли* говоритъ иногда *пирюли*.

2) То же можно сказать и относительно греч. *οὐράνιος*.

мы очень часто сталкиваемся съ подобными „безсмысленными“ сочетаніями. Ср., напр., выраженія *сегодняшній день*[1]), *завтра утромъ, οἰκοδομεῖν οἰκίαν, ὑπώρεια τοῦ ὄρους, deorsum vorsus, sursum vorsum,* итал. *con meco,* фр. *de devant* и т. п.[2]), которыя объясняются тѣмъ, что этимологическое происхожденіе словъ часто не сознается говорящими; а въ данномъ случаѣ сознаніе этимологической связи тѣмъ легче стерлось, что благодаря диссимиляціи *l* въ *r* нанесенъ былъ большой ущербъ звуковому сходству между первичнымъ и производнымъ.

Перехожу теперь къ морфологической сторонѣ дѣла. Гётцъ, подробно разсматривающій этотъ вопросъ, полагаетъ, что отъ *caelum* возникло deminutivum **caelulum* съ значеніемъ „der liebe, d. h. unbewölkte Himmel“ и что, аналогично съ этимъ, отъ дублета *caelus* явилась уменьшительная форма **caelulus* < **caerulus,* откуда затѣмъ образовалось, по его мнѣнію, прилагательное *caeruleus.* „Die korrekte Adjectivildung ist natürlich *caeruleus,* продолжаетъ онъ (op. c., стр. 77), wie *aureus, argenteus, roseus, niveus,* und sie herrscht auch in der goldenen wie der silbernen Prosa (mit Ausnahme des jüngeren Plinius); *caerulus* dürfte auf den Hexameter des Ennius zurückzuführen sein, und ging von da auf die Poesie und die poetisierenden Prosaiker wie Apuleius über“. Но всѣ эти построенія въ высшей степени неправдоподобны. Во-первыхъ, какой бы широкой мы ни признавали тенденцію латинскаго языка къ уменьшительнымъ образованіямъ, тѣмъ не менѣе уменьшительное **caelulum* (или **caelulus),* да еще для такой ранней эпохи латинскаго языка, какая предполагается условіемъ признанія въ этомъ словѣ исходной точки для прилагательнаго *caeruleus* — едва ли заслуживаетъ довѣрія, и я затруднился бы привести какую-нибудь аналогію. Существи-

1) Ср. нѣмецкое *heutzutage,* при чемъ *heute* = др. в.-нѣм. *hiutu* = **hiu tagu* ср. др.-фриз. *hiudega.* [Приведу еще сочетаніе *cotidianis diebus,* засвидѣтельствованное въ Mulomedicina Chironis (ср. Arch. f. lat. Lex. X, стр. 423).]

2) См. Brugmann, Indogerm. Forsch. VIII, стр. 227.

тельное **soliculus* (уменьшительное отъ *sol),* которое можно извлечь изъ гл. *soliculari* „грѣться на солнцѣ“, засвидѣтельствованнаго въ глоссаріяхъ (см. Götz, Thes. gloss. s. v.)[1]), а также изъ цѣлаго ряда романскихъ отраженій (ср. Funck, Arch. f. lat. lex. VIII, стр. 386), конечно, не можетъ служить таковой такъ же, какъ, напр., *nubecula* при *nubes, stella* при нѣм. *Stern* и т. п. Уменьшительное *terrula* хотя и засвидѣтельствовано въ позднѣйшей латыни, но, конечно, не въ смыслѣ *orbis terrarum,* а въ смыслѣ (небольшого) участка земли (ср. наше „землица“). Во-вторыхъ, совершенно непонятно, какая надобность въ предположеніи дублета мужескаго рода **cael(r)ulus,* когда и **cael(r)ulum* могло бы — съ чисто морфологической точки зрѣнія — служить прекрасной точкой отправленія для прилагательнаго *caeruleus* (ср. хотя бы приводимыя самимъ Гётцемъ *aureus* при *aurum, argenteus* при *argentum* и т. п.)? Наконецъ, сомнительнымъ представляется и то соотношеніе дублетовъ *caeruleus* и *caerulus,* которое устанавливается Гётцемъ: хотя первый дублетъ въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ дѣйствительно плохо ладитъ съ дактилическимъ складомъ стиха, однако дѣлать отсюда выводъ, что *caerulus* есть не что иное, какъ Nothbehef дактилическихъ поэтовъ было бы тѣмъ болѣе смѣло, что эту форму мы, повидимому, должны допустить однажды уже у Плавта. Я имѣю въ виду *Rud.* 268:

Némpe equo ligneo pér vias cáerulas
Estis vectae.

Правда, рукописи въ этомъ мѣстѣ даютъ чтеніе *caeruleas* (или, точнѣе, —*ceruleas),* но, разумѣется, тотъ размѣръ, который

1) Въ связи съ *soliculari* напомню кстати существительное *solicatio,* засвидѣтельствованное Cael. Aur. *Chron.* IV, 18: *Solicationes, quas Graeci ἡλιώσεας vocant.* Георгесъ (s. v.) замѣчаетъ, что другіе читаютъ *solationes.* Что это: коньектура или разночтеніе какихъ-нибудь рукописей? Если первое, то не лучше читать *solic<ul>ationes?* Впрочемъ, и *solicatio* я не рѣшился бы забраковать безусловно.

мы наблюдаемъ въ этомъ стихѣ (кретическій тетраметръ), требуетъ форму *caerulas*, каковую и принимаетъ большинство ученыхъ: Гюйэ, Рейтцъ, Бентли, Шёлль и т. д. Замѣчу кстати, что эту же не осложненную суффиксомъ *-eus* форму, но уже въ качествѣ собственнаго имени, мы находимъ и въ 8-мъ стихотвореніи, входящемъ въ составъ Вергиліевыхъ Catalecta и представляющемъ близкое подражаніе Катуллову 4-му стихотворенію *(Phaselus ille quem videtis, hospites)*, ср. ст. 6: *negare nobilem insulamve Caeruli.*

Я предлагаю нѣсколько иной морфологическій процессъ для *caerulus*. Исходя, подобно Гётцу, изъ существительнаго *caelum*, я считаю вѣроятнымъ, что изъ него возникло при помощи вторичнаго суффикса *-lo-* прилагательное **caelulus* $<$ *caerulus* съ значеніемъ „небесный, небеснаго цвѣта“. Правда, Келлеръ (op. c., стр. 14) утверждаетъ, „dass es fast gar keine lateinischen Adjectiva gibt, die von Substantivstämmen mit der Ableitung *-ulus* gebildet werden... während es Adjectiva auf *-ulus* die von Adjectivstämmen abgeleitet sind, genug gibt... Hervorzuheben sind die Farbennamen auf *-ulus* resp. *-olus*, wie *albulus*, *helvolus*, *rufulus*, *rubicundulus*, alle wie man sieht von Adjectiva abgeleitet“. Однако, что касается первой части этого замѣчанія, то уже приведеннаго выше матеріала достаточно, чтобы поколебать его силу. Изъ всѣхъ перечисленныхъ мной неуменьшительныхъ вторичныхъ образованій на *-u(i)lo-* особенно интересно въ данномъ случаѣ *nubilus*, могущее, какъ мнѣ кажется, имѣть рѣшающее значеніе для предложеннаго нами толкованія *caerulus:* надо обратить вниманіе на то обстоятельство, что прилагательное *nubilus*, будучи образовано совершенно аналогично съ *caerulus*, представляло собой какъ разъ извѣстнаго рода *ἀντίθετον* по значенію: *caerulus* значило „безоблачный“, а *nubilus* — „облачный“; ср. Ov. *ars am.* III 173 *Aeris ecce color tum, cum sine nubibus aer*, гдѣ, по справедливому замѣчанію Гётца (op. c., стр. 77), дается какъ

разъ описаніе цвѣта *caerul(e)us*[1]. Небезынтересно также и то обстоятельство, что какъ *caerulus*, такъ и *nubilus* способны были субстантивироваться въ формахъ средняго рода, при чемъ эти субстантивированныя формы могли играть роль синонимовъ при соотвѣтствующихъ первичныхъ: ср., напр., съ одной стороны, Lucr. VI 482: *Subtexit caerula (=caela* или *caelum) nimbis* и Enn. *tr.* 251: *lumine sic tremulo terra et cava caerula candent*[2]), а съ другой — напр., Lucr. VI 190: *Nubila portabunt venti transversa per auras*[3]), при чемъ надо замѣтить, что субстантивація *nubilum* встрѣчается, во-первыхъ, нерѣдко и въ прозѣ (кажется, только позднѣйшей), а во-вторыхъ, и въ формахъ единственнаго числа[4]).

Въ связи съ *caerulus* : *nubilus* необходимо остановиться и на *aquilus*. Объ этомъ прилагательномъ мы находимъ въ эксцерптахъ Павла Діакона слѣдующія любопытныя замѣчанія

---

[1]) Что касается дублета *caeruleus*, то онъ будетъ разъясненъ въ слѣдующемъ этюдѣ настоящей главы.

[2]) Съ этимъ послѣднимъ мѣстомъ Гётцъ (op. c., стр. 78 пр.) сопоставляетъ Enn. *tr.* 95: *cava caeli*, а также Sil. III 656 и XV 713: *cava nubila.*

[3]) Если не ошибаюсь, у Лукреція это слово употребляется даже исключительно какъ существительное.

[4]) Замѣчу кстати, что Присціанъ (GLK. II 115, 12), сопоставивъ *nubilum* съ *nubes*, указываетъ на то, что первое образованіе относится къ такимъ случаямъ, *quae magis denominativa sunt existimanda quam diminutiva, quippe non habent diminutivorum significationem, sed formam tantum*. Вообще уже у древнихъ грамматиковъ мы видимъ нерѣдко попытку выдѣлить изъ категоріи настоящихъ уменьшительныхъ образованій такія, которыя имѣютъ только внѣшнее звуковое съ ними сходство: ср. хотя бы Priscian., ibid. (l. 3 sq.): *Inveniuntur multa propria sive appellativa, quae cum non sint diminutiva, formas tamen diminutivorum habent, ut cunicu us, anniculus, Metellus, Camillus, Tibullus, frivolus frivola frivolum, Camilla, tabula, vinculum, periculum*. Правда, не всѣ случаи отнесены сюда правильно, но какъ бы то ни было, самый принципъ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. Ср. еще Priscian. K. II 138, 5: *In -lus desinentium formae similes sunt diminutivis: pendulus, credulus, et veniunt tam a nominibus quam a verbis, ut annus anniculus, pateo patulus, credo credulus, pendo pendulus, bibo bibulus*. Эти мѣста должны быть поставлены въ связь съ 1-мъ этюдомъ предшествующей главы.

(Th. de Pon., стр. 16, 18 сл.): *Aquilus color est fuscus et subniger, a quo aquila dicta esse videtur... Aquilus autem color ab aqua est nominatus. Nam cum antiqui duos omnino naturales nossent, id est album et nigrum, intervenerit autem is quoque, qui ita neutri similis est, ut tamen ab utroque proprietatem trahat, potissimum ab aqua eum denominarunt, cuius incertus est color.* Итакъ, по мнѣнію глоссатора, *aquilus* возникло отъ *aqua*. Если бы это было такъ, то мы имѣли бы любопытнѣйшее морфолого-семасіологическое pendant къ *caerulus* и *nubilus*. Я долженъ однако замѣтить, что въ настоящее время обыкновенно *aquilus* объясняютъ совершенно иначе, связывая это прилагательное съ лит. *aklas* „слѣпой", греч. *ἄκαρος· τυφλός* и т. д.[1]); хотя это сопоставленіе и возможно съ семасіологической точки зрѣнія, такъ какъ понятія „слѣпой" и „черный", „темный" и т. п. иногда обозначаются однимъ и тѣмъ же корнемъ: ср. напр., наше *Василій Темный*[2]), однако этимологическая связь между лат. *aquilus* и греч. *ἄκαρος* нѣсколько сомнительна въ фонетическомъ отношеніи: первое слово предполагаетъ въ корнѣ лабіализованный задненебный гортанный звукъ, а второе — нелабіализованный.

Зато едва ли можно сомнѣваться въ ближайшемъ соотношеніи прилагательнаго *aquilus* съ названіемъ сѣвернаго вѣтра *Aquilo*. Но тутъ возникаетъ вопросъ, къ какому значенію даннаго прилагательнаго удобнѣе всего пріурочить этотъ метеорологическій терминъ? Опираясь на такія мѣста, какъ Lucr. VI 729 сл.:

Fit quoque uti pluviae forsan magis ad caput ei
Tempore eo fiant, quod etesia flabra Aquilonum
Nubila coniciunt in eas tunc omnia partes,

[1]) Ср., напр., Fick, Et. Wtb.⁴, стр. 348, гдѣ, между прочимъ, къ этому же корню возводится и латинское *op-ācus;* однако это сближеніе болѣе, чѣмъ сомнительно.

[2]) Аналогичные примѣры, приводимые Бехтелемъ (Über die Bezeichn. d. sinnl. Wahrnehm. in d. indogerm. Spr., стр. 116 сл.), менѣе достовѣрны.

или Mart. X 82, 2 сл.:

Stridentesque feram flatus aquilonis iniqui
Et patiar nimbos excipiamque nives,

можно было бы, пожалуй, почувствовать искушеніе усмотрѣть въ *Aquilo* первоначальный оттѣнокъ „водяной", „дождевой", „сырой вѣтеръ" подобно греч. *νότος* „южный вѣтеръ", при *νοτερός, νότιος* „сырой", „мокрый", *νοτία, νοτίς* „сырость"[1]), *λίψ(ὁ)* „юго-западный вѣтеръ" при *λίψ(ἡ)* „вылитое, источникъ, капля" и т. п. прил. гл. *λείβω* „лью", ст.-слав. **югъ** „южный вѣтеръ, югъ", если только это слово находится въ этимологической связи съ греч. *ὑγρός*. Характерно далѣе, что на ряду съ прилагательнымъ *aquilentus* существуетъ дальнѣйшее образованіе *aquilentanus* съ значеніемъ „сѣверный", ср. Chalcid. Tim. 67: *regio aquilentana,* между тѣмъ *aquilentus*, повидимому, было образовано отъ *aqua* и, можетъ-быть, отъ *aquilus* въ смыслѣ „водяной, дождевой" и т. п. Это прилагательное засвидѣтельствовано, къ сожалѣнію, лишь въ одномъ и притомъ несовсѣмъ ясномъ фрагментѣ изъ Менипповой сатиры Варрона *περὶ αἱρέσεων* (400 ed. Buech.):

tum contremula aquilenta apud alta
littora oreris ac nobilis omnibus reluces,

что̀ обыкновенно относятъ къ лунѣ[2]); что касается эпитета *aquilenta*, то, быть можетъ, его слѣдуетъ понимать въ связи съ Verg. *Georg.* 337: *Saltus reficit iam roscida luna.* Впрочемъ, Георгесъ (s. v.) переводитъ *aquilentus* посредствомъ „voll Wasser, feucht, Regen bringend", и, можетъ-быть, онъ правъ. Что касается упомянутаго выше *aquilentanus* въ смыслѣ „сѣверный", то, хотя Nettleship (Contributions to Latin lexicogr., стр. 255) предполагаетъ, что подобное

[1]) Ср. уже у Геллія II 22, 14: *Graece νότος nominatur, quoniam est nebulosus et umectus, νοτίς enim Graece umor nominatur.*

[2]) Ср. L. Müller, Non. I, стр. 569, гдѣ вм. *contremula* читается *cum tremula.*

употребленіе даннаго слова основано на недоразумѣніи въ пониманіи *aquilentus*[1]), но такое объясненіе отнюдь не можетъ быть названо вполнѣ достовѣрнымъ, и у насъ все-таки можетъ зародиться вопросъ, не значило ли *aquilentanus* подобно *aquilentus* — „приносящій дождь“, а затѣмъ — „сѣверный вѣтеръ“ и, наконецъ, — просто „сѣверный“: этотъ послѣдній переходъ значенія могъ бы быть объясненъ, какъ результатъ аналогіи, напр., со стороны *subsolanus*, что значитъ „восточный вѣтеръ“ (можетъ-быть, подъ вліяніемъ греческаго ἀπ(φ)ηλιώτης) и „восточный“[2]).

Я знаю однако хорошо, что такое толкованіе латинскихъ терминовъ для понятія „сѣверный вѣтеръ“ не вполнѣ соотвѣтствуетъ метеорологическимъ условіямъ Италіи, гдѣ сѣверный вѣтеръ приноситъ не дождь, а сушу или снѣгъ (въ древности): что касается мѣста изъ Лукреція, то оно относится къ Египту, а у Марціала подъ *nimbus* можно разумѣть и не непремѣнно дождь. Съ другой стороны, такія краснорѣчивыя параллели, какъ греч. *Καικίας* „сѣверо-восточный вѣтеръ“ при лат. *caecus* (ср. др.-ир. *caech*, готск. *haihs*, „одноглазый“[1]), франц. *bise*, греч. *μελαμ-βόρεος*, др.-инд. *andha* при лат. *umbra*[3]) заставляютъ предположить, что *Aquilo* скорѣе могло бы быть понято въ связи съ *aquilus* въ смыслѣ „темный“ (слѣдовательно, первоначально: „вѣтеръ, приносящій темныя тучи“). Впрочемъ, я долженъ замѣтить, если только это нужно, что само по себѣ такое пониманіе отнюдь не несовмѣстимо съ античнымъ взглядомъ на *aquilus*, какъ на производное отъ *aqua*.

Чтобы покончить съ латинскимъ названіемъ сѣвернаго вѣтра, укажу еще на глоссу Павла Діакона Th. de Pon., p. 16, 26:

1) „*Aquilentanus* from *aquilentus* the meaning of which seems to have been misconceived“.

2) Впрочемъ, если бы мы даже согласились съ Nettleship'омъ, то во всякомъ случаѣ образованіе *aquilentanus* интересно въ качествѣ косвеннаго подкрѣпленія для столь скудно засвидѣтельствованной формы *aquilentus*.

3) Ср. Schrader, Reallex. d. indogerm. Altertumskunde, стр. 956.

Aquilo ventus a vehementissimo volatu ad instar aquilae appellatur[1]). Это объясненіе, теперь чуть ли не всѣми оставленное[2]), могло бы, какъ мнѣ кажется, привлечь къ себѣ нѣкоторое вниманіе въ виду названія юго-восточнаго вѣтра *Volturnus* (ср. Gell. II 22, 10), повидимому, образованнаго отъ *voltur* „ястребъ“, — „wegen seiner Schnelligkeit?“ спрашиваетъ Шрадеръ (Reallex., стр. 956), становясь на точку зрѣнія, аналогичную той, которую мы находимъ у Павла Діакона по отношенію къ *Aquilo*. Впрочемъ, возможно и то, что *Volturnus* явилось позднѣе подъ вліяніемъ неправильно понятой этимологіи *Aquilo*. Прибавлю еще, что въ итальянскомъ языкѣ на ряду съ *aquilone* въ смыслѣ „сѣверный вѣтеръ“ является также существительное *aquilo*; имѣемъ ли мы право усмотрѣть здѣсь результатъ субстантиваціи прилагательнаго *aquilus* (вслѣдствіе пропуска существительнаго *ventus*) еще на почвѣ латинскаго языка, этого вопроса я не рѣшаю, такъ какъ это ит. *aquilo* можетъ быть объяснено и иначе. Зато уже прямо сомнительна этимологія ит. *ventavoto*, по мнѣнію нѣкоторыхъ романистовъ, будто бы восходящее къ сочетанію *ventus aquilus*[3]).

Что касается *aquila*, то этотъ терминъ почти единогласно объясняется, какъ субстантивированная форма женскаго

1) Въ этой связи небезынтересно отмѣтить названіе лошади *Aquilo*, засвидѣтельствованное, напр., CIL. VI 10069, при чемъ въ качествѣ tertium comparationis является, конечно, быстрота движенія.

2) Ср., впрочемъ, Stowasser, Lat.-deutsch. Schulwtb. s. v. Кстати напомню, что В. Шульце (Quaestiones epicae, стр. 221, прим. 1) замѣчаетъ: „*Aquila* qua „*avi volat nulla vehementius*“ (Cic. *de divin*. II 144) haud scio an ab hac ipsa virtute nomen invenerit: * *acu-is-lā* „quae celeriter fertur“ (cf. *accipiter* = *ὠκυπετής*)“. Однако эта этимологія не выдерживаетъ фонетической критики: прототипъ * *acu-is-la* долженъ былъ дать въ позднѣйшую эпоху * *aquīla*, и рѣшительно нельзя понять, почему ī могло бы здѣсь сократиться. Вслѣдствіе аналогичнаго соображенія, замѣчу кстати, я никакъ не могу принять также предложенное тѣмъ же ученымъ (Kuhn's Zeitschr. XXVIII, стр. 270) объясненіе лат. *vehemens* изъ прототипа * *véhez-ment-*, которое сопоставляется имъ въ морфологическомъ отношеніи съ др.-инд. *āyusmant* — „долговѣчный“ при *āyus* — „жизнь“.

3) См. Körting, Lat.-rom. Wtb.², № 10055.

рода отъ *aquilus*, объясняемая, по всей вѣроятности, пропускомъ *avis*. Такимъ образомъ, первоначальное значеніе *aquila* было „темная птица“.

Въ этой связи остановлюсь еще на одномъ орнитологическомъ терминѣ, представляющемъ интересъ для той морфологической группы, которую мы изслѣдуемъ въ настоящемъ этюдѣ. Я имѣю въ виду латинское названіе черпаго дрозда — *merula*. Шрадеръ[1]) выводитъ это слово изъ прототипа **mesula* и ставитъ въ связь съ др.-в.-нѣм. *amsel* (= современное *Amsel*) и англ.-сакс. *ósle*, которыя въ свою очередь возводятся имъ, хотя и нерѣшительно, къ прототипу **m̥slo-*. Нечего и говорить однако, что это сближеніе отнюдь не можетъ быть названо сколько-нибудь достовѣрнымъ. Бругманъ[2]) въ свою очередь исходитъ для *merula* изъ прототипа **mĭs-ula*, сопоставляя ново-кимр. *mwyalch* „merula, turdus“ (= **meisalko-?*) и др.-в.-нѣм. *meisa* (= совр.-нѣм. *Meise*). Нельзя сказать, чтобы и эта этимологія была убѣдительна, такъ какъ, если бы даже мы примирились съ различіемъ степеней основы, то самый переходъ ударяемаго *-ĭs-* передъ гласнымъ въ *-ĕr-* на латинской почвѣ, какъ справедливо замѣтилъ Зоммеръ (Handbuch, стр. 78 съ прим. 1), отнюдь не представляется достовѣрнымъ фактомъ латинской фонетики, такъ какъ *sĕro* при **sĭ-sō* легко можетъ быть понято, какъ продуктъ обратнаго образованія изъ сложныхъ глаголовъ *insero* и т. п.[3]), „dann würde, продолжаетъ онъ, letzteres wie *Falerii* aus **Falĭsii* (vgl. *Falis-ci*) unter die Erscheinungen beim vorhistorischen Akzent fallen“[4]). Итакъ, приходится искать новаго этимологическаго разъясненія для *mĕrula*.

Шрадеръ[5]), говоря о названіяхъ пѣвчихъ птицъ, замѣ-

[1]) См. Reallex. d. indogerm. Altertumskunde, стр. 768.

[2]) См. Grundriss I², стр. 97.

[3]) Ср. мои „Изслѣдованія“, стр. 267.

[4]) Такимъ же образомъ Зоммеръ (op. c., стр. 109) объясняетъ и gen. *cinĕris* при *cinis* и т. п.

[5]) См. op. c., стр. 770.

чаетъ, между прочимъ: „Die Bedeutungskategorien, deren die Namen der Singvögel, soweit sie etymologisch klar sind, entstammen, sind... sehr verschieden. Es kommen hauptsächlich in Betracht: 1) die Farbe[1]), 2) der Gesang[2]), 3) Flug und Bewegungen[3]), 4) die Nahrung[4]). Von diesen Gesichtspunkten aus würde also die Deutung der grossen Mehrzahl noch dunkler Singvögelnamen zu versuchen sein“. Нельзя ли было бы, опираясь на эту общую этимологическую схему Шрадера, предположить, что *merula*, подобно *aquila*, представляетъ собой женскій родъ отъ прилагательнаго **merulus*[5]), обозначающаго черный цвѣтъ? Это прилагательное могло бы быть поставлено въ этимологическую связь съ др.-инд. *malam* n. (и *malas* masc.) „грязь“, *malinás* „грязный“, „нечистый“, „черный“, греч. *μέλας* „черный“, латышск. *melns* „черный“ и т. д.[6]) и восходить къ прототипу **melαlos*[7]) отъ именной основы **melo-* „грязь, чернота“ и т. п. Впослѣдствіи изъ этого прототипа, благодаря диссимиляціи, совершенно аналогичной той, какую мы предположили въ *caerulus*, получилось соотвѣтствующее прилагательное **merulus* „черный“[8]) и отсюда — *merula* „черный дроздъ“. Замѣчу кстати,

[1]) Ср., напр., русск. *соловей*, *малиновка*, *синица*, *воронъ* при др.-инд. *varnas* m. „подорож-„краска“(?), *галка* при сербск. *galiti se* „чернѣть“, греч. *χλωρίον* никъ“ при *χλωρός* „желтый“ и т. п. По аналогичному признаку называются иногда и хищныя птицы: помимо *aquila* ср., напр., греч. *μελανάετος*, др.-инд. *çyenás* m. „орелъ, соколъ, ястребъ“ и греч. *ἰκτῖνος* „коршунъ“ при ст.-слав. синь (русск. *синій*) и т. п.

[2]) Ср., напр., греч. *ἀηδών*, лат. *fringilla* и т. п.

[3]) Ср., напр., русск. *трясогузка*, греч. *σεισοπυγίς*. Замѣчу кстати, что Ниедерманъ (*Ĕ* und *ĭ* im Lat., стр. 65), опираясь на аналогію этого греческаго названія, высказываетъ остроумное предположеніе, что соотвѣтствующій латинскій терминъ *motacilla* представляетъ собой „eine, vielleicht volksetymologische, Umgestaltung eines **mota-cūla*, **mota-cūlla*, d. h. einer Zusammensetzung aus dem Intensivum von *movere*, *motare* und *cūlus*“.

[4]) Ср., напр., русск. *овсянка*.

[5]) Эта форма имѣетъ, конечно, условный характеръ.

[6]) См. Schrader, op. c., стр. 744.

[7]) Посредствомъ *α* я условно обозначаю гласную, качество которой въ точности опредѣлить трудно.

[8]) Къ этому прилагательному мы вернемся въ слѣдующемъ этюдѣ.

что въ пропорціи: *aquilus* : *aquila* = * *merulus* : *merula* первые члены могутъ имѣть и другое значеніе, а именно, формы мужескаго рода, повидимому, употреблялись также въ качествѣ названія птицъ, синонимически съ соотвѣтствующими формами женскаго рода. Что касается *aquilus* въ смыслѣ „орелъ“, то эту форму остроумно и убѣдительно извлекаетъ Nettleship[1]) изъ испорченной „Филоксеновой“ глоссы *Caquillus ἀετός* (CGL. II, 96, 6), исправляемой имъ въ *Hic aquilus ἀετός*. Съ другой стороны, и при *merula*, вопреки показанію Варрона, утверждающаго (*L. L.* IX, 55): *dici pantheram merulam, non dici pantherum merulum*, впослѣдствіи развивается форма муж. рода *merulus*, засвидѣтельствованная, напр., въ *Carmen de Philomela* v. 13: *Et merulus modulans tam pulcris concinit odis* и неоднократно въ глоссаріяхъ (см. Götz, Thes. gloss. s. v.)[2]), а также унаслѣдованная романскими языками: ср., напр., ит. *merlo* при *merla*, при чемъ любопытно, что форма *merla* обозначаетъ уже самку этой птичьей породы[3]).

---

[1]) См. Arch. f. lat. Lex. VI, стр. 150.

[2]) Ср. нѣсколько нерѣшительное утвержденіе Харисія (K. I, p. 57, 16): *Merula an merulus* [*κόσσυφος*] *dicendum est quaeritur. Merula dicenda est. Avium enim nomina quaedam tantum masculina, quaedam feminina extremitate ita olim consuetudo possedit ut signata potius quam usurpata videatur... hoc quoque de quo quaeritur inpensius in -a merula potius quam per -us merulus enuntiabitur.*

[3]) Если Варронъ, съ другой стороны, говоритъ (ibid.): *dici corvum, turdum, non dici corvam turdam*, то и тутъ можно указать на позднѣйшее появленіе формы *turda*: ср. Pers. VI 24: *Sollers turdarum nosse salivas*, къ каковому мѣсту древній схоліастъ даетъ, между прочимъ, слѣдующее любопытное какъ въ бытовомъ, такъ и въ языковомъ отношеніи объясненіе: *Solent... quidam gulae dediti tantae subtilitatis habere palatum, ut cognoscant turdos, si acinarius, an cellarius, an vivarius sit, et si masculus sit an femina.* Съ этимъ мѣстомъ можно сопоставить слѣдующее интереснѣйшее замѣчаніе Варрона (L. L. IX 56): *Ad hacc dicimus omnis orationis, quamvis res naturae subsit, tamen si ea in usum non pervenerit, eo non pervenire verba; ideo equos dicitur et equa; in usu enim horum discrimina; corvus et corva non, quod sine usu id, quod dissimilis sit naturae. Itaque quaedam aliter olim ac nunc; nam et tum omnes mares et feminae dicebantur columbae, quod non erant in eo usu domestico quo nunc, [et nunc] contra, propter domesticos usus quod internovimus, appellatur*

Въ связи съ прилагательными *caerulus*, *aquilus*, **merulus*, обозначающими цвѣтъ и имѣющими исходъ *-u(i)lo-*, упомяну еще одно — *rutilus*. Нидерманъ[1]) предполагаетъ, что это прилагательное восходитъ къ инд.-евр. прототипу **ru-ta-ro-* „mit Dissimilation von *r-r* zu *r-l* wie z. B. in ksl. *oratelь* „arator“ aus **oraterъ*“. Хотя, благодаря такой гипотезѣ, этотъ прототипъ представляетъ хорошую аналогію съ прототипомъ **ru-dha-ro-s*, откуда, напр., др.-инд. *rudhirás* „красный“ (ср. также греч. *ἐρυθρός*), однако не проще ли было бы видѣть въ *rutilus* такой же исходъ, какъ въ *aquilus* и т. п., если только мы не предпочтемъ вслѣдъ за Шульце (Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 461) усмотрѣть въ немъ уменьшительное образованіе[2]).

Въ заключеніе этого экскурса о прилагательныхъ на *-u(i)lus*, обозначающихъ цвѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего этюда о деноминативныхъ прилагательныхъ съ этимъ исходомъ остановлюсь еще на словѣ *caltula*, извѣстномъ изъ Plaut. *Epid.* 231:

Indusiatam, patagiatam, caltulam aut crocotulam.

Хотя это слово такъ же, какъ и всѣ другія въ этомъ стихѣ, употреблено здѣсь въ качествѣ существительнаго, но это, конечно, результатъ субстантиваціи вслѣдствіе пропуска *vestis* (или, пожалуй, — *tunica*): ср. аналогичную субстантивацію въ

---

mas columbus, femina columba. Прибавлю кстати, что свидѣтельство Варрона по поводу *columba* можетъ быть использовано при эксегесѣ Hor. *carm.* I 2, 10, служа подтвержденіемъ для высказаннаго Ѳ. Е. Коршемъ („Филол. Обозр.“ VII 2, стр. 189) предположенія о томъ, что Горацій могъ употребить въ данномъ случаѣ „слово *columba* для обозначенія голубей вообще со включеніемъ сюда и вяхирей, и витютней, и горлицъ“.

[1]) См. Indogerm. Forsch. XV, стр. 120.

[2]) Помимо перечисленныхъ Келлеромъ (см. выше, стр. 144) уменьшительныхъ образованій отъ прилагательныхъ, обозначающихъ цвѣта на *-ulus*, *-olus*, ср. еще такія прилагательныя, какъ * *nigricus*, *nigriculus*, а также глаголы въ родѣ *albicare*, *rubicare* и т. п., о чемъ см. мои „Изслѣдованія“, стр. 23 сл. Съ прилагательнымъ *nigriculus*, быть можетъ, позволительно сопоставить cognomen *Atriculus*, извѣстное мнѣ изъ CIL. III 3183[a]: во всякомъ случаѣ пропорція: *niger* : *nigriculus* = *ater* : * *atriculus* представляется мнѣ весьма краснорѣчивой.

alba „бѣлая одежда“ и pl. *albae* „бѣлыя одежды“, *nigrae* „черныя одежды“ и т. д. Въ виду этого я считаю весьма вѣроятнымъ существованіе прилагательнаго **caltulus*. Въ основѣ этого прилагательнаго лежитъ названіе желтаго цвѣтка *calta*[1]) (ср. Verg. *ecl. II* 50: *Mollia luteola pingit vaccinia calta)*: ср. Non., p. 548, 24: *caltulam et crocotulam utrumque a generibus florum translatum, a calta et a croco*. Нѣкоторые[2]), опираясь на существованіе уменьшительнаго *calt(h)ula* у Фульгенція (*Serm.* 69), предполагаютъ, что плавтовское *caltula* тождественно съ нимъ, но употреблено въ метонимическомъ смыслѣ. Я полагаю однако, что для подобной метониміи очень трудно было бы подыскать какую-нибудь аналогію, и предпочитаю видѣть въ **caltulus* такое же деноминативное образованіе, какъ *caerulus*, **merulus* и т. п. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что въ виду неизвѣстности этимологіи *calta* (въ нѣкоторыхъ рукописяхъ у Плинія *n. h.* XXI 28 засвидѣтельствована орѳографія *caltha)*, каковое слово скорѣе всего было неиталійскаго происхожденія, трудно высказаться категорически и относительно **caltulus*.

Экскурсъ объ этимологіи слова caelum „небо“.

Въ предыдущемъ изложеніи (стр. 136 сл.) я подвергъ подробному анализу прилагательное *caerulus* и въ концѣ концовъ поставилъ его въ ближайшую связь съ *caelum* „небо“. Между тѣмъ это послѣднее слово само по себѣ до сихъ поръ плохо разъяснено въ научной литературѣ, и, напр., Шрадеръ въ своемъ Reallexikon d. indogerm. Altertumskunde, стр. 370, прямо заявляетъ, что „noch keine Erklärung hat lat. *caelum*... gefunden“. Нельзя сказать однако, чтобы отсутствовали попытки къ истолкованію этого загадочнаго слова.

1) Это названіе перешло и въ романскіе языки, ср., напр., ит. *calta*.
2) См., напр., Benoist-Goelzer, Nouv. dict. lat.-franç., стр. 203.

Еще въ древности было предложено нѣсколько этимологій для *caelum* (ср., напр., Varro *L. L.* V 18, 20), и, между прочимъ, связывали это слово съ прилагательнымъ *cavus*. Это послѣднее толкованіе нашло себѣ послѣдователей и въ современныхъ лингвистахъ, выводившихъ *caelum* непосредственно изъ **căvilom*[1]), которое ближайшимъ образомъ сопоставлялось съ греч. *κοῖλος*. Однако послѣ превосходнаго изслѣдованія Сольмсена о судьбахъ различныхъ латинскихъ фонемъ съ *u(v)* (Studien z. lat. Lautgeschichte) данное сближеніе на ряду со многими другими приходится оставить (см. op. c., стр. 183).

Отвергнувъ эту этимологію *caelum*, Сольмсенъ предложилъ другую: именно, онъ выводитъ это слово изъ прототипа **cait-lom*, сопоставляя его съ др.-сканд. *heiϑ* „ясное небо“, *heiϑr* „веселый“, ан.-сакс. *hādor*, др.-в.-нѣм. *heitar*, нѣм. *heiter* „ясный, блестящій“ и т. д. Я долженъ, однако, замѣтить, что и этотъ прототипъ находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ фонетикой латинскаго языка, такъ какъ группа *-tl-* еще въ обще-италійскомъ языкѣ въ положеніи между гласными переходила въ *-cl-*[2]), чему свидѣтельствомъ можетъ служить хотя бы индо-европейскій суффиксъ *-tlo-*.

А что упомянутый фонетическій переходъ не былъ обусловленъ принадлежностью группы *-tl-* къ одному слогу (второму), свидѣтельствуютъ, напр., такіе случаи, какъ упоминаемыя въ Appendix Probi (IV 197 сл. K.) *veclus*, *viclus*, *capiclum* вм. *vetulus*, *vitulus*, *capitulum* (см. Sommer, Handbuch, стр. 235)[3]).

Я полагаю однако, что всѣ затрудненія исчезнутъ, если мы будемъ исходить изъ прототипа *(s)kaid-lo-m*[4]), которое

---

1) Ср., напр., Corssen Ausspr. I², стр. 370; Vanicek, Et. Wtb. d. lat. Spr.², стр. 70; Schweizer-Sidler², стр. 26, 207.
2) По этой же причинѣ я считаю совершенно невозможнымъ выводить вслѣдъ за Фиккомъ (Vgl. Wtb. I⁴, стр. 483) *pullus* „молодой“ изъ **put-los*.
3) Ср. также сказанное мной („Изслѣдованія“, стр. 147, прим. 1) относительно *tudicula*.
4) Въ этомъ прототипѣ я не опредѣляю ближайшимъ образомъ характера *k*.

можно связать съ лит. *skaidrús* „ясный, свѣтлый, блестящій“, уже упомянутымъ мной раньше (см. стр. 137) по поводу лат. *caesius*[1]). Такимъ образомъ семасіологически предполагаемый мной для *caelum* прототипъ очень близко подходитъ къ тому, который выставленъ былъ Сольмсеномъ; ср. еще на всякій случай новоперсидское *sipihr* „небо“ при др.-инд. *çvitra* „свѣтлый“[2]) или др.-инд. *svar*, имѣющее, между прочимъ, значеніе „свѣтъ, сіяніе, открытое пространство, небо“; далѣе, и при нашей этимологіи мы можемъ воспользоваться замѣчаніемъ Сольмсена (ibid., стр. 184), что „auf urspr. adjectivische natur des lat. wortes (sc. *caelum)* weist vielleicht noch der im älteren latein übliche wechsel zwischen *caelus* und *caelum* hin, und die allgemeinere bedeutung „wölbung, decke“ ist kein hinderniss für unsere etymologie, da sie sich erst bei späteren schriftstellern (Vitruv, Plinius u. a.) findet“.

Необходимо однако пристальнѣе разсмотрѣть фонетическую сторону дѣла. Устанавливая прототипъ **(s)kaidlom*, мы сталкиваемся съ вопросомъ о судьбѣ группы *-dl-* въ положеніи между гласными. Этотъ вопросъ различными учеными рѣшается различно.

Такъ, Бругманъ[3]), утверждаетъ, что *-dl-* переходитъ въ этомъ положеніи въ *-ll-*, каковое послѣ долгаго гласнаго и дифтонга превращается въ простое *-l-*, но дѣло въ томъ, что вышеупомянутый фонетическій законъ иллюстрируется Бругманомъ недостаточно убѣдительными примѣрами: *sēligo* изъ **sēd-lĕgo* и *caelum* „рѣзецъ“ при *caedo*. Относительно перваго примѣра надо имѣть въ виду, что префиксъ *sē-* легко могъ быть перенесенъ въ данномъ случаѣ изъ другихъ гла-

1) Такимъ образомъ между *caelum* и *caesius* при моемъ толкованіи снова устанавливается этимологическая связь, хотя, конечно, не такая, какую предполагали другіе, выводившіе *caelum* изъ прототипа **caislom*. Эту связь чуяли еще въ древности; ср. Gell. II, 26, 19: *Nostris... veteribus caesia dicta est, quae a Graecis γλαυκῶπις, ut Nigidius ait de colore caeli, quasi caelia.*

2) Этимъ послѣднимъ сопоставленіемъ я обязанъ Шрадеру, op. c., стр. 370.

3) См. Grundriss I², стр. 533.

головъ, гдѣ исчезновеніе *d* было вызвано иной фонетической обстановкой: такая модификація префиксовъ вслѣдствіе ихъ перенесенія — самое обыкновенное явленіе въ латинскомъ языкѣ: ср., напр., лат. *ab-* и *ob-* въ такихъ случаяхъ, какъ *abeo* и *obeo* вм. **ap-eo* и **op-eo* (ср. *ap-erio* и *op-erio)*, гдѣ *b* явилось вмѣсто *p*[1]): точно такъ же объясняется *sub-*, напр., въ *subeo* при прототипѣ **supo-;* далѣе, напр., префиксъ *am-* въ *amicio* по весьма правдоподобному предположенію Зоммера (Handbuch, стр. 552), явился вм. **ambi-* изъ *am-plector, am-termini* и т. п.[2]); встрѣчаются даже такіе случаи, когда одинъ префиксъ получаетъ извѣстный фонетическій видъ подъ вліяніемъ другого: ср., напр., *surripio* (вм. *subripio)* по аналогіи съ фонетически правильнымъ *arripio* изъ *ad-ripio*[3]).

Что касается *caelum* „рѣзецъ“, то тутъ едва ли мы можемъ сомнѣваться въ томъ, что прототипомъ служила форма **caid-slo-m*, откуда далѣе — **caislom*. Наличность *s* передъ *l* доказывается уменьшительной формой **caesillum*, которую, какъ полагаетъ Келлеръ[4]), мы въ правѣ реконструировать въ латинскомъ языкѣ на основаніи итальянскаго *cesello*. Съ другой стороны, у самого Бругмана (l. c.) мы встрѣчаемъ примѣръ, явно противорѣчащій его закону и рѣшительно ничѣмъ не оговоренный: это *rallum* при гл. *rādere*.

Другой взглядъ находимъ мы у Зоммера[5]), который не различаетъ отдѣльныхъ фонетическихъ сочетаній, дающихъ въ результатѣ латинское *-ll-*, но зато указываетъ на различіе въ судьбѣ этого *-ll-* въ зависимости отъ того, предшествуетъ ли

1) О фонетическихъ варіантахъ этого предлога см. замѣчаніе Зоммера Handbuch, стр. 319 прим.

2) Зато я сомнѣваюсь, чтобы Зоммеръ былъ правъ, утверждая (ibid., стр. 249 прим.), будто „in altlat. *arger* für. *agger* (Prisc. II, 35 k.) und in *arcessere* = **ad-cessere* wird wohl eine Verallgemeinerung der vor Labialen lautgesetzlich entstandenen Form *ar-* = *ad-* vorliegen“. [О латинскихъ словахъ съ префиксомъ *am(bi)-* см. Ciardi-Dupré, Bezz. Beitr. XXVI, стр. 205.]

3) Ср. Sommer, Handbuch, стр. 232 прим.

4) См. Z. lat. Sprachgesch. I, стр. 6.

5) См. Handbuch, стр. 296.

ему долгій гласный или дифтонгъ[1]); въ первомъ случаѣ онъ предполагаетъ, что *-ll-* „unversehrt erhalten blieb“, во второмъ —, что это *-ll-* переходило въ *-l-*. „Lehrreich ist die gewöhnliche Orthographie von *aula* (für älteres *aulla)* gegenüber der vulgären Form *olla,* in der nach Entwicklung des *au* zum langen Vocal *ō* die Doppelschreibung blieb. Vgl. auch den Gegensatz von *caelum* („Meissel“) aber *rāllum* (aus **rād-lom* zu *rādere)*“. Что касается этого послѣдняго сопоставленія, то мы уже видѣли, что *caelum* „рѣзецъ“, по всей вѣроятности, заключаетъ суффиксъ *-slo-,* а потому нѣтъ основанія ожидать здѣсь двойного *l*, какъ въ *rāllum*. *Aula* точно такъ же должно быть возведено къ прототипу **auc-slā,* на что указываетъ уменьшительное *auxilla* (ср. Paul. exc., p. 18. Th. de Pon: *A u x i l l a olla parvula),* откуда дальше **ausla* и, наконецъ, —*aula*. Подозрѣвать же вслѣдъ за Зоммеромъ, что этой послѣдней формѣ предшествовала форма съ *-ll-*, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній[2]). Что касается двойного *l* въ *olla,* то я думаю, что оно позднѣйшаго происхожденія, такъ же, какъ въ *allium* (при *ālium)* изъ **a(n)sliom, illico* (при *ilico)* изъ **enslocō* и т. п.; сюда же, въ своихъ „Изслѣдованіяхъ“ (стр. 245), я отношу и *rullus,* выводимое мною изъ **rĕuĕs-lo-s (<*rŏuĕslos<*rouslos<*rūlos)*. Прибавлю на всякій случай, что это *-ll-* въ *olla,* быть можетъ, такъ прочно утвердилось подъ вліяніемъ такихъ уменьшительныхъ, какъ *ampulla, trulla, patella* и т. п.: любопытно, что самъ З о м м е р ъ (ibid.), отмѣтивъ вслѣдъ за грамматикомъ Веліемъ Лонгомъ (VII, 80 K.) нормальную форму *paulum* съ однимъ *l*, замѣчаетъ: „dagegen wurde das ältere *paullum* von andern Grammatikern in der Schreibung beibehalten, so von Terentius Scaurus (VII, 20 K.)

---

[1]) Третій случай — краткій гласный — въ данной связи насъ не касается.

[2]) З о м м е р ъ какъ будто даже предполагаетъ фактическое засвидѣтельствованіе болѣе древней формы *aulla,* такъ какъ эта послѣдняя пе снабжена имъ звѣздочкой. Мнѣ не приходилось однако встрѣчаться съ нею.

w e g e n d e r A n k n ü p f u n g a n *pullus, pusillus*“[1]). Я долженъ только отмѣтить, что въ самомъ *pullus* (конечно, въ смыслѣ „молодой“) *-ll-* — позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ, судя по формѣ *pusillus,* мы можемъ предположить для *pullus* прототипъ (конечно, не первоначальный) **puslos*[2]), откуда должно было получиться **pūlos:* ср., напр., лат. *cūlus* „aus urital. **cuslo-* oder **cūslo-* Gf. **kŭdzh-lo-*, zu gr. *κεύθειν,* vgl. gr. *κύσθο-ς* „Höhlung, weibliche Scham“ aus **kudzdh-*“[3]) или *mūlus,* восходящее къ **mus-lo-s,* какъ это показываетъ альб. *mušk,* фріул. *muss,* венец. *musso* „оселъ“[4]). Ни въ томъ ни въ другомъ словѣ мы не имѣемъ *-ll-*, такъ какъ тутъ не было вліянія со стороны уменьшительныхъ образованій, и потому фонетическій законъ не потерпѣлъ ущерба.

Хотя такимъ образомъ ни Бругманъ ни Зоммеръ не разрѣшили проблемы объ *-ll-* въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это насъ интересуетъ, и хотя въ частности второму ученому не удалось убѣдительными примѣрами доказать, что группа

---

[1]) К е л л е р ъ (op. c., стр. 7) даетъ иное объясненіе: „Bei *paullus,* говоритъ онъ, ist die Schreibung mit doppeltem *l* selten; wahrscheinlich kam sie wie *pulcher* statt *pulcher* und *gracchus* statt *gracus* in Eigennamen auf durch bizarre Laune eines Trägers des Beinamens *Paulus*. Die Form *Paullus* lässt sich auch thatsächlich nur an Eigennamen nachweisen“. Хотя удвоеніе согласныхъ дѣйствительно часто наблюдается въ собственныхъ именахъ (что̀ отмѣчается и З о м м е р о м ъ, Handbuch, стр. 290 сл.), тѣмъ не менѣе *paullus, -um* (которыя, кстати сказать, встрѣчаются и на надписяхъ), я предпочитаю объяснить вліяніемъ уменьшительныхъ съ *-ll-*.

[2]) Ср. S o m m e r, Handbuch, стр. 294: „*pŭsillus* aus **pussillus* = **putsl-los* zu *pullus* aus **putslos*“.

[3]) B r u g m a n n, Grundriss I², стр. 769. Въ другомъ мѣстѣ того же перваго тома Бругманъ даетъ однако совершенно другую этимологію для *cūlus,* связывая это латинское слово съ др.-ирл. *cūl* „спина“ и предполагая, что въ обоихъ этихъ словахъ имѣется инд.-евр. *ū* (см. op. c., стр. 113). Какая изъ этихъ двухъ этимологій заслуживаетъ предпочтепія, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ онѣ несовмѣстимы.

[4]) Дальнѣйшія, очень интересныя, между прочимъ, и со стороны языка, подробности см. у Ш р а д е р а, Reallex. d. indogerm. Altertumskunde, стр. 534. Впрочемъ, въ виду греч. *μύχλος* „случный оселъ“ нельзя поручиться за то, что лат. *mūlus* не восходитъ къ прототипу **muks-lo-s* (см. H i r t въ Indogerm. Forsch. XII, стр. 225).

-dl- послѣ дифтонга переходила въ простое *-l-*, однако ничего нельзя сказать и противъ этого предположенія, а потому, какъ мнѣ кажется, мы и можемъ остановиться на той этимологіи *caelum*, которая предложена мной выше.

Конечно, взятое само по себѣ, это слово могло бы быть, пожалуй, возведено къ прототипу **(s)kai̯d-slo-m*. Правда, приводимые Бругманомъ[1]) примѣры употребленія суффикса *-slo-* (*-slā*) относятся къ инструментальнымъ образованіямъ въ широкомъ смыслѣ этого термина[2]), — тогда какъ въ **(s)kaid-slo-m* усмотрѣть первоначально инструментальное значеніе (что-нибудь въ родѣ „свѣтильника") было бы весьма затруднительно, такъ какъ оно едва ли годилось бы какъ точка отправленія для значенія „небо", — но дѣло въ томъ, что мы могли бы разсматривать этотъ прототипъ, какъ субстантивированное въ формѣ средняго рода прилагательное **(s)kai̯d-slo-s* „свѣтлый, сіяющій" и т. п., такъ какъ такіе примѣры, какъ *pullus* изъ **put-slo-s* и *paulus* изъ **pauc-slo-s*, ясно показываютъ, что суффиксъ *-slo-* могъ служить въ латинскомъ языкѣ и для образованія прилагательныхъ.

Хотя при такомъ толкованіи *caelum* устранились бы всякія фонетическія сомнѣнія, о которыхъ рѣчь была выше, тѣмъ не менѣе я не считаю удобнымъ принять его, такъ какъ при немъ создались бы нѣкоторыя трудности для объясненія *caerulus*. Дѣло въ томъ, что, какъ это хорошо выяснено

---

[1]) См. Grundriss II, стр. 192.

[2]) То же самое можно сказать относительно примѣровъ, приводимыхъ Штольцемъ (Histor. Gramm., стр. 506), изъ числа которыхъ однако надо вычеркнуть, по крайней мѣрѣ, одинъ — *quālus*, такъ какъ въ этомъ словѣ, восходящемъ къ прототипу **quaslos*, элементъ *s* относится не къ суффиксу, а къ корню (см. интересныя подробности объ этомъ словѣ и фонетическіе выводы у М. М. Покровскаго, „Матеріалы", стр. 136 сл.). Неясенъ также выставляемый Штольцемъ (ibid.) прототипъ **paux-los*. Бругманъ (Grundriss II, стр. 193) выводитъ *paul(l)us* изъ **paur-lo-s*, сопоставляя это образованіе съ греч. **παῦ-ρο-ς**, но такое толкованіе болѣе, чѣмъ сомнительно, въ виду такихъ формъ, какъ *pauxillos* (предполагающей **pauxlos*) и *pausillus* (изъ **pauslos*).

М. М. Покровскимъ[1]), „процессъ выпаденія *s* передъ *l, m, n* внутри слова завѣдомо новый... Можно думать, что данный процессъ состоялся уже около начала III вѣка до Р. Х. послѣ знаменитаго процесса превращенія интервокальнаго *s(z)* въ *r*". Итакъ, появленіе формы *caelum* съ исчезновеніемъ *s* передъ *l* мы должны были бы отнести къ довольно поздней эпохѣ, что̀ значительно сократило бы хронологическія границы, внутри которыхъ могъ произойти переходъ *l* въ *r* вслѣдствіе диссимиляціи въ прилагательномъ *caerulus*.

---

[1]) См. „Матеріалы", стр. 135 сл.

II. *О латинскихъ прилагательныхъ на -eus, образованныхъ отъ прилагательныхъ.*

Первоначально суффиксъ *-eo-(-eā-)*[1] былъ свойственъ прилагательнымъ, образованнымъ отъ существительныхъ; такъ, отъ *aurum* возникло *aureus*, отъ *aes* — *aereus* и т. п. Но затѣмъ, и притомъ очень рано, этотъ исходъ сталъ употребляться также въ качествѣ дальнѣйшаго распространенія прилагательныхъ, благодаря чему, между прочимъ, получилось нѣсколько вполнѣ прочно сформировавшихся и продуктивныхъ суффиксальныхъ комплексовъ: *-āceo-*, *-neo-*, *-āneo-*.

Что касается перваго комплекса, то скудость засвидѣтельствованныхъ фактовъ, къ сожалѣнію, препятствуетъ выясненію тѣхъ условій, при которыхъ онъ возникъ. Штольцъ[2]) за точку отправленія принимаетъ, повидимому, исходъ *-ācus*, на ряду съ которымъ слѣдовало бы поставить также исходъ *-āx*. Сомнѣваться въ такомъ именно происхожденіи комплекса *-āceus*, конечно, нельзя, но я затруднился бы иллюстрировать соотношеніе этихъ исходовъ какими-нибудь конкретными примѣрами. Единственно, что можно было бы сопоставить — это *limax* „улитка“ (собственно живущая въ грязи [*limus*])[3]): *limaceus* „состоящій изъ грязи“. Однако и къ этому сопо-

[1]) О происхожденіи этого суффикса ср. замѣчанія Бругмана, Indogerm. Forsch. XIII, стр. 148.

[2]) См. Histor. Gramm., стр. 521.

[3]) Ср. Varro *L. L.* VII 64: *Limax ab limo quod ibi vivit,* а также Paul. Diac. Th. de Pon., p. 88, 3: *Limaces cocleae a limo appellatae.*

ставленію надо отнестись съ большой осторожностью, такъ какъ первое образованіе извѣстно уже изъ Варрона (см. прим.), который вдобавокъ приводитъ еще стихъ изъ Cistellaria Плавта[1]), заключающій въ себѣ данное слово *(Non quasi nunc haec sunt hic limaces lividae),* тогда какъ *limaceus* встрѣчается, кажется, только въ позднѣйшей латыни (ср. Tertull. *de res. carn.* 49 in.), и потому есть полное основаніе предполагать, что это прилагательное возникло непосредственно отъ *limus* при помощи готоваго сложнаго суффикса *-āceus:* ср. близкія по значенію *merdaceus, argillaceus, faecaceus* и т. п.

Еще менѣе ясно соотношеніе *mustax* „родъ лавроваго дерева“: *mustaceus (-um)* „особый видъ пирожнаго“: ср., съ одной стороны, Plin. h. n. XV 30(39): *Pompeius Lenaeus adiecit (lauri genus) quam mustacem appellavit, quoniam mustaceis subiceretur,* а съ другой — Cato *R. R.* 121: *Mustaceos sic facito: farinae silignae modium unum musto* (NB) *conspergito... et de virga lauri* (NB) *deradito, eodem addito.*

Съ другой стороны, характерно, что сложный исходъ *-āceus* встрѣчается уже въ языкѣ Плавта, какъ это показываютъ образованія *gallinaceus* и *Geryonaceus*[2]).

Комплексъ *-neo-* кратко, но вѣрно характеризуется уже у Штольца (Histor. Gramm., стр. 482 сл.), который замѣчаетъ, что „die Entstehung des Typus *-neo-* ist auf Contamination zurückzuführen: so ist *populneus* Cato Col. aus *popul-nu-s* Plaut. und *popul-eu-s* Enn. Verg. Ov. Hor. hervorgegangen, *aēnu-s* durch Einfluss von *aer-eu-s, aur-eu-s* u s. w. zu *aeneu-s* umgeformt worden. Daher kommt auch die Verwendung dieses Typus *-neo-* zur Bildung von Stoffadjectiven“. И дѣйствительно, кромѣ этихъ двухъ примѣровъ можно было бы указать еще на слѣдующіе, извлеченные мной изъ общаго списка

[1]) Ср. въ изданіи Шёлля, ст. 405.

[2]) См. Н. К. Гельвихъ, Наблюденія надъ имен. прилагательн. у Плавта, стр. 99 сл.

прилагательныхъ на *-eus*, принадлежащаго Паукеру (Material. z. lat. Wörterbildungsgeschichte, стр. 106 сл.):

cocceus : *coccinus* : *coccineus*,
carbaseus : *carbasinus* : *carbasineus*,
cereus : *cerinus* : *cerineus*,
eboreus : *eburnus* : *eburneus*,
fageus : *faginus* : *fagineus*,
iliceus : *ilignus* : *iligneus*,
querceus : *quernus* : *querneus*,

къ каковымъ прибавлю еще одинъ примѣръ, въ которомъ средній членъ не упомянутъ Паукеромъ:

felleus : *fellinus*[1]) : *fellineus*.

Конечно, далеко не во всѣхъ этихъ случаяхъ два первыя образованія фактически предшествовали по времени возникновенія соотвѣтствующимъ образованіямъ на *-neus*, но какъ бы то ни было, условія появленія самаго этого типа не оставляютъ никакихъ сомнѣній.

Въ этой связи слѣдуетъ остановиться на прилагательныхъ *anguineus* : *anguinus*. Первое изъ нихъ засвидѣтельствовано, между прочимъ, Ovid. *Trist.* IV 7, 12:

Credam prius ora Medusae
Gorgonis anguĭneus cincta fuisse comis,

а второе — напр. у Катулла 64,193:

Eumenides, quibus anguĭno redimita capillo...

Просодія ī въ *anguīnus* совершенно естественна: *anguīnus* : *anguis* = *canīnus* : *canis*. Но какъ объяснить ĭ въ *anguĭneus*? Съ одной стороны, можно было бы, пожалуй, производить это послѣднее прилагательное не отъ *anguis* (съ основой на *-i*), а отъ **anguīs*, gen. *-ĭnis* (ср. *sanguīs*, gen. *-ĭnis*), или отъ neutr. *anguen*, каковое существительное въ формѣ plur. *anguina* фактически засвидѣтельствовано въ позднѣйшей ла-

[1]) Это прилагательное засвидѣтельствовано у Бонифація (т. 89, стр. 885 Migne).

тыни (Jul. Val. I, 29[32])[1]); впрочемъ, съ другой стороны, возможно также, что *anguĭneus* возникло и отъ *anguĭs* по аналогіи съ *sanguĭneus* : *sanguĭs*: хотя между этими словами и нѣтъ семасіологическаго соотношенія, однако звуковое сходство ихъ исходовъ такъ сильно, что весьма легко допустить формальное ихъ взаимодѣйствіе.

Замѣчу еще, что на почвѣ наличности дублетовъ съ исходомъ *-nus* и *-neus* въ родѣ перечисленныхъ выше слѣдуетъ объяснить появленіе прилагательнаго *fraxĭnus* „ясеневый", напр., у Овидія (*Heroid.* XI 76: *Ut quatitur tepido fraxina virga noto)*: въ этомъ прилагательномъ можно усмотрѣть или обратное образованіе, извлеченное изъ *fraxineus* (ср., напр., у того же Овидія *Met.* V 9: *Fraxineam quatiens aeratae cuspidis hastam)*, или непосредственное преобразованіе изъ существительнаго *fraxĭnus* „ясень", имѣвшаго внѣшнее сходство съ такими прилагательными, какъ *fāgĭnus*, *cerrĭnus* и т. п.[2]) Само собой разумѣется, что возникновеніе прилагательнаго *fraxinus* обусловлено было, между прочимъ, метрическими затрудненіями, аналогичными съ тѣми, о которыхъ рѣчь была выше (стр. 143) по поводу прилагательнаго *caeruleus*.

Весьма продуктивенъ былъ также исходъ *-āneo-*, который возникъ, по всей вѣроятности, изъ комбинаціи суффиксовъ *-āno-* + *-eo-*; выяснить однако, при какихъ условіяхъ образовался этотъ комплексъ, мы не въ состояніи вслѣдствіе недостатка дошедшаго до насъ матеріала. Что касается попытки Отто[3]) объяснить эти образованія, какъ результатъ осложненія суффиксомъ *-eo-* абстрактныхъ существительныхъ на

[1]) Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ замѣтить, что основа на *n* въ этомъ словѣ, судя по соотвѣтствующимъ фактамъ въ другихъ инд.-евр. языкахъ (ср., напр., Schrader, Reallex. d. indogerm. Altertumskunde, стр. 723), очевидно, — позднѣйшее новообразованіе, обратное по своему направленію сравнительно съ отмѣченнымъ выше (стр. 17 сл.) *sanguĭs* при *sanguīs* : *sanguen*.

[2]) Ср. аналогичныя предположенія, высказанныя много выше (стр. 28) по поводу прилагательнаго *membranus*.

[3]) См. Indogerm. Forsch. XV, стр. 15 сл.

-ānā- = *-ā-* + *-nā-*, то я не могу признать эту гипотезу убѣдительной. Прибавлю еще, что въ болѣе позднюю эпоху, какъ это показалъ М. М. Покровскій[1]), „суффиксъ *-āneo-* замѣтно началъ распространяться на счетъ *-ārio-*", и „подъ конецъ *-ārius* (*-ālis*) и *-āneus* въ извѣстныхъ образованіяхъ перестали различаться, при чемъ послѣднее получило перевѣсъ надъ первымъ".

Помимо этихъ прочно сформировавшихся комплексовъ суффиксъ *-eo-* является и въ нѣкоторыхъ другихъ вторичныхъ образованіяхъ, возникшихъ отъ прилагательныхъ.

Прежде всего остановлюсь на *caeruleus*, которое мнѣ пришлось уже вскользь затронуть въ предшествующемъ этюдѣ. Для объясненія этого прилагательнаго можно было бы, пожалуй, исходить изъ предположенія, что въ основѣ его лежало субстантивированное (но отнюдь не уменьшительное) **caerulum*, синонимическое съ *caelum*, и мы видѣли выше[2]), что plur. *caerula* фактически засвидѣтельствовано у поэтовъ въ смыслѣ „небеса", однако, въ виду несомнѣнной искусственности этой лексической величины, я предпочелъ бы видѣть въ *caeruleus* непосредственное распространеніе прилагательнаго *caerulus* при помощи вторичнаго суффикса *-eo-* по аналогіи съ цѣлымъ рядомъ другихъ прилагательныхъ на *-eus*, обозначающихъ цвѣта.

Среди этихъ послѣднихъ образованій остановлюсь прежде всего на прилагательномъ *poeniceus (puniceus)* „пурпуровый", засвидѣтельствованномъ уже у Плавта, ср., напр., *Pseud.* 229:

Crás, Poenicium, p o e n i c e o corio invises pergulam,

а затѣмъ — у Лукреція (II 830: *p o e n i c e u s color*), Овидія (напр. *Met.* II 607: *Candida p u n i c e o perfudit membra cruore*) и др. Объясненіе этого прилагательнаго связано съ такой же дилеммой, какую мы имѣли только что по отно-

[1]) См. „Матеріалы", стр. 140 сл.
[2]) См. стр. 145.

шенію къ *caeruleus*. Н. К. Гельвихъ[1]) предполагаетъ въ основѣ *poeniceus (puniceus)* субстантивированное *poenicum* (: *punicum*) „пурпуровая краска", опираясь при этомъ на аналогію *Melinum*, фактически засвидѣтельствованнаго у Плавта (*Most.* 264). Само по себѣ подобное толкованіе вполнѣ возможно, и я бы могъ даже привести въ подтвержденіе его слѣдующее, любопытное, хотя, повидимому, испорченное, мѣсто изъ Варрона (*L. L.* V 113): *Purpura a purpurae maritumae colore, P o e n i c u m quod a Poenis primum dicitur allata* (sic). S p e n g e l въ критическомъ аппаратѣ замѣчаетъ: *Poenicum] penicum* F, exspectes *Poenica*. Скорѣе однако можно было бы предположить искаженіе въ *allata*, которое легко было бы исправить въ *allatum* (что̀ и предлагаетъ Laetus). Искаженіе это могло быть вызвано неправильнымъ согласованіемъ этого причастія съ *purpura*. Тѣмъ не менѣе, въ виду нѣкоторой шаткости этого свидѣтельства, я все-таки предпочелъ бы въ *poeniceus* усмотрѣть преобразованіе болѣе простого *poenicus* (: *punicus*), обнаруживающаго, между прочимъ, также значеніе „пурпуровый" (ср., напр., Prop. IV 3, 32: *punica rostra*). Такому преобразованію могла способствовать наличность многочисленныхъ прилагательныхъ съ исходомъ *-eus*, обозначающихъ цвѣта, въ родѣ цитируемыхъ самимъ Н. К. Гельвихомъ (l. c.) изъ того же Плавта *ferrugineus, herbeus, lūteus* и въ особенности *purpureus*[2]).

Еще болѣе близкую аналогію при *caeruleus* представляла бы форма *aquileus*, каковой дублетъ (при болѣе обычномъ *aquilus*, о которомъ сказано подробно выше [стр. 145 сл.]), повидимому, можно извлечь изъ нѣкоторыхъ глоссъ: ср. CGL. IV 19, 36: *A q u i l e u m fuscum nigrum*, ibid. V 167, 42: *A q u i l e u m*

[1]) Наблюд. надъ имен. прилагат. у Плавта, стр. 97 сл.
[2]) Въ одномъ мѣстѣ у Плавта *purpureus* даже сопоставлено съ *poeniceus*, ср. *Men.* 918: *p u r p u r e u s panis an p o e n i c e u s an luteus?* Что касается *caeruleus*, которое засвидѣтельствовано у Плавта *Trin.* 834, то Н. К. Гельвихъ въ данной связи этого прилагательнаго не упоминаетъ и вообще нигдѣ въ своей книгѣ не даетъ анализа этого любопытнаго образованія.

fuscum vel nigrum, ibid. 440, 54: *Aquileum suscum* (sic) *nigrum atrum.* Правда, Гётцъ (Thes. gloss. s. v. *aquilus)* склоняется къ исправленію рукописнаго *aquileum* въ *aquilium*[1]), но я не вижу никакого серіознаго основанія прибѣгать къ подобному исправленію.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что прилагательное *aquileus*, если только оно фактически существовало въ латинскомъ языкѣ, могло бы быть истолковано не только какъ дальнѣйшее образованіе отъ *aquilus*, но, пожалуй, и какъ производное отъ *aquila* съ первоначальнымъ значеніемъ „орлинаго цвѣта“ и отсюда — „черный“.

Аналогичная дилемма возникаетъ по поводу прилагательнаго *meruleus*, засвидѣтельствованнаго у Плавта: *Poen.* 1289:

Iám pol ego illam (sc. *meam amicam) púgnis totam*
fáciam uti sit mérulea[2]),

гдѣ *meruleus* употреблено „о человѣкѣ, покрытомъ синяками отъ побоевъ“[3]). Впрочемъ, это прилагательное, не нашедшее себѣ мѣста не только ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ словарей, но даже у Паукера (см. Materialien I, стр. 105 сл.), требуетъ нѣкоторыхъ разъясненій. Н. К. Гельвихъ (l. c.), повидимому, связываетъ *meruleus* съ *merula* „черный дроздъ“, и съ этимъ можно было бы, пожалуй, согласиться[4]), тѣмъ болѣе, что черные дрозды, были, какъ

[1]) Эта форма также встрѣчается въ глоссаріяхъ: ср. CGL. V 338, 35: *Aquilium fuscum vel subnigrum.* Кромѣ того, она засвидѣтельствована рукописями у Арнобія (III 14).

[2]) Уссингъ предлагаетъ исправить это чтеніе въ *caerula,* но въ этомъ исправленіи едва ли есть надобность, тѣмъ болѣе, что и *caerulus* въ этомъ смыслѣ было бы необычно. Въ другихъ изданіяхъ читается *morulas,* откуда извлекается прилагательное *morulus* „черный“ (ср., напр., у Георгеса или Форчеллини), нигдѣ, кажется, не засвидѣтельствованное. Безопаснѣе поэтому совершенно вычеркнуть это слово изъ словарей.

[3]) Н. К. Гельвихъ, op. c., стр. 97.

[4]) Что синяки по цвѣту сравниваются съ черными дроздами, въ этомъ ничего удивительнаго, конечно, нѣтъ; ср., кромѣ того, слѣдующіе за приведеннымъ стихи:

Ita replebo atra atritate eam, atrior multo ut siet
Quam Aegyptini.

кажется, общеизвѣстной у Римлянъ птицей: объ этомъ я сужу по одному мѣсту изъ Цицерона, гдѣ онъ упоминаетъ ихъ, какъ представителей пернатыхъ, въ перечисленіи зоологическихъ типовъ: ср. *de fin.* V 42: *suo quaeque* (sc. *bestia) appetitu movetur: serpere anguiculos, nare anaticulas, evolare merulas, cornibus uti videmus boves, nepas aculeis.* Извѣстное значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что названіе этой птицы встрѣчается также въ качествѣ cognomen *Merula* (ср., напр., CIL. III 6627b₂, V 5890, XII 3873 и неоднократно у писателей)[1]). Если за всѣмъ тѣмъ образованіе *meruleus*

[1]) Употребленіе названій птицъ въ качествѣ cognomina — самое обыкновенное явленіе у Римлянъ: ср., напр., *Alauda* (напр. inscr. Momms. n. 1898), *Anser* (напр. имя одного поэта, ср. Ovid. *Trist.* II 435), *Buteo* (ср. Plin. *h. n.* X 8[9]), *Columbus* (напр. CIL. IV 2168), *Falco* (напр. Plin. *ep.* VII 22), *Gallus* имя извѣстнаго элегика), *Hirundo* (женское прозвище, ср., напр., C. I. L. III 3908), *Parra* (ibid. V 785 и въ качествѣ женскаго имени — ibid. 1130), *Passer* (ibid. 1037), *Pavo* (ibid. XI 2198, 2380), *Pica* (ibid. V 3936), *Turdus* (CIL. suppl. IV [XCVII 1, 3, 7]) и т. п. Эти примѣры я привелъ въ виду скептическихъ замѣчаній В. Шульце (Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 417 сл.), предупреждающаго о необходимости чрезвычайно осторожнаго отношенія къ мужскимъ cognomina на *-a* въ родѣ *Merula, Vespa, Helva* и т. п., которыя нерѣдко представляютъ обманчивое внѣшнее сходство съ латинскими нарицательными словами, а на самомъ дѣлѣ восходятъ къ неиталійскимъ (въ частности этрусскимъ) корнямъ. Слишкомъ далеко однако въ этомъ скептицизмѣ заходить не слѣдуетъ. Впрочемъ, относительно *Merula* самъ Шульце нѣсколько колеблется (ibid., стр. 421), между прочимъ, въ виду греч. именъ **Κοσσύφα Κοσσύφιον**, по поводу которыхъ Бехтель (Die attischen Frauennamen, стр. 92, прим. 1) дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: „Leute mit magren Beinen sind mit der Amsel vergliechen worden, wie die Worte des Anaxilas (Athen. 558 c.) lehren:

ἡ Θεανὼ δ᾽ οὐχὶ Σειρήν ἐστι ἀποτετιλμένη
βλέμμα καὶ φωνὴ γυναικός, τὰ σκέλη δὲ κοψίχου.

Hierher darf man also den Namen **Κοσσύφα** ziehen, der für Thera durch die alte Inschrift Coll. 4805 bezeugt wird, den auch delphische Sklavinnen führen (Coll. 1995, 2091), und dessen Verkleinerung in unattischem **Κοσσύφιον τι..** (CIA. II 3875) vorliegt“. Конечно, такія разъясненія ratio тѣхъ или другихъ собственныхъ именъ, основанныя на совершенно случайныхъ литературныхъ цитатахъ, въ большинствѣ случаевъ, неубѣдительны (какъ и въ данномъ примѣрѣ), но авторъ самъ сознаетъ трудность этой задачи: „Es liegt in der Natur der Sache, говоритъ онъ, (ibid., стр. 68), dass sie nur selten mit vollkommener Sicherheit gelöst werden kann. Wer sich ihr unterziehen will, muss den Muth des Fehlens haben und darf das Bekenntniss des Nichtwissens nicht scheuen“.

представляется нѣсколько эксцентричнымъ, то этому нечего удивляться: языкъ Плавта чрезвычайно богатъ всякаго рода метафорами и въ частности обнаруживаетъ большое разнообразіе въ изображеніи побоевъ и всего, что̀ къ нимъ относится — обстоятельство, на которое уже давно обратили вниманіе комментаторы этого комика, ср., напр., Lorenz въ предисловіи къ *Pseudolus* (стр. 53 съ прим. 45) и къ *Mostellaria* (стр. 29 съ прим. *), а также замѣчанія Н. К. Гельвиха (ор. с., стр. 93 сл.) по поводу необычайнаго употребленія Плавтомъ прилагательныхъ *loreus*, *ulmeus*, *verbereus* въ примѣненіи къ лицамъ, подвергающимся побоямъ[1]); ср. еще изъ той же области, напр., довольно необыкновенныя образованія *flagritriba* (*Pseud.* 137), *ulmitriba* (*Pers.* 278) и т. п. И тѣмъ не менѣе для *meruleus*, быть можетъ, нѣтъ надобности прибѣгать къ такому метафорическому толкованію, такъ какъ весьма возможно, что это образованіе есть не что иное, какъ дальнѣйшее распространеніе предположеннаго нами выше (см. стр. 151) прилагательнаго **merulus* „черный“; въ такомъ случаѣ можно было бы указать на слѣдующую краснорѣчивую пропорцію: *meruleus* : **merulus* = *caeruleus* : *caerulus*.

Въ этой связи необходимо остановиться также на *mullus* : *mulleus*. Первое изъ этихъ двухъ словъ хорошо извѣстно изъ многочисленныхъ текстовъ съ значеніемъ „рыба-краснобородка“[2]); на ряду съ этимъ однажды у Вописка (*Aurel.* 49, 7) оно является въ качествѣ прилагательнаго: *calcei mulli* „красные сапоги“. Чаще въ этомъ послѣднемъ смыслѣ употреблялось *mulleus*: ср. испорченную глоссу Fest. Th. de Pon., p. 122, 25: *Mulleos genus calceorum aiunt esse; quibus reges Albanorum primi deinde patricii sunt*

[1]) Я несогласенъ однако съ тѣмъ, что̀ говоритъ этотъ авторъ относительно выраженія *verberea statua* (Pl. *Capt.* 951 и *Pseud.* 911), въ которомъ *statua*, несомнѣнно, указываетъ на человѣка, какъ *безотвѣтная* статуя принимающаго побои. Ср. прекрасную параллель у Петронія (102): *iuvenes adhuc laboris expertes s t a t u a r u m ritu patiamur pannos et vincla?*

[2]) Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой рыбѣ дастъ Плиній *n. h.* IX 64 сл.

usi. M. Cato originum lib. VII: „*Qui magistratum curulem cepisset, calceos mulleos allitaciniatus* †,... *Item Titinius in Seriana* „*Jam cum mullibus* (sic) † *te ostendisti, quos tibiam* † *si* † *calceos*“. *quos putas* † *a mullando dictos i.* < *e.* > *suendo*“[1]). Связь *mulleus* съ *mullus* сознавалась еще въ древности[2]); ее предполагаютъ и современные ученые[3]), но надо отдать себѣ отчетъ, въ какомъ ближайшемъ соотношеніи находятся между собой эти слова. Если бы мы предположили, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые[4]), что *mullus* „краснобородка“ заимствовано изъ греч. *μύλλος*, то было бы довольно трудно понять вышеприведенный примѣръ изъ Вописка[5]); но даже допустивъ, что въ вышеприведенномъ примѣрѣ вм. *mulli* надо читать *mullei*, это послѣднее прилагательное едва ли можно было бы выводить изъ существительнаго *mullus*, такъ какъ трудно допустить, чтобы окраска этой рыбы послужила точкой отправленія для термина, обозначающаго красный цвѣтъ, да еще въ такую раннюю эпоху, какая предполагается глоссой Феста. По моему мнѣнію, гораздо естественнѣе предположить, что въ латинскомъ языкѣ искони существовало прилагательное *mullus* со значеніемъ „красный“, при чемъ это образованіе, быть можетъ, этимологически тождественно съ лит. *mulvas* „красноватый“, если только мы признаемъ, что группа *-lu-* между гласными можетъ давать въ латинскомъ языкѣ *-ll-*;

[1]) У Павла Діакона соотвѣтствующая глосса редактирована такъ: *Mullei calcei regum Albanorum et post patriciorum a millando* (sic), *id est suendo, dicti.* По поводу разницы въ редакціи ср. наблюденія, изложенныя мной въ „Изслѣдованіяхъ“, стр. 160 и сл., прим. 1.

[2]) По мнѣнію Фенестеллы (см. Plin. *n. h.* IX 65): *nomen his* (sc. *mullis*) *a colore mulleorum calciamentorum datum.* Наоборотъ, въ глоссѣ Плацида утверждается, что *mulleos calceamenti genus a colore mullorum* (CGL. V 33, 19).

[3]) Ср., напр., O. Keller, Zur lat. Sprachgesch. I, стр. 16; Prellwitz, Etym. Wtb. d. gr. Spr., стр. 206.

[4]) Ср., напр., O. Weise, Die griech. Wörter im Lat., стр. 33; Stolz, Histor. Gr., стр. 85; Prellwitz, l. c.

[5]) Такіе примѣры, какъ испанское *musco* „темный“ при *musco* „мускусъ“ (= лат. *muscus*), едва ли могутъ устранить подобное затрудненіе.

если же мы, вслѣдъ за Сольмсеномъ[1]), отнесемся скептически къ возможности такого фонетическаго перехода, то, какъ это предполагаетъ тотъ же ученый, ничто не препятствуетъ намъ связать *mulleus* съ латыш. *melns* „черный“, др.-инд. *malinas* „грязный, нечистый“, кимр. *melyn*, брет. *melen* „желтоватый“ и т. п., т. е. допустить послѣ корневого *l* элементъ *n*; при этомъ съ нашей точки зрѣнія пришлось бы исходить ближайшимъ образомъ изъ прототипа **mel-no-s* откуда затѣмъ и возникло *mullus*. Это послѣднее образованіе, съ одной стороны, субстантивировалось со значеніемъ „краснобородка“, — ср. напр., названія рыбъ, извѣстныя намъ изъ Hermeneumata Stephani: *rubri* (ср. CGL. III 355, 80: *rubri* ἐρυθρῖνοι) или *albula* (ibid. 355, 76: *albula* ἴκταρ[α])[2]), — а съ другой стороны, осложнилось суффиксомъ *-eus* совершенно такимъ же образомъ, какъ *caerulus*, давшее *caeruleus*, и нѣкоторыя другія образованія, о которыхъ будетъ сказано ниже. Что касается греч. μύλλος, то это слово, быть можетъ, только случайно сходно по звукамъ съ лат. *mullus* (которому собственно соотвѣтствуетъ греч. τρίγλα) или, пожалуй, могло бы быть истолковано, какъ заимствованіе изъ латинскаго языка.

Весьма интересно также прилагательное *rubeus* : *robeus*. Второй изъ этихъ двухъ дублетовъ засвидѣтельствованный уже у Варрона (напр. *R. R.* II 5, 8)[3]), является, очевидно, дальнѣйшимъ распространеніемъ болѣе простого *rōbus*[4]),

[1]) См. Kuhn's Zeitschr. XXXVIII, стр. 437 сл.

[2]) Въ текстахъ эти названія, кажется, нигдѣ не засвидѣтельствованы.

[3]) Эта форма встрѣчается, между прочимъ, и на надписяхъ: ср. C. I. L. VI 826: *Vitulo robeo* (см. Olcott, Stud., стр. 243).

[4]) Къ этому же прилагательному относится, быть можетъ, и собственное имя *Robilius* (см. Willers, Röm. Bronzecimer 217). На всякій случай ср. пропорціи *Robilius* : *robus* = *Caecilius* : *caecus* = *Rufilius* : *rufus* и т. п. Во всякомъ случаѣ я предпочелъ бы объяснить это имя такимъ образомъ, чѣмъ связывать его съ прилагательнымъ *rubilis*, засвидѣтельствованнымъ у Макробія (*Sat.* III 19, 6: *rubile pirum*), опираясь на такія аналогіи, какъ *agilis* : *Agilius* (C. I. L. VI 11255), *futilis* : *Futilius* (ibid. III 1623) и т. п. Что касается образованія *rubilis*, то, хотя

которое извѣстно намъ по глоссѣ Павла Діакона (Th. de Pon., p. 359, 8): *Robum rubro colore et quasi rufo significari ut bovem quoque rustici appellant, manifestum est* и по одному мѣсту Ювенала (VIII 155): *robum... iuvencum*, къ которому, быть можетъ, и относится данная глосса. Эта послѣдняя интересна, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что ею удостовѣряется простонародный характеръ даннаго прилагательнаго, а это — лишній поводъ согласиться съ Сольмсеномъ (Stud. z. lat. Lautgesch., стр. 108 сл.), предполагающимъ въ корневомъ *ō* діалектическій продуктъ общеиталійскаго *ou̯* (изъ инд.-евр. *eu̯*), вмѣсто чисто латинскаго *ū*[1]): не слѣдуетъ забывать, что и *bos*, къ которому, согласно вышеприведенной глоссѣ, прилагается эпитетъ *rōbus*, — несомнѣнно діалектическаго происхожденія[2]); съ другой стороны, и этимологически тождественное съ *rōbus* прилагательное *rūfus* также обнаруживаетъ нелатинскую фонетику. Что касается дублета *rubeus*, засвидѣтельствованнаго въ позднѣйшей латыни (напр. у Палладія IV 11, 2), то, по мнѣнію Сольмсена (ibid.), онъ возникъ подъ вліяніемъ приспособленія *rōbeus* къ *rŭber* и *rūfus*, что вполнѣ вѣроятно; однако вопросъ о просодіи корневого *u* въ *rubeus* при этомъ остается, къ сожалѣнію, открытымъ, такъ какъ поэтическіе тексты (въ которыхъ дублетъ *rubeus*, кажется, не констатированъ), ни романскія отраженія отвѣта на этотъ вопросъ не даютъ.

оно и извѣстно мнѣ лишь изъ вышеприведеннаго мѣста, тѣмъ не менѣе едва ли можно сомнѣваться въ его реальномъ существованіи въ виду наличности вполнѣ убѣдительныхъ морфологическихъ аналогій: въ самомъ дѣлѣ съ *rubilis* : *rubēre* можно сравнить, напр., *sorbilis* : *sorbēre*, *docilis* : *docēre*, *habilis* : *habēre*, *vigilis* (откуда впослѣдствіи *vigil*) : *vigēre* и т. п.

[1]) Этотъ взглядъ впослѣдствіи усвоенъ и Зоммеромъ (Handbuch, стр. 93).

[2]) Вообще можно замѣтить, что нѣкоторые сельскохозяйственные термины латинскаго языка заимствованы этимъ послѣднимъ изъ другихъ италійскихъ діалектовъ. Ср. по этому поводу интересныя замѣчанія Сольмсена въ другой его работѣ: Untersuchungen z. griech. Laut- und Verslehre, стр. 281.

Прекрасное pendant къ *robus* : *robeus* представляетъ собой пара *russus* : *russeus*. Послѣднее прилагательное засвидѣтельствовано лишь въ позднѣйшей латыни (напр. Pallad. IV, 13, 14, Petron. 27, 1 и т. д.)[1]), тогда какъ *russus*, какъ бы мы ни толковали его происхожденіе, представляетъ собой, несомнѣнно, продуктъ доисторической эпохи. Напомню кстати любопытное свидѣтельство грамматика Харисія (K. I, p. 72, 19): *Russeum grammatici non magis dicendum putant, quam albeum aut prasineum, sed russum, ut album prasinum.* Имѣемъ ли мы право изъ этого мѣста дѣлать выводъ о существованіи въ вульгарной латыни формъ *albeus* и *prasineus*, это — вопросъ, на который я далъ бы скорѣе отрицательный отвѣтъ.

Зато рядомъ съ *helvus*, повидимому, очень рано явился дублетъ **helveus*; правда, онъ непосредственно не засвидѣтельствованъ, но можно указать на уменьшительное образованіе *helveolus*, извѣстное изъ Катона (*R. R.* 24: *helveolum vinum facere voles, dimidium apicii vini indito*). Съ точки зрѣнія морфологической съ *helveolus* при **helveus* можно сопоставить такіе случаи, какъ *mulleolus* (Tertull. Pall. 4: *mulleolum inducit calceum*) при *mulleus*, *russeolus* (Prudent. *περὶ στεφ.* 130: *russeolam saniem*) при *russeus*, *rubeolus* (Greg. Tur. *de curs. stell.* 20, p. 864, 17 и т. д.)[2]) при *rubeus* и т. п. Такимъ же образомъ, напр., изъ уменьшительнаго образованія *terraneola* (sc. *avis*) „жаворонокъ" (Phaedr. VI, 31, 1) мы въ правѣ, какъ мнѣ кажется, извлечь прилагательное **terraneus*, соотвѣтствующее по исходу такимъ образованіямъ, какъ *subterraneus*, *conterraneus* и т. п.

Еще можно отмѣтить на ряду съ *galbĭnus* „желтоватый" (напр. Petron. 67: *galbino succincta cingillo*, Martial. XIII, 68, 1: *galbina....ales*), распространенное суффиксомъ *-eo-* прилагательное *galbĭneus* (ср. Veget. III 2: *coloris galbinei*).

[1]) Форма *russeus* извѣстна также изъ одной надписи II вѣка: CIL. VI, 10049 (ср. Olcott Studies, стр. 243).

[2]) Это прилагательное, отсутствующее въ извѣстныхъ мнѣ словаряхъ, извлечено мной изъ статьи Блюмнера, Die rote Farbe im Lateinischen (Arch. f. lat. Lex. VI, стр. 416).

Аналогично съ этимъ рядомъ съ *coccĭnus* (= греч. *κόκκινος* „пурпуровый" встрѣчается *coccineus*, ср., напр., у Петронія, съ одной стороны, 28: *coccina gausapa*, а съ другой — 38: *coccineum tomentum*. При этомъ надо, однако, замѣтить, что второе образованіе легко можетъ быть понято, какъ производное отъ субстантивированнаго neutr. *coccinum:* ср. хотя бы глоссу: *coccum vel coccinum color rubeus* (CGL. V, 494, 69).

Чтобы покончить съ дублетами данной семасіолого-морфологической категоріи, замѣчу, что рядомъ съ *cerĭnus* (= греч. *κήρινος*) „воскового цвѣта" (ср., напр., Plin. h. n. XV 12, 1: *Pruna cerina*)[1]) на надписяхъ встрѣчается дублетъ *cerineus*, обнаруживающій, по показанію Бенуа и Гёльцера[2]), то же самое значеніе. Если это такъ, то данный случай можно было бы присоединить къ перечисленнымъ выше; я долженъ однако замѣтить, что единственный приводимый Олькоттомъ[3]) для этого прилагательнаго примѣръ: CIL. VIII 212, l. 88: *Cerineos componere nidos* (про пчелъ) не дѣлаетъ такого толкованія обязательнымъ.

[1]) Ср. Non. p. 548: *Cerinum a cerae colore Plautus in Epidico* (v. 233):

Plumatile aut cumatile, cerinum aut gelinum.

Однако этотъ стихъ сильно испорченъ, какъ здѣсь, такъ и въ рукописяхъ Плавта; возможно даже, что онъ не принадлежитъ этому комику (ср. критическій аппаратъ въ изданіи Гётца).

[2]) Nouv. dict. lat.-franç., стр. 238.

[3]) См. Studies, стр. 243.

III. *Латинскія cognomina на -osus.*

На пространствѣ всей настоящей работы мы часто вводили въ кругъ нашего изученія латинскія cognomina различныхъ морфологическихъ и семасіологическихъ типовъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., по вопросу о cognomina на *-tor-*[1]), я старался привлечь по возможности болѣе обильный ономатологическій матеріалъ.

Настоящій этюдъ посвященъ спеціально разсмотрѣнію довольно обширной ономатологической группы, а именно cognomina на *-osus*, болѣе пристальный анализъ которыхъ приведетъ насъ къ выясненію цѣлаго ряда любопытныхъ лексикографическихъ и морфологическихъ фактовъ, при чемъ нерѣдко мнѣ придется заходить за спеціальные предѣлы ономатологіи и коснуться тѣхъ или другихъ частностей изъ области ученія о прилагательныхъ на *-osus* вообще.

Исходной точкой своего изложенія я возьму интересную статью Моммсена (Ephem. epigr. IV, стр. 520 сл.), посвященную африканскимъ cognomina вообще и оканчивающимся на *-osus* въ частности. Моммсенъ различаетъ три категоріи этихъ послѣднихъ cognomina: во-первыхъ, „adiectiva in nominum locum adsumpta“, во-вторыхъ, „ea... de quorum origine parum liquet vel certe veriloquium ulteriore examine indiget“, и, въ-третьихъ, группу cognomina на *-osus*, образованныхъ отъ собственныхъ именъ (cognomina, praenomina, nomina

[1]) См. стр. 7 — 13.

gentilicia), при чемъ, какъ онъ замѣчаетъ, данному исходу въ этомъ послѣднемъ случаѣ „non eam vim tribuendam esse, quam meliore aetate in adiectivis obtinet, sed hypocoristicis potius eam adnumerandam inde colligitur, quod mulierum ita denominatarum numerus quater tantus est quam virorum“.

Остановимся на этихъ трехъ категоріяхъ.

Что касается первой, то тутъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, мы сталкиваемся съ хорошо извѣстными образованіями: *Exitiosus* (CIL. VIII, 879), *Fructuosus, -a* (ср. ibid. 2586, 9433; 495), *Generosus, -a* (ibid. 498; 3499)[1]), *Gratiosus* (ibid. 1085), *Gulosus* (ibid. 1904, 1905), *Imperiosus* (ibid. 10576), *Ingeniosus, -a* (ibid. 5166), *Luctuosa* (ibid. 6606), *Musculosus* (ibid. 10831)[2]), *Pretiosa* (ibid. 1154, 4405)[3]), *Pomposa* (ibid. 1983), *Rugosus* (ibid. 1962), *Vinosa* (ibid. 7297), *Vitiosa* (ibid. 7801). Къ этому списку можно было бы прибавить еще нѣсколько аналогичныхъ примѣровъ изъ другихъ надписей въ родѣ *Calumniosus* (De-Rossi, Inscr. Christ., t. I, 833), *Copiosus* (CIL. IV 989), *Contumeliosus* (ibid. XII, 2361 [461]), *Iniuriosus* (ibid. 2118), *Ponderosus* (ibid. II 1714), *Studiosus, -a* (ibid. IX 1765) и т. д.; сверхъ того, отмѣчу отдѣльно нѣкоторыя cognomina, хотя и засвидѣтельствованныя въ качествѣ простыхъ прилагательныхъ, но настолько скудно, что ономатологическое подкрѣпленіе можетъ имѣть спеціальный интересъ.

Сюда я отношу, напр., c. *Cinerosus* (Bullett. dell' Institut. Archeol. a. 1866, p. 25), интересное потому, что соотвѣтствующее прилагательное извѣстно, если не ошибаюсь, лишь изъ Апулея (напр. *Met.* VII 27).

Еще интереснѣе cogn. *Barosus* (CIL. VIII 2568[53]), такъ какъ прилагательное *barosus* мы встрѣчаемъ лишь въ глоссаріяхъ, гдѣ оно толкуется посредствомъ греческихъ экви-

[1]) Ср. также CIL. V 1013, IX 3105, XII 2806.
[2]) Ср. еще CIL. III 8993, XII 2952.
[3]) Ср. мужское cogn. *Pretiosus* (CIL. III 7371, IX 6150).

валентовъ *σοβαρός, βάκηλος, βάναυσος* (см. Götz, Thes. gloss., стр. 130); связь *barosus* съ *baro*[1]) несомнѣнна, но должны ли мы оба эти образованія выводить изъ первоначальнаго * *barus*, впослѣдствіи исчезнувшаго или случайно не засвидѣтельствованнаго, это — вопросъ, на который я не рѣшаюсь дать опредѣленный отвѣтъ, такъ какъ весьма возможно, что *barosus* явилось при *baro*[2]) подъ вліяніемъ многочисленныхъ дублетовъ на *-o(-ōnis)* : *-osus* въ родѣ: *bucco* : *buccosus*[3]), *calcitro* : *calcitrosus*, *catillo* : *catillosus*[4]), *coxo* (см. Götz, Thes. gloss. s. v.) : *coxosus* (см. ibid.), *gulo* (напр. Apul. *ap.* 32): *gulosus*, *hirco*[5]): *hircosus*[6]), *labeo* (напр. Plin. *h. n.* XI 159): *labiosus* (Lucr. IV, 1162), *murmuro* (Hildebr. gloss. Paris, p. 214): *murmurosus* (напр. CGL. III, 334, 19) и т. п. Замѣчу кстати, что и извѣстное прилагательное *bibosus*, изобрѣтенное Лаберіемъ и приводившее въ смущеніе Геллія (см. *Noct. Att.* III 12), могло бы быть понято, пожалуй, какъ новообразованіе при однозначащемъ *bibo*, возникшее подъ вліяніемъ дублетовъ въ родѣ перечисленныхъ выше. Высказывая это

[1]) Это слово также является въ качествѣ cognomen *Baro* (ср., напр., CIL. XII, 91).

[2]) Не лишенныя интереса соображенія относительно этого слова мы находимъ у Фиша (Arch. f. lat. Lexikogr. V, стр. 63 сл.); при этомъ, во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ замѣтить, что если даже онъ правъ, сопоставляя *baro* съ *varus*, то отсюда еще нельзя было бы дѣлать безусловнаго вывода о существованіи * *barus*, какъ точки отправленія для *barosus*.

[3]) Это второе образованіе, отсутствующее въ спискѣ Паукера (Material. I, стр. 72 сл.), засвидѣтельствовано въ глоссаріяхъ, на что я указалъ уже въ своихъ „Изслѣдованіяхъ", стр. 72, прим. 2; теперь я вижу, что это образованіе было отмѣчено еще Функомъ въ Archiv. f. lat. Lex. VIII, стр. 372. Впрочемъ дублеты *bucco* : *buccosus* могутъ имѣть для насъ значеніе въ данной связи лишь въ томъ случаѣ, если они хотя отчасти ассоціировались по значенію (напр. то и другое могло значить „толстощекій"); къ сожалѣнію, я не могу доказать этого.

[4]) *Catillosus* извлекается Паукеромъ (Supplem. lex. lat., стр. 65) изъ Thes. nov. lat., p. 91, гдѣ дается слѣдующая глосса: *Catiliosus* (sic) *gulosus*.

[5]) Ср., напр., CGL. IV 25, 3: *Blennones putidi hircones*.

[6]) Ср., напр., CGL. II 581, 51: *Hircosus hirco similis sudore fetidus*. Интересныя подробности объ этомъ образованіи (въ связи съ дублетомъ *hircuosus*) см. у М. М. Покровскаго, „Матеріалы", стр. 114 сл.

предположеніе, я однако вслѣдъ за М. М. Покровскимъ[1]) считаю неправильнымъ мнѣніе Штольца[2]), выводящаго *bibosus* непосредственно изъ *bibo*. Прибавлю еще, что появленію *bibosus* могло содѣйствовать прилагательное *vinosus*, впервые засвидѣтельствованное у Плавта (*Curc.* I, 77: *Lena multibiba atque merobiba... quid opust verbis? vinosissima est*), а затѣмъ являющееся у цѣлаго ряда позднѣйшихъ писателей и, наконецъ, перешедшее въ романскіе языки (ср. итал. *vinoso*, фр. *vineux* и т. п.), что̀ говоритъ за то̀, что это слово было прочнымъ достояніемъ латинскаго языка. Съ другой стороны, на возникновеніе *bibosus* могло вліять и прилагательное *ebriosus*, интересное въ томъ отношеніи, что оно, на ряду съ *bellicosus* и *tenebricosus*, является образчикомъ образованія на *-osus*, производнаго отъ прилагательнаго, относящимся къ классической эпохѣ (ср., напр., Cic. *de fato* 5 и Catull. 27, 4). Едва ли мы ошибемся, предположивъ, что и самое *ebriosus* въ свою очередь опять-таки вызвано было образованіемъ *vinosus*; наконецъ, чтобы покончить съ этой группой прилагательныхъ, напомню еще позднелатинское *bibulosus*, извѣстное намъ изъ схолій къ Ювеналу (12, 45).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ такими cognomina на *-osus*, при которыхъ документально засвидѣтельствованы соотвѣтствующія прилагательныя. Но Моммсенъ не ограничивается этими случаями и упоминаетъ еще христіанское имя *Gaudiosa* (CIL. VIII, 1390)[3]); существованіе прилагательнаго * *gaudiosus* дѣйствительно уже само по себѣ болѣе, чѣмъ вѣроятно, и сверхъ того подкрѣпляется французскимъ отраженіемъ *joyeux*.

Кромѣ того, изъ примѣровъ, относимыхъ Моммсеномъ къ первой категоріи, извѣстный интересъ представляютъ

[1]) См. „Матеріалы", стр. 97.

[2]) См. Hist. Gramm., стр. 538.

[3]) Ср. еще CIL. V 5413. Кромѣ того, мнѣ извѣстно христіанское же мужское имя *Gaudiosus* (ibid. IX 1073).

cognomina *Fructosa* (напр. CIL. VIII 7207)[1] и *Frutosa* (напр. ibid. 387), къ которымъ прибавлю еще c. vir. *Fructosus* (напр. ibid. 1596)[2]. Эти cognomina, несомнѣнно, указываютъ на существованіе прилагательнаго **fructosus*[3], которое представляетъ собой любопытный дублетъ при общеизвѣстномъ *fructuosus*, совершенно аналогичный дублету *fetosus* (напр. Vulg. Interpr. in Ps. 143, 13) при *fetuosus* (Hieronym. *advers. Jovinian.* 1, 19); подобно тому какъ *fetosus*, какъ это справедливо замѣтилъ М. М. Покровскій[4], объясняется наличностью при обычномъ *fetus*, *-ūs* формъ по 2-му скл. въ родѣ Акціева abl. plur. *fetis* (trag. 244 R.), такъ точно и **fructosus* находитъ себѣ прекрасное объясненіе въ такихъ формахъ, какъ gen. sg. *fructi*, каковая форма имѣла, повидимому, довольно широкое распространеніе въ латинскомъ языкѣ, начиная съ древнѣйшей поры (ср. Cato *R. R.* 4 или Ter. *Ad.* 870) и кончая позднѣйшей эпохой. Добавлю еще, что *fetosus* и **fructosus* могли находиться между собой въ извѣстной ассоціаціи по значенію.

Теперь перейду къ нѣкоторымъ другимъ cognomina на *-osus*, которыя, хотя и не засвидѣтельствованы въ качествѣ нарицательныхъ словъ, однако подобно *Gaudiosus* предполагаютъ въ своей основѣ прилагательныя, которыя могутъ быть подтверждены тѣми или другими аналогіями.

Сюда можетъ быть отнесено, напр., c. mul. *Gentosa*, засвидѣтельствованное подобно большинству перечисленныхъ выше опять-таки на африканской надписи (ср. CIL. VIII 3471). Едва ли есть основаніе сомнѣваться въ существованіи прилагательнаго **gentosus* отъ *gens* со значеніемъ „обладающій

1) Ср. еще CIL. IX 757.
2) Ср. еще CIL. IX 5087.
3) Cognomen *Frutosa* дѣлаетъ вѣроятной вульгарную форму **frut(t)osus*, которую можно сопоставить, напр., съ *autor* при *auctor* (см. Append. Probi IV 198 K.), *Vitorius*, *Vitoriae* при *Victorius*, *-ae* (C.I.L. IX 900) и т. п. (ср. Sommer, Handbuch стр. 250).
4) См. „Матеріалы“, стр. 114.

обширнымъ родомъ“, „принадлежащій къ обширному или сильному роду“, „родовитый“. Въ качествѣ ближайшей параллели можно было бы указать на *generosus* при *genus*, толкуемое въ глоссаріяхъ, между прочимъ, такъ: *generosus γενεᾶς μεγάλης* (CGL. II 262, 13), *generosus ampli generis* (ibid. V 642, 15)[1]; затѣмъ напомню еще прилагательное *famili(c)osus*, приводимое въ Thes. nov. latin., p. 246 Mai съ слѣдующимъ стереотипнымъ толкованіемъ: *familia plenus*. Наконецъ, извѣстный интересъ въ данной связи можетъ имѣть и прилагательное *ingenuosus*, извлеченное Олькоттомъ (Studies, стр. 207) изъ одной римской надписи (CIL. VI 26112: *C. Seius Ingenuus ingenuosissimus*) съ замѣткой, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ „a pun on his name“, что, конечно, уменьшаетъ реальное значеніе этого слова[2]).

Во-вторыхъ, отмѣчу c. mul. *Igniosa* — снова „африканское“ — (CIL. VIII 9926), изъ котораго мы въ правѣ извлечь прилагательное **igniosus* „огневой, огненный“ при *ignis*; со стороны формы можно было бы сравнить, напр., *biliosus* при *bilis*, *iliosus* (Plin. *h. n.* XX, 26) при *ile* (основа **ili-*), *verminosus* (Plin. *h. n.* XVII, 261) при *vermis* и т. п.; кромѣ того, заслуживаетъ вниманія производное отъ *ignis* прилагательное *igniarius*, обнаруживающее также элементъ *i*[3]). Со стороны же значенія аналогичны, напр., *ignitosus* (ср. Adaman. *locc. sanct.* III, 6 *[montem] nocte ignitosum, die vero fumosum)*[4]),

1) И въ текстахъ засвидѣтельствовано это значеніе: ср., напр., Cic. *Parad.* 3,1: *generosa ac nobils virgo*; *Brut.* 58: *generosa stirps* и т. п.
2) Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что *ingenuosus* могло быть не что иное, какъ продуктъ извѣстной контаминаціи между *ingeniosus* и *ingenuus*: любопытно, напр., что въ глоссаріяхъ вм. *ingeniosus* иногда читается *ingenuosus* (см. Götz, Thes. gloss. s. v.). Такимъ же образомъ при *desidiosus* (отъ *desidia*) является (ошибочная?) форма *desiduosus* (напр. CGL. V 409, 1, гдѣ вдобавокъ вм. *de-* читается *dis-*), возникшая, очевидно, подъ вліяніемъ *desiduus*, многократно засвидѣтельствованнаго въ глоссаріяхъ (напр. ibid. II 45, 20: *Desiduus ὀλίγωρος*).
3) Другіе аналогичные примѣры см. у М. М. Покровскаго, „Матеріалы“, стр. 120.
4) Этой цитатой я обязанъ Паукеру (Suppl. lex. lat., стр. 330).

представляющее, очевидно, распространенное *ignitus*, какъ это справедливо замѣтили еще Schönwerth-Weimann[1]), или *flammosus* (напр. Cael. Aurel. *Acut.* 3, 17: *carbones non flammosi)* при *flamma.*

Теперь перейду къ разсмотрѣнію слѣдующей категоріи cognomina на *-osus*, установленной Моммсеномъ, а именно къ такимъ образованіямъ даннаго типа, которыя, по словамъ этого ученаго, требуютъ спеціальнаго морфологическаго и этимологическаго анализа и разъясненія. Эту задачу мы и постараемся выполнить, хотя, разумѣется, нѣкоторыя изъ образованій придется оставить безъ всякаго истолкованія, а по поводу другихъ — ограничиться лишь болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями.

Вотъ списокъ соотвѣтствующихъ именъ, относимыхъ Моммсеномъ къ вышеупомянутой категоріи: *Cebosus, Cucosa, Didosa, Faosa* : *Fausa, Fedosus, Libosus, -a, Lillosa, Murosa*[2]), *Mussiosa, Mussosa, Nicrosa, Pocosa, Potosa, Veteriosa.*

Остановимся прежде всего на с. *Potosa* (CIL. VIII 3936, 3937, 4121); въ основѣ его лежитъ, по всей вѣроятности, прилагательное **potosus*, по значенію своему до извѣстной степени синонимическое съ *potulentus* въ значеніи „пьяный, пьяница“ (ср., напр., Suet. *Oth.* 2: *Ferebatur... invalidum quemque obvium vel potulentum corripere)*[3]). Уже давно было замѣчено, что на ряду съ прилагательными на *-osus* часто наблюдаются синонимическія образованія на *-o(u)lentus*[4]):

---

[1]) См. Arch. f. lat. Lex. V, стр. 210.

[2]) Гдѣ однако встрѣчается это имя? Мнѣ извѣстно лишь мужское cognomen *Murosus* (CIL. VIII 5446).

[3]) При такомъ объясненіи cogn. *Potosa* ближайшимъ образомъ можетъ быть сопоставлено съ cogn. *Vinosa*, упомянутымъ выше (стр. 177).

[4]) Ср., напр., Paucker, Vorarbeiten I, стр. 90 сл. Я долженъ однако оговориться, что, признавая семасіологическую близость образованій съ суффиксами -o*(u)lentus* и *-osus*, я отнюдь не раздѣляю воззрѣнія Нидермана и Ваккернагеля (ср. Indogerm. Forsch. X, стр. 242 сл.) на этимологическое происхожденіе этихъ суффиксовъ и принимаю для перваго толкованіе, предложенное и прекрасно обоснованное М. М. Покровскимъ („Матеріалы“, стр. 122 сл.).

ср., напр., интересную пару *vinosus* : *vinolentus*, въ которой второй членъ, а именно прилагательное *vinolentus*, встрѣчающееся уже у Цицерона (напр. *Agr.* 1, 1), возникъ, очевидно, подъ вліяніемъ аналогичнаго по значенію и, несомнѣнно, весьма древняго *temulentus*[1]); на этой же почвѣ выросли и позднѣйшія образованія *crapulentus* (напр. Ammian. XXIX 5, 54: *vino... consulto distentus et crapulentus)*[2]) и *merulentus* (напр. Fulg. *myth.* 1, praef., p. 13 M.)[3]); ср. еще *fraudosus* : *frau-*

Въ дополненіе къ фактамъ, приводимымъ этимъ ученымъ, напомню любопытное образованіе *squalentus*, засвидѣтельствованное въ неполной глоссѣ: *Squalentus πεφ...* (C. G. L. II 407, 1), въ interpretamentum которой Гётцъ (Thes. gloss. s. v.) удачно предполагаетъ *πεφυρμένος* отъ *φύρω* „смѣшивать, пачкать“ и т. п. Если *squalentus* не ошибочное чтеніе, и если это — древнее образованіе, то оно чрезвычайно интересно, такъ какъ группа *squalus* (ср. Non. 172, 19 и C. G. L. IV 647, 34: *Squalam squalidam)* : *squalēre* : *squalentus* — единственная, въ которой всѣ члены фактически засвидѣтельствованы, а не являются плодомъ теоретической реконструкціи. Что касается вышеупомянутаго изслѣдованія Нидермана, то въ немъ заслуживаетъ вниманія замѣчаніе, что образованія на *-entus* могли возникнуть при образованіяхъ на *-ens* изъ архаическихъ формъ plur. neutr. *-enta.*

[1]) О древности происхожденія этого прилагательнаго свидѣтельствуетъ уже самое образованіе его, хорошо разъясненное М. М. Покровскимъ, „Матеріалы“, стр. 127. Прибавлю къ этому, что гл. **temēre* возникъ отъ **tēmum* (или *-us*), извлекаемаго Сольмсеномъ (Kuhn's Zeitschr. XXXIV, стр. 15) изъ *abstēmius*, которое по справедливому замѣчанію этого ученаго, скорѣе всего, можетъ быть объяснено въ качествѣ hypostasis изъ сочетанія ** abs temo.*

[2]) Образованіе *crapulentus* любопытно въ томъ отношеніи, что здѣсь первый слогъ окончанія *-ulentus* принадлежитъ собственно тому слову, отъ котораго это образованіе произведено, а именно *crapula* (= греч. *κραιπάλη*, ср. Stolz, Indogerm. Forsch. XVII, стр. 88 сл.), хотя этотъ элементъ и иного происхожденія, чѣмъ въ такихъ образованіяхъ, какъ *temulentus*. Здѣсь, разумѣется, играло роль звуковое сходство конечнаго морфологическаго результата. Съ другой стороны, обращу вниманіе на прилагательное *fraudulosus*, засвидѣтельствованное напр., Paul. Dig. 47, 2, 1: *contrectatio fraudulosa.* Если это было бы древнее образованіе, то, можно было бы исходить отъ существительнаго ** fraudula* (ср. *formidulosus* изъ ** formīdula)*, которое, быть можетъ, лежитъ и въ основѣ *fraudulentus.*

[3]) Кстати, какъ понять образованіе *merulator*, засвидѣтельствованное на одной стихотворной римской надписи (CIL. VI 13481: *Hic situs ille ego sum merulator Publius ipse Quod vocitatus eram Baebius cognomine patris, Roma mihi patria nomen meu Primus in aevom)?* Бюхелеръ (Carm. epigr., p. 217) замѣчаетъ, между прочимъ: „*Merulator* vocabulum ignotum. nomen proprium Meyerus esse statuit, signum Henzenus ei qui vocitatus est *P. Baebius*

dulentus, lutosus : *lutulentus* и т. п. Съ другой стороны, **potosus* могло возникнуть по аналогіи съ перечисленными выше образованіями *vinosus, ebriosus, bibulosus* и, пожалуй,— *bibosus*[1]), съ которымъ его могла связать слѣдующая пропорція: *bibosus* : *bibĕre* = **potosus* : *potare*, тѣмъ болѣе краснорѣчивая, что *bibere* и *potare*—близкіе синонимы, чѣмъ между прочимъ вызвано появленіе на ряду съ общеизвѣстнымъ *bibax* синонимическаго *potax*, которое засвидѣтельствовано въ глоссѣ: *Πότης vivex* (ae : *bibax*) *potax* (CGL. II 414, 48).

Перехожу теперь къ cogn. *Murosus*[2]). De-Vit (Onomasticon s. v.) пытается вывести это имя отъ *murus*, однако при такомъ истолкованіи прилагательное **murosus* могло бы, кажется, значить только или „обильный стѣнами“ или „похожій на стѣну“ — значенія, и сами по себѣ не вполнѣ освобождающія лексикографа отъ onus probandi, а главное —

Primus. Forcellinius in lexico meri potatorem significari commentus est propter *Baebium* nomen a *bibendo* derivatum, ego nescio an organa aquarum ille fecerit collato Vitruvio X, 12, 4 qui *merularum aquae motu voces* expressas commemorat, certe quidem negotium ut *piscator, merkator* al. denotari arbitror“. Изъ всѣхъ этихъ толкованій наиболѣе правдоподобнымъ представляется мнѣ все-таки предложенное Форчеллини, который, замѣчу кстати, предполагаетъ между *Baebius* и *bibere* не этимологическую, а лишь звуковую связь и подозрѣваетъ въ *merulator* извѣстнаго рода каламбуръ. Въ связи съ этимъ образованіемъ напомню на всякій случай существительное *poculator*, извѣстное мнѣ изъ глоссы: *Poculator propinator* (C. G. L. II 589, 64), а также, пожалуй, и *ulator*, которымъ мы обязаны также глоссѣ: *gulatores λάγνοι, μάχλαι, καταφαγάδες* (ibid. 36, 44), каковыя образованія мной отмѣчены еще въ моихъ „Изслѣдованіяхъ“ (см. стр. 18, пр.). Нельзя ли понять *merulator*, какъ вторичное образованіе отъ уменьшительнаго **merulum*, которое имѣло бы pendant въ видѣ уменьшительнаго *villum* отъ *vinum* (засвидѣтельствовано у Теренція *Ad*. 786: *Edormiscam hoc villi*, ср. также Prisc. K. II 80, 8) изъ *vinulum* (* *vinolom*), каковая форма приводится Харисіемъ (G. L. K. I 94, 3)? Если существовалъ гл. **merulare* (что̀ однако не необходимо), то *merulator* можно было бы сравнить, напр., съ *aesculator* при гл. *aesculari* (ср. выше стр. 55 сл.).

[1]) Говорю: „пожалуй“ потому, что трудно сказать, насколько образованіе *bibosus* было живуче въ латинскомъ языкѣ. Въ эпоху Геллія, судя по характеру его отзыва объ этомъ образованіи, оно, по всей вѣроятности, вышло изъ употребленія. Ср. на всякій случай мои замѣчанія относительно засвидѣтельствованнаго у Лаберія *ἅπ. εἰρ. pluor* („Изслѣдованія“, стр. 192, прим. 2).

[2]) См. выше стр. 182, прим. 2.

едва ли пригодныя для cognomina. Въ виду этого позволительно спросить, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло скорѣе съ образованіемъ **murosus*, произведеннымъ отъ *mus* „мышь“ и съ значеніемъ „похожій на мышь“? Въ такомъ случаѣ это прилагательное можно было бы сопоставить съ такими случаями, какъ *hircosus* „похожій на козла“, „съ козлинымъ запахомъ“ (напр. Plaut. *Merc*. 575: *Senex hircosus* или Martial. XII 59: *Hircoso premit osculo colonus)* или *colubrosus* „похожій на змѣю, змѣевидный, извилистый“ (напр. Tertull. *advers. Valentian*. 4: *Actu colubroso vitam delineavit)*. Замѣчу на всякій случай, что **murosus*, понятое такимъ образомъ, явилось бы эквивалентомъ греческому прилагательному *μυώδης*, засвидѣтельствованному, напр., у Плутарха (de cohib. ira 10: *τὸ ἐμφῦναι καὶ δακεῖν μυρμηκώδες καὶ μυώδες)*; ср. при *colubrosus* греч. *ὀφιώδης* (напр. Arist. *de incessu anim*. 7). Возможность же употребленія этого прилагательнаго въ качествѣ cognomen въ достаточной мѣрѣ удостовѣряется общеизвѣстнымъ cognomen *Mus*; ср. также c. *Murinus* (CIL. VIII 7153).

Cognomen mul. *Nicrosa* (CIL. VIII 5912, 7511) скорѣе всего является вм. *Nigrosa*: что подобная графика встрѣчается иногда на африканскихъ надписяхъ, доказывается такими примѣрами, какъ: *Licarius* (CIL. VIII 8960), *Rocata* (ibid. 7947), *quadracinta* (ibid. 8642). Весьма вѣроятно, что въ основѣ этого cognomen лежитъ прилагательное **nigrosus* отъ *niger*; появленіе этого прилагательнаго легко было бы объяснить, какъ результатъ аналогическаго воздѣйствія со стороны противоположнаго по значенію *canosus* (напр. epist. Valeriani Imp. ap. Vopisc. Prob. 5)[1]) при *canus*[2]), или до извѣст-

---

[1]) Ср. также глоссу *Canosus καταπολιός* (CGL. III 329, 58).

[2]) Что касается условій появленія *canosus* при *canus*, то, какъ вѣрно замѣтили Schönwerth-Weimann (Arch. f. lat. Lex. V, стр. 202) и М. М. Покровскій („Матеріалы“, стр. 104) точкой отправленія для этого образованія на *-osus* могло служить plur. *cani* (sc. capilli) въ смыслѣ „сѣдые волосы“. Предполагаемыя мной прилагательныя **nigrosus*, **flavosus* (см. ниже), а также

ной степени синонимическаго *fuscosus* при *fuscus*, которое извѣстно мнѣ изъ глоссы: *Fuscosus supertinctus* (?) (Thes. nov. 214 и 241 Mai), ср. также прилагательное *rubicundosus*, засвидѣтельствованное Auct. Dynamid. 2, 35: *Quartum genus hylicum appellatur... rubicundosum*. Замѣчу кстати, что, опираясь на наличность такихъ образованій, какъ *canosus* и *fuscosus*, мы были бы, какъ мнѣ кажется, въ правѣ заподозрѣть въ основѣ собственнаго имени *Flavosus*[1]) прилагательное **flavosus*.

Что касается женскаго cognomen *Pocosa* (CIL. VIII 6781 = 7828), то, быть можетъ, въ немъ скрывается прилагательное **paucosus*, которое могло возникнуть изъ *paucus* подъ вліяніемъ ἀντίϑετα *copiosus*, *numerosus*, подобно тому, какъ это послѣднее прилагательное послужило толчкомъ для возникновенія аналогическаго новообразованія *innumerosus* (напр. Coripp. Iohann. VI 663: *innumerosa manus*) при *innumerus*[2]). Впрочемъ, ручаться за такое толкованіе этого cognomen трудно, такъ какъ замѣна *au* посредствомъ *o* на африканскихъ надписяхъ, кажется, не встрѣчается.

Изъ c. mul. *Veteriosa* (CIL. VIII 3300), съ значительной степенью вѣроятія, могло бы быть извлечено прилагательное **veteriosus*, которое легко объяснить, какъ вторичное образованіе отъ *vetus*, *-ĕris*. Правда, скорѣе можно было бы ожидать формы *veterosus*, кстати сказать, засвидѣтельствованной въ глоссѣ: *Veterosus vetustate plenus* (Thes. nov. Latin., p. 602, Mai; cp. ibid., p. 622), однако неоднократно

fuscosus, быть можетъ, также вышли изъ соотвѣтствующихъ pl. **nigri*, **flavi*, **fusci* въ смыслѣ „черные, русые, темные волосы“, хотя могли возникнуть и по аналогіи съ *canosus*.

1) „Fuit ita absolute appellatus episcopus Cicsitanus e grege Donatistarum, qui a. 411 interfuit Collationi Carthaginiensi, ut patet ex eius *Act. Cognit.* I n. 208 (de-Vit, s. n.).

2) М. М. Покровскій („Матеріалы“, стр. 104) предполагаетъ, что „переходомъ отъ *innmerus* къ *innumerosus* было субстантивированное *innumerum*“, что̀, конечно, вполнѣ возможно; однако и наличность *numerosus*, по всей вѣроятности, играла въ данномъ случаѣ извѣстную роль.

встрѣчающаяся въ доклассической и позднѣйшей латыни форма abl. sg. *veteri*[1]) даетъ нѣкоторый поводъ объяснить **veteriosus*, какъ результатъ смѣшенія основъ на согласную съ основами на *-i-*[2]); замѣчу кстати, что дублеты: *veterosus* : **veteriosus* имѣютъ прекрасную морфологическую аналогію въ видѣ *ventrosus*[3]) : *ventriosus*[4]) при *venter*. Что касается семасіологической стороны дѣла, то съ прилагательными *veterosus* : **veteriosus* можетъ быть сопоставлено общеизвѣстное образованіе *annosus*[5]), а также еще ближе подходящее по значенію — *vetustosus*, засвидѣтельствованное у Кассіодорія (Var. 1, 25: *Quae fuerant vetustosa senectute fuscata)*.

Мужское имя *Cebosus* (CIL. VIII 5589) представляется довольно загадочнымъ, и далѣе осторожныхъ предположеній по поводу его этимологіи я не рѣшаюсь итти. Проще всего было бы заподозрѣть въ основѣ его прилагательное *cibosus*, засвидѣтельствованное въ глоссѣ: *Cibosus cibo plenus* (Thes. nov. lat., p. 123, Mai), съ такой же замѣной *ĭ* посредствомъ *ĕ*, какую мы, напр., находимъ въ глоссахъ: *Ce(r)barii bucellarii* (CGL. V 445, 46), *cebarii bucellarii* (ibid. 565, 15)[6]); со стороны значенія можно сравнить *escosus*, извѣстное изъ глоссы: *Escosus escis plenus* (Thes. nov. latin., p. 183, Mai).

1) Кстати обращу вниманіе на любопытную форму nom. sg. neutr. *vetere*, засвидѣтельствованную въ gloss. Abavus: *Vetustum veturnum antiquum vetere* (CGL. IV 401, 15) и gloss. Vergil.: *Veternum antiquum vetus veterum* (abcdefg.: *vetere)* (ibid. 469, 22). Гётцъ (Thes. gloss, стр. 411) снабжаетъ эту форму знакомъ восклицанія, однако трудно поручиться за то, что она не существовала фактически.

2) См. другіе примѣры у М. М. Покровскаго, „Матеріалы“, стр. 120.

3) Засвидѣтельствовано у Кассіодорія (in Psalm. 72): *Socrates calvus, ventrosus, simus*, а также во многихъ глоссахъ (см. Götz, Thes. gloss. emend. s. v.).

4) Ср. Plaut. *Asin.* 400, *Merc.* 639, *Rud.* 317.

5) Ср. кстати глоссу *<A>evosus annosus* (CGL. V 618, 53), дающую прилагательное *aevosus*, отсутствующее въ словаряхъ.

6) Уже Гётцъ (Thes. gloss. emend., стр. 200) предположилъ, что здѣсь скрывается *cibarii*. Что замѣна *ĭ* посредствомъ *ĕ* является иногда на африканскихъ надписяхъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ такіе случаи, какъ *menus* (CIL. VIII 9984), *osteo* (ibid. 1309, 1310), *setu* = situs (ibid. 9639 и т. д.

Съ другой стороны, позволительно спросить, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ прилагательнымъ **cevosus* отъ гл. *cevēre* въ значеніи „вилять хвостомъ"; замѣна *v* посредствомъ *b* — весьма распространенное явленіе[1]), при чемъ въ частности для этого случая аналогіей можетъ служить глосса: *Cebulus κυφός* (CGL. II 357, 20), въ которой лемму, какъ это справедливо сдѣлано Гётцемъ, надо исправить въ *cevulus*. Образованіе **cevosus* при *cevēre* могло бы быть понято, какъ *ἀντίθετον* прилагательнаго *mordosus*, засвидѣтельствованнаго въ глоссѣ *Δηκτικός mordosus* (CGL. II 269, 8), при чемъ то и другое слово могло первоначально служить эпитетомъ при *canis*, а затѣмъ, подобно нѣкоторымъ другимъ словамъ изъ этой же сферы, метафорически употребляться и по отношенію къ людямъ, въ значеніи „льстивый" и т. п.[2]). Я долженъ однако замѣтить, что не настаиваю на такомъ толкованіи, такъ какъ и для самаго глагола *cevēre* значеніе „вилять" выводится, насколько мнѣ извѣстно, лишь изъ одного и то не вполнѣ убѣдительнаго въ данномъ случаѣ мѣста, а именно — Pers. I 87: *An, Romule, ceves*[3])?

Въ связи съ cognomina *Faosa* (напр. CIL. VIII 3421): *Fausa* (ibid. 6938) возникаютъ нѣкоторые вопросы по латинскому словообразованію, до сихъ поръ невполнѣ освѣщенные, а потому я позволю себѣ остановиться на нихъ

[1]) На африканскихъ надписяхъ такая замѣна представлена очень многими примѣрами: ср. *cibitates* (CIL. VIII 949), *pabimentum* (ibid. 945), *probinciae* (ibid. 57) и т. п., или изъ области ономатологіи — *Flabius* (ibid. † 670. † 2272 и т. д.), *Bictor* (ibid. † 7924), *Bictoria* (ibid. † 1769), *Bictorina* (ibid. 902), *Silbana* (ibid. 5303), *-us* (ibid. † 7924, 10482) и т. п.

[2]) Изъ области ономатологіи сюда, быть можетъ, относится, напр., c. *Hirrus* (напр. Caes. *B. C.* I 15) n. g. *Hirrius* (напр. Varr. *R. R.* II 5, 5) и т. д. при глаголѣ *hirrire* „ворчать" (про собаку); впрочемъ, за латинское происхожденіе этихъ именъ ручаться, конечно, трудно (ср. W. Schulze, Z. Gesch. lat. Eigennamen, стр. 519).

[3]) Правда, Nettleship (Arch. f. lat. Lex. VI, стр. 150) предлагаетъ исправить глоссу *Cebe πάντα* (C. G. L. II 99, 35) въ *Ceveo σαίνω* или *ceve σαῖνε*, но, отдавая должное остроумію этой коньектуры, мы не рѣшаемся признать ее достовѣрной. Другія попытки исправленія см. у Гётца (Thes. gloss. стр. 205).

нѣсколько подробнѣе. Что касается фонетической стороны дѣла, то тутъ наличность такихъ случаевъ[1]), какъ *Faor* (напр. CIL. III 1634, 6), *Faorabilis* (ibid. XIV 2408, II 2), *Faonius, -a* (напр. ibid. VIII 1926) и т. п., даетъ поводъ подозрѣвать и въ *Faosa* исчезновеніе интервокальнаго *v* или, точнѣе, *u̯*; что же касается *Fausa*, то эта форма находится въ такомъ же соотношеніи къ *Faosa*, какъ *Faorianus* (напр. CIL. XV 214, 215 и т. д.) къ *Faurianus* (напр., ibid. 212, 213 и т. д.). Итакъ, *Faosa* восходитъ, повидимому, къ **Favosa*, въ основѣ котораго по всей вѣроятности, лежитъ прилагательное **favosus*. Какъ однако понять его морфологическую исторію? Связь **favosus* съ *favor* и *favēre* напрашивается сама собой, но является вопросъ, какое изъ этихъ двухъ словъ послужило непосредственной точкой отправленія для этого предполагаемаго нами прилагательнаго? А это въ свою очередь сталкиваетъ насъ съ болѣе общимъ вопросомъ объ образованіяхъ на *-osus* при именныхъ основахъ на *-os* (< *-or*).

Относительно образованій *clamosus* и *fragosus* Schönwerth-Weimann[2]) замѣчаютъ, что ихъ можно „unbedenklich als aus **clamos-osus*, **fragos-osus* zusammengezogen betrachten". Штольцъ (Histor. Gramm., стр. 538) держится на эти же образованія другого взгляда, а именно *fragosus* онъ вслѣдъ за Корсеномъ[3]) выводитъ изъ **fragus*, тогда какъ *clamosus*, по его мнѣнію, „scheint in unmittelbarem Anschluss an das Verbum *clamāre* erfolgt zu sein, wie ja auch *bibosus*, das natürlich von dem Nomen *bibo bibonus* Afran. abgeleitet ist, in unmittelbare Beziehung zum Verbum *bibere* gebracht wurde". Относительно перваго толкованія замѣчу, что съ нимъ можно согласиться, но лишь въ томъ случаѣ, если образованіе **fragus*

[1]) Ниже приводимые примѣры заимствованы мной у Сольмсена, Stud. z. lat. Lautgesch., стр. 174.

[2]) См. Arch. f. lat. Lex. V, стр. 204.

[3]) См. Beiträge z. ital. Sprachkunde, стр. 243.

мы будемъ разсматривать не какъ прилагательное съ причастнымъ значеніемъ въ родѣ *pandus, rumpus* и т. п.[1]), а въ качествѣ абстрактнаго существительнаго, тождественнаго по значенію съ *fragor* (ср. лат. *dolus,* греч. *γόνος* и т. п.); что касается этимологіи этого **fragus,* то повидимому удачное разрѣшеніе этого вопроса мы находимъ у Штовассера (Lat.-deutsch. Schulwtb., стр. 450), который сопоставляетъ **fragus* съ греч. *σφάραγος* „трескъ" „шумъ" и т. п. Прилагательное же *clamosus,* быть можетъ, восходитъ къ существительному **clāma,* отъ котораго скорѣе всего возникъ и гл. *clamāre*[2]). Мы не знаемъ, какое изъ двухъ образованій, — *fragosus* или *clamosus,* возникло въ языкѣ раньше, но во всякомъ случаѣ въ виду ихъ близости по значенію легко допустить, что одно изъ нихъ явилось по аналогіи съ другимъ, при чемъ, такъ какъ на ряду съ тѣмъ и другимъ имѣются соотвѣтствующія абстрактныя существительныя на *-or (> -os)* — *fragor, clamor*[3]), несомнѣнно, ассоціировавшіяся съ ними, то весьма вѣроятно, что точкой отправленія для одного изъ этихъ двухъ прилагательныхъ на *-osus* могло служить именное образованіе на *-or (> -os)* въ силу пропорціи: *fragor : fragosus = clamor : clamosus.* Впослѣдствіи при *stridor,* благодаря той же аналогіи, возникло прилагательное *stridosus,* извѣстное изъ глоссы: *Stridosus stridore plenus* (Thes. nov. latin., p. 544, Mai), хотя я долженъ замѣтить — въ виду полнаго

[1]) Сложныя слова въ родѣ *nau-fragus, flucti-fragus, foedi-fragus* и т. п. еще ничего не говорятъ въ пользу существованія и простого **fragus* съ такимъ значеніемъ.

[2]) Ср. мои „Изслѣдованія", стр. 57, прим. 1. Теперь я вижу, что тѣ же предположенія уже давно были высказаны Бреалемъ въ 1-мъ томѣ Mém. de la soc. de lingu. (стр. 76), хотя на ряду съ этой основой на *-a* онъ считаетъ возможнымъ исходить отъ образованія **clāmus,* которое представляется мнѣ гораздо менѣе вѣроятнымъ.

[3]) Самое образованіе *clamor* едва ли органическаго происхожденія: во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы оно развилось при гл. *clamare* безъ спеціальнаго аналогическаго воздѣйствія со стороны какихъ-нибудь другихъ образованій на *-or (> -os),* имѣющихъ при себѣ неотъименные глаголы.

отсутствія указанія на это у Schönwerth-Weimann (op. c., стр. 204), — что съ одинаковымъ правомъ мы могли бы разсматривать *stridosus,* какъ отглагольное образованіе при *stridere.*

Точно такъ же могутъ быть объяснены и образованія *foetosus* (ср. глоссу: *foetosus, foetidus* Thes. nov. latin., p. 229, Mai), *sudosus* (ibid., p. 544 и 442: *sudosus sudore plenus)* и *humosus* (gl. ap. Mai class. VII 587); ничто не препятствуетъ намъ за точку отправленія для этихъ прилагательныхъ взять не существительныя *foetor, sudor, humor,* какъ это дѣлаютъ Schönwerth-Weimann (ibid.), а глаголы *foetēre, sudare, humēre.* М. М. Покровскій („Матеріалы", стр. 96 сл.), выясняя вопросъ о переносѣ суффикса *-osus* на отглагольныя образованія, привелъ рядъ интересныхъ примѣровъ, гдѣ прилагательныя на *-osus,* образованныя собственно отъ именныхъ основъ, могли ассоціироваться съ соотвѣтствующими отъименными глаголами[1]), при чемъ всѣ эти примѣры (за исключеніемъ *fastidium : fastidīre*[2]) : *fastidiosus*[3])) заключаютъ въ средней своей части глаголы 1-го спряженія. На всякій случай приведу нѣсколько соотвѣтствующихъ примѣровъ съ глаголами 2-го спряженія:

canus — canēre — canosus
mucus — mucēre — mucosus
morbus — morbēre — morbosus
callum — callēre — callosus

[1]) Аналогичныя сопоставленія для объясненія отглагольныхъ образованій на *-o, -ōnis* сдѣланы Штольцемъ (Histor. Gramm., стр. 491), отчасти вслѣдъ за Бругманомъ (Grundr. II, стр. 330). Однако вопросъ о взаимсотношеніи отглагольныхъ и отъименныхъ образованій съ этимъ суффиксомъ требуетъ болѣе спеціальнаго изслѣдованія.

[2]) О взаимоотношеніи *fastidium : fastidire* см. мои „Изслѣдованія", стр. 93 сл.

[3]) Позволительно спросить, не возникло ли образованіе *blandiosus* (напр. CGL. IV, 314, 21: *blandiosus affabilis)* при гл. *blandire* (эта форма извѣстна изъ позднѣйшей латыни, ср. Georges, Lex. d. lat. Wortformen s. v.) подъ ближайшимъ воздѣйствіемъ со стороны до извѣстной степени противоположныхъ по значенію *fastidiosus : fastidire?*

nix — *nivēre*[1]) — *nivosus*
flos — *florere* — *florosus*
frons — *frondēre* — *frondosus*
squales — *squalīre* — *squalosus*[2])
lac — *lactēre* — *lactosus* и т. п.

На почвѣ подобныхъ случаевъ ближайшимъ образомъ и могли возникнуть такія образованія, какъ *foetosus* и *humosus*. Къ этой же категоріи я отношу и прилагательное **favosus*, которое скорѣе всего можетъ быть понято, какъ непосредственный продуктъ гл. *favēre*[3]). Что касается именного образованія *favor*, то оно лежитъ въ основаніи прилагательнаго *favorosus* (Thes. nov. latin., p. 224, Mai). Дублеты типа **favosus* : *favorosus* изрѣдка встрѣчаются въ латинскомъ языкѣ; ср., напр., *clamosus* : *clamorosus* (напр. Augustin *De or.*, p. 1115, t. 47 Migne: *non c l a m o r o s a petitione, sed tacite), humosus* : *humorosus* (напр. Cael. Aurel. *Acut.* II 10, 66: *h u m o r o s i s corporibus).*

Возможно однако, что по мѣрѣ увеличенія числа такихъ паръ какъ *clamor* : *clamosus, fragor* : *fragosus* и т. п., произошла настолько тѣсная ассоціація между существительными на *-or* и прилагательными на *-osus*, что въ болѣе позднюю эпоху вторыя могли являться въ качествѣ новообразованій при первыхъ, независимо отъ глаголовъ: ср. аналогичныя замѣ-

---

1) Ср. мои „Изслѣдованія“, стр. 272.

2) Это образованіе, пропущенное у П а у к е р а, извлечено М. М. П о к р о в с к и м ъ („Матеріалы“, стр. 261) изъ глоссы: *senta sordida s q u a l o s a* (CGL. IV, 390, 46) и поставлено въ связь съ *labosus* при *labes*.

3) Особнякомъ при *algēre* стоитъ прилагательное *algiosus*, извѣстное, напр., изъ глоссы: *A l g i o s u s* δύσριγος (CGL. II, 14, 31). Я затруднился бы объяснить это образованіе иначе какъ въ качествѣ продукта аналогіи со стороны *alsiosus* (ср., напр., CGL. V, 264, 34: *A l s i o s u s quod alget, id est frigorosus)*, возникшаго, конечно, изъ прилагательнаго *alsius*, подобно тому какъ при *frigidus* явилось *frig(i)dosus* (ср. CGL. IV, 307, 50: *Alsosus f r i g d o s u s);* возможно однако, что точкой отправленіе для *algiosus* служилъ вульгарно-латинскій дублетъ 4-го спряженія **algīre;* о дублетахъ этого рода см. напр. R ö n s c h It. u. Vulg. стр. 284, Coll. phil. стр. 225 сл.

чанія по поводу соотношенія существительныхъ на *-ō(n)-* и прилагательныхъ на *-osus* (см. выше, стр. 178) или появленіе глаголовъ на *-tare* при абстрактныхъ существительныхъ на *-tāt(i)-*, подробно выясненное мной въ „Изслѣдованіяхъ“ (стр. 35 сл. и въ особенности стр. 64 сл.)[1]).

Что касается с. *Mussosa* (CIL. VIII 6129), на ряду съ которымъ, быть можетъ, позволительно было бы поставить

---

1) Касаясь предложенной мной теоріи для разъясненія глаголовъ типа *debilitare, nobilitare,* И. В. Н е т у ш и л ъ („Фил. Обозр.“, XXI 2, стр. 83) замѣчаетъ, между прочимъ: „Объясненіе (такихъ глаголовъ) въ связи съ прилагательными, предлагаемое г. Грушкой, въ методологической части обставлено образцово, однако, насколько дѣло касается точки отправленія, я лично склонялся бы скорѣе въ пользу толкованія г. Покровскаго. На мой взглядъ, *nobilitare* не можетъ примыкать непосредственно къ *nobilis,* а только къ *nobilitas*. При этомъ, однако, какъ ни заманчиво предположеніе о словѣ **nobilitā,* это скорѣе только абстракція, извлеченная изъ существительнаго *nobilitas nobilitā-tis,* совершенно такъ, какъ основа повелительнаго *nolī nolīte* извлечена изъ *nolī-tis* (стр. 81). Такое извлеченіе укороченной основы обусловливалось именно значеніемъ гласнаго *ā,* какъ характеристики основъ отъименныхъ глаголовъ. Само же укороченіе основы *nobilitat-* примыкаетъ къ аналогіи подобнаго же соотношенія, напр. между *clamor* и *clamā-re* (стр. 57), *nutrix* и *nutrī-re* (стр. 14), *manceps* и *mancipare* и т. п.“ Съ этими соображеніями однако трудно согласиться. Прежде всего, для меня несовсѣмъ ясно, какимъ образомъ И. В. Нетушилъ, предлагая совершенно самостоятельное толкованіе глаголовъ типа *debilitare* и полемизируя противъ прототипа **nobilita,* вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ свою солидарность съ той теоріей этихъ глаголовъ, которая исходной точкой беретъ именно этотъ прототипъ? Далѣе, я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы можно было сопоставить „абстракцію“ **nobilitā* съ совершенно реальными формами *nolī, nolīte.* Хотя я лично вполнѣ вѣрю въ реальность формы **nobilitā* (или, по крайней мѣрѣ, въ реальность такого т и п а), однако даже при этомъ условіи я не вижу возможности сопоставлять ее съ *nolī, nolīte* съ какой бы то ни было точки зрѣнія: **nobilitā* есть т о ч к а о т п р а в л е н і я для *nobilitas, -tātis,* тогда какъ *nolī, nolīte* суть н о в о о б р а з о в а н і я, возникшія аналогическимъ путемъ при оптативной формѣ *nolītis.* Въ чемъ же заключается tertium comparationis? Говорить объ „укороченіи“ основы *nobilitat-,* ссылаясь на аналогію *clamor* : *clamare* или *nutrix* : *nutrīre*, мы также не имѣемъ права, такъ какъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ болѣе „короткая“ основа, несомнѣнно, реально существовала въ соотвѣтствующихъ именныхъ образованіяхъ, предполагать же аналогическое воздѣйствіе этихъ глаголовъ на глаголы типа *nobilitare* было бы рѣшительно невозможно вслѣдствіе полнаго отсутствія звукового сходства. Мнѣ очень пріятно отмѣтить въ заключеніе, что самъ М. М. Покровскій еще до появленія моихъ „Изслѣдованій“ склонился къ пониманію данной группы глаголовъ, какъ „фреквентативныхъ“.

мужское cognomen *Musosus* (ibid. 6021)[1], то далѣе неувѣренныхъ предположеній итти я не рѣшаюсь. Именно въ основѣ этихъ cognomina можно было бы, пожалуй, заподозрѣть прилагательное **mussosus*, образованное отъ гл. *mussare* „бормотать“, которое примкнуло бы къ такимъ образованіямъ, какъ *clamosus* при *clamare*, *cachinnosus* (Cael. Aurel. Acut. I 3 ad fin.) при *cachinnare*, *murmurosus* (ср. CGL. III 334, 19: *Murmurosus γογγυστής*) при *murmurare* и т. п., которыя близки не только въ морфологическомъ, но и въ семасіологическомъ отношеніи, такъ какъ все это — глаголы и прилагательныя, обозначающіе человѣческіе звуки. Въ виду существованія однако cogn. *Mussus* (CIL. IX 5067)[2], *Mussa* (ibid. VIII 7333) возникаетъ вопросъ, не было ли *Mussosa* *(-us?)* спеціально ономатологическимъ образованіемъ, принадлежа такимъ образомъ къ третьей установленной Моммсеномъ категоріи, о которой рѣчь будетъ ниже?

Аналогичныя сомнѣнія, и даже еще въ большей степени, возникаютъ по поводу cogn. *Mussiosa* (CIL. VIII 6041). Съ одной стороны, можно было бы, пожалуй, заподозрѣть его происхожденіе отъ прилагательнаго **mussiosus*, тождественнаго по значенію съ только что предположеннымъ нами **mussosus*; что касается морфологической стороны дѣла, то тутъ точкой отправленія могло бы служить прилагательное *murmuriosus* (напр. Augustin. *Sermon*. 188, № 5, ed. Mai), правильное истолкованіе котораго мы находимъ уже у М. М. Покровскаго („Матеріалы“, стр. 120). „Позволительно спросить, — говоритъ этотъ ученый, — не было ли въ народномъ языкѣ существительнаго **murmurium* (ср. ит. *mormorio)*, отъ котораго и произошло это прилагательное“. Въ видѣ добавочнаго подкрѣпленія къ этой гипотезѣ я

[1]) Единичное *s* вм. *ss* передано и для гл. *mussare*, напр., въ глоссаріяхъ (ср. CGL. IV 539, 54; V 311, 51).

[2]) Отто (Jahrb. f. class. Phil. 24 Supplb., стр. 808) по поводу этого имени замѣчаетъ: „*Mussus* participium perfecti esse puto verbi *muttiendi;* inde Naevius dicit *summussos* (inc. nom. trag. X R^3)“.

могъ бы привести образованія *susurrium* : *susurriosus*[1]), которыя представляютъ превосходное морфолого-семасіологическое pendant къ *murmurium* : *murmuriosus*, интересное тѣмъ болѣе, что въ *susurrium* легко было бы заподозрѣть исходную точку для возникновенія **murmurium*[2]). Нѣкоторый интересъ въ данной связи могутъ имѣть также образованія *suspirium* (напр. Cic. *Tusc.* IV, 72)[3]) : *suspiriosus* (напр., Plnn. *n. h.* XX 9) и, пожалуй, еще *silentium* : *silentiosus* (напр. Apul. *Met.* 11). Предположенное мною прилагательное **mussiosus* относилось бы къ **mussosus*, о которомъ рѣчь была выше, такъ же, какъ *murmuriosus* къ *murmurosus*[4]). Кромѣ того, къ объ-

[1]) Существительное *susurrium* засвидѣтельствовано, напр., у Августина *(cont.* IX, 9, 20), прилагательное же *sussurriosus* было мной извлечено еще въ моихъ „Изслѣдованіяхъ“ (стр. 67, прим. 1) изъ „Кириллова“ глоссарія (CGL. II, 480, 60), обслѣдованнаго мной спеціально съ лексикографической точки зрѣнія (другія цитаты см. у Гётца, Thes. gloss. s. v., гдѣ, впрочемъ, пропущена вышеупомянутая „Кириллова“ глосса); съ другой стороны, образованіе *susurrium* Гётцъ (ibid. s. v.) извлекаетъ путемъ коньектуры изъ слѣдующей испорченной глоссы: *Ψιθυρισμός sufarium* (CGL. III, 164, 44).

[2]) Впрочемъ, быть можетъ, мы въ правѣ даже освободить отъ звѣздочки это слово. Дѣло въ томъ, что въ дополненіяхъ къ словарю Forcellini-de-Vit (t. VI, p. 666) мы находимъ слѣдующую цитату: Sedul. Scot. *de R. C. cap. 18: Absit murmurium.*

[3]) Да будетъ мнѣ позволено попутно отмѣтить дублетъ при *suspirium* — *suspirio*, засвидѣтельствованный въ „Кирилловой“ глоссѣ CGL. II, 282, 12: *Δύσπνοια hoc suspirium suspirio*. Другіе дублеты на *-ium* : *-io* см. у М. М. Покровскаго, „Матеріалы“, стр. 108 сл., и въ моихъ „Изслѣдованіяхъ“, стр. 10, прим. 2. Кстати отмѣчу еще одно синонимическое существительное — *suspirĭtus*, представляющее интересъ въ морфологическомъ отношеніи: мы имѣемъ здѣсь дѣло съ несомнѣннымъ аналогическимъ новообразованіемъ, возникшимъ при гл. *suspirare* подъ вліяніемъ *spirĭtus* (при *spirare);* подобно этому при *halĭtus* (отъ *halāre)* возникло *an-helĭtus* (отъ *an-helare)*.

[4]) На почвѣ такихъ образованій, какъ *murmuriosus, susurriosus, suspiriosus, silentiosus*, быть можетъ, позволительно было бы объяснить появленіе *soniosus*, засвидѣтельствованнаго въ „Кирилловой“ глоссѣ: *Ψοφοδεής soniosus* (CGL. II 481). Гётцъ (Thes. gloss, стр. 279) греческую лемму исправляетъ въ *ψοφώδης*, не ближе ли однако къ рукописной традиціи было бы *ψοφοειδής?* Что касается латинскаго interpretamentum, то одна изъ р-сей (*a*) даетъ чтеніе *sonosus*, а изданіе Стефана — *sonorosus*. Гётцъ (ibid.) спрашиваетъ, не слѣдуетъ ли читать *sonorus?* Во всякомъ случаѣ, если не *soniosus*, то *sonosus* представляетъ собой такое чтеніе, которое, какъ мнѣ кажется, не можетъ возбудить никакихъ морфологическихъ затрудненій, въ виду чего я не считалъ бы необходимымъ прибѣгать къ коньектурамъ.

ясненію образованія **mussiosus* было бы позволительно, пожалуй, подойти и съ другой стороны: именно засвидѣтельствованное въ Exc. ex Charis. 535, 35 K. отглагольное образованіе *mussītus*[1]) даетъ поводъ подозрѣвать на ряду съ *mussare* дублетъ **mussīre,* который и могъ служить точкой отправленія для **mussiosus* (ср., напр., *blandire* : *blandiosus).* Несмотря на все это, наличность nom. gent. *Mussius, -a* (ср. CIL. VIII 407, 5727 и т. д.) заставляетъ скорѣе предположить, что *Mussiosa (-us?)* принадлежитъ опять-таки къ третьей категоріи cognomina на *-osus.*

Нѣкоторыя затрудненія возникаютъ также по отношенію къ cogn. *Fedosus* (CIL. VIII 8252); быть можетъ, оно соотвѣтствуетъ прилагательному *foedosus,* засвидѣтельствованному въ Thes. nov. lat., p. 244; замѣчу кстати, что это послѣднее образованіе могло возникнуть при *foedus* по аналогіи съ *ἀντίθετα formosus, speciosus.* Нельзя ли было бы и cogn. *Bellosa* (Le Blant n. 337a) возвести къ прилагательному **bellosus* „красивый“? Такое толкованіе я считалъ бы болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ сопоставленіе даннаго cognomen съ *bellosus* „воинственный“, извѣстнымъ изъ глоссы Нонія (p. 80 M.): *Bellosum bellicosum. Caelius: tantum bellum suscitare conari adversarios contra bellosum genus?*

По поводу c. *Libosus* (CIL. VIII 4725, 9498, 9608), *-a* (ibid. 3526, 3783 и т. д.) я не рѣшаюсь высказаться сколько-нибудь опредѣленно: связь этого имени съ гл. *lībāre* или *lĭbēre,* равно какъ и съ существительнымъ *lībum,* одинаково сомнительна. Напомню кстати cogn. *Lĭbo* (Hor. *epist.* I 19, 8: *pŭtĕalquĕ Lĭbōnis).* Циммерманъ (Arch. f. lat. Lex. XIII, стр. 417), приведя этотъ примѣръ, а также и нѣкоторыя другія цитаты, замѣчаетъ: „derselbe Stamm wohl in *libet lubet (Liuba* Westgotenkönig bei Forstemann erwähnt)“. Я не знаю

[1]) Хотя просодія *i* въ этомъ словѣ и неизвѣстна, однако едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что оно было долгимъ.

однако, насколько подобная этимологія можетъ быть названа достовѣрной.

Окончательно темными остаются для меня слѣдующія три приводимыхъ Моммсеномъ имени: *Cucosa* (CIL. VIII 6123), *Didosa* (ibid. 8997), *Lillosa* (ibid. 9161).

Въ этой же связи остановлюсь еще на нѣкоторыхъ именахъ съ исходомъ *-osus, -a,* не упомянутыхъ Моммсеномъ[1]) и интересныхъ въ томъ отношеніи, что въ основѣ ихъ лежатъ, повидимому, прилагательныя, употреблявшіяся въ живомъ говорѣ.

Такъ, сюда можетъ быть отнесено c. vir. *Cassosus* — „fuit ita appellatus episcopus Ausonensis, unus ex iis quos Hunericus rex a. 484 exsilio multavit, ut ex *Notitia Africae* discimus“ (d e-V i t. s. n.), изъ котораго я извлекаю прилагательное **cassosus,* возникшее при *cassus,* быть можетъ, изъ субстантивированнаго *cassum*[2]). Замѣчу кстати, что **cassosus* могло появиться въ языкѣ также подъ вліяніемъ близкаго по значенію **cavosus,* которое позволительно извлечь изъ засвидѣтельствованнаго абстрактнаго существительнаго *cavositas* (ср. Tertull. *Anim.* 55: *Nuda cavositas);* ср. также прилагательное *cavernosus* (напр. Plin. *h. n.* XXVI 37, 1: *radix cavernosa).*

Мужское имя *Catosus* (Augustin. *C. D.* XXII 8, n. 9), быть можетъ, также восходитъ къ соотвѣтствующему прилагательному **catosus,* которое легко объяснить, какъ продуктъ аналогическаго воздѣйствія со стороны *ingeniosus, dolosus, captiosus, sutelosus*[3]) и т. п.; напомню еще прилагательное *gna-*

[1]) Это объясняется тѣмъ, что Моммсенъ касается лишь собственныхъ именъ, засвидѣтельствованныхъ на африканскихъ надписяхъ, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ пополняя изложеніе другими, впрочемъ эпиграфическими же данными.

[2]) Таково мнѣніе М. М. Покровскаго („Матеріалы“, стр. 103), приводящаго *cassosus* безъ звѣздочки. Мнѣ однако не удалось нигдѣ найти этого прилагательнаго. Если оно дѣйствительно засвидѣтельствовано фактически, то, конечно, собственное имя *Cassosus* придется отнести въ группу cognomina на *-osus,* перечисленныхъ на стр. 177.

[3]) Это послѣднее прилагательное, кстати сказать, пропущенное Паукеромъ въ спискѣ прилагательныхъ на *-osus* (Vorarb. z. lat. Sprachgesch. I

rosus, извѣстное мнѣ лишь изъ глоссы: *Gnarosae prudentes sapientes* (CGL. V 502, 4)[1]).

Далѣе отмѣчу любопытное с. *Scurpillosa*, встрѣчающееся на галльской христіанской надписи (CIL. XII 2070 [5247]). Исходной точкой для этого имени, восходящаго, по всей вѣроятности, къ прилагательному **scurpillosus*, несомнѣнно, было существительное *scrupus*, откуда уменьшительное *scrupulus* и далѣе — **scrupillus*[2]). И вотъ, подобно тому, какъ отъ *scrupus* было образовано *scruposus* и отъ *scrupulus* — *scrupulosus*, изъ **scrupillus* могло возникнуть **scrupillosus*. Что касается формы **scurpillosus*, то это — результатъ такой же

стр. 85, приводится лишь нарѣчіе *sutelose)*, засвидѣтельствовано въ глоссаріяхъ (см. Götz, Thes. gloss. s. v.).

[1]) Ср. также нарѣчіе *gnarose*, засвидѣтельствованное въ глоссѣ: *gnarose prudenter, sapienter* (CGL. V, 459, 3); возможно однако, что это та же глосса, что̀ и приведенная выше, но съ неправильной ороографіей *-e* вм. *-ae* и приноровленнымъ затѣмъ interpretamentum. Впрочемъ, такъ или иначе, существованіе прилагательнаго *gnarosus* несомнѣнно [въ спискѣ Паукера оно пропущено].

[2]) На какомъ основаніи Pirson (La langue des inscr. lat. de la Gaule, стр. 222) предполагаетъ при *scrupus* уменьшительное *scrupilla*, я не знаю. Едва ли правъ также этотъ ученый (ibid.), утверждая, что „ces noms en *-osus* dérivent le plus souvent de substantifs de la troisième conjugaison, conformément à l'usage général“. Опроверженіемъ этого мнѣнія можетъ служить приводимый имъ самимъ списокъ именъ на *-osus* (на галльскихъ надписяхъ), среди которыхъ нѣтъ ни одного, образованнаго отъ существительнаго 3-го склоненія! Гораздо правильнѣе по тому же вопросу высказываются Schönwerth-Weimann (Arch. V, стр. 199): „Unter den (Adjectiven auf *-osus*) überwiegen bei weitem die von Substantiven der Sogenannten drei ersten Deklinationen abstammenden“. Далѣе Pirson (ibid.) замѣчаетъ: „Le suffixe *-osus* s'ajoute également à des radicaux grecs et donne ainsi naissance à des noms propres hybrides, qui caractérisent surtout la latinité de l'époque archaique et de la décadence (cf. Arch. f. lat. Lex. V, p. 200): † *Tryphosa* (CIL. XII, 3821, 3977), † *Charistosa* (ibid. 300)“. Я долженъ однако замѣтить, что первое имя можно было бы безъ всякихъ оговорокъ отнести къ разряду „гибридныхъ“ образованій только въ томъ случаѣ, если бы въ основѣ этого имени лежало непремѣнно греч. **τρυφή;** ничто однако не препятствуетъ предположить въ видѣ основы причастную форму **τρυφῶσα**, которому, быть можетъ, уже на греческой почвѣ соотвѣтствовало собственное имя * **Τρυφῶσα:** ср., во всякомъ случаѣ, такія женскія имена, какъ: **Ἀρέσκουσα, Βρύουσα, Θάλλουσα, Εὐτυχοῦσα, Πρέπουσα** (см. Bechtel, Die attisch. Frauennamen, стр. 44). Прибавлю, что cogn. *Tryphosa* извѣстно мнѣ еще изъ CIL. V 3617.

metathesis, какъ въ *tarpessita* при *trapezita*, *corcodilus* при *crocodilus*, *interpertor* при *interpretor* и т. п. (ср. Seelmann, DieAusspr. d. Lat., стр. 330)[1]).

По поводу cogn. *Pattosus* (Schuermans Sigles figulines, 4217)[2]) Pirson (op. c., стр. 222) замѣчаетъ: „Peut-être avons nous ici le radical **patta*, le type latin ou étranger qui a donné naissance au fr. *patte* et à ses nombreux dérivés“[3]). Съ своей стороны прибавлю еще одинъ любопытный ономатологическій фактъ, относящійся, очевидно, къ той же этимологической группѣ, а именно cogn. *Patto*, извѣстное мнѣ изъ CIL. VII 1336 (812)[4]). По поводу соотношенія *Patto* (= **patto?*) : *Pattosus* (= **pattosus*) ср. сопоставленія, сдѣланныя мною выше, стр. 178.

Весьма интересно женское cogn. *Seneciosa* (CIL. VIII 6013), изъ котораго, быть можетъ, мы въ правѣ извлечь прилагательное **seneciosus*, которое могло развиться на ряду съ *senecio* (кстати сказать, также являющимся въ качествѣ cognomen *Senecio*: ср., напр., CIL. VIII 2494, 6985) опять-таки по аналогіи съ многочисленными парами на *-ō* (*-ōnis*) : *-ōsus*.

Женское cogn. *Felicitosa* (CIL. XIV 761), быть можетъ, основано на прилагательномъ **felicitosus*, которое по своему образованію вполнѣ соотвѣтствовало бы общеизвѣстному

[1]) Впрочемъ, опредѣлить, въ какой морфологической стадіи возникло это metathesis, невозможно.

[2]) Ср. также CIL. III 12014 (420).

[3]) Ср. Körting, Lat.-röm. Wtb.², № 6917.

[4]) Замѣчу, на всякій случай, что это имя отсутствуетъ въ спискѣ Циммермана (Arch. f. lat. Lex. XIII). Что касается cogn. *Pedo* (напр. CIL. I 1490, V 926, XII 4190), которое этотъ ученый (ibid., стр. 476) сопоставляетъ съ нарицательнымъ *pedo* = **πλατύπους** (напр. CGL. II 144, 28), то по мнѣнію В. Шульце (Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 315), „man wird die Frage aufwerfen dürfen, ob *Pedo* überhaupt zu *pes* und damit zu der (sicher lateinischen) Gruppe *Capito, Fronto, Naso, Labeo* (?), *Dento, Mento, Dosuo (Dorsuo)* gehört und nicht vielmehr die etruskische Complementärform zu *Pedienius, Pedusius* darstellt. Eine sichere Antwort wird sich freilich auf diese und manche ähnliche Frage nicht geben lassen“.

calamitosus[1]), кстати сказать представляющему вмѣстѣ съ тѣмъ ἀντίθετον по значенію: ср. еще прилагательныя *amaritosus* (Gargil. Mart. *De Arb. pom.* 3. 7, p. 68, ed. Rom. 1846: *ex morsu pecorum omnia haec a m a r i t o s a contingere)*[2]), *dignitosus* (ср. Aldhelm. *laud. virg.* 54)[3]) и въ особенности — *infelicitosus*, засвидѣтельствованное на надписи CIL. IX 1867: *pater quem c[i]to decepisti infe[li]citosum*[4]). Правда, наличность cognomina *Felicita* (CIL. VIII 3768)[5]) и *Felicitas* (ibid. 442, 1803 и т. д.) даетъ нѣкоторый поводъ заподозрѣть въ *Felicitosa* специально-ономатологическое образованіе, однако я лично склонился бы скорѣе къ первому способу толкованія.

Вообще провести безусловно-отчетливую черту между второй и третьей категоріей собственныхъ именъ на *-osus* далеко не всегда возможно, и во многихъ случаяхъ приходится колебаться, къ какой изъ этихъ двухъ категорій относится то или другое конкретное cognomen, и уже въ предыдущемъ изложеніи мы не разъ должны были отмѣтить такого рода затрудненіе.

Между прочимъ, слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя cognomina на *-osus*, относимыя Моммсеномъ безъ всякихъ оговорокъ къ третьей категоріи, т.-е. специально ономатологическимъ образованіямъ, возникшимъ отъ тѣхъ или другихъ собственныхъ именъ, на самомъ дѣлѣ, быть можетъ, должны быть переведены во вторую категорію, заключая въ своей основѣ соотвѣтствующія прилагательныя, существовавшія въ живомъ говорѣ.

Такъ, прежде всего, я выдѣляю въ эту категорію cogn.

---

1) Это прилагательное, равно какъ всѣ образованія даннаго типа, прекрасно разъяснено М. М. Покровскимъ (Kuhn's Zeitschr. XXXV, стр. 250 сл.).

2) Nettleship (Contributions to Lat. lexicography, стр. 146) замѣчаетъ по поводу этой формы: „perhaps, as Georges suggests, *amaricosus;* or may it be *amaritiosus?*“ Однако въ такихъ исправленіяхъ едва ли есть надобность.

3) Это же прилагательное засвидѣтельствовано въ глоссаріяхъ (см. Götz, Thes. gloss. s. v.).

) См. Olcott, Studies, стр. 207.

5) Ср. кстати женское имя *Capacita* (CIL. III, edict. Dioclet. 15152).

Veneriosa (CIL. VIII 3493, XII 2149)[1]); хотя и существовало cogn. *Veneria* (ibid. VIII 933, 2084 и т. д.), тѣмъ не менѣе необходимо обратить вниманіе на засвидѣтельствованное въ глоссаріяхъ прилагательное *veneriosus* (см. Götz, Thes. gloss. s. v.), происхожденіе котораго можно объяснить различно: оно возникло или изъ *veneria* „любовныя наслажденія“ (ср. греч. ἀφροδίσια), или преобразовано изъ *venerius* „предающійся любви“ (ср. Gell. *Noct. Att.* VI 8, 1: *Delphinos v e n e r i o s esse... historiae declarant)* подъ вліяніемъ *venerosus*, прилагательнаго, засвидѣтельствованнаго въ глоссѣ: *V e n e r o s u s* ἀφροδισιαστής (CGL. II 253, 56); ср. также *pruriosus*, *mulierosus*, *puerosus* и т. п., а также, пожалуй, *luxuriosus*.

Далѣе, изъ с. *Quetosus* (CIL. VIII 165, 6110), *-a* (ibid. 6812) я считаю возможнымъ извлечь прилагательное **qu(i)etosus;* исчезновеніе *i* ($<\underset{\circ}{i}$) въ этомъ случаѣ такого же происхожденія, какъ, напр., въ *quescat* (напр. ibid. VI 21322) или въ собственномъ имени *Quetus* (напр. ibid. XI 628)[2]). Что касается морфологической стороны дѣла, то прежде всего **quietosus* могло бы быть понято, какъ вторичное образованіе отъ *quies, -ētis* „покой“[3]), при чемъ въ семасіологическомъ отношеніи это прилагательное можно было бы сопоставить съ общеизвѣстнымъ *otiosus* при *otium* (ср., если это нужно, хотя бы слѣдующую глоссу: *Quietos otiosos* [CGL. IV 159, 10]),

---

1) Ср. еще cogn. masc. *Beneriosus* (CIL. VI 9920), на которое указываетъ В. Шульце (Z. Gesch. lat. Eigennam, стр. 285).

2) Аналогичное исчезновеніе *i*, по мнѣнію В. Шульце (Z. Gesch. lat. Eigennamen, стр. 427), является въ ономатологическомъ исходѣ *-edius* на ряду съ *-iedius* (напр. *Uttedius* и *Uttiedius* CIL. VI 29615) „ebenso ist vermutlich auch *Avelius* IX 3171 identisch mit dem Namen des *C. Avielius C. f. Paelignus* Eph. epigr. VIII 389 nr. 94“.

3) На ряду съ этимъ въ латинскомъ языкѣ существовало, повидимому, прилагательное *quies* „спокойный“, ср. глоссу: *Q u i e s* ἥσυχος (CGL. II 325, 58); ср. также *inquies*, засвидѣтельствованное, напр., въ глоссахъ: *I n q u i e s sine quiete* (ibid. IV 97, 28; 250, 29). *Quies*, находится къ *quietus*, въ такомъ же отношеніи, въ какомъ, напр., *damnas* къ *damnatus*. Ср. кстати сказанное мной о *cuppes* въ моихъ „Изслѣдованіяхъ“, стр. 101.

или *desidiosus* при *desidia*, ср. также *ἀντίθετα negotiosus* при *negotium* или *operosus* при *opera*. Съ другой стороны, однако, для **quietosus* за точку отправленія можно было бы взять и прилагательное *quietus;* въ качествѣ морфолого-семасіологической параллели въ такомъ случаѣ можно было бы привести хотя бы *strenuosus* (изъ *strenuus)*, остроумно востановляемое Löwe у Плавта — *Trin.* 1036: *strenuosos* (рукописи: *strenuos) praeterire more fit* и засвидѣтельствованное глоссой: *Strenuosissimus fortissimus* (cod. Amplon., p. 375b 136)[1]); замѣчу кстати, что такому раннему появленію прилагательнаго *strenuosus* могла содѣйствовать наличность указанныхъ выше прилагательныхъ *negotiosus, operosus, otiosus, desidiosus*. Эти же прилагательныя, конечно, могли играть роль и при возникновеніи **quietosus* на ряду съ *quietus*.

Весьма вѣроятно, что и упоминаемыя Моммсеномъ cognomina *Bonosus, -a*, засвидѣтельствованныя во многихъ текстахъ (см. de-Vit s. v.), равно какъ и на надписяхъ (напр., CIL. III 919; 6150, 32; 805; V 1639; VIII 5188, 8020, 10636 и т. д., XII 5336, XIV 1288, 1937), также вышли изъ прилагательнаго **bonosus*, которое могло возникнуть при *bonus*, хотя бы по аналогіи съ *malignosus*, извѣстнымъ изъ глоссы (напр. CGL. II 126, 33: *Malignosus κακοεντρεχής)* при *malignus;* ср. также *ἀντίθετα probrosus*, итал. *vituperoso* и т. п.

Соотвѣтствующимъ образомъ позволительно было бы объяснить и cognomina *Carosus, -a*, засвидѣтельствованныя также не только на надписяхъ (напр. CIL III 2027; V 1639; VIII 853, 8589 и т. д., XII 5336), но и въ поздне-латинскихъ текстахъ (см. де-Vit s. v.); прилагательное **carosus* при *carus* могло бы быть ближайшимъ образомъ сопоставлено съ **iucundosus*, которое мы, повидимому, имѣемъ право возстановить изъ засвидѣтельствованнаго на надписяхъ нарѣчія *iucundose* (CIL. VI 24930: *vixit iucundose)*[2]).

---

[1]) См. Löwe, Gloss. nominum, стр. 212.
[2]) См. Olcott, Studies, стр. 207.

Что касается cogn. *Maximosa* (CIL. VIII 4976), то, хотя, опираясь на аналогію такихъ образованій, какъ *innumerosus* (при *innumerus)* и отчасти — *numerosus*, можно было бы, пожалуй, возстановить прилагательное **maximosus*, тѣмъ не менѣе гораздо вѣроятнѣе признать въ этомъ cognomen чисто ономатологическое образованіе, возникшее отъ cognomen *Maximus, -a*, что̀ приводитъ насъ уже къ третьей категоріи cognomina на *-osus*, справедливо выдѣленной Моммсеномъ въ спеціальную группу.

Помимо перечисленныхъ этимъ ученымъ примѣровъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ, относимыхъ нами скорѣе ко второй группѣ) можно упомянуть еще лишь одно — *Domnicosus*: „fuit ita appellatus episcopus Tigistanus in Numidia, qui a. 484 in exilium eiectus est ab Hunerico Vandalorum rege, ut ex Notit. Africae patet“ (de-Vit s. n.); это имя скорѣе всего является дальнѣйшимъ распространеніемъ cogn. *Dominicus* (см. de-Vit s. n.).

Въ заключеніе приведу интересное замѣчаніе В. Шульце (Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 285) по поводу cognomina на *-osus* данной категоріи: „Dass das Suffix *-ōsus* gelegentlich direct zur Bildung patronymischer oder metronymischer Namen gebraucht wurde, zeigt das Beispiel der *Numonia Belliosa*, die eine Tochter der *Numonia Bellia* war, CIL. XIII 2000. Die Familie stammte aus Afrika“[1]).

---

[1]) Прибавлю еще, что Horning (Zeitschr. f. rom. Phil. XXI, стр. 458) отмѣчаетъ изъ Декамерона Боккачьо (IX 5) любопытное женское имя *Niccolosa*, принадлежащее къ тому же ономатологическому типу.

IV. Къ вопросу о прилагательныхъ на -idus.

Сложный и запутанный вопросъ о латинскихъ прилагательныхъ съ исходомъ *-ĭdus* не такъ давно былъ хорошо разъясненъ Нидерманомъ[1]), основной тезисъ котораго сводится къ тому, что съ самаго начала этотъ суффиксъ былъ вторичнымъ и что при помощи его осложнялись простѣйшія основы прилагательныхъ. Что же касается такихъ случаевъ, гдѣ прилагательныя на *-ĭdus* развиваются при глаголахъ на *-ēre* или при абстрактныхъ существительныхъ на *-or(< -ōs)*, то это — позднѣйшіе типы данной морфологической категоріи, возникшіе аналогическимъ путемъ.

Вполнѣ соглашаясь съ основной точкой зрѣнія Нидермана, я считаю однако необходимымъ внести нѣкоторыя частичныя дополненія и поправки въ его изслѣдованіе, что̀ и составитъ содержаніе настоящаго этюда.

Что касается новообразованій на *-ĭdus* при глаголахъ на *-ĕ̄re*[2]), то есть основаніе отнести ихъ возникновеніе къ до-

[1]) См. Indogerm. Forsch. X, стр. 221 сл.

[2]) Особаго вниманія заслуживаютъ прилагательныя на *-ĭdus* съ префиксами, свойственными глаголамъ, что̀ особенно ясно подчеркиваетъ ихъ отглагольный характеръ: ср. *dilabidus* „(легко) распадающійся" (ср. Plin. *h. n.* VIII 219) при *dilabi*, *eiuncidus*, „превратившійся въ тростъ" (ср. Varr. *R. R.* I 31, 3; Plin. *h. n.* XVII 173) при глаг. *eiuncescere* „превращаться въ тростъ" (напр. Plin. ibid.), *evanidus* „исчезающій, исчезнувшій" (впервые, кажется, у Овидія, напр. *Met.* V 435) при *evanescere, immadidus* „сырой" (Avien. *progn.* 84) при *immadescere* и т. п. У Геллія (XIX 1, 6) рукописи даютъ слѣдующее чтеніе: *ibi hominem conspicimus i n p a v i d u m et e x t r i l i d u m... coloris et voltus turbatione*

вольно древней и даже доисторической эпохѣ. На это указываетъ, напр., прилагательное *avidus* при гл. *avere;* древность этого образованія свидѣтельствуется глаголомъ *audēre*, который, какъ это указалъ еще Б р е а л ь (Mém. d. l. soc. de lingu. V, стр. 193), скорѣе всего возникъ изъ *audus*[1]) > *avidus*[2]); замѣчу, кстати, что изъ этого послѣдняго прилагательнаго впослѣдствіи былъ вторично образованъ отъименный глаголъ 2-го спряженія, но уже безъ syncope и притомъ съ другимъ значеніемъ — *avidere*, извѣстный мнѣ изъ „Кирилловой" глоссы: *Ἀπληστεύομαι avideo* (CGL. II 235, 23)[3]). Весьма древнее происхожденіе можно подозрѣвать и для прилагательнаго *aridus* при гл. *ārēre*, судя по тому, что изъ него возникъ гл. *ardēre:* при этомъ характерно, что какъ этотъ глаголъ, такъ и *audere* образуютъ pf. и ptc. pf. pass. (med.) по аналогіи съ глаголами неотъименными. По всей вѣроятности, въ доисторическую эпоху возникло и прилагательное *plăcidus* при гл. *plăcēre*, такъ какъ уже у Плавта мы видимъ эти два слова семасіологически разобщенными.

Переходя къ первой группѣ прилагательныхъ на *-ĭdus*, установленной Нидерманомъ, а именно къ той, которая состоитъ изъ образованій, возникшихъ отъ утраченныхъ еще

non mullum a ceteris differentem. Вм. *inpavidum* обыкновенно читаютъ *pavidum*, что̀ весьма вѣроятно, такъ какъ префиксъ *in-* легко могъ попасть изъ стоящихъ нѣсколько выше прилагательныхъ *interritus* и *intrepidus;* что касается *extrilidus*, то я затруднился бы объяснить это образованіе. Г е о р г е с ъ (s. v.) полагаетъ, что надо читать *extimidus*, каковое прилагательное, замѣчу кстати, было бы вполнѣ естественно при гл. *extimescere* и примкнуло бы къ близкому по значенію *expavidus* „испуганный", встрѣчающемуся у того же Геллія (I 8, 6). Впрочемъ, ручаться за достовѣрность этого исправленія трудно.

[1]) Эту форму, повидимому, мы должны допустить у Плавта: *Bacch.* 276 (см. S k u t s c h, Plaut. u. Rom., стр. 44).

[2]) Иначе, но едва ли вѣрно, объясняетъ *audeo* B a r t h o l o m a e (Bezz. Beitr. XVII, стр. 120), выводя этотъ глаголъ изъ слабѣйшей степени корня *auedh* (*ἄεθλον, avidus : audeo = ἀέξω : αὐξάνω*). Однако, какъ справедливо замѣчаетъ C i a r d i - D u p r é (ibid. XXVI, стр. 206, прим. 2): „diese Annahme scheitert daran, dass urspr. * *audh-* zu * *aub-* geworden wäre".

[3]) На этотъ глаголъ я обратилъ вниманіе уже въ своихъ „Изслѣдованіяхъ", стр. 32.

въ доисторическую эпоху прилагательныхъ, я прибавлю нѣкоторые новые факты, которые могутъ быть отнесены къ ней.

Такъ, прежде всего, отмѣчу прилагательное *floscidus*, засвидѣтельствованное въ глоссѣ: *Floscida florulenta floribus plena* (CGL. V 457, 24=ibid. 501, 21). Не подлежитъ сомнѣнію, что въ основѣ этого образованія лежитъ **floscus*, отъ котораго затѣмъ возникло между прочимъ и прилагательное **flosculus*. Это послѣднее можно извлечь, съ одной стороны, изъ женскаго cogn. *Floscula* (inscr. Momms. n. 2943)[1]), которое, кстати сказать, позволительно было бы въ такомъ случаѣ сравнить съ такими греческими именами, какъ Ἀνθηρά (CIA. 3425) или Θάλλουσα (ibid. III 1530)[2]), а съ другой стороны, изъ парѣчія *floscule*, засвидѣтельствованнаго у Целія Авреліана (*Acut.* I 6, 50: *Corpus floscule vividum*). Замѣчу попутно, что **floscus* : **flosculus* = **mascus* : *masculus*[3]); при этомъ *flosculus* могло бы быть понято и не какъ уменьшительное образованіе[4]), а какъ продуктъ аналогіи со стороны **florulus*, если только мы въ правѣ извлечь это послѣднее образованіе изъ позднелатинскаго *florulentus*, которое однако могло заключать въ себѣ уже готовый суффиксъ *-ulentus*. Что касается условій возникновенія прилагательнаго *floscidus*, то оно явилось, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ при-

[1]) Впрочемъ, въ виду наличности слова *floscula* въ смыслѣ „цвѣточекъ" въ поздней латыни ([Fulgent.] serm. 6) и отмѣченныхъ мною выше, на стр. 35 съ прим. 2 ономатологическихъ фактовъ, я не рѣшаюсь придавать приведенному толкованію *Floscula* категорическаго характера.

[2]) Ср. Bechtel, Die attischen Frauennamen, стр. 44.

[3]) Объ этихъ послѣднихъ двухъ формахъ см. Osthof, Forsch. im Geb. d. indogerm. nomin. Stammbild., стр. 73.

[4]) Что касается прилагательнаго *anniculus* „годичный", выводимаго Остгофомъ (ibid.) изъ **annicus*, то оно по самому значенію своему легко можетъ быть понято, какъ уменьшительное: не слѣдуетъ забывать, что это слово примѣнялось, между прочимъ, для обозначенія возраста людей и животныхъ, что̀ и было, по всей вѣроятности, первоначальнымъ значеніемъ даннаго прилагательнаго: ср. латинскія уменьшительныя прилагательныя *bimulus*, *quadrimulus* при *bimus*, *quadrimus*, или наше „одинъ годочекъ", „два годочка" и т. п.

лагательнаго *floridus*, извѣстнаго уже изъ Цицерона (напр. *Brut.* 82); на всякій случай замѣчу, что *floridus* : *floscidus* = *roridus* : *roscidus*, при чемъ, впрочемъ, форма *roridus* фактически засвидѣтельствована впервые лишь у Проперція, (ср. II 23, 28), тогда какъ *roscidus* встрѣчается уже у Варрона (ср., напр., *R. R.* III 14)[1]). По поводу этого послѣдняго образованія я долженъ замѣтить, что, соглашаясь съ Нидерманомъ въ томъ, что оно предполагаетъ въ качествѣ точки отправленія прилагательное **roscus*, я сомнѣваюсь, чтобы этотъ прототипъ можно было ставить въ этимологическую связь съ nomen gentilicium *Roscius*, въ которомъ скорѣе, вслѣдъ за Шульце[2]), слѣдуетъ подозрѣвать этрусскую основу.

Зато прототипъ *hispidus* можно съ значительной степенью вѣроятія связать этимологически съ cogn. *Hispo* (ср. Cic. *ep.* XIII 65)[3]): *Hispulla* (ср. Juven. II 50) и т. п.

Далѣе, къ этой же категоріи я отношу и прилагательное *rubidus*. Правда, Нидерманъ причисляетъ его ко второй категоріи прилагательныхъ на *-idus* (т.-е. тѣхъ, при которыхъ сохранились налицо соотвѣтствующія первичныя прилагательныя), выводя его изъ *rŭber*, *-ri* и предполагая, что первоначально оно имѣло форму **rŭbridus*, впослѣдствіи благодаря диссимиляціи утратившую суффиксальное *r*; однако эта гипотеза могла бы быть нами принята только въ томъ случаѣ, если бы былъ правъ Георгесъ (s. v.), дающій просодію *rŭbidus*. На чемъ однако основана такая просодія? Въ двухъ мѣстахъ у Плавта:

Cas. 310:

Atque ibi torreto mé pro pane rúbido

и *Stich.* 228:

Robíginosam strígilim, ampullam rúbidam,

[1]) Что касается третьяго варіанта—*rosidus*, приводившаго въ смущеніе еще Штольца (Histor. Gramm., стр. 564), то Нидерманъ (op. c., стр. 222, прим.) вполнѣ убѣдительно показалъ его сомнительность.

[2]) См. Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 176.

[3]) Другіе примѣры см. у Шульце, op. c., стр. 313 съ пр. 7.

данное прилагательное обнаруживаетъ несомнѣнную долготу корневого *u;* эти два стиха пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что другихъ стихотворныхъ свидѣтельствъ для *rubidus*, какъ кажется, не сохранилось. Чѣмъ же объяснить это *ū?* Едва ли мы имѣемъ какое-нибудь основаніе заподозрѣть здѣсь простую просодическую вольность. Правда, въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ на *-ĭdus* мы усматриваемъ просодическія колебанія корневого слога, но всѣ эти случаи могутъ быть такъ или иначе истолкованы: такъ, напр.:

1) Прилагательное *fluidus (fluuidus)* является у Лукреція то съ обычнымъ у поэтовъ *ŭ*, напр. II 452:

esse magis, f l u i d o quae corpore liquida constant,

то съ *ū*, напр. немного ниже, ст. 464:

sed quod amara vides eadem quae f l u i d a constant.

Это просодическое колебаніе и въ частности ненормальную долготу *u* во второмъ случаѣ Сольмсенъ[1]) объясняетъ, какъ результатъ аналогическаго воздѣйствія со стороны просодическихъ дублетовъ въ родѣ *fŭi, plŭi, lŭi* и т. п.[2]).

2) Такую же просодическую неустойчивость обнаруживаетъ, притомъ у того же Лукреція, и прилагательное *liquidus*, какъ это видно по слѣдующему стиху (IV 1251):

crassaque conveniunt lĭquidis et līquida crassis.

Причина этой неустойчивости, скорѣе всего, лежитъ въ томъ, что группа *qu* имѣла въ просодическомъ отношеніи, приблизительно, такое же обоюдное значеніе, какъ и группа muta cum liquida[1]).

---

[1]) Stud. z. lat. Lautgesch., стр. 129 прим. и 170 пр. 1.

[2]) Иначе смотритъ на *fluidus* M o h l (Introduction à la chronologie du latin vulgaire, стр. 288), сопоставляющій его съ фр. *déluge,* которое, по его мнѣнію, „n'est peut-être pas si savant qu'on veut bien le dire; * *dīlūjo* pour *dīluuium* classique peut provenir... du langage des vieux sanctuaires italiques et le compromis * *dīlūvio* peut fort bien avoir circulé dans la langue vulgaire au moment ou l'Eglise, avec tant d'autres survivances du vieux paganisme italique, l'aura adopté pour elle même. En tous cas * *dīlūjo* rac. *lau -lou-*, grec λούω latin *lauō*, est la forme phonétique d'un dialecte qui conserve *i* ancien sans le vocaliser comme le latin proprement dit; FLVIO inscr. arch. peut signifier dialectalement *flūjo;* cf. *flūidus* chez Lucrèce en latin *socius* suppose, comme ont sait, * *soquios* primitif avec *i* et non encore *ĭ*“.

3) Третій случай менѣе достовѣренъ; это — **cūpidus*, которое мы, повидимому, могли бы извлечь изъ *cūpiditas, -ātis*, каковая просодія предполагается слѣдующимъ стихомъ Левія (fr. 6 v. 1 L. M.):

Vénus amoris áltrix genetrix c ú p i d i t á t i s, mihi.

Луціанъ Мюллеръ[2]), справедливо признающій въ этомъ стихѣ metrum ionicum a maiori, считаетъ необходимымъ въ словѣ *cupiditatis* удвоить *p*, ссылаясь при этомъ на Лукреціево *cuppēdo, -ĭnis*[3]); особенно настаивать однако на такой именно графикѣ я не рѣшился бы, такъ какъ двойное *p* въ этомъ словѣ представило бы, во всякомъ случаѣ, вторичное явленіе. Что касается **cūpĭdus*, то нельзя ли было бы объяснить эту форму изъ гл. **cūpeo* > **coupĕiō* (ср. др.-инд. *kōpáyati*, впрочемъ, съ фактитивнымъ значеніемъ), который мы предположили еще въ „Изслѣдованіяхъ“ (стр. 98). Замѣчу кстати, что это **cūpidus* : **cūpēre*[4]) представляло бы собой хорошее pendant къ семасіологически близкому *avidus* : *avēre*. Что касается обычной формы *cŭpidus*, то въ ней, пожалуй, можно было бы усмотрѣть позднѣйшую просодическую модификацію, вызванную аналогіей гл. *cŭpĕre*. Впрочемъ, ручаться за достовѣрность этихъ комбинацій тѣмъ болѣе трудно, что *cūpiditas* засвидѣтельствовано только однажды и притомъ у такого смѣлаго по языку поэта, какъ Левій.

Что касается *rūbidus*, то я предложилъ бы для объясненія этого образованія исходить изъ прилагательнаго **rūbus*, этимологически тождественнаго съ общеизвѣстнымъ *rūfus*, но обнаруживающаго чисто латинскую фонетику, т.-е. *b* вм. діалектическаго *f*. Замѣчу на всякій случай, что эта

---

[1]) См. B r u g m a n n, Grundriss I², стр. 598.

[2]) См. De re metrica, стр. 116.

[3]) Ср. L a c h m a n n, Comm. in Lucr., стр. 278.

[4]) Эта форма имѣетъ, конечно, условный характеръ.

форма дважды засвидѣтельствована въ Gloss. Amplon. secund. CGL. V 296, 56: *Fuluum rubeum vel flauum a<u>rum* *r u b u m* и ibid. 297, 5: *Fuluus* *r u b u s;* однако вполнѣ довѣряться этимъ показаніямъ рискованно, такъ какъ, во-первыхъ, этотъ глоссарій кишитъ массой ошибокъ[1]), а во-вторыхъ, его interpretamenta не заключаютъ почти никакого интереснаго въ лексикографическомъ отношеніи матеріала[2]). Съ другой стороны, это **rūbus* отнюдь нельзя ставить въ ближайшую связь съ ботаническимъ названіемъ *rubus,* такъ какъ, вопреки мнѣнію Сольмсена[3]) и Бругмана[4]), это послѣднее слово имѣетъ *ŭ,* какъ это видно хотя бы изъ слѣдующаго Вергиліева стиха (*Georg.* III 315):

Horrentesque rubos et amantes ardua dumos.

Если мы даже пріурочимъ это слово къ одной этимологической группѣ съ гл. *rŭbēre,* какъ это дѣлали еще античные грамматики[5]), то ближайшей точкой отправленія могъ бы служить прототипъ **rŭdh-ro-s,* въ которомъ въ ту или другую эпоху могла произойти диссимиляція, аналогичная той, о которой рѣчь была во 2-мъ этюдѣ первой главы[6]).

Возвращаясь снова къ *rūbidus,* обращу вниманіе на то, что это образованіе примыкаетъ къ цѣлой группѣ прилагательныхъ на *-ĭdus,* обозначающихъ цвѣта, часть которыхъ

[1]) Объ этомъ можно судить хотя бы по цѣлому ряду исправленій, предложенныхъ М. М. Покровскимъ (см. „Матеріалы“, стр. 208—222).

[2]) Чуть ли не единственное въ этомъ отношеніи исключеніе представляетъ собой глосса: *Adoptat* *a d f i l i a t* (CGL. V 261, 32), дающая интересный для романистовъ гл. *adfiliare.* Другой лексикографическій матеріалъ, касающійся этого глагола, собранъ мною въ „Изслѣдованіяхъ“, стр. 148. Замѣчу кстати, что Гётцъ въ своемъ Thesaurus совершенно пропускаетъ этотъ любопытный глаголъ.

[3]) См. Stud. z. lat. Lautgesch., стр. 108.

[4]) См. Grundriss I², стр. 197.

[5]) Ср., напр., Isid. *Orig.* XVII 7, 19: *M o r u s a Graecis vocata quam Latini* *r u b u m appellant eo quod fructus eius velut virgulti* *r u b e n t.*

[6]) См. стр. 91 сл. Нельзя ли было бы объяснить съ этой же точки зрѣнія и лит. *rūdas?* Въ такомъ случаѣ эта диссимиляція могла бы быть возведена къ индо-европейской эпохѣ. Впрочемъ, настаивать на этой гипотезѣ я не рѣшаюсь.

возникла въ доисторическую эпоху отъ прилагательныхъ, впослѣдствіи исчезнувшихъ изъ языка въ родѣ *lĭvidus, lūridus, pallidus,* къ которымъ впослѣдствіи уже примкнули такія образованія, какъ *albidus* при *albus, flavidus* при *flavus*[1]), *fulvidus*[2]) при *fulvus* и т. п.

Далѣе я позволю себѣ спросить: не относится ли къ этой категоріи и прилагательное *mundus,* до сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, не получившее удовлетворительнаго разъясненія? Фиккъ[3]) сопоставляетъ, между прочимъ, *mundus* съ др.-инд. *muṇḍ, muṇḍati* „быть чистымъ, бѣлымъ, опрятнымъ“, однако это сопоставленіе не выдерживаетъ критики съ фонетической стороны, такъ какъ церебральныя *ṇ* и *ḍ* указываютъ на наличность въ соотвѣтствующемъ прототипѣ плавнаго согласнаго, и, напр., Ф. Ѳ. Фортунатовъ выводитъ др.-инд. *muṇḍa* „до-гола выстриженный, лысый“ — очевидно общее по корню съ вышеприведеннымъ др.-инд. глаголомъ — изъ про-

[1]) Кстати я позволю себѣ обратить вниманіе романистовъ на слѣдующую любопытную глоссу, дважды засвидѣтельствованную въ Gloss. Abavus CGL. IV 341, 2: *F a l b u s* (b.: *flabus,* de: *faluus) fulbus, helbus* (de: *fuluus heluus)* и ibid. IV 345, 23: *Fulbus* (dec: *fuluus)* *f a l b u s* (abde: *faluus) hellus.* [Въ этомъ глоссаріи, какъ и во многихъ другихъ, очень часто одна и та же глосса повторяется два раза съ различнымъ распредѣленіемъ леммъ и interpretamenta]. Götz (Thes. gloss., p. 475), приведя лишь вторую глоссу, осторожно предполагаетъ, что interpretamentum *falbus (falvus)* соотвѣтствуетъ прилагательному *flavus.* Можно спросить однако, не имѣемъ ли мы право видѣть въ этомъ *falbus (falvus)* прототипъ романскихъ отраженій въ родѣ итал. *falbo,* пров. *falb,* др.-фр. *falve,* совр.-фр. *fauve,* которыя до сихъ поръ возводились какъ романистами, такъ и германистами къ германскому корню *falu* (см. Körting, Lat.-röm. Wtb.², № 3609, и Kluge, Etym. Wtb. d. deutsch. Spr. s. v. *fahl)?* *Falvus* при *flavus* можно было сопоставить съ такимъ случаемъ, какъ, напр., *tarpessita* при *trapezita.* Впрочемъ, я не рѣшаюсь настаивать на реальности формы *falvus,* во-первыхъ, потому, что подобныя метатезы при *l,* кажется, не констатированы въ латинскомъ языкѣ, а во-вторыхъ, въ виду довольно часто наблюдаемой въ глоссаріяхъ графической перестановки буквъ, на что указалъ М. М. Покровскій („Матеріалы“, стр. 228).

[2]) Это прилагательное, не упоминаемое Нидерманомъ, извѣстно изъ позднѣйшей латыни (Hieronym. *comm. in Abdiam* 1, 1 col. 1102 a) и глоссаріевъ (см. Götz, Thes. gloss. s. v.).

[3]) Ср. Vergl. Wtb. I⁴, стр. 110.

тотипа **m̥-n-da-*[1]). Nettleship[2]) замѣчаетъ, что *mundus* „perhaps originally gerundive from *mu-*, to defend (comp. *mu-nus*, *mu-rus* etc. and Lucr. I 73: *moenia mundi)* and thus meaning „defended", „tight" and hence furnished, equipped Enn. *A.* 146: *idem loca navibus pulchris Munda facit* (equipped, defended)". Но это толкованіе едва ли кого нибудь можетъ удовлетворить уже съ семасіологической точки зрѣнія. Наконецъ, согласно наиболѣе распространенной этимологіи, это прилагательное находится въ родствѣ съ ср.-в.-нѣм. *mutzen* „украшать"[3]). Однако, допуская этимологическую связь этихъ двухъ словъ, пришлось бы исходить для латинскаго прилагательнаго изъ прототипа **mutnos*, между тѣмъ переходъ группы *-tn-* въ *-nd-* до сихъ поръ все-таки еще мало выясненъ[4]). Въ виду этого я рѣшаюсь выставить новую гипотезу для объясненія *mundus*, которая, какъ мнѣ кажется, не можетъ вызвать никакихъ существенныхъ выраженій.

Я отправляюсь отъ корня *mū* „мыть", который мы находимъ, напр., въ прусск. *au-mū-snan* „отмытіе", ст.-слав. **мы-ти, мыло,** а также въ греч. *μυ-λάσασθαι*, толкуемомъ у Гесихія слѣдующимъ образомъ: *τὸ σῶμα ἢ τὴν κεφαλὴν σμήξασθαι Κύπριοι*[5]). При ст.-слав. **мы-ти** ср. причастныя формы **мък-енъ, мык-енъ,** восходящія къ прототипамъ **mŭ-u̯ĕnos*, **mūu̯ĕnos*[6]), которымъ въ латинскомъ языкѣ должна бы

[1]) Ср. Persson, Wurzelerweit, стр. 37.

[2]) См. Contributions to Lat. lexicography, стр. 528.

[3]) Ср., напр., Wharton, Etyma latina, стр. 63, относящагося, впрочемъ, къ этому этимологическому сближенію нерѣшительно. Ваничекъ (Etym. Wtb. d. lat. Spr., стр. 211) относитъ сюда же др.-инд. *mand*, которому онъ приписываетъ значеніе „schmücken, bekleiden", каковое однако, насколько мнѣ извѣстно, не засвидѣтельствовано; кромѣ того, и по своему вокализму этотъ глагольный корень не могъ бы быть поставленъ въ связь съ *mundus*.

[4]) Ср. Sommer, Handbuch, стр. 243 прим., и Solmsen, Untersuchungen z. griech. Laut- und Verslesre, стр. 281.

[5]) Эти сопоставленія заимствованы мною у Перссона (ор. с., стр. 144).

[6]) Впрочемъ, восходятъ ли оба эти старо-славянскіе дублеты къ обще-индоевропейской эпохѣ, это вопросъ, на который я не берусь дать отвѣтъ. Ср. на всякій случай Г. К. Ульяновъ, Основы наст. врем. въ ст.-слав. и литовск. языка, стр. 104 сл.

была соотвѣтствовать форма, въ концѣ концовъ стянутая въ **mūnos*. Впрочемъ, эта послѣдняя форма могла бы быть понята и при первоначальномъ прототипѣ **mū-no-s* „мытый, вымытый". Хотя въ латинскомъ языкѣ исходъ *-no-* въ качествѣ отглагольнаго суффикса и не отличался продуктивностью, однако ср., напр., *dig-nus* и нѣкоторыя другія образованія, интересныя тѣмъ болѣе, что для нихъ мы не имѣемъ прямыхъ соотвѣтствій въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ въ родѣ *plē-nus* при гл. *plēre*[1]) (ср. *supplēre)*, *habē-na* при *habēre*, *serēnus* при **serēre* „быть сухимъ"[2]) и т. д.

Отъ этого **mūnos* и явилось, согласно моему предположенію, дальнѣйшее образованіе **mūnĭdus* и далѣе — послѣ syncope — *mundus* съ тѣмъ же первоначальнымъ значеніемъ „(вы)мытый", что можетъ быть прекрасно иллюстрировано слѣдующей глоссой: *Lotus, lavatus, id est mundus* (CGL. V 219, 6). Затѣмъ это прилагательное развило цѣлый рядъ производныхъ значеній, при чемъ большинство изъ нихъ — и на это я обращаю особенное вниманіе — оказываются или тождественными, или весьма близкими къ значеніямъ прилагательнаго-причастія *lautus*, которое первоначально значило также „(вы)мытый", ср., напр., Hor. *Sat.* II 3, 282: *Lautis mane senex manibus currebat.* Вотъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ такого параллелизма въ значеніяхъ *mundus* и *lautus:*

1) И то и другое прилагательное пріобрѣло болѣе общее значеніе „чистый, опрятный, приличный", ср. Hor. *Carm.* III 29, 14: *Mundae sub lare pauperum Cenae* или *Epist.* I 5, 7: *munda supellex* и съ другой стороны — Cic. *Phil.* II 66: *lauta supellex.*

[1]) Ср. уже у Присціана (GLK. II 178, 13): *plenus quasi a pleo verbo.* Что касается этого послѣдняго глагола, отсутствующаго въ извѣстныхъ мнѣ словаряхъ, то онъ свидѣтельствуется одной надписью на бронзѣ (ср. Ephem. epigr. VII Tab. ad p. 385 lin. 38: *plendi numeri)*.

[2]) Два послѣднихъ образованія разъяснены М. М. Покровскимъ („Матеріалы", стр. 161).

2) Какъ *mundus*, такъ и *lautus* очень рано стали употребляться въ смыслѣ „изящный, роскошный“, „quia initium deliciarum ab usu saepe lavandi Romanis fuit, quem prisci illi et rustici omnino nesciebant“ [1]), ср., напр., про людей — Cic. *Verr.* III 6: *Homines lauti et urbani* и id. *de fin.* II 8: *Nemo nostrum istius generis asotos iucunde putat vivere, mundos, elegantes e. q. s.*

3) И то и другое слово употреблялось про рѣчь, стиль — „изящный, чистый“, напр. *de re publ.* I 11: *Lautus sermonis auctor* и Ovid. *Ars am.* III 479: *Munda... verba, puellae, Scribite*, ср. Cic. *Orat.* 23: *fucati medicamenta candoris et ruboris omnia repellentur: elegantia modo et munditia remanebit* и т. п.

Въ качествѣ косвеннаго аргумента въ пользу предложенной мной этимологіи *mundus*, быть можетъ, позволительно указать на наличность въ доисторическую эпоху латинскаго языка прилагательнаго **sŏrĭdus < *sordus* (что было точкой отправленія для историческаго *sordidus*), убѣдительно возстановленнаго М. М. Покровскимъ [2]) и представляющаго собой краснорѣчивое ἀντίθετον къ **mūnĭdus < mundus*. Замѣчу при этомъ, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ синкопированныя формы получили господство вслѣдствіе исчезновенія изъ языка тѣхъ именныхъ основъ, отъ которыхъ онѣ были образованы [3]).

Въ заключеніе этого экскурса о *mundus* необходимо разсмотрѣть еще одинъ фонетическій вопросъ. Именно, романскія отраженія въ родѣ ит. *mondo*, ст.-фр. *monde*, фр. *immonde* указываютъ на *ŭ* въ прототипѣ *mundus*, тогда какъ съ точки зрѣнія нашей этимологіи первоначальная корневая гласная была *ū*. Слѣдуетъ однако замѣтить, что подобное сокращеніе гласной передъ группой носовой + согласный — обычное яв-

[1]) Ср. Forcellini-de Vit, Lexicon s. v. *lautus*.

[2]) См. Kuhn's Zeitschr. XXXV, стр. 233.

[3]) Ср. аналогичное замѣчаніе Ciardi-Dupré (Bezz. Beitr. XXVI, стр. 199) по поводу syncope въ *hortor, porto, fordus*.

леніе въ латинскомъ языкѣ. Помимо примѣровъ, приводимыхъ Бругманомъ [1]) и Зоммеромъ [2]), укажу еще на слѣдующіе три безспорныхъ случая подобнаго сокращенія:

1) *nūntius* [3]), давшее, между прочимъ, такія отраженія, какъ фр. *nonce* или *annoncer*;

2) *ūndecim* „aus **ūnomdecem* bezw. **ūnozdecem*“ [4]), сократившее *ū*, судя по такимъ отраженіямъ, какъ фр. *onze*, исп. *onze* и т. п.;

3) *iuncus* „aus **joinicos*: m. ir. *aoin*, gen. *aine* (Stamm **i̯oi̯ni-*)“ [5]), судя по пров. *jonc* и фр. *jonc*, также сократило *ū* [6]).

Что касается второй группы прилагательныхъ на *-ĭdus*, установленной Нидерманомъ, а именно, такихъ, при которыхъ имѣются налицо соотвѣтствующія первичныя прилагательныя, то къ тѣмъ примѣрамъ, которые приводятся этимъ ученымъ или въ словаряхъ, прибавлю **memoridus*

[1]) См. Grundriss I, стр. 800.

[2]) См. Handbuch, стр. 138.

[3]) Этимологическое происхожденіе этого слова подробно разсмотрѣно мной въ „Изслѣдованіяхъ“, стр. 196 сл. Недавно Бругманъ (см. Indogerm. Forsch. XVII, стр. 366) предложилъ выводить *nuntio-* изъ **novi-ventio-* (аналогичное объясненіе, замѣчу кстати, было высказано уже давно Бергкомъ въ Zeitschr. f. Altertumswissenschaft 1855, стр. 300), предполагая, такъ же какъ и я, что вначалѣ явилась форма средняго рода (**novi-ventium <*) *noventium < nūntium*, отсюда — гл. *nuntiāre* (ср. *initium : initiare*) и, наконецъ — *nuntius*, которое, по мнѣнію Бругмана, возникло „nachdem man nun angefangen hatte *nūntium* „Botschaft“ auch für meldende Personen zu gebrauchen... Die doppelte Anwendung von *nūntium*, für die Handlung und die handlende Person, liess dann *nūntius* auch für die Botschaft gebrauchen“. Однако *nūntium* въ смыслѣ „вѣстника“ фактически нигдѣ не засвидѣтельствовано, а вытѣсненіе *nūntium* въ смыслѣ „вѣсти“ соотвѣтствующей формой мужескаго рода въ той формѣ, какъ это предполагается Бругманомъ, — весьма неправдоподобно. Смѣю надѣяться, что предложенная мною гипотеза будетъ встрѣчена бо́льшимъ сочувствіемъ спеціалистовъ.

[4]) Ср. Ciardi-Dupré, Bezz. Beitr. XXVI, стр. 201: „Von einer Grundform **oi̯u̯om-dek̂m̥* auszugehen, замѣчаетъ тотъ же ученый (ibid., прим. 2), wie Bartholomae, Grdr. d. iran. Phil. I 1, 112, hat man keinen Grund, denn der Stamm **oi̯u̯o-* „ein“ (av. *aēva-* ap. *aiva-* „ein“ gr. οἶος kypr. οἶϝος „allein“) scheint im Lat. völlig untergangen zu sein“.

[5]) Ср. ibid., стр. 200.

[6]) Ср. Gröber въ Arch. f. lat. Lex. III, стр. 273.

которое, быть можетъ, мы въ правѣ извлечь изъ собственнаго имени *Memoridus*, засвидѣтельствованнаго у Амміана (XXV 8, 8; 10, 3).

Среди обширной категоріи латинскихъ прилагательныхъ съ исходомъ *-(ĭ)dus* легко выдѣляется одно—*viridis*, съ одной стороны, несомнѣнно, стоящее съ ними въ связи, а съ другой — обнаруживающее принадлежность къ основамъ на *-i*. Скутшъ[1]), впервые отмѣтившій это прилагательное въ данной морфологической связи, предполагаетъ, что оно „ist jedenfalls mit Suffix *-do-* gebildet und erst späterhin zur *i*-Deklination übergangen, wie andere Adjective der zweiten Deklination“. Нидерману[2]) такой единичный переходъ даннаго прилагательнаго въ категорію основъ на *-i-* кажется мало вѣроятнымъ, и онъ предполагаетъ, что *viridi-s* восходитъ къ **viridio-s*, каковой исходъ сопоставляется имъ съ исходомъ др. ир. *beode* = лат. **vividios*. „Der Nominativ singularis, продолжаетъ названый ученый, eines mit diesen *-dio-* abgeleiteten Adjectivums aber musste im Oskisch-Umbrischen notwendigerweise auf *-dis* ausgehen, d. h. ein **viridios* musste lautgesetzlich zu *viridis* werden. Ging nun dieses Wort aus einem jener ländlichen Dialekte ins Stadtrömische über — und eine Entlehnung erscheint in Hinblick auf den Sinn keineswegs ausgeschlossen[3]) — so konnte es hier nur nach der *i*-Deklination flektiert werden. Leider gestattet der trümmerhafte Zustand des uns überkommenen oskisch-umbrischen Sprachgutes nicht diese Hypothese irgendwie zu kontrollieren“.

Оставляя открытымъ вопросъ о томъ, какое изъ этихъ двухъ толкованій *viridis* ближе къ истинѣ[4]), мы поставимъ

---

1) См. Plautin. u. Roman., стр. 48

2) См. op. c., стр. 233.

3) Ср. кстати сказанное мной выше (стр. 173) по поводу *rōbus* и *rūfus*.

4) Я лично скорѣе склонился бы въ пользу взгляда Скутша, дополнивъ его замѣчаніемъ Мейера-Любке (Gram. d. rom. Spr. II стр. 75), предполагающаго, что этотъ переходъ въ категорію основъ на *-i* произошелъ вслѣдствіе

другой вопросъ: существуютъ ли въ самомъ латинскомъ языкѣ какія-нибудь ближайшія морфологическія аналогіи для даннаго прилагательнаго? Помимо сложныхъ прилагательныхъ въ родѣ *enodis*, *retrogradis* и т. п. можно указать лишь на одно латинское прилагательное съ исходомъ *-dis* въ именительномъ падежѣ, это — *grandis*, которое до сихъ не получило, какъ мнѣ кажется, надлежащаго истолкованія.

Если оставить въ сторонѣ старинныя сопоставленія этого прилагательнаго съ *gravis*[1]) или *gradior*[2]), уже давно всѣми покинутыя[3]), а также гипотезу Іоганна Шмидта[4]), связывавшаго *grandis* съ англ.-сакс. *great*, др.-в.-нѣм. *groz* (нѣм. *gross*) и т. д.[5]), то останется лишь одна этимологія, предложенная Видеманомъ[6]) и принятая выдающимися современными лингвистами[7]), согласно которой *grandis* находится въ ближайшей этимологической связи съ греч. *βρένθος* „спесь“, *βρενθύεσθαι* „спесивиться“, ст.-слав. грѫдь (русск. *грудь*), при чемъ всѣ эти слова должны восходить къ общему корню *g²rendh* „tumere“[8]).

„Angleichung des Auslautes an den Tonvocal“, какъ въ рум. *limpede* при лат. *limpidus*; впрочемъ ср. рум. *râpede* = лат. *rapidus*.

1) Ср., напр., Vaniček, Etym. Wtb. d. lat. Spr.², стр. 82. Замѣчу кстати, что такое толкованіе *grandis* предлагалось еще въ древности: ср. Priscian. K. III 479, 16: *hinc* (sc. *e gravis adiectivo) et grandis et grando et verbum gravo*.

2) Ср., напр., Zehetmayr, Anal.-vergl. Wtb., стр. 190.

3) Впрочемъ, еще Bréal-Bailly (Dict. étym. lat., стр. 119) предполагаютъ, что „entre *gradus* et *grandis* il existe probablement un lien de parenté“. Замѣчу еще, что Warren (Amer. Journ. of Phil. IV, стр. 71 сл.) пытался сопоставить собственное имя *Grădivus* съ гл. *grandīre*; ср. однако по этому поводу Skutsch, Plaut. u. Rom., стр. 19, прим. 1. [Кстати напомню, что Плавтъ неоднократно соединялъ *grandis* съ *gradus*—разумѣется, въ интересахъ аллитераціи: ср. *Epid*. 13, *Curc*. 118, *Truc*. 286; ср. еще Pl. *Aul*. 49: *Testudineum istum tibi grandibo gradum.*]

4) См. Verwandtschaftsverhältnisse etc., стр. 13.

5) Эта гипотеза принята нѣкоторыми учеными, ср., напр., Bersu, Die Gutturalen, стр. 130; Stowasser, Lat.-deutsch. Schulwtb., стр. 477.

6) См. Bezz. Beitr. VI, стр. 309 сл.

7) Ср. Brugmann, Grundriss I², стр. 601 сл.; Osthof въ Indogerm. Forsch. IV, стр. 266; Prellwitz, Etym. Wtb. d. griech. Spr., стр. 52 и т. д.

8) Преллвитцъ (l. c.) сюда же относитъ и гл. *βρινδεῖν· θυμοῦσθαι, ἐρεθίζειν*.

Хотя эта послѣдняя гипотеза, въ противоположность всѣмъ остальнымъ, и не сталкивается съ фонетическими затрудненіями, однако съ семасіологической точки зрѣнія связь *grandis* съ вышеприведенными греческими и славянскими словами далеко не очевидна. Въ виду этого я рѣшаюсь предложить новую попытку истолковать этимологію этого слова.

Я предлагаю исходить изъ корня **ghra* „расти“, который мы находимъ, напр., въ лат. *grā-men* „трава“: хотя это послѣднее слово и находится въ этимологической связи съ готск. *gras* (нѣм. *Gras*), но нѣтъ основанія возводить его къ прототипу **grās-men*, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые[1]), такъ какъ въ конечномъ *s* мы, по справедливому замѣчанію Клуге[2]), скорѣе имѣемъ словообразовательный элементъ. Къ тому же корню восходитъ цѣлый рядъ германскихъ словъ съ значеніемъ „зеленый“: ср. др.-в.-нѣм. *gruoni* (совр. нѣм. *grün*), англ.-сакс. *grêne*, англ. *green* и т. д., предполагающихъ общегерманскій корень **grō* (= инд.-евр. **ghrā*) „расти, зеленѣть“: ср. англ.-сакс. *growan*, англ. *to grow* „расти“[3]).

Вышеприведенныя германскія прилагательныя предполагаютъ прототипъ **ghrā-ni-* (: **ghrā-no-*), который на латинской почвѣ долженъ былъ принять форму **grāni-* или **grāno-* съ значеніемъ „растущій, зеленѣющій“.

Вотъ къ этому-то прототипу я и возвожу лат. *grandis*; при этомъ я предполагаю, что сперва возникло прилагательное

---

1) Ср. Stolz, Histor. Gramm., стр. 500, который считаетъ возможнымъ даже прототипъ **grās-men*, рѣшительно противорѣчащій фонетикѣ германскихъ языковъ, такъ какъ готск. *gras*, нѣм. *Gras* и т. д. предполагаютъ во всякомъ случаѣ краткое *a* (слѣдовательно, болѣе слабый видъ того же корня); впрочемъ, и въ германскихъ языкахъ существовалъ, быть можетъ, при элементѣ *s* сильный видъ корня: ср. ср.-в.-нѣм. *gruose* (= готск. **grōsa*) „молодой побѣгъ, зелень растеній“ (ср. Kluge, Etym. Wtb. d. deutsch. Spr. s. v. *Gras*).

2) См. op. c., стр. 120.

3) См. Kluge, op. c. s. v. *grün*. Первоначально ботаническое значеніе двухъ послѣднихъ терминовъ довольно явственно чувствуется еще въ современномъ англійскомъ языкѣ: ср., напр., такія слова и выраженія, какъ *growinghedge* „живая, зеленая (т.-е. растущая) изгородь“, *a slow grower* „медленно растущее дерево“ и т. п.

**grānĭdus* съ значеніемъ „растущій, взрослый“; что касается этого второго значенія, соотвѣтствующаго нашему причастію совершеннаго вида, то оно едва ли можетъ быть признано незаконной натяжкой въ виду такихъ примѣровъ, какъ *placidus*, *sordidus*, *callidus*, *validus*, *siccidus* и т. п. Затѣмъ это **grānĭdus* подверглось двоякой метаморфозѣ — фонетической, выразившейся въ syncope *ĭ*, и морфологической, заключающейся въ переходѣ тѣмъ или другимъ способомъ этого прилагательнаго въ категорію основъ на *-i*, благодаря чему и получилась окончательная форма *grandis*. Причина, почему syncope въ **grānĭdis* произошла раньше и безповоротнѣе, чѣмъ въ *virĭdis*[1]), могла заключаться, во-первыхъ, въ томъ, что ударяемый слогъ, предшествующій синкопируемому *ĭ*, въ первомъ случаѣ долгъ, а во второмъ — кратокъ, во-вторыхъ, въ характерѣ сталкивающихся гласныхъ, въ-третьихъ — и это главное — въ томъ, что слово **grānĭdis* съ исчезновеніемъ своихъ предшественниковъ осталось одинокимъ въ латинскомъ языкѣ, и потому на немъ фонетическая тенденція къ syncope должна была сказаться особенно радикально[2]).

Теперь посмотримъ, насколько предложенная нами этимологія подтверждается фактическими случаями употребленія прилагательнаго *grandis* въ латинскомъ языкѣ. Какъ это ни странно, но самую правильную картину постепеннаго развитія значеній *grandis* даетъ Форчеллини, какъ будто предчувствуя наше объясненіе этого слова. „*Grandis*, говоритъ онъ, est *magnus*, ital. *grande*: et primo proprie de frugibus et oleribus dici videtur. Est enim proprie *grande*

---

1) Отмѣчу на всякій случай, что аналогичность образованій **grānidis* и *viridis*, быть можетъ, обусловлена извѣстной ассоціаціей по значенію, которая въ доисторическую эпоху латинскаго языка могла имѣть мѣсто у этихъ двухъ прилагательныхъ. Не является ли это обстоятельство косвеннымъ аргументомъ въ пользу предложенной мной для *grandis* этимологіи?

2) Ср. сказанное выше (стр. 214) о *mundus*.

quod incremento, *magnum* quod amplitudine tale est"[1]). Ср., напр., въ прозѣ Varro *R. R.* I 52: *Grandissima seges*, Cic. *Orat.* II 30: *Ager iteratus, quo fetus possit grandiores edere*, или у поэтовъ — Verg. *Aen.* IV 405 сл.: *grandia... frumenta*, id. *Ecl.* V 36: *grandia... hordea*, Tibull. I 1, 8 *grandia poma*.

Такимъ же образомъ употребляется и гл. *grandescere*; ср., напр., Lucr. II 1159 с.:

Ipsa (sc. *tellus*) *dedit dulcis fetus et pabula laeta*
Quae nunc vix nostro grandescunt aucta labore,

гдѣ, между прочимъ, и прилагательное *laetus* является въ первоначальномъ значеніи „тучный"[2]). Аналогичное употребленіе *grandescere* мы находимъ и въ прозѣ, ср., напр., Plin. *h. n.* XV 3, 4: *lignum intus grandescat*.

Другой производный отъ *grandis* глаголъ — *grandire* точно такъ же обнаруживаетъ ботаническій оттѣнокъ значенія: ср. Varro *R. div.* lib. 1: *Quam aut humus semina concipere non possit, aut recepta non reddat, aut edita grandire nequeat*, Pacuv. fr. 142 R: *Nec grandiri frugum fetum posse nec mitescere* Cato *R. R.* 141: *Mars pater, te precor, uti tu fruges, frumenta virgultaque grandire... siris*[3]).

[1]) Впрочемъ, ср. уже [Cornel. Fronton.] de differ. GL. K. VII 525, 9: *Grandem et magnum et immensum. Grande <in> incremento, magnum in amplitudine, immane praecipuae amplitudinis.*

[2]) Это первоначальное значеніе даннаго прилагательнаго хорошо выяснили уже Bréal-Bailly (Dict. étym. lat., стр. 149), приведя цѣлый рядъ убѣдительныхъ примѣровъ и, между прочимъ, указавъ на значенія гл. *laetare* „удобрять" и *laetamen* „тукъ, удобреніе", а также на французское выраженіе *faire chère lie*. Какова однако этимологія этого слова? Скорѣе всего, какъ мнѣ кажется, можно было бы сопоставить его съ ст.-сл. *loj* жиръ" (ср. лит. *lyditi* „топить жиръ, сало").

[3]) О гл. *grandire* ср. сказанное мной въ „Изслѣдованіяхъ", стр. 128 прим. Подчеркну еще, что глаголъ этотъ имѣлъ, повидимому, простонародный характеръ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его лишь у архаическихъ писателей, и затѣмъ онъ всплываетъ только въ романскихъ языкахъ: ср. фр. *grandir* „увеличиваться", итал. *grandire* „увеличивать" (теперь, кажется, вышло изъ употребленія). [Кёртингъ въ своемъ словарѣ этихъ глаголовъ совсѣмъ не упоминаетъ.]

Сюда же можно отнести и прилагательное *grandiscapius* „съ большими (разросшимися) вѣтвями", засвидѣтельствованное у Сенеки (epist. 86, 21: *arbores, quae, ut ita dicam, grandiscapiae sunt*).

Затѣмъ *grandis* стало употребляться въ различныхъ метафорическихъ значеніяхъ, среди которыхъ обращу вниманіе на два: во-первыхъ, въ примѣненіи къ деньгамъ, а во-вторыхъ, къ возрасту людей.

Что касается перваго случая, то ср., напр., Plaut. *Capt.* 258: *Quos* (sc. *vos, servos*) *tam grandi sim mercatus praesenti pecunia* или *Aul.* 214: *Aetatem meam scis?* † *Scio esse grandem ut pecuniam*. Для того, чтобы надлежащимъ образомъ понять это словоупотребленіе, надо имѣть въ виду, что денежныя операціи часто сравниваются съ растительными процессами: ср., напр., наше выраженіе *ростъ* въ смыслѣ „прибыль, проценты", греч. *τόκος*, лат. *fēnus* (при *fētus?*) и т. п.

Примѣры для употребленія *grandis* въ смыслѣ „взрослый" едва ли надо приводить, такъ какъ это — наиболѣе обычное значеніе даннаго слова.

Возвращаясь снова къ началу нашего экскурса о *grandis*, я считаю нужнымъ сдѣлать два дополнительныхъ замѣчанія. Во-первыхъ, я долженъ замѣтить, что та этимологическая величина, изъ которой я исхожу — *ghrā*, — конечно, не представляетъ собой первоначальнаго вида корня, но, скорѣе всего, комбинацію слабѣйшей его степени *ghr* съ детерминативомъ *ā*. Прекрасную параллель въ данномъ случаѣ представляетъ собой комплексъ *bhl-ā* „дуть", откуда лат. *flāre*, др.-в.-нѣм. *blājan*, англ. *to blow* и т. д.[1]). Въ частности разсмотрѣнное выше *grā-men* можетъ быть ближайшимъ образомъ сопоставленъ съ *flā-men* „дуновеніе". Съ тѣмъ же корнемъ, къ которому восходитъ комплексъ *ghrā*, нѣкоторые ученые[2])

[1]) Ср. Kluge, Etym. Wtb. d. deutsch. Spr. s. v. *blähen*; нѣсколько иначе — Fick, Vgl. Wtb. I[4], стр. 498.

[2]) Ср., напр., Kluge, op. c. s. v. *Gras*.

связываютъ греч. *χόρτος;* если это сопоставленіе вѣрно, то пришлось бы возвести это слово къ корню вида *ghor,* хотя съ чисто фонетической точки зрѣнія можно было бы исходить и изъ степени $g^1h\mathring{r}$[1]). Нельзя было бы отнести сюда и лат. *herba,* предположивъ прототипъ **gher-dhā* или **gher-bhā?* Со стороны образованія въ случаѣ принятія перваго прототипа можно было бы указать на *verbum*[2]), восходящее, несомнѣнно, къ корню *ver* „говорить", откуда греч. *εἴρω* „говорю" (изъ **u̯eri̯ō* или, точнѣе,—*u̯erjō)*[3]). Не рѣшаясь настаивать на этой этимологіи *herba,* замѣчу, что обыкновенно предполагаемая связь даннаго слова съ греч. *φέρβω, φορβή,* — которыя въ свою очередь сопоставляются съ др.-ир. *bairgen* „хлѣбъ", др.-сканд. *bergja* „пробовать", *bjargast* „питаться чѣмъ"[4]), — хотя и не оставляетъ желать ничего лучшаго съ семасіологической стороны, тѣмъ не менѣе нѣсколько сомнительна въ томъ отношеніи, что, исходя изъ нея, скорѣе можно было бы ожидать формы **forba* : **horba*[5]): ср. фактически засвидѣтельствованное слово *forbea* (Paul. Diac. Th. de Pon., p. 59, 19: *Forbeam antiqui omne genus cibi appellabant, quam Graeci φορβήν vocant).* Съ другой стороны, если мы примемъ предложенную мной этимологію, то окажется, что *herba* находится въ извѣстной (хотя и отдаленной) этимологической связи съ близкими по значенію *grāmen* и нѣм. *Gras.*

Другое замѣчаніе, болѣе важное, заключается въ томъ, что, выводя *grā-men* отъ корня **ghrā,* мы тѣмъ самымъ разрываемъ связь этого слова съ *ger-men,* которая сама собой напрашивается и признается нѣкоторыми учеными[1]). Послѣднее слово вообще до сихъ поръ удовлетворительно не разъяснено: выводить его изъ **gen-men* было бы крайне рискованно, въ виду того, что единственная аналогія, приводившаяся въ защиту такого перехода *n* въ *r,* благодаря диссимиляціи — *carmen* (будто бы изъ **can-men)* — отпадаетъ, такъ какъ это послѣднее слово въ настоящее время очень удачно поставлено въ связь съ греч. *κῆρυξ* (дор. *κᾶρυξ).* Не лучше и сопоставленіе *germen* съ греч. *βρύω,* предложенное Персономъ[2]), такъ какъ греческій глаголъ предполагаетъ прототипъ съ задненебнымъ лабіализованнымъ гортаннымъ, который въ латинскомъ языкѣ въ положеніи передъ гласнымъ долженъ былъ бы дать не *g,* а *v.* Не рѣшая вопроса объ этимологическомъ происхожденіи этого слова окончательно, предложу двѣ догадки. Или мы должны предположить, что на ряду съ корнемъ *gher (ghor : ghr)* „расти", „зеленѣть", существовалъ соотвѣтствующій корень съ непридыхательнымъ *g* — возможность такого чередованія придыхательныхъ согласныхъ съ непридыхательнымъ свидѣтельствуется довольно многочисленными случаями[3]), — или мы можемъ связать *germen* съ *grānum* „зерно", ст.-слав. зръно, готск. *kaurn,* нѣм. *Korn,* лит. *žirnis* „горохъ" и т. д., если только мы въ правѣ на основаніи этихъ словъ, а также греч. *γέρων,* др.-инд. *jaraṇa-* „старый", *jarant-* „старикъ", ст.-слав. зьрѣти, и т. д. предположить существованіе корня g^1er ($g^1\mathring{r}$ и т. д.) съ значеніемъ „зрѣть". Если такъ, то, конечно, и *grandis* могло бы быть, пожалуй, связано съ *grānum*[4]), при чемъ въ основѣ того и дру-

Footnotes, p. 222:

[1]) Ср. Brugmann, Grundriss II 208, прим. 1, а также примѣры, приведенные мной выше (стр. 96).

[2]) Ср. Stolz, Histor. Gramm., стр. 565.

[3]) Ср. Ѳ. Е. Коршъ, „Нѣск. замѣч. къ греческой фонетикѣ Бругмана", стр. 5.

[4]) Ср. Prellwitz, Etym. Wtb. d. griech. Spr., стр. 341.

[5]) Эта вторая форма, въ случаѣ если *φέρβω* восходитъ дѣйствительно къ инд.-евр. корню, начинающемуся съ *bh,* должна была бы быть признана не чисто латинской, ср. *haba* : *faba* при ст.-слав. бобъ.

Footnotes, p. 223:

[1]) Ср., напр., Stolz, Histor. Gramm., стр. 158, гдѣ однако это сближеніе не достаточно освѣщено.

[2]) См. Wurzelerweit. u. Wurzelvariat., стр. 123 сл.

[3]) Ср. Brugmann, Grundriss I², стр. 634.

[4]) Это сопоставленіе предлагается уже у Форчеллини, но, разумѣется, безъ всякихъ дальнѣйшихъ морфологическихъ разъясненій.

гого лежало бы причастное образованіе *grā-no- „зрѣлый“[1]), однако такое толкованіе я считаю менѣе достовѣрнымъ въ виду того, что значеніе „зерна“ въ grānum восходитъ, очевидно, къ проэтнической эпохѣ.

[1]) Дальнѣйшій морфологическій процессъ былъ бы и въ этомъ случаѣ, конечно, совершенно такой же, какъ описанный выше.

V. О прилагательныхъ причастнаго вида съ исходомъ -ītus.

Вопросъ объ отъименныхъ образованіяхъ на -to- уже подвергался мной разсмотрѣнію въ „Изслѣдованіяхъ“[1]), при чемъ тогда я ставилъ своей задачей выяснить ближайшимъ образомъ соотношеніе этихъ образованій съ отъименными глаголами, и разсмотрѣлъ, съ одной стороны, непосредственныя образованія на -to- отъ основъ на согласныя, а съ другой — группу образованій съ болѣе сложными разновидностями того же суффикса — -āto- и -ūto-[2]).

Теперь я обращаюсь къ соотвѣтствующимъ образованіямъ на -ītus. Первоначально этотъ исходъ былъ свойственъ прилагательнымъ, образованнымъ отъ основъ на -i: ср. auris : aurītus, pellis : pellītus, penis : penītus, ignis : ignītus, ratis : ratītus и т. п. Но затѣмъ, какъ справедливо отмѣтилъ уже Штольцъ (Histor. Gramm., стр. 534), „der Ausgang -ītus wurde, wenn auch nur in beschränktem Masse, auch auf von anderen Stämmen abgeleitete Bildungen übertragen“. Разсматривая однако приводимые Штольцемъ въ качествѣ иллюстраціи для этого положенія примѣры, нетрудно убѣдиться въ томъ, что, во-первыхъ, число этихъ примѣровъ можетъ быть увеличено, во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ можно

[1]) См. стр. 87 сл., 139 сл., 271 сл.

[2]) Объ этихъ послѣднихъ образованіяхъ см. „Изслѣдованія“, стр. 140, прим. 1; ср. еще интересную статью Циммермана Die Personennamen auf -ūtus, -ūtius (Arch. f. lat. Lex. XIII стр. 130 сл.), гдѣ приведенъ обширный ономатологическій матеріалъ, снабженный обстоятельными (хотя и не всегда вѣрными) морфологическими разъясненіями.

ближе указать причину переноса даннаго исхода, а въ другихъ — позволительны нѣкоторыя сомнѣнія въ правильности предложеннаго Штольцемъ толкованія.

Такъ, напр., *artītus* (ср. Paul. ex Fest. Th. d. Pon., p. 15, 27: *Artitus bonis artibus instructus*, CGL. II 23, 33: *Artitus* *πάντεχνος, δαίδαλος* и т. д.) едва ли можетъ служить примѣромъ новообразованія съ исходомъ *-ītus*, такъ какъ это прилагательное допускаетъ объясненіе изъ основы **arti-*.

Что касается *galerītus*, что значитъ „имѣющій на головѣ galerus“ (ср. Prop. IV [V] 1, 29: *Galeritus... Lygmon)*, то это образованіе могло возникнуть подъ вліяніемъ *crinītus* (отъ *crinis)*. Кромѣ того, въ данной связи необходимо остановиться на интересномъ образованіи *cassita* „хохлатая птица“ (см. Gell. II 29, 3); что оно находится въ этимологическомъ родствѣ съ *cassis, -ĭdis* „шлемъ“, это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію; съ другой стороны, еще болѣе несомнѣнно, что для *cassīta* точкой отправленія служила другая основа, а именно не осложненная элементомъ *d*[1]), т.-е. **cassi-*[2]), и восходящая, по весьма правдоподобному предположенію Шрадера[3]), къ **cat-ti-*[4]), каковой прототипъ въ свою очередь сопоставляется тѣмъ же ученымъ съ др.-в.-нѣм. *huot* (= совр. нѣм. *Hut)*, англ.-сакс. *hód* „Haube“ и т. д.[5]) Весьма

[1]) На это любопытное обстоятельство не обратилъ вниманія Штольцъ, Histor. Gramm., стр. 564, § 224.

[2]) На эту основу указываетъ, между прочимъ, грамматикъ Пробъ (G. L. K. IV 28, 23), съ сожалѣнію, не приводя ни одной фактической иллюстраціи; ср. также Isid. *Orig.* XVIII 14, 1: *Cassidem... a Thuscis nominatam [dicunt]. Illi enim galeam cassim nominant, credo a capite.* Lindsay (Lat. langu., стр. 354) и Wharton (Etym. lat., стр. 16), повидимому, склонны вѣрить въ этрусское происхожденіе этого слова; однако, какъ это будетъ отмѣчено ниже, оно допускаетъ и иное толкованіе.

[3]) См. Reallex. d. indogerm. Altertumskunde, стр. 365.

[4]) Замѣчу на всякій случай, что это образованіе первоначально представляло собой, очевидно, nomen actionis, которое затѣмъ пріобрѣло конкретное значеніе. Ближайшею параллелью въ данномъ случаѣ является лат. *ves-ti-s*.

[5]) Ср. также Brugmann, Grundriss I², стр. 667, гдѣ къ этой же этимологической группѣ отнесены лат. *castra* (> **cat-tra)* и др.-ир. *cathir* „городъ“, при чемъ всѣ эти слова возводятся къ корню **kat* (точнѣе — **kăt)* „bergen“.

вѣроятно, что нѣкогда въ латинскомъ языкѣ существовало прилагательное **cassītus*, а если такъ, то и оно могло содѣйствовать появленію *galerītus:* любопытно во всякомъ случаѣ, что на ряду съ субстантивированнымъ *cassīta* встрѣчается также *galerīta* (sc. *avis)*: ср., напр., Ser. Samon. 580, что еще болѣе заставляетъ предполагать взаимную ассоціацію этихъ образованій. Замѣчу кстати, что Варронъ *(L. L.* V 76) упоминаетъ форму мужескаго рода *galerītus* съ тѣмъ же орнитологическимъ значеніемъ: *Galeritus... quod in capite habet plumam elatam;* ср. еще глоссы: *Galerita κορυδός* (CGL. II 32, 13) и *galeri<t>us κορύδαλος, κορυδός* (ibid. III 258, 13).

Эти послѣдніе факты даютъ намъ, быть можетъ, право объяснить одну до сихъ поръ несовсѣмъ правильно понимавшуюся глоссу, засвидѣтельствованную въ Excerpta ex cod. Vat. 1469 и Exc. ex. cod. Cassin. 90: *Cerritus nomen avis* (CGL. V 251, 20 и 565, 4). Гётцъ (Thes. gloss., стр. 202) спрашиваетъ, не слѣдуетъ ли читать *ciris*, Бюхелеръ (ibid.) помышляетъ о *κορυδός*. Я думаю однако, что можно отнестись съ бо́льшимъ консерватизмомъ къ рукописному преданію и читать *cirritus*, придавая этому слову опять-таки значеніе „хохлатая птица“, что создало бы изъ него превосходное pendant къ Варронову *galerītus*. Прилагательное *cirritus* засвидѣтельствовано также въ глоссѣ Скалигера: *Cirrus cirritus cirritudo* (CGL. V 596, 29)[1]).

На почвѣ аналогичныхъ ассоціацій мы поймемъ еще одно образованіе, оставшееся неразъясненнымъ у Штольца, а именно — *mitellīta*, которое является у Светонія *(Nero* 27) въ оригинальномъ сочетаніи: *cena mitellita.* Штольцъ, вслѣдъ

[1]) Гётцъ (Thes. gloss., стр. 216) указываетъ на то, что эта глосса заимствована Скалигеромъ изъ Not. Tir. [95, 58—60]. Heraeus (Arch. f. lat. Lex. XII стр. 77) замѣчаетъ по поводу двухъ послѣднихъ образованій: „wohl schwerlich von *cirrus*, sondern = *cerritus, cerritudo*, letzteres Neubildung nach bekannten Analogien“. Какъ бы то ни было, прилагательное *cirritus* едва ли подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что оно фактически засвидѣтельствовано въ качествѣ эпитета при *pirum* (см. Macr. *sat.* II 15, 6).

за Георгесомъ (s. v. *mitellita*) передаетъ это сочетаніе такъ: „eine kostbare Mahlzeit, zu der Kopfbinden gegeben wurden“; переводъ этотъ вполнѣ правдоподобенъ, слѣдуетъ только добавить, что это слово предполагаетъ существованіе прилагательнаго **mitellītus*=mitella ornatus и сочетаніе *cena mitellita* не можетъ быть понято иначе, какъ метонимическое выраженіе вмѣсто *cena mitellitorum*. Что касается **mitellītus*, то это прилагательное возникло, по всей вѣроятности подъ вліяніемъ **cassītus* и *galerītus*, съ которыми оно легко могло ассоцироваться.

Чтобы покончить съ аналогическими новообразованіями, прибавлю, что неупоминаемое Штольцемъ прилагательное *caudītus* (ср. Anth. lat. Riese 682, 2) возникло при *cauda*, несомнѣнно, по аналогіи съ близкимъ по значенію *penītus* (при *penis*): ср. Paul. ex Fest. Th. de Pon., p. 291, 5: *Penem caudam vocabant, unde et offam porcinam cum cauda offam penitam dicebant*; ср. также ibid. 314, 24, откуда ясно, что это выраженіе употребилъ уже Невій, наличность же позднелатинскаго *caudītus* даетъ поводъ предполагать, что *penitus* довольно прочно утвердилось въ латинскомъ языкѣ.

Въ заключеніе замѣчу, что слово *armita*, относимое Штольцемъ сюда же и снабжаемое имъ долгимъ *i*, весьма неясно, какъ по значенію, такъ и по образованію. Глосса изъ Павла Діакона (Th. de Pon., p. 3, 20): *Armita dicebatur virgo sacrificans, cui lacinia togae in humerum erat reiecta. Legibus etiam Laurentum sanctum est, ne pomum ex alieno legatur in armum, id est quod humeri onus est*, отнюдь не способствуетъ его разъясненію. Я не рѣшился бы сказать опредѣленно, съ какимъ словомъ ближе *armita* — съ *arma* или *armus*. Съ другой стороны, интересна „Филоксенова“ глосса: *Armitia θυσία* (CGL. II 23, 19), которая напрашивается на сопоставленіе съ выше приведенной глоссой Павла Діакона[1]). Не возникло ли *armitia*

1) Такое сопоставленіе и сдѣлано уже Гётцемъ (Thes. gloss. s. v. *armitia*).

изъ *armes*, *-ĭtis*[1]) по тому же образцу, какъ *militia* при *miles*, а *armita* не является ли при этомъ *armes* такимъ же новообразованіемъ, какъ *antistita* при *antistes*[2])? Если такъ, то *armita* имѣетъ ĭ и, конечно, не принадлежитъ къ той категоріи образованій, къ которой оно отнесено Штольцемъ. Впрочемъ, окончательнаго мнѣнія по поводу этого загадочнаго слова я не высказываю и предпочитаю вопросъ о немъ оставить открытымъ.

1) Объ этомъ образованіи, обнаруживающемъ, впрочемъ, иное значеніе, см. у М. М. Покровскаго, „Матеріалы“, стр. 254.

2) См. выше, стр. 48 сл.

Дополненія и поправки.

2 стр. 8 св. Отмѣчу еще только что вышедшій въ свѣтъ трудъ Нидермана: Contributions à la critique et à l'explication des gloses latines (Neuchatel 1905), изъ котораго ниже будетъ приведено нѣсколько цѣнныхъ добавленій къ моей работѣ.

3 стр. 3 св. (пр.). Ср. еще *fronduosus* (CGL. IV 454, 16)[1], а также гл. *pluitare*, отсутствующій какъ въ словаряхъ, такъ и у Гётца и извѣстный мнѣ изъ gloss. Scal.: *Pulvicinare pluitare saepe pluere* (CGL. V 608, 68). Кстати: какъ понять лемму въ этой глоссѣ? Что касается *maculentus*, то этотъ примѣръ прошу вычеркнуть, такъ какъ въ данной глоссѣ слѣдуетъ читать *macilentus*. Впрочемъ, образованіе *maculentus* отъ *macula* само по себѣ существовало (ср. Dynamid. 1, 25) и, повидимому, должно быть возстановлено въ глоссѣ: *Σπιλώδης macilentus* (sic) (CGL. III 181, 7), какъ это справедливо замѣчаетъ Heraeus (Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 73)[2].

3 стр. 18 св. (пр.). Такое же лишнее *e* мы находимъ еще въ слѣдующей „Кирилловой“ глоссѣ: *Προσεδρεύω prestoleo* (e: *praestolo*, a: *praestulor*) (CGL. II 420, 53); ср. также „Филоксенову“ глоссу: *Ancleat* (c: *anculat*) *ἀρύεται* (ibid. 17, 21).

---

[1]) *Fronduosus* : *frondosus* = *unduosus* : *undosus* = *monstruosus* : *monstrosus* и т. п. Ratio многихъ изъ такихъ дублетовъ хорошо разъяснена М. М. Покровскимъ („Матеріалы“, стр. 113 слл.); въ связи съ *monstruosus* ср. pl. *monstrua* (см. Arch. f. lat. Lex. IX, стр. 138). Кстати напомню еще пару: *argentuosus* (CGL. V 616, 42) : *argentosus* (Plin. *h. n.* XXXIII 93).

[2]) Тотъ же авторъ (ibid.) сопоставляетъ *maculentus* при *macula* съ *crapulentus* (см. выше, стр. 183) при *crapula*.

3 стр. 8 сн. (пр.). Впрочемъ, признать форму *contumatio* (*contumacio*) безусловно невозможной я не рѣшился бы.

3 стр. 2 сн. (пр.). Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что *squales* — форма ед. ч., а *sordes* — множ. ч.

5 стр. 1 сн. (пр.). Приходится очень пожалѣть, что возвѣщенный въ 7-мъ т. Arch. f. lat. Lex. (стр. 465) словарь латинскихъ собственныхъ именъ Циммермана до сихъ поръ не появился въ свѣтъ, хотя этотъ ученый и разсчитывалъ закончить его къ 1893 году.

6 стр. 15 св. Послѣ *fictores* надо вставить слѣдующія слова, выпавшія при печатаніи: „anzusehen ein Recht, da neben ihnen auch die in dieselbe Begriffssphaere gehörigen *Flaminii* und *Cupencii* vorkommen. Man darf oder muss die *calatores*, *sacratores*, *fictores*“.

7 стр. 15 св. Передъ словомъ „всѣ“ прошу вставить „почти“ въ виду такихъ случаевъ, какъ *Plator*, *Pletor* (см. Schulze, Z. Gesch. lat. Eigenn., стр. 30), *Clestor* (inscr. Momms. 6769 col. VI l. 39) и т. п.

7 стр. 3 сн. Впрочемъ, cogn. *Domator*, быть можетъ, не латинскаго, а мессапскаго происхожденія, какъ это склоненъ предполагать В. Шульце (Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 33).

8 стр. 13 св. Ср. также Not. Tir. 93, 32 *ballatrix* = ит. *ballatrice* (Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 77).

9 стр. 1 сн. Иное дѣло такія измѣренія у Плавта, какъ *potĕstatem*, *minĭstrare*, гдѣ, несомнѣнно, замѣшана тенденція ямбическихъ сочетаній съ неударяемымъ долгимъ гласнымъ къ переходу въ сочетанія пиррихическія; ср. по этому поводу Skutsch, Plautin. u. Rom., стр. 20, прим. 2.

9 стр. 9 св. (пр.). См. другіе примѣры изъ различныхъ римскихъ поэтовъ у Л. Мюллера, De re metr. стр. 317 сл.

11 стр. 9 св. (пр.). Ср. еще нѣкоторые примѣры аналогичнаго характера изъ позднелатинской поэзіи у Луціана Мюллера (op. c., стр. 315), который, какъ я теперь вижу,

объясняетъ данное явленіе приблизительно такимъ же образомъ, какой предложенъ мной[1]).

11 стр. 13 сн. (пр.). Кромѣ *impulitus* и *fefellitus* ср. еще *tulitus*, встрѣчающееся въ латинскомъ переводѣ Бабрія (ср. Arch. f. lat. Lex. XIII, стр. 129).

11 стр. 1 сн. (пр.). Еще ближе къ *impellator* стояли бы *pellicator* и *immolator*. Первое изъ этихъ двухъ образованій извѣстно изъ глоссы Павла Діакона (Th. de Pon., p. 247, 6.): *Pellicator, qui pellicit ad fraudem* и, повидимому, находится въ этимологической связи съ гл. *pellicĕre*, если только лемму не слѣдуетъ исправить въ *pellacator*, опираясь на аналогію nom. actionis *pellacatio*, засвидѣтельствованнаго въ „Кирилловой" глоссѣ: *Ἀπάτη fallacia, delectatio fallacitas, pellacatio* (CGL. II 233, 40). Второе образованіе я извлекаю изъ ряда глоссъ, имѣющихъ общую редакцію: *Immolatores mulierum stupratores* (см. Götz, Thes. gloss. s. v.). Nettleship (Contrib. to Lat. lex., стр. 477) замѣчаетъ по поводу этой глоссы: „perhaps for *immolĭtores*, from *molĕre*". Гётцъ находитъ такую поправку ненужной, и, пожалуй, онъ правъ. Но во всякомъ случаѣ едва ли можно признать это *immolator* тождественнымъ съ тѣмъ, которое произведено отъ отъименнаго гл. *immolare* „приносить жертвоприношеніе", но скорѣе слѣдуетъ въ этомъ омонимѣ заподозрѣть родство съ гл. *molĕre*, употреблявшимся иногда въ смыслѣ futuere (ср., напр., Petron. 23, 5), такъ же, какъ и гл. *permolĕre* (ср. Hor. *sat.* I 2, 35). Что касается *affigatio*, то на ряду съ этимъ образованіемъ можно поставить *exprimatio*, засвидѣтельствованное въ „Кирилловой" глоссѣ: *Ἔκφρασις exprimatio* (a: *expressio*) (CGL. II 293, 47). Гётцъ (Thes. s. v.) едва ли правъ, снабжая эту форму зна-

[1]) „Quod (т.-е. сокращеніе долгихъ гласныхъ передъ muta cum liquida) plerumque adducor ut credam eo errore evenisse, quo nunc imperitissimi puerorum statuunt non modo produci breves sed etiam corripi longas, si muta sequatur cum liquida".

комъ восклицанія[1]), тогда какъ *adfigatio*, повидимому, не вызвало никакихъ сомнѣній съ его стороны, хотя болѣе нормальной формой является *affixio*, о которомъ см. напр. Nettleship, op. c., стр. 76. Во всякомъ случаѣ *exprimatio* : *expressio* = *affigatio* : *affixio*. Весьма возможно, что перечисленныя образованія предполагаютъ соотвѣтствующіе глаголы на *-āre* типа *occupare*.

12 стр. 8 св. На всякій случай напомню глоссу Скалигера: *Postmurium insertorium* (CGL. V 606, 40), „wo das Lemma Kontamination aufweist (l. *pomarium*), von *insertus* = älterem *insitus* „gepfropft"" (Heraeus, Arch. f. lat. Lex. X, стр. 516). Не можетъ ли это служить косвеннымъ подкрѣпленіемъ для второго изъ высказанныхъ Моммсеномъ предположеній?

12 стр. 1 сн. (пр.). Ср. еще Not. Tir. 74, 54 *fanister* и замѣчаніе Heraeus'а въ Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 56.

16 стр. 9 сн. Въ этомъ смыслѣ (=*polire*) гл. *planare* фактически засвидѣтельствованъ Greg. Turon. *h. Fr.* V 44 (Benoist-Goelzer).

20 стр. 4 сн. Къ этой же категоріи мы, быть можетъ, имѣемъ право отнести еще *plemina*, извѣстное мнѣ изъ грамматика Капра (GLK. VII 99, 9): *Flemina sunt, ubi abundant crura sanguine; plemina, cum in manibus, vel pedibus callosi sulci sunt*, каковая замѣтка съ буквальной точностью воспроизводится у Беды (ibid. 272, 17). Въ извѣстныхъ мнѣ словаряхъ это слово отсутствуетъ.

20 стр. 3 сн. (пр.). *Tormina* засвидѣтельствовано и раньше — у Катона *R. R.* 126; 156, 5; 157, 9 (см. Arch. f. lat. Lex. I, стр. 584).

20 стр. 1 сн. (пр.). Сверхъ указанныхъ мной l. c. примѣровъ обратныхъ образованій изъ формъ множественнаго числа отмѣчу еще упоминаемыя Присціаномъ (GL.K. II 201, 2)

[1]) О смыслѣ этого знака см. стр. 3, пр. 1, с.

формы *emblematum* и *toreumatum*, не нашедшія себѣ мѣста въ словаряхъ. Сюда же относится, несомнѣнно, и *tonitruum* (Gallien. 5 Scr. hist. Aug.), извлеченное изъ pl. *tonitrua*.

21 стр. 2 св. И въ Mulomedic. Chironis неоднократно засвидѣтельствована форма *farcimen*, о чемъ см. въ изданіи Одера, стр. 370.

25 стр. 8 сн. Ср. кстати cognomina *Menda* (CIL. III 3144) и *Me(n)dus* (ibid. 9796). Слѣдующія дальше слова: „во-первыхъ, имѣютъ совсѣмъ другое значеніе, а во-вторыхъ", прошу вычеркнуть.

28 стр. 1 св. Гл. *simplare* фактически засвидѣтельствованъ Sedul. *de Trinit.* I 297.

28 стр. 12 св. Ср. еще отсутствующее у Паукера *limitanus* (Prisc. GL. K. II 78, 19) : *limitaneus*.

28 стр. 2 св. (пр.). Сопоставленіе этихъ словъ дѣлалось уже въ древности (ср. Prisc. GL K. II 77, 18).

31 стр. 5 св. Начиная отъ словъ: „Сюда же я отнесъ бы" вплоть до точки прошу вычеркнуть.

32 стр. 9 сн. Ср. Prisc. GL. K. II 142, 9 sq.: *Sunt alia, quae differentiae significationis causa mutant genera, ut „haec pirus hoc pirum", „haec malus hoc malum", „haec prunus hoc prunum", et hoc in plerisque invenis arborum nominibus, in quibus ipsae arbores feminino genere, fructus neutro proferuntur vel ligna, ut „haec buxus" arbos, „hoc buxum" lignum.*

33 стр. 1 сн. (пр.). Ср. еще позднелатинское *nutriculus* (Petr. Chrysol. Migne 52, 371 b), появившееся при fem. *nutricula*.

34 стр. 6 св. Возможно также, что cogn. *Vaccus* было преобразовано непосредственно изъ мужского же cogn. *Vacca*. Ср. кстати cogn. vir. *Vaccula* C. I. L. II 279.

34 стр. 9 св. Впрочемъ, повидимому, существовало уже нарицательное слово *mustelus;* по крайней мѣрѣ, эта форма засвидѣтельствована въ Gloss. Steph.: *Mustelus* γαλεός (CGL. III 471, 16); ср. Niedermann, Contributions, стр. 36, пр. 1, гдѣ эта форма удачно сопоставляется съ *dammus* (CGL. III 431, 30), „masculin néologique de l'épicène *damma*". Нѣсколько выше въ текстѣ тотъ же авторъ отмѣчаетъ, съ другой стороны, возникшія въ болѣе позднюю эпоху формы женск. р. *gracula* (фр. *graille*), *mergula*, *milva*, *turda*. Ср. также отмѣченные мною выше (стр. 152) факты, къ каковымъ можно прибавить еще слѣдующіе, засвидѣтельствованные въ глоссаріяхъ: *luscinius* (напр. CGL. II 538, 36, ср. GL. K. I 552, 11), *fringillus* (напр. CGL. II 435, 48), *parrus* (напр. ibid. III 89, 73), а съ другой стороны — *ansera* (напр. ibid. III 17, 35).

34 стр. 11 сн. Не относится ли сюда же и cogn. *Arbusculus* (CIL. III 74, 82), которое, быть можетъ, преобразовано изъ женскаго имени *Arbuscula* (ibid. 8784[a], VIII 2815) = *arbuscula*[1])? Впрочемъ, поручиться за латинское происхожденіе этихъ cognomina трудно въ виду цѣлаго ряда близкихъ по звуку именъ, повидимому, этрусскаго корня въ родѣ *Arbula*, *Arbonius* и т. п. (см. Schulze, Z. Gesch. lat. Eigennam., стр. 347).

37 стр. 9 сн. Ср. еще *Gaudius* (напр. CIL. VI 22420) при *gaudium*.

39 стр. 12 сн. Значительный шагъ впередъ представляетъ собой трудъ Вальде: Lateinisches etymologisches Wörterbuch, первые 8 выпусковъ котораго стали мнѣ извѣстными уже послѣ того, какъ основной текстъ моей работы былъ отпечатанъ.

42 стр. 1 сн. Ср. еще слово *invectio*, обыкновенно объединяемое въ словаряхъ въ одну рубрику, тогда какъ на самомъ дѣлѣ тутъ, по всей вѣроятности, скрывается два разныхъ слова, фонетически совпавшихъ: одно съ значеніемъ „ввозъ" отъ гл. *inveho*, а другое — съ значеніемъ „словесныя нападки" въ родствѣ съ *convīcium* (изъ *-*vēcium*) отъ корня *vec* (откуда *vŏcare*)[2]).

---

[1]) Ср. стр. 35 съ прим. 2.

[2]) Ср. v. Planta, Indogerm. Forsch. Anz. VI, стр. 71.

48 стр. 6 сн. По этому вопросу ср. теперь еще Niedermann, Contributions, стр. 33 сл.

49 стр. 3 св. Ср. форму *sodala* CIL. VIII 3762 (Niedermann, op. c., стр. 35).

50 стр. 5 сн. (пр.). Любопытный аналогичный случай изъ области ономатологіи представляютъ собой женскія cognomina на *-is* въ родѣ *Montanis* (CIL. VI 22145) при *Montana, Nonis* (ibid. VIII 7838) при *Nona* (ibid. II 2592), *Plenis* (ibid. VI 23163) при *Plenia* (ibid. V [P] 1172), *Sergis* († X 7775) при *Sergia, Silvis* (VI 24998) при *Silvia, Trebis* (V 4024) при *Trebia* и т. п., въ которыхъ это окончаніе перешло, по мнѣнію Циммермана (Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 585), изъ греч. именъ въ родѣ *Φυλλίς, Ἀνθίς, Μυρτίς* и т. п.; какъ продуктъ греческаго вліянія тотъ же ученый (ibid.) разсматриваетъ и окончаніе *-e* въ такихъ женскихъ собственныхъ именахъ, какъ *Julia Quintiane* (CIL. † XIV 1912) или *Julia Reginiane* (ibid. VI 20653).

51 стр. 7 сн. Попытку толкованія этого труднаго мѣста предлагаетъ Hirschfeld, Hermes VIII, стр. 469 сл., который, между прочимъ, замѣчаетъ, что Huschke (d. röm. Jahr, стр. 162 сл.) „*sacrificiolus* (für *sacrificulus*) als unlateinisch verwirft“. Въ дополненіе къ тѣмъ соображеніямъ, которыя приведены мной въ пользу этого нѣсколько страннаго образованія, отмѣчу, что возникновенію его могло способствовать, между прочимъ, *sacrificium*.

52 стр. 14 сн. Любопытнѣйшимъ и притомъ очень древнимъ продуктомъ смѣшенія инструментальныхъ суффиксовъ съ уменьшительными является общеизвѣстное существительное *crepusculum*, засвидѣтельствованное уже у Плавта. Внѣшнимъ образомъ это образованіе представляетъ собой несомнѣнное deminutivum отъ **crepus, -ĕris* (ср. Varro *L. L.* VI 5), но какъ объяснить такое неожиданное употребленіе уменьшительнаго суффикса? Мнѣ кажется, что точкой отправленія послужило „инструментальное“ образованіе *dī-*

lūc-ulum (ср. кстати близкое по значенію греч. *ὄρ-θρο-ς*, также съ „инструментальнымъ“ суффиксомъ), которое затѣмъ было принято за уменьшительное и въ связи съ этимъ вызвало аналогическое новообразованіе *crepusculum*, что въ высшей степени вѣроятно въ виду того, что эти два слова легко могли ассоціироваться въ качествѣ *ἀντίθετα*. Уже Плавтъ, повидимому, принималъ *crepusculum* за уменьшительное, судя по fr. ap. Varr. *L. L.* VII 77: *Inde hic bene potus primulo crepusculo* (ср. кстати Cic. *Quint.* 7: *Primo diluculo nuntius Ameriam venit*).

52 стр. 2 сн. Ср. также masc. *pusiolus* Poet. aev. Carol. II, p. 385 XXXI 10 (bis) (Arch. f. lat. Lex. III, стр. 500).

54 стр. 2 сн. Къ этой же категоріи образованій относится и упомянутое на стр. 52 *martiolus*, которое самимъ Heraeus'омъ признается реальнымъ дублетомъ при *martulus*, хотя это послѣднее образованіе, въ сущности говоря, представляется инструментально-локальнымъ (ср. о немъ указаніе на стр. 70 съ соотвѣтствующими дополненіями ниже).

58 стр. 2 св. (пр.). Впрочемъ, форма *rotulus* у Кальпурнія не вполнѣ достовѣрно засвидѣтельствована (см. Arch. f. lat. Lex. IV, стр. 188).

60 стр. 10 св. Кромѣ *circulus* и *ergastulum* примѣромъ аналогичной диссимиляціи $r—r < r—l$, притомъ съ перемѣной плавнаго въ суффиксѣ можетъ служить вульгарно-латинское **rasc(u)lum* (или **rasculus*) и гл. **rasc(u)lare*, откуда пров. *rascle* „борона“, кат. *rascle* „грабли“, рет. *raschlar* „загребать граблями“, итал. *raschiare* „скрести“ и т. п., если правъ Асколи (Studi critici, стр. 105), предполагающій, что этотъ вульгарно-латинскій прототипъ явился изъ *rastrum* < **rastlum*, что въ высшей степени вѣроятно. Спеціально для *ergastulum* превосходной параллелью является провансальское *cremasclo* „крюкъ для подвѣшиванія котла“. Horning (Zeitschr. f. rom. Phil. XXI, стр. 453) замѣчаетъ, что „es ist wahrscheinlich, dass in *cremasclo* das *s* zum

Stamme gehört (in *crémaillière* wurde *-asculum* durch *-aculum* verdrängt[1])) und dass die Ableitung vom griechischen *κρεμαστήρ* nicht ohne weiteres mit Diez abzuweisen ist, zumal dasselbe dem Sinne besser genügt als das allgemeine ndl. *kram* „eiserner Hacken". Das Wort konnte sich von Massilia aus verbreiten; Du Cange belegt *cremasclus* aus den Jahren 1363. 1379". Съ своей стороны прибавлю только, что исходной точкой для этого слова послужило, конечно, не *κρεμαστήρ*, а *κρέμαστρον*, каковая форма фактически засвидѣтельствована въ глоссаріяхъ, гдѣ оно толкуется латинскимъ *carnarium* (см. Götz, Thes. s. v.)[2]; такимъ образомъ получается слѣдующій процессъ развитія: *κρέμαστρον* < **cremastro-* < **cremastlo-* < **cremasclo-* [по поводу послѣдней формы ср. сказанное на стр. 83]. Интересный случай диссимиляціи *r—r* < *r—l* въ словѣ греческаго происхожденія представляетъ собой еще Not. Tir. 51, 6: *strangulia* „(das) nichts mit *strangulare* zu thun (hat), sondern ist jüngere Form = *στραγγουρία*" (Moore въ Arch. f. lat. Lex. X, стр. 271).

61 стр. 13 св. Подобно этому напр. пров. *talan*, др.-фр. *talant* предполагаютъ прототипъ **talántum* > *τάλαντον*, возникшій самостоятельно, помимо общеизвѣстнаго *talentum*. „Auch das port. *talante*, span. *talante* „Hang, Geschick" sind durch ihre Form als Entlehnungen aus Frankreich kenntlich" (Gröber, Arch. f. lat. Lex. VI, стр. 119).

62 стр. 4 сн. (пр.) Ср. еще *aplustre* pl. *aplustria* на ряду съ pl. *aplustra* при греч. *ἄφλαστον* (хотя соотношеніе съ этимъ греческимъ прототипомъ несовсѣмъ ясно), а также *calamistre* (Not. Tir. Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 89) при *calamistrum*.

64 стр. 13 сн. Вм. *Ζωστήριον cingulum*, попавшаго сюда

---

1) Отмѣчу въ этой связи любопытное образованіе *cremaculus*, засвидѣтельствованное въ „Филоксеновомъ" глоссаріи CGL. II 145, 1 in marg.: *-cremale* (= *κρέμαται*) *pendet unde cremaculus*.

2) На ряду съ этимъ, быть можетъ, существовала и форма муж. р. *κρέμαστρος*, которую Гётцъ (ibid.), хотя и нерѣшительно, извлекаетъ изъ Gloss. Bern.: *Krenastrus carnarius* (CGL. III 498, 56).

по недосмотру, прошу прибавить слѣдующіе примѣры изъ глоссаріевъ: *Ταμίσιον quagulum*[1]) (= *coagulum*) (CGL. III 315, 14) и *Subula ὀπήτιον* (ibid. 368, 71 и мн. др. см. Götz, Thes s. v.)[2]); въ связи съ этимъ послѣднимъ случаемъ ср. также любопытную глоссу: *Σουβλίον subula* (CGL. II 434, 62), которая въ свою очередь можетъ быть ближайшимъ образомъ сопоставлена съ другой глоссой: *Fibula πόρπη, φιβλίον* (ibid. 71, 49): какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ латинское инструментальное образованіе передано греческимъ эквивалентомъ, заимствованнымъ изъ латинскаго языка, но съ греческимъ уменьшительнымъ суффиксомъ. Въ заключеніе приведу слѣдующее мѣсто изъ Варрона (*L. L.* V 121): *Capides et minores* (NB) *capulae a capiendo, quod ansatae ut prendi possent, id est capi*. По всей вѣроятности, опираясь на это показаніе, Георгесъ (s. v.) утверждаетъ, что *capula* — уменьшительное образованіе отъ *capis, -ĭdis*, а Штольцъ (Histor. Gramm., стр. 577) полагаетъ, что „*capula*... und *clavulus*... stehen auf einer Stufe mit... *corbula*". Однако по меньшей мѣрѣ съ такимъ же правомъ мы могли бы разсматривать *capula* въ качествѣ инструментальнаго образованія: ср. *capulus*.

65 стр. 2 сн. Относительно фонетики согласныхъ въ греч. *λέκτρον* ср. замѣчаніе Вальде въ Kuhn's Zeitschr. XXXIV, стр. 476.

65 стр. 3 св. (пр.). Ср. еще *vestimenticulum* (Arch. f. lat. Lex. X, стр. 543).

---

1) О такого рода орѳографіи въ глоссаріяхъ см. М. М. Покровскій, „Матеріалы", стр. 187 сл.

2) Кстати: приведя „Кириллову" глоссу: *᾿Οπήτιον subula subucula* (CGL. II 385, 11), Гётцъ послѣ второго interpretamentum замѣчаетъ въ скобкахъ „hoc non recte". Я не рѣшился бы отвергнуть такъ категорически дублетъ *subucula*, который допускаетъ удовлетворительное морфологическое объясненіе, напр. какъ варіантъ формы *subula*, принятой за deminutivum (ср. выше, стр. 52); что касается элемента *u* передъ *c*, то ср., напр., *panucula* при *panicula*, *peduculus* при *pediculus* и т. п. [ср. по поводу такихъ дублетовъ W. Schulze, Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 133 сл.]. Конечно, это *subucula* не слѣдуетъ смѣшивать съ *subūcula* „исподняя одежда".

66 стр. 11 сн. Циммерманъ (Indogerm. Forsch. XV, стр. 123) относитъ сюда же *villa* „ursprünglich... nur eine Verzäunung aus Flechtwerk, eine Hürde, bestimmt zur Aufnahme für das Vieh, die Hirten und die landwirtschaftlichen Geräte", предполагая слѣдующее развитіе формъ: **vidula* (ср. *vidulus*) < **vidla* < *villa*, не касаясь однако вопроса о просодіи корневого слога, что столкнуло бы насъ съ рядомъ дополнительныхъ затрудненій. Эта этимологическая комбинація не представляется мнѣ убѣдительной.

67 стр. 2 св. Во всякомъ случаѣ Штольцъ не правъ, предполагая въ *-dhelo-* „европейскій" суффиксъ (см. Указатель, стр. 653).

68 стр. 8 сн. *Catulus*: *Catilina* прошу замѣнить посредствомъ *famulus* : *familia*.

69 стр. 4 сн. Впрочемъ, если *crepitulum* дѣйствительно инструментальное образованіе, то, быть можетъ, его слѣдовало бы объяснить такъ же, какъ *tomatulum*, о которомъ см. въ слѣдующемъ прибавленіи.

70 стр. 8 св. Иначе смотритъ на *martulus* Heraeus (Die Spr. d. Petron. u. die Gloss., стр. 49), который предполагаетъ, что это слово такъ же относится къ *marculus*, какъ *tomatulum* къ *tomaculum*, при чемъ формы съ *t* явились, какъ результатъ неправильной реконструкціи на основаніи сопоставленія такихъ случаевъ, какъ *vetulus* : *veclus*.

70 стр. 11 св. Впрочемъ, шансы того и другого объясненія приблизительно одинаковы.

70 стр. 5 сн. У Перссона (Wurzelerweit., стр. 62) *culter* сопоставляется съ ст.-слав. колѭ, *клати*, др.-инд. *kuthāra* „топоръ" и т. д. и это толкованіе, пожалуй, проще того, которое предложено Скутшемъ. [Ср. Walde Etym. Wtb. стр. 156].

71 стр. 15 св. Ср., впрочемъ, Charis. K. I 80, 12, если только это не теоретическая реконструкція.

72 стр. 5 св. Вм. „нефонетическое" слѣдуетъ читать „неорганическое".

72 стр. 8 св. (пр.). Ср. Niedermann, Contributions, стр. 8, гдѣ указывается, что *ressor* вм. *restor* есть одинъ изъ случаевъ „(de) la coïncidence de *-st-* et de *-ss-*, attestée par des gloses comme CGL. IV 82, 31 *gessit* au lieu de *gestit*... II 244, 6; 269, 56; 285, 20 *sessercium*, *sessertium* au lieu de *sestertium*". Ср. еще *vessiolus*=*bestiolus* въ Mulomedic. Chiron. p. 144, 2.

74 стр. 12 св. Вульгарно-латинская форма *pestulus*, быть можетъ, скрывается въ рукописномъ *pistuli* Mulomedic. Chironis, p. 23, 26, какъ это остроумно предполагаетъ Heraeus (Arch. f. lat. Lex. XIV, стр. 120).

75 стр. 9 сн. Во всякомъ случаѣ, ужь если подозрѣвать диссимиляцію, то проще было бы предположить, что она возникла вслѣдствіе начальнаго *c* въ *coxim*.

75 стр. 1 сн. По вопросу о *ss* > *x* ср. также Ihm въ Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 589. Что касается *assula* и *assis*, то Вальде (Etym. Wtb. стр. 48) сопоставляетъ эти слова съ лат. *asser*, *-eris* „dicke Stange, Latte, Balken", ир. *asna* „Rippe", кимр. *asen*, *eisen* 1. „costa", 2. „asserculus, assiculus, assula", корн. *asen* „costa" (ср. Fick Vgl. Wtb. II[4], стр. 21).

77 стр. 1 сн. Ср. аналогичныя замѣчанія Вальде, Kuhn's Zeitschr. XXXIV, стр. 491, пр. 1.

80 стр. 4 сн. Ср., впрочемъ, М. М. Покровскій, „Матеріалы", стр. 125, пр. 1.

84 стр. 1 сн. Впрочемъ, *ergastor* восходитъ, по всей вѣроятности, къ греческому **ἐργάστωρ*, которое, кажется, не сохранилось въ дошедшихъ до насъ памятникахъ.

85 стр. 10 св. (пр.). Впрочемъ, такого же взгляда на *peierare* придерживается и Вёльфлинъ (Arch. f. lat. Lex. IV, стр. 12).

85 стр. 5 сн. (пр.). По поводу др.-инд. *ăpas* и *āpas* см. замѣчаніе Ф. Ѳ. Фортунатова (*Χαριστήρια*, Сборн. статей въ честь Ѳ. Е. Корша, стр. 488, пр. 51); что касается *ioubeo*, извлеченнаго мной изъ CIL. I 196 (*ioubeatis*), то, быть можетъ, эта

форма — результатъ описки (см. Sommer, Handbuch, стр. 602, пр. 1). O *glŏmus* см. Lachmann Comm. in Lucr. p. 36.

86 стр. 4 св. Ср. также форму *fisculator* (CGL. II 580, 22; III 10, 48).

91 стр. 1 сн. (пр.). Ср. еще *glabrus, sacrus, rubrus* (CGL. II 314, 55; 377, 51), *caprus* (ibid. III 513, 51), *cultrus* (ibid. II 118, 51; 365, 32) и т. п. (Heraeus, Arch. f. lat. Lex. XI, стр. 321).

94 стр. 3 св. Ср. еще *lacertus* : *lacertum* (Non., p. 314 L. M.).

94 стр. 7 св. Это замѣчаніе, быть можетъ, основано на показаніи Auct. de dub. nom. GL. K. V 574, 12: *Cubitum corporis generis masculini, mensurae autem generis neutri.*

97 стр. 6 св. Ср. еще **bŭccarius* < фр. *boucher*, извлеченное, какъ думаетъ Th. Reinach (Mém. d. la Soc. de lingu. XI, стр. 126 сл.), изъ *buccularius*, о которомъ см. Niedermann Contributions, стр. 1.

98 стр. 11 св. Къ этой же категоріи до извѣстной степени могло бы быть отнесено и *columa* (см. Quint. I 7, 29, Pompeius K. V 283), явившееся вм. *columna*, быть можетъ, изъ *columella;* впрочемъ, тутъ могло влiять также и этимологически близкое *columen* (ср. Sommer, Handbuch, стр. 240). Наконецъ, отмѣчу любопытное слово *fer* = *epulum* (Anecd. Helvet., p. 192, 6); въ Arch. f. lat. Lex. III, стр. 134 высказывается предположеніе, что эта форма „abgekürzt (ist) aus *ferre* „Gang" wie *biber* „Trunk" aus *bibere*". Мнѣ представляется однако такое объясненіе въ высшей степени неправдоподобнымъ, и я предпочитаю видѣть въ *fer* обратное образованіе изъ *ferculum*, принятаго за deminutivum.

99 стр. 17 св. Къ пропорціи *lectulus* : *lectus* = *circulus* : *circus* можно было бы присоединить еще **rastulum (-us)*[1]) : *rastus*[2]).

---

[1]) См. выше, стр. 237 въ прибавленіи къ стр. 60 строк. 10.

[2]) См. выше, стр. 91.

101 стр. 11 св. Возможно однако, что *simultatio* возникло отъ гл. **simultare*, который могъ бы быть сопоставленъ по образованію съ такими глаголами, какъ *difficultare, paupertare*, разъясненными мной въ „Изслѣдов.", стр. 65.

102 стр. 3 св. Вальде (Etym. Wtb. стр. 500) замѣчаетъ по поводу *pulpitum:* „möglicherweise mit Reduplikation als **pl-plut-om* oder **pel-plut-om* zu *pluteus;* mit Dissimilatorischem Schwunde des zweiten *l*"; однако это толкованіе представляется мнѣ значительно менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ то, которое предложено мною.

102 стр. 9 св. Съ ст.-слав. *polica*, русск. *полка* и т. д. Бернекеръ (Indogerm. Forsch. IX, стр. 364) сближаетъ др.-инд. *phalaka* „Brett, Latte, Tafel, Fussgestell, hölzerne Bank", *phāla* „Pflugschar, Art Schauf" и т. п., а Уленбекъ (Etym. Wtb. d. altind. Spr., стр. 183) сверхъ этого относитъ сюда же др.-сканд. *fjǫl* „Brett", греч. *σφέλας* „Schemel". Эти сближенія, въ высшей степени вѣроятныя, едва ли могутъ быть признаны несовмѣстимыми съ предложенной мной этимологіей *pulpitum*, такъ какъ равенство: инд.-евр. *ph* = лат. *f*, принимаемое Бернекеромъ (l. c.), отнюдь не достовѣрно, и я лично скорѣе склоненъ, вслѣдъ за Уленбекомъ (Indogerm. Forsch. XII, стр. 213 сл.), предположить, что индо-европейскія глухія придыхательныя переходили въ латинскія соотвѣтствующія непридыхательныя, что въ частности для *ph* подтверждается имъ (о. с., стр. 218) слѣдующими весьма убѣдительными сопоставленіями: лат. *pūmex* : др.-инд. *phēna*, осет. *fing, finkhä, fynk*, ст.-сл. пѣна, англ.-сакс. *fam*, др.-в.-нѣм. *feim* „пѣна". Вопросъ же о *planca* и *plancus* я предпочитаю оставить открытымъ.

102 стр. 4 сн. (пр.). Начиная со словъ: „Но что значатъ" и до конца примѣчанія прошу зачеркнуть.

107 стр. 13 св. Аналогичное съ *orbĭta* образованіе представляетъ собой, быть можетъ, *sēmita* > *sēm(i)* + *ĭtā*: ср. „Филоксенову" глоссу: *Semita* ἀτραπός, ἡμιόδιον (CGL.

II 181, 55). Впрочемъ Вальде (Etym. Wtb. стр. 561) предполагаетъ, что это слово восходитъ къ „* *Sē (d)* + * *mita* zu *meo*“.

116 стр. 2 св. Передъ „юридическіе“ прошу вставить „старинные“.

118 стр. 1 сн. На этотъ послѣдній вопросъ мы можемъ, повидимому, дать положительный отвѣтъ въ виду такихъ примѣровъ, какъ ит. *balestra*, *puledro* (при неап. *pullitru*) и т. п., о чемъ см. Niedermann, Contributions, стр. 30.

120 стр. 4 св. (пр.). Отмѣчу еще *tergorium* (CGL. II 291, 38) на ряду съ *tersorium* (ibid. III 370, 17), одинаково глоссируемое поср. *ἐκμαγεῖον*. Можно ли однако отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ первому дублету?

120 стр. 7 сн. Ср. добавочныя замѣчанія того же автора, ibid. III, стр. 541.

120 стр. 1 сн. Сюда же, быть можетъ, позволительно отнести и нарѣчіе *adnecte* „anhangsweise“ (Formulae, p. 19, 5; ср. Arch. f. lat. Lex. II, стр. 111), которое могло примкнуть къ такимъ нарѣчіямъ, какъ *astricte*, *abiecte*, *distincte* и т. п.

124 стр. 2 св. Впрочемъ, образованіе *implecticus* весьма сомнительно и въ изданіи Ломмача (II 93) принято чтеніе *emplecticus* (ср. ibid. критическій аппаратъ).

124 стр. 12 св. Ср., впрочемъ, такія образованія, какъ *capabilis*, *efficabilis*, *perspicabilis* и т. п. (см. Stolz, Histor. Gramm., стр. 568).

124 стр. 6 сн. Аналогичное смѣшеніе корневого *t* съ суффиксальнымъ мы имѣемъ и въ греч. *ἀλιτήριος*, если правъ В. Шульце (Quaest. ep., стр. 249, пр. 1), выводящій это слово (такъ же какъ *ἀλιτ-ήμενος* и *ἀλιτ-ρός*) изъ корня *ἀλειτ* : *ἀλοιτ* : *ἀλιτ* и предполагающій, что „*ἴα-τρος* : *ἰα-τήριος* = = *ἀλιτ-ρός* : *x*. *x* = *ἀλιτήριος*“.

126 стр. 12 св. Къ этой же категоріи фактовъ относится и ptc. fut. *capessurus*, (Victor Vit. III 67) при гл. *capessere*, „direkt vom Praesens gebildet... nach andern Formen auf -ssurus“ (Sommer, Handbuch, стр. 650). Ср. еще гл. *lacessare*, который можно извлечь изъ „Филоксеновыхъ“ глоссъ *Lacessantes* (e: *lacessentes*) *ἀκροβολίζοντες* и *Lacessemus* *προκαλεσώμεθα* (e: *προκαλεσόμεθα*) (CGL. II 120, 28 и 29[1]); а также гл. *facessare*, извѣстный изъ глоссаріевъ (см. Götz, Thes. s. v.) и изъ *Willibald vita S. Bonifatii* I 6, 23 (Arch. f. lat. Lex. III, стр. 133); эти два глагола слѣдуетъ сопоставить съ фактами, отмѣченными стр. 120, пр. 3.

127 стр. 4 сн. О латинскихъ словахъ, начинающихся съ *male-* см. Heraeus, Die Spr. d. Petron., стр. 29, и Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 456.

130 стр. 6 св. Вм. „морфологическаго“ читай „семасіологическаго“, такъ какъ эти суффиксы съ чисто морфологической точки зрѣнія, повидимому, тождественны между собой; ср. стр. 47 сл.

131 стр. 2 св. Другую, но едва ли правдоподобную, этимологію для *pōmum* предлагаетъ Остгофъ (Indogerm. Forsch. V, стр. 317), выводящій это слово изъ прототипа **po-ĕmom* (въ связи съ гл. *ĕmere* = „брать“).

131 стр. 13 св. Ср. впрочемъ относительно *pŭmilus* Walde Etym. Wtb. стр. 501.

137 стр. 6 св. Кромѣ того — и въ этомъ главная задача и заслуга этой статьи, — въ ней сообщается обширный лексикографическій матеріалъ, относящійся къ даннымъ прилагательнымъ, и предлагается обстоятельное объясненіе генезиса различныхъ оттѣнковъ значенія.

137 стр. 14 св. Нѣкоторые ученые однако идутъ черезчуръ далеко въ признаніи формъ, уклоняющихся отъ ротацизма; такъ, напр., весьма сомнительны формы *pusicus*, *pusulentus*[2])

---

[1]) Гётцъ (Thes. gloss., стр. 617) для interpretamentum второй глоссы указываетъ лишь чтеніе *e*; почему? Напомню, что въ „Филоксеновомъ“ глоссаріи нерѣдко являются формы coniunctiv'a: ср., напр., CGL. II 10, 34; 26, 11; 40, 3; 40, 6; 42, 30; 45, 33 и т. п., а также мои разсужденія по поводу глоссы: *Juventent νεωτερίσωσαν* (e: *νεωτερίσωσιν*) (ibid. 94, 19), „Изслѣдов.“, стр. 43 сл.

[2]) Кстати: гдѣ засвидѣтельствована эта форма?

отъ *pus* и *iusulentus* отъ *ius*, о которыхъ говоритъ Кюблеръ (Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 136 сл.), кстати сказать злоупотребляющій аналогіей дублетовъ *pusula*: *pustula*.

137 стр. 1 сн. (пр.). Ср. Schrader, Reallex. d. indogerm. Altertumskunde, стр. 94.

138 стр. 11 св. (пр.). Ср. впрочемъ два любопытныхъ образованія, засвидѣтельствованныхъ въ „Кирилловомъ" глоссаріи: *concilitas* (CGL. II 272, 24: *Διαλλαγή reconciliatio concilitas*) и *reconcilitas* (ibid. 25: *Διαλλαγὴ φιλίας reconcilitas*). Кстати упомяну еще два невполнѣ обычныхъ образованія на *-tas*, извѣстныхъ мнѣ изъ глоссаріевъ: *humectas* (CGL. III 425, 54) и *infrunitas* (ibid. II 234, 10 и 15; 583, 47); ср. еще *pituitas* Mulomed. Chir. 350 (Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 407) и *hebitas* = hebetudo Gregor. Turon. *vita S. Jul.* 2, p. 568, 8 (ibid. III, стр. 251).

139 стр. 13 св. Нидерманъ (Contributions, стр. 8, пр. 2) не безъ ироніи замѣчаетъ, что „Solmsen... s'est donné beaucoup de mal à expliquer *(scaina)* d'une façon invraisemblable" и предпочитаетъ видѣть въ этой формѣ не что иное какъ „une graphie inverse", примѣры которой онъ приводитъ въ большомъ количествѣ изъ глоссаріевъ. Во всякомъ случаѣ, эта точка зрѣнія заслуживаетъ вниманія.

140 стр. 3 сн. Ср. еще Mulomedic. Chironis, p. 224, 30 *bersellis* = *volsellis*, сопоставляемое Heraeus'омъ (Arch. f. lat. Lex. XIV, стр. 121) съ CGL. III 204, 43: *τριχολαβίδες verselle*.

142 стр. 1 сн. Ср. на всякій случай слѣдующее замѣчаніе грамматика Діомеда (GL. K. I 326, 23): *Meminisse... debemus, quod non omnia deminutiones faciunt. Quaedam enim quae singula sunt non veniunt in comparationem tam quam caelum mare et his similia.*

145 стр. 7 св. Вм. *caela* читай *caelos*.

148 стр. 11 сн. Въ этой строкѣ и слѣдующихъ двухъ при печатаніи произошла путаница. Надо читать: „(ср. др.-пр. *caech*, готск. *haihs* „одноглазый", др.-инд. *andha-* „слѣпой" при лат. *umbra* [?]), греч. *μελαμ-βόρεος*". Французскій примѣръ прошу вычеркнуть.

151 стр. 7 сн. (пр.). Превосходную параллель къ *motacilla*, истолкованному такимъ образомъ, представляетъ собой, повидимому, греч. *λαμπυρίς* „свѣтлякъ" — дублетъ при *λαμπουρίς* (ср. *λάμπουρος* > * *λάμπρουρος*, Brugmann Griech. Gramm.[3] стр. 81), по всей вѣроятности возникшее по аналогіи съ образованіями на *-υρίς* въ родѣ *ἀργυρίς, ἁλμυρίς, πιτυρίς, πορφυρίς* и т. п. Ср. еще дублеты *μολουρίς*: *μολυρίς* „видъ кузнечика".

152 стр. 9 св. Ср. Niedermann, Contrib., стр. 2.

152 стр. 4 сн. *Merulus* засвидѣтельствовано также Marcell. Empir. 27, 28 (см. Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 475).

154 стр. 19 св. Шрадеръ (Reallex., стр. 95) упоминаетъ, между прочимъ, „alb. *káľtεrε* „blau" — eine Weiterbildung von lat. *caltha, calta, caltum*"; это албанское слово, повидимому, соотвѣтствуетъ вполнѣ предположенному нами лат. * *caltulus*, но только съ переходомъ суффиксальнаго *l* въ *r* благодаря диссимиляціи.

157 стр. 10 св. Болѣе сложный случай, но въ концѣ концовъ относящійся къ той же категоріи фактовъ, представляетъ собой Плавтовское *dierectus*, которое по замѣчанію Штольца (Histor. Gramm., стр. 395) „doch wohl nichts anderes (ist) als eine Verbindung von *dīrectus*+*ērectus*, wobei das *dī-* vor dem folgenden vocalischen Anlaute Kürzung erfahren hat". О значеніяхъ и просодіи этого интереснаго слова см. Nettleship, Contributions, стр. 436 сл. Что касается *am-icio*, то ср. замѣчаніе В. Шульце (Z. Gesch. lat. Eigennamen, стр. 542, пр. 3): „Griech. *ἄμφω* und got. *bai*, griech. *ἀμφί* und got. *bi* zeigen, dass *ἀμ-* als ein selbstständiges Element abgetrennt werden muss; es scheint in der That in einigen Compositen als erstes Glied vorzukommen, Ahrens, Diall. II 357 meine Quaest. ep. 491, auch lateinisch in *amictus*. *ἀμ-φί* ist gleichsam *circum-circa*".

162 стр. 1 сн. Любопытно, что въ романскихъ языкахъ „улитка“ обозначается терминами, восходящими отчасти къ *limaceus*, отчасти къ **limacus* (см. Körting, Lat.-rom. Wtb[2]., № 5598).

163 стр. 10 св. Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что *līmax* имѣетъ ближайшія параллели въ другихъ инд.-евр. языкахъ (см. Walde Etym. Wtb. s. v.).

164 стр. 12 св. Отъ *fellinus* по аналогіи съ *fellosus* произведено, между прочимъ, и дальнѣйшее образованіе *fellinosus*, извѣстное изъ глоссаріевъ (см. Götz, Thes. s. v.)[1]). Вообще можно замѣтить, что суффиксъ *-osus* нерѣдко служитъ для дальнѣйшаго распространенія такихъ прилагательныхъ вторичнаго образованія, которыя имѣютъ на ряду съ собой дублеты на *-osus:* ср., напр., *frig(i)dosus*[2]) : *frigidus* : *frigerosus; morbidosus* (CGL. V 311, 30) : *morbidus* : *morbosus; tabidosus* (Tertull. *apol.* 14): *tabidus* : *tabiosus* (Tertull. *pud.* 14)[3]), *aureosus* (Cassiod.[?] *in Cant.* 5, 11): *aureus* : *aurosus; sonorosus* (Gild. sap. I 14) : *sonorus* : *sonosus* (?)[4]) и т. п.

164 стр. 1 сн. Съ формой *anguina* (вм. *angues)* можно сопоставить *unguine* и *unguinibus* (вм. *ungue* и *unguibus* отъ *unguis)* въ Mulomedic. Chironis (см. Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 408).

167 стр. 7 св. Вм. „повидимому“ читай „несомнѣнно“.

168 стр. 11 св. Прекрасную аналогію для *aquileus* въ такомъ случаѣ представило бы *cycneus* = *albus* (см. Götz, Thes. gloss. s. v. *cycneus)*.

169 стр. 14 св. (пр.). Замѣчу кстати, что я вполнѣ согласенъ съ В. Шульце (ор. с., стр. 594), что „was Otto

---

[1]) Schönwerth-Weyman (Arch. f. lat. Lex. V, стр. 209), конечно, неправы, утверждая, что это образованіе „ist eine Analogiebildung nach *fellineus*“.

[2]) Ср. выше, стр. 192, пр. 1.

[3]) Кстати: какъ понять образованіе *stipidosus*, извѣстное изъ Апулея (herb. 67 и 74: *radix stipidosa)?*

[4]) См. выше, стр. 195, пр. 4.

Indogerm. Forsch. XV 11 sq. über die Cognomina wie *Helva*, *Pansa* u. a. vorträgt, bedarf m. E. viel besserer Begründung, ehe es für wahrscheinlich gelten darf“.

172 стр. 9 св. Однако вокализмъ прототипа при этимологизаціи Сольмсена остается неяснымъ, такъ какъ пи **mel-no-* ни **mol-no-s*, строго говоря, не могли бы привести къ *mullus*, судя по *pello* (> **pel-nō?)* и *collis* (при лит. *kál-na-s* „гора“): ср. Brugmann, Grundriss I[2], стр. 368.

173 стр. 1 сн. Въ Hesperica famina (494) засвидѣтельствовано еще прилагательное *rubreus* (Arch. f. lat. Lex. II, стр. 261).

174 стр. 4 св. *Russeus* встрѣчается уже у Катона frg. Orig. VII 8 (p. 29, 1): *russeas* (codd. *rusceas)*[1]) *fascias* (см. Arch. f. lat. Lex. I, стр. 584); впослѣдствіи эта форма перешла и въ нѣкоторые романскіе языки: ср., напр., сард. *ruju*, исп. *rojo*, порт. *roxo*, рум. *rusu* (см. ibid. V, стр. 242).

174 стр. 13 сн. Впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ, по показанію Hauler'а (Arch. f. lat. Lex. I, стр. 584), болѣе достовѣрно засвидѣтельствована форма *helviolus*.

175 стр. 2 св. Интересныя подробности о *galbineus* даетъ Гейеръ въ Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 476. Сверхъ перечисленныхъ прилагательныхъ прибавлю еще два: *felineus* „кошачій, кошачьяго цвѣта“ (напр. Serv. *ad. Verg. Georg.* III 82) и *cattineus* съ тѣмъ же значеніемъ (см. Götz, Thes. s. v.) при *felinus* и *cattinus*.

175 стр. 10 св. Съ *coccineus* можно сопоставить еще Not. Tir.: 98, 91[a] *crocineum* и 98, 62 *ianthineum* (при 98, 61: *ianthinum)* (ср. Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 58).

178 стр. 6 сн. Прибавлю еще: *cachinno* : *cachinnosus*, *susurro* : *susurrosus*, *susurrio* : *susurriosus*, *fronto* (и cogn. *Fronto)*: *frontosus*. Этотъ послѣдній примѣръ въ свою очередь приводитъ насъ къ такимъ, какъ *Naso* : *nasosus* (Thes. nov. lat.,

---

[1]) Это исправленіе предложено уже Скалигеромъ.

p. 375), *Oriculo*[1]) (напр. CIL. V 3267, 3805) : *auriculosus* (ср. „Изслѣдов.“, стр. 72, пр. 2)[2]), и, наконецъ, — *Gaudio* (напр. CIL. XV 2448) : *Gaudiosus* (см. выше, стр. 179).

180 стр. 11 сн. Иначе объясняетъ *Fructosus*, *-a* Штольцъ (Histor. Gramm., стр. 286), предполагая здѣсь такое же исчезновеніе *u*, какъ въ *Febrarias* (напр. CIL. XIV 2795, 10). Какое изъ этихъ двухъ толкованій ближе къ истинѣ, сказать трудно.

180 стр. 3 сн. По поводу этой надписи, переданной въ CIL. въ слѣдующей формѣ: *D M S |Bibia Gentosa vixsit| anis* XXXXXXXX, Момсенъ замѣчаетъ однако слѣдующее: „*Gentosa* De la Mare; *Genosa* se ipsum descripsisse adnotat Renierus; fortasse fuit *Bib(enia) I(n)gen(i)osa*“. Такъ или иначе, cogn. *Gentosa* является такимъ образомъ недостовѣрнымъ.

183 стр. 3 св. Прилагательное *vinolentus* засвидѣтельствовано уже у Плавта (*Aul.* 689, *Cist.* I 3, 11).

184 стр. 9 св. Ср. собственное имя *Potonius* (Varro *L. L.* VII 28: *ex epigrammatio Papini: ...te Cascam dicit amica fili Potoni)* — „etwa aus **pōlo*, einem Spitznamen, gebildet, wie *edo, bibo?*“ спрашиваетъ Циммерманъ (Arch. f. lat. Lex. XIII, стр. 478).

186 стр. 9 св. Къ этой же группѣ прилагательныхъ относится и *caerulosus* (Sedul. *pasch. op.* III 219, p. 247, 1 H.).

190 стр. 1 сн. (пр.). Ближайшую аналогію съ *clāmor* представляетъ *rūmor*, на ряду съ которымъ существовалъ, несомнѣнно, гл. **rūmāre*, аналогичный съ *clāmāre* (ср. мои „Изслѣд.“, стр. 58).

192 стр. 4 св. Впрочемъ, гл. *squalēre* образованъ, повидимому, отъ прилагательнаго *squalus*.

---

[1]) О формѣ *oricula* см. Georges, Lex. d. lat. Wortform. стлб. 83, а также Wessner въ Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 477.

[2]) Къ примѣрамъ, приведеннымъ тамъ, прибавлю теперь еще одинъ — *cūlosa* отъ *cūlus* (ср. Landgraf, Arch. f. lat. Lex. XII, стр. 457).

192 стр. 7 сн. Прибавлю еще: *foetosus* : *foetorosus* (Mulomedic. Chiron. 992).

195 стр. 12 св. (пр.). *Murmurium* засвидѣтельствовано еще у Ambr. Autpertus Migne 89, 1330 d. (Arch. f. lat. Lex. III, стр. 261).

201 стр. 13 св. Ср. аналогичныя замѣчанія Функа, Arch. f. lat. Lex. VIII, стр. 388.

210 стр. 4 сн. Другія этимологіи для *rūbus* см. у Вальде (Etym. Wtb. стр. 530).

213 стр. 9 св. Впрочемъ лат. *plēnus* имѣетъ ближайшія соотвѣтствія въ другихъ инд.-евр. языкахъ: ср. нпр. др.-инд. *prāna-s* „полный“, ав. *frāna-* „наполненіе“ и т. п.

213 стр. 3 сн. (пр.). Ср. кромѣ того замѣчаніе Феста (Th. de Pon. p. 290,4): *Plentur antiqui etiam sine praepositionibus dicebant.*

I. Предметный указатель*).

---

*) Какъ въ этомъ указателѣ, такъ и въ слѣдующихъ двухъ знакомъ * отмѣчены теоретическія реконструкціи, знакомъ † — формы и слова, признаваемыя мной несуществующими; (?) послѣ слова или формы указываетъ на ихъ недостовѣрность. Въ данномъ указателѣ слова распредѣлены въ порядкѣ, приноровленномъ къ русскому алфавиту, въ остальныхъ двухъ — къ латинскому.

II. Указатель словъ.

III. Указатель собственныхъ именъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Слѣдуетъ читать*
3	3 сверху (пр.)	IV 466, 4
—	14 снизу „	прим. 4
8	4 сверху	*in* зачеркнуть
—	5 „	*vacans*
—	3 снизу (пр.)	*vacans*
14	6 сверху	приведенiи
21	4 „ (пр.)	*termno-*
—	1 снизу „	*lapis.*
24	1 сверху	*termen : terminare*
28	11 сл. (пр.)	*subitanus* [3])
—	12 сверху	*temporaneus* [4])
44	10 снизу (пр.)	уничтожить запятую послѣ „которомъ“
55	5 „	nicht nachgewiesenen
57	10 сверху	низшихъ божествъ
59	11 „	griechischen
60	2 „	*segestellum*
74	7 „	*elisione*
82	11 „ (пр.)	Ansicht
—	1 снизу „	Отмѣчу
83	11 „	различiя
88	8 сверху	*salsus* > * *sald-tos*
95	9 снизу	Турпилiя
96	3 сверху	zurückgezogenem
99	2 снизу (пр.)	*huius*
100	3 „ „	Кёртингъ
101	3 сверху	словообразовательными
105	3 снизу (пр.)	уничтожить точку послѣ Lex
115	2 сверху	*ĭ*
119	2 „ (пр.)	*Eoas*
120	9 „	интересны... существительныя
123	5 „ (пр.)	Остгофомъ
126	4 „ „	haben
127	3 снизу	*Consilium*
141	4 „ (пр.)	др.-ир.
142	16 сверху	Adjectivbildung
147	6 снизу	*Georg.* III 337
149	4 „	*ventavolo*
162	3 сверху	при-
175	4 „	„пурпуровый“)
—	2 „ (пр.)	*Plumatile*
189	4 снизу	*bibonis*
193	16 сверху (пр.)	для
194	8 „ „	*γογγυςτής*
212	2 снизу (пр.)	языкахъ
208	2 „ „	Lucrèce;
218	7 сверху	*ghrā*
222	4 „	*ghr̥*[1]). Нельзя ли

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОКЪ ОПЕЧАТОКЪ.

Стр.	*Строка* сверху	*Строка* снизу	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
5	—	2	lateinischen	lateinischer
7	5	—	zu vertrauen	vertrauen
21	—	7	стр. 223),	стр. 223;
22	2	—	*dixi*	*dixi,*
31	1	—	Wurzelwariat,	Wurzelvariat.
32	—	7	предложенiе	предположенiе
35	12	—	cognomina.	cognomina?
42	—	9	рыеж	рыж
43	—	4	датальные	дательные
53	—	15	(CGL. V 618, 1)[2])	(CGL. V 618, 1)[2]).
66	—	14	*vidisti*	*vidisti,*
69	12	—	*εψημα*	*ἕψημα*
81	—	1	Нопiя	Нонiя
86	15	—	˘	*ŏ*
89	9	—	какъ *o/e*	*o/e* какъ
104	3	—	pubp˘tum	pulpĭtum
111	8	—	*auctum*	*auctum,*
112	6	—	*continne*	*continue*
114	—	1	Forellini	Forcellini
115	2	—	*ɩ*	*ĭ*
124	—	6	das	dass
143	—	14	Nothbehef	Nothbehelf
145	—	9	cunicu us	cuniculus
149	—	3	*āyusmant*	*āyusmant*
151	—	19	*varnas*	*varṇas*
153	12	—	образованiе[2]).	образованiе?[2])
155	—	7	Vanicek	Vaniček
157	—	7	für.	für
164	—	10	*anguĭneus*	*anguĭneis*
—	—	4	*anguis*	*anguīs*
169	—	12	*αποτετιλμένη*	*αποτετιλμένη,*
184	—	15	*ulator*	*gulator*
186	—	3	innmerus	innumerus
198	—	14	Sogenannten	sogenannten
201	—	3	*Quies,*	*Quies*
—	—	”	*quietus,*	*quietus*
212	16	—	выраженiй	возраженiй
—	—	4	дублеты	дублета
214	9	—	напр.	напр Cic.
215	8	—	*onze*	*once*
220	9	—	*laeta*	*laeta,*
—	—	18	*mitescere*	*mitescere,*